

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
АНТ. П. ЧЕХОВА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Съ двумя портретами — при I и XVII томахъ.

ТОМЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

СОДЕРЖАНИЕ:

Неужная побѣда. — Корреспондентъ. — Живой товаръ. — Цвѣты запоздалые. —
Зеленая коса. — Барыня. — За двумя вайцами погонисься, при одного не поймашь. —
Папаша. — За яблочки. — Передъ свадьбой. — Двадцать девятое іюня (шутка). —
Сельскія картинки. Судъ. — Пропавшее дѣло. — Двадцать девятое іюня. — Который
изъ трехъ. — Сельскіе аскулапы. — Онъ и она.

INSTYTUT
IMPIENI LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA

90-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72

Tel. 26-68-63

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

ANT. P. LEKHOVA

Артистическое заведение Т ва А Ф. Марксъ, Измайл. просп, № 29.

24.113/12

A. Zyzak

<http://rcin.org.pl>

ПОВѢСТИ
И
РАЗСКАЗЫ.

MONROE
II
PABLOVA

НЕНУЖНАЯ ПОБѢДА.

I.

Солнце было на полдорогѣ къ западу, когда Цвибушъ и Илья Собачьи-Зубки свернули съ большой дороги и направились къ саду графовъ Гольдаугенъ. Было жарко и душно.

Въ юнѣ венгерская степь даетъ себя знать. Земля трескается, и дорога обращается въ рѣку, въ которой вмѣсто воды волнуется сѣрая пыль. Вѣтеръ, если онъ и есть, горячь и сушить кожу. Въ воздухѣ тишина отъ утра до вечера. Тишина эта наводитъ на путника тоску. Одни только роскошные, всему свѣту извѣстные, венгерскіе сады и виноградники не блекнутъ, не желтѣютъ и не сохнутъ подъ жгучими лучами степного солнца. Они, разбросанные рукою культурнаго человѣка по сторонамъ многочисленныхъ рѣкъ и рѣчекъ, отъ ранней весны до середины осени щеголяютъ своею зеленью, манятъ къ себѣ прохожаго и служатъ убѣжищемъ всего живого, бѣгущаго отъ солнца. Въ нихъ царятъ тѣнь, прохлада и чудный воздухъ.

Цвибушъ и Илья пошли по длинной аллеѣ. Эта аллея была кратчайшее разстояніе между калиткой, выходящей въ степь, и калиткой, глядящей въ графскій садъ. Она пересѣкала садъ на двѣ равныя части.

— Эта аллея напоминаетъ мнѣ линейку, которой во время дна въ школѣ хлопали твоего отца по рукамъ,— сказалъ Цвибушъ, стараясь увидѣть конецъ аллеи.

Конецъ ея пропадалъ и сливался съ зеленой далью. Солнце не касалось ея. Она была шириною не болѣе сажени, а деревья, стояція по ея сторонамъ, посылали свои вѣтви навстрѣчу другъ другу. Это былъ туннель,

устроенный природой изъ масличныхъ, дубовыхъ, липовыхъ и ольховыхъ вѣтвей. Цвибушь и Плька вошли какъ подъ крышу. Толстый и коротконогій Цвибушь обливался потомъ. Лицо его было багрово, какъ вареная свекла. Онъ то и дѣло утиралъ полою короткой куртки свой влажный подбородокъ. Онъ пыхтѣлъ и сопѣлъ, какъ плохо смазанный молотильный паровикъ.

— Это — божественная прохлада, мой зябликъ! — бормоталъ онъ, разстегивая своими жирными пальцами жилетку и сорочку. — Клянусь моей скрипкой. Не пахнешь ли ты, что мы изъ ада попали въ рай?

Лицо Ильки было не блѣднѣй ея розовыхъ губокъ. На ея большомъ лбу и горбинкѣ носа свѣтились капельки пота. Бѣдная дѣвочка страшно утомилась и едва держалась на ногахъ. Ремень отъ арфы давилъ ей плечо, а острый край не деликатно ерзалъ по боку. Тѣнь заставила ее нѣсколько разъ улыбнуться и глубже вздохнуть. Она сняла башмаки и пошла босикомъ. Маленькія, красивыя, босыя ноги съ удовольствіемъ зашлепали по холодному песку.

— Не посидѣть ли намъ? — предложилъ Цвибушь. — Аллея длинна, какъ языкъ старой дѣвы. Она тянется версты на три!

— Нѣтъ, папа! Если мы сядемъ, то трудно будетъ потомъ вставать. Лучше дойдемъ до конца и тамъ уже отдохнемъ.

— Такъ... Сегодня, мой зябликъ, день твоего рожденія. Что-то подаритъ тебѣ судьба, какой подарочекъ?

— Я желала бы, чтобы судьба подарила мнѣ сегодня обѣдъ...

— Ишь, чего захотѣла! Ха-ха! Много захотѣла! А не жирно ли будетъ, моя дѣвочка? Не хочешь ли еще и поужинать?

— Давно ужъ я не ѣла ничего горячаго... Ты не можешь вообразить себѣ, папа, какъ у меня пересохло въ горлѣ отъ сухого хлѣба и копченой колбасы! Если бы судьба предложила сегодня мнѣ въ подарокъ что-нибудь на выборъ: десять лишнихъ лѣтъ жизни или чашку бульона, — я, не задумываясь, выбрала бы второе.

— И отлично бы сдѣлала. Самый плохой бульонъ во много разъ лучше нашей дурацкой жизни.

— Я выбрала бы второе и съѣла бы, и съ какимъ аппетитомъ! Мнѣ ужасно ѣсть хочется.

Цвибушъ съ участіемъ поглядѣлъ на Ильку и издавъ своими толстыми губами свистящій звукъ. Онъ всегда издавалъ отрывистые, свистящіе звуки, когда его что-нибудь тревожило или заставляло задумываться. Помолчавъ немного, онъ обратилъ на Ильку свои густыя, отвисшія брови, изъ-за которыхъ выглядывали улыбающіеся глаза, и сказалъ:

— Ну, подожди, потерпи... Я предчувствую, что подарокъ, который поднесетъ тебѣ сегодня судьба, будетъ достоинъ нашего вниманія... Хе-хе... Я предчувствую, что мы не даромъ плетемся ко двору благородныхъ графовъ Гольдаугеновъ! Хе-хе... Когда мы войдемъ во дворъ и заиграемъ, насъ засыплютъ презрѣннымъ металломъ. Мы набьемъ наши карманы монетой. Ильку угостятъ обѣдомъ... Хе-хе... Мечтай, Илька! Чего ни бываетъ на свѣтѣ? Авось, все, что я говорю, правда!

Илька поправила на плечѣ ремень отъ арфы и замѣялась.

— Насъ послушаетъ самъ графъ! — продолжалъ Цвибушъ. — И вдругъ, душа моя, ему, графу, залѣзетъ въ голову мысль, что насъ не слѣдуетъ гнать со двора! И вдругъ Гольдаугенъ послушаетъ тебя, улыбнется... А если онъ пьянъ, то, клянусь тебѣ моею скрипкой, онъ броситъ къ твоимъ ногамъ золотую монету! Золотую! Хе-хе-хе. И вдругъ, на наше счастье, онъ сидитъ теперь у окна и пьянъ, какъ сорокъ тысячъ братьевъ! Золотая монета принадлежитъ тебѣ, Илька! Хо-хо-хо...

— Почему же непременно пьяный? — спросила Илька.

— Потому, что пьяный добрей и умней трезваго. Пьяный больше любитъ музыку, чѣмъ трезвый. О, моя сладкоголосая квинта! Не будь на этомъ свѣтѣ пьяныхъ, недалеко бы ушло искусство! Молись же, чтобы тѣ, которые будутъ насъ слушать, были пьяны!

Илька задумалась. Да, Цвибушъ немножко правъ! До сихъ поръ монеты бросали ей большею частью одни пьяные. Не будь пьяныхъ, ей и ея отцу пришлось бы голодать чаще, много чаще. Играть имъ чаще всего приходилось у трактировъ и у кабаковъ, а не передъ чистенькими крылечками трезвыхъ бюргеровъ. Слушали ихъ больше мужчины, отличительной чертой которыхъ служить обрюзгшее лицо, большой красный носъ и безсвязныя пошлыя слова. Илька задумалась на эту невеселую тему, и ей стало горько, досадно. Ей стало понятно те-

перь, почему на козлиное пѣніе и пошлыя шуточки ея отца обращается больше вниманія, чѣмъ на ея пѣсни,— почему очень часто просятъ ея пѣніе замѣнить пляской. Нерѣдко пѣсня ея прерывалась на серединѣ и замѣнялась безсмысленной пляской подъ визжаніе отцової скрипки. До сихъ поръ ни одинъ слушатель не поинтересовался узнать, кто сочинилъ тѣ пѣсни, которыя она поетъ съ такимъ чувствомъ. «Пѣсня о трехъ рыцаряхъ» и безодержательная плясовая выслушивались съ одинаковымъ интересомъ.

— Трезвые презираютъ насъ съ тобой, потому что видятъ въ насъ попрошайку, а пьяные допускаютъ насъ къ себѣ, потому что мы своей музыкой заглушаемъ нѣсколько ихъ головную боль.

Этими словами Цвибушъ довелъ досадующую Ильку до унынія. Ей захотѣлось заплакать и поломать себѣ что-нибудь... хоть пальцы, напримѣръ. Но не ломаются пальцы, какъ ни крути и ни верти ихъ; пришлось ограничиться однѣми только слезами.

— Привѣтствую домъ почтенныхъ графовъ Гольдаугеновъ! — пробормоталъ Цвибушъ.

Онъ увидѣлъ калитку, сотканную изъ тонкой проволоки, увитой цвѣтущимъ горошкомъ.

— Привѣтствую! Человѣкъ, не имѣющій предковъ, вступаетъ въ логовище людей, имѣющихъ предковъ, предковъ-негодяевъ! Лучше ничто, чѣмъ подлое. Въ семнадцатомъ столѣтіи графъ Карлъ Гольдаугенъ, женившись не на дворянкѣ, умеръ отъ угрызенія совѣсти, а его братъ, Морицъ, плясалъ цѣлый мѣсяцъ отъ радости послѣ того, какъ святой отецъ разрѣшилъ ему развестись съ женщиной, которую онъ, Морицъ, обокралъ и вогналъ въ чахотку. Видишь ты, моя птичка, этотъ домъ? Если бы можно было тебѣ раскрыть исторію этого дома и взглянуть въ нее,—ты воскликнула бы: «скотина человѣкъ!», и ты, не знающая ни одного сквернаго слова, выбранилась бы такъ, какъ бранятся... развѣ только русскіе! Помнишь, милая, русскихъ? Ихъ слово такъ же крѣпко, какъ и ихъ холодъ. Да будутъ наши инструменты настроены!

Цвибушъ настроилъ скрипку. Илька фартукомъ отерла съ арфы пыль.

— Судьба, дѣлаемъ тебѣ вызовъ! Поднимаи несуществующую перчатку!

Цвибушъ и Илька вытянулись, приняли веселыя фізіономіи и молодцами вошли въ графскій дворъ. Несмотря на жаркое время, дворъ не былъ пустъ. На немъ кипѣли работы. Человѣкъ двадцать рабочихъ въ синихъ блузахъ, запыленные, закопченные и вспотѣвшіе, мостили асфальтомъ дворъ. Изъ трехъ чановъ валилъ сизый дымъ.

Цвибушъ и Илька бойко подошли къ самому дому. Окнувъ взглядомъ окна, они увидѣли въ самомъ большомъ окнѣ большую человѣческую фізіономію... Фізіономія была красна.

— Графъ! — пробормоталъ Цвибушъ. — Кажется, опъ! Сбывается мое пророчество! И пьянъ къ тому же... Начинай!

Илька ударила по арфѣ. Цвибушъ топнулъ ногой и поднесъ къ подбородку скрипку. Рабочіе, услышавъ музыку, обернулись. Красная фізіономія въ окнѣ открыла глаза, нахмурилась и поднялась выше. Позади красной рожи мелькнуло женское лицо, мелькнули руки... Окно распахнулось...

— Назадъ, назадъ! — послышалось съ окна. — Прочь со двора! Вы! Музыканты, чтобы чортъ васъ взялъ съ вашей музыкой!

Красная фізіономія высунулась изъ окна и замахала рукой.

— Играйте, играйте! — закричалъ женскій голосъ.

Рабочіе оставили работу и, почесываясь, подошли къ музыкантамъ. Они стали впереди, чтобы имъ было видно лицо Ильки.

«Есть на свѣтѣ много странъ, — запѣла Илька, перебирая пальцами струны: — прекрасныхъ, и свѣтлыхъ, какъ солнце, и богатыхъ; и лучше же ихъ всѣхъ Венгрія съ своими садами, пастбищами, климатомъ, виномъ и быками, которые имѣютъ рога въ сажень длиною. Илька любить эту страну. Она любитъ и людей, которые ее населяютъ».

Красная фізіономія улыбулась и масляными глазками уставилась на Ильку.

«Люди ея хороши, — продолжала пѣть Илька. — Они красивы, храбры, имѣютъ красивыхъ женъ. Нѣтъ тѣхъ людей, которые могли бы побѣдить ихъ на войнѣ или въ словесныхъ спорахъ. Народы завидуютъ имъ. Одинъ только и есть у нихъ недостатокъ: они не знаютъ пѣсни.

Пѣснь ихъ жалка и ничтожна. Она не имѣеть задора. Звуки ея заставляютъ жалѣть о Венгріи...»

— Господинъ Пихтерштай, главный управляющій его сіятельства, приказываетъ вамъ спѣть что-нибудь повеселѣй! — пробасилъ подошедшій къ Илькѣ лакей въ красной курткѣ.

Голосъ Ильки умолкъ. Дѣвочкѣ не удалось высказать до конца свою мысль.

— Повеселѣй? Гм... Скажите его сіятельству господину Пихтерштай, что его желаніе будетъ тщательно исполнено! Впрочемъ, я самъ буду имѣть честь объясняться съ нимъ!

Сказавши это, Цвибушъ снялъ шляпу, подошелъ къ большому окну и шаркнулъ ногой.

— Вы приказываете, — спросилъ онъ, почтительно улыбаясь: — спѣть что-нибудь повеселѣй?

— Да.

— Не прикажете ли спѣть пѣсню дипломатическую? Собственнаго моего сочиненія! Эта пѣсня рѣшаетъ одинъ изъ существенныхъ европейскихъ, первой важности, вопросовъ. Вы имѣете честь быть мадьяромъ, ваша свѣтлость?

Красная фізіономія выпустила изъ себя столбъ табачнаго дыма и милостиво кивнула губами.

— Приглашаю господъ патріотовъ внимать! Могу ли я поручиться, господа, за скромность? Нѣтъ ли между вами...

Цвибушъ окинулъ глазами рабочихъ. Тѣ закивали головами и, заинтересованные, подошли ближе.

«Что такое Австрія? — запѣлъ козлинымъ голосомъ Цвибушъ. — Люди политики, князья земли, скажите мнѣ, что такое Австрія? Не есть ли это винегретъ, который готовы проглотить жадные сосѣди? Да, они проглотили бы, если бы въ этомъ винегретѣ не было золотого ерша, которымъ можно подавиться. Этотъ ершъ — Венгрія».

— Bravo, bravo! — забормоталъ толстякъ.

«Австрія есть птица, выкрашенная во сто цвѣтовъ! — продолжалъ пѣть Цвибушъ. — Она состоитъ изъ сотни членовъ. У нея много ногъ, много крыльевъ, много желудковъ, но голова только одна. Эта голова — Венгрія. Нападетъ звѣрь на птицу, проглотитъ всѣ члены, но не раскуситъ ему черепа! Черепъ плотень, какъ становаѣ кость».

— Bravo bravo!

«Есть языкъ французскій, есть нѣмецкій, есть русскій, есть венгерскій. Богатству венгерскаго языка удивляются всѣ мудрецы. Поѣзжайте же, пожалуйста, въ Вѣну и спросите, гдѣ живетъ тотъ сфинксъ, который говорить по-австрійски?»

— Bravo, bravo! На тебѣ!

Крупная серебряная монета, сверкая, слетѣла съ окна и со звономъ покатила къ ногамъ Цвибуша. Другая такая же монета ударила о башмакъ Ильки. Цвибушъ поднялъ монету и закричалъ:

— Тысячу благодарностей! Пойду и выпью за здоровье вашей чести! Буду пить и, клянусь своей толстой мордой, не буду дышать! За ваше здоровье я буду пить двумя горлами: обыкновеннымъ и дыхательнымъ! Не до дыханія будетъ!

Цвибушъ взмахнулъ шляпой. Въ это время въ окнѣ случилось нѣчто неожиданное. Красная физиономія поблѣвѣла, дѣвушка вскрикнула, и окно внезапно захлопнулось. Рабочіе попятились назадъ и вытянулись въ струнку. Цвибушъ махнулъ шляпой назадъ и почувствовалъ за шляпой нѣкоторое препятствіе. Онъ оглянулся и присѣлъ. Около него стояла на дыбахъ, испуганная неделикатной шляпой, красивая, вороная лошадь. На лошади сидѣла высокая, стройная, извѣстная всей Венгріи красавица, жена графа Гольдаугенъ, урожденная баронесса фонъ-Гейленштраль. Цвибушъ увидѣлъ предъ собой красивѣйшую женщину, полную красоты, молодости, достоинства и... гнѣва. Она усмирила лошадь и, блѣдная, дрожащая отъ гнѣва, пуская глазами молніи, взмахнула хлыстомъ.

— Негодяй! — прошептала она и чуть не слетѣла съ сѣдла, когда Цвибушъ, оглушенный ударомъ, покачнулся и, падая на землю, ударился о переднія ноги вороной лошади.

Онъ не могъ не упасть.

Ударъ пришелся по виску, щекѣ и верхней губѣ. Графиня била изо всей силы.

Другое женское лицо, лицо гётевской Гретхенъ и Ильки, окаймленное милліардами бѣлокурыхъ волосъ, прекрасное и молодое, исказилось гнѣвомъ и невыразимымъ отчаяніемъ. Оно поблѣднѣло, искривилось... По нему пробѣжали судороги. Илька оскалила по-собачьи свои бѣлые зубы, сдѣлала шагъ впередъ и, не найдя на землѣ камня,

пустила въ графиню Гольдаугенъ серебряной монетой. Монета коснулась только вьющейся по вѣтру вуали и полетѣла къ дому. Наступило странное, тяжелое молчаніе. Графиня и бѣлокурая головка впились другъ въ друга глазами. Молчаніе длилось минуту. Графиня подняла хлысть, но, увидѣвъ блѣдное, несчастное, искаженное лицо, опустила медленно руку и медленно поѣхала къ дому. Подѣхавъ къ крыльцу, она два раза оглянулась.

— Пусть они уйдутъ! — крикнула она.

Цвибушь поднялся, отряхнулъ пыль и, улыбаясь сквозь кровь, струившуюся по лицу, подошелъ къ окаменѣвшей Илькѣ.

— Ты удивляешься, мой другъ? — заговорилъ онъ. — Хо-хо! Твоего отца побили? Не удивляйся! Его побили не въ первый, а въ сорокъ первый разъ! Пора привыкнуть!

Илька схватила отца за руку и, дрожа всѣмъ тѣломъ, пршала къ нему.

— О, какъ я счастливъ! — заговорилъ Цвибушь, стараясь, чтобы кровь съ его лица не капала на голову Ильки. — Какъ я счастливъ! Какъ мнѣ благодарить ея сіятельство! Моя скрипка цѣла! Я не раздавилъ своей скрипки!

И, схвативъ въ одну руку арфу, а другой обхвативъ плечи Ильки, Цвибушь быстро зашагалъ обратно къ аллеѣ.

II.

Въ ту самую минуту, когда покажется конецъ аллеи, выходящей въ степь, нужно начать считать на лѣвой сторонѣ буковые деревья. Между восьмымъ и девятымъ букомъ опытный глазъ можетъ замѣтить слѣды когда-то существовавшей, а теперь заброшенной тропинки. Эта тропинка вьется змѣйкой къ часовнѣ, около которой можно найти воду. Цвибушь зналъ о существованіи этой тропинки. Онъ сосчиталъ восемь и повернулъ влѣво. Илька послѣдовала за нимъ. Имъ пришлось продираться сквозь густую чащу репейника, дикой конопли, болиголова и крапивы. Крапива безжалостно кусала имъ руки, шею и лица, а тяжелый запахъ конопли и болиголова не давалъ имъ дышать. Плечи Цвибуша и Ильки покрылись паутиной. Въ паутинѣ карабкались и путались паучки, большія мухи и кузнечики. Большіе пауки дѣлали непривычныя salto mortale съ ихъ плечъ на траву. Нашимъ путникамъ пришлось нарушить покой тысячамъ жизней.

Часовня стояла на полянѣ, поросшей высокою травой, на четвертичасовомъ разстояніи отъ аллеи. Это была робко высившаяся надъ травой, облупившаяся, поросшая мхомъ, лебедой и плющемъ, церковочка. На порыжѣвшей отъ солнца, конусообразной, гладкой крышѣ стоялъ высокій бронзовый крестъ. Этотъ крестъ и служилъ путеводной звѣздой для Цвибуша.

— Если ручей высохъ, — сказалъ Цвибушъ: — то подарокъ судьбы будетъ много злѣе подарка, который поднесла намъ ея сіятельство. Мои внутренности сухи, какъ пергаментъ.

Но ручей не высохъ. Когда Цвибушъ и Илька подошли къ часовнѣ и сняли съ своихъ плечъ паутину, на нихъ пахнуло свѣжестью, и послышалось журчаніе. Цвибушъ широко улыбнулся, положилъ арфу и скрипку на ступени часовни и быстро зашагалъ вокругъ часовни, описывая своими короткими ногами спираль.

— Журчитъ... но въ какой сторонѣ, чортъ возьми? — захохоталъ онъ. — Ручей, гдѣ ты? Куда идти къ тебѣ? О, память дурацкая! Пилъ изъ тебя два раза, ручей, и, неблагодарный, забылъ, гдѣ ты! Узнаю въ себѣ человека! Мы не забываемъ ничего, кромѣ нашихъ благодѣтелей! О, люди! Ха-ха...

Илька, обладавшая болѣе тонкимъ слухомъ, могла бы указать, въ какой сторонѣ шумитъ ручей, если бы не то страшное оскорбленіе, которое такъ недавно нанесли ея старому и, по ея мнѣнію, больному отцу. Она машинально слѣдовала за шагавшимъ отцомъ, ничего не видя, не слыша и не понимая. Ей было не до утомленія и не до жажды. Все уступало мѣсто сильному, молодому, справедливому гнѣву. Она шла, глядѣла въ землю и кусала верхнюю губу.

Глухой на одно ухо, Цвибушъ описывалъ спираль до тѣхъ поръ, пока не набрелъ на такое мѣсто, гдѣ уже ясно слышалось сердитое ворчанье и гдѣ подъ ногами чувствовалась мягкая, влажная земля.

— Ручей долженъ быть подъ липами! — сказалъ Цвибушъ. — Вотъ она, одна липа! А гдѣ же еще двѣ? Ихъ было ровно три, когда я десять лѣтъ назадъ пилъ здѣсь воду... Вырубили! Бѣдныя липочки! И онѣ понадобились кому-то. А вотъ оно и искомое... Мое почтеніе! Пьемъ, Илька, за твое здоровье!

Цвибушъ опустился на колѣни, бросилъ въ сторону

шляпу и прильнулъ пылающимъ лицомъ къ холодной, сверкающей поверхности... Илька машинально опустилаcь на одно колѣно и послѣдовала примѣру отца. Цвибушъ пилъ ртомъ и глазами. Опъ видѣлъ въ водѣ свою покрытую кровью физиономію и, глядя на кровоподтеки и ссадины, готовилъ подходящую острогу. Но острота вылетѣла изъ головы, и вода полилась изъ рта обратно, когда онъ на зеркальной поверхности рядомъ со своимъ лицомъ увидѣлъ лицо Ильки. Опъ пересталъ пить и подпаялъ голову.

— Илька! — сказалъ опъ, хмурясь. — Слышишь, дѣвочка? Перестань скалить зубы! Ты не собака! Я этого не люблю! Не будь душой!

Илька подняла голову и влажной ладонью провела себѣ по лбу.

— Я не люблю этого! — продолжалъ Цвибушъ. — Оставь свою глупую привычку скалить зубы отъ всякаго пустяка! Будь умницей! Зачѣмъ сердиться? Ты блѣдна, какъ мертвецъ, и дрожишь! Смотри, глупая, какъ умрешь отъ злости, такъ будешь знать! Перестань! Ну!..

— Не могу... Никто не имѣетъ права, папа Цвибушъ, бить тебя по лицу. Никто!

— Неужели? А я этого не зналъ? И безъ тебя знаю! Ни по лицу, ни по спинѣ, ни по животу... Но что же ты хочешь?

Илька провела еще разъ ладонью по лбу и прошептала:

— Я хочу, чтобы никто не смѣлъ бить тебя. Я хочу... я хочу ей отомстить.

Цвибушъ издалъ свистящій звукъ, нагнулся къ водѣ и началъ мыть свое лицо. Умывшись, онъ утерся руками и сказалъ:

— Нелѣпость, Илька! Пей, если еще не напилась, и пойдѣмъ къ нашимъ инструментамъ. Довольно болтать глупости!

Цвибушъ поднялъ за руку Ильку и, поглаживая животъ, направился къ часовнѣ.

— Давай-ка лучше, чѣмъ сердиться, часовню посмотримъ! — предложилъ Цвибушъ.

Множество зеленыхъ и сѣрыхъ ящерицъ бросилось къ щелямъ и въ траву, когда Цвибушъ и Илька подошли къ часовнѣ. Дверь часовни съ заржавленными крючьями была наглухо забита досками. Надъ дверью, на гладкой деревянной доскѣ были прибиты мѣдные буквы. Буквы

были, разумѣется, латинскія. Цвибушъ прочелъ и перевелъ Илькѣ слѣдующее:

«Францискъ Гольдаугенъ.— 1806. Прохожій, молись, чтобы святые ангелы сохранили его душу для рая!»

Стекла въ двухъ окнахъ были разбиты. Осколки ихъ, торчавшіе въ полусгнившихъ рамахъ, отливали радужными цвѣтами. Третье окно было заткнуто ячменнымъ снопомъ. Окна были царствомъ паутины и пыли.

— Францискъ Гольдаугенъ! — крикнулъ въ окно Цвибушъ

— Гольдаугенъ! — отвѣтило эхо.

— Францискъ Гольдаугенъ — это братъ дѣдушки нынѣшняго графа, — сказалъ Цвибушъ, обращаясь къ Илькѣ. — Въ 1806 году онъ, возвращаясь со свиданія, на этомъ самомъ мѣстѣ былъ убитъ своимъ старымъ камердинеромъ, который мстилъ за свою дочь. Такъ говорятъ одни; а другіе говорятъ, что онъ подрался съ своимъ племянникомъ изъ-за какой-то дѣвочки и былъ убитъ. Какъ бы тамъ ни было, а камердинеръ былъ повѣшенъ на этомъ самомъ мѣстѣ. «Не убивай», — говоритъ заповѣдь Господня, въ домахъ же, лѣсахъ и садахъ Гольдаугеновъ не знали заповѣдей Божьихъ. Погляди-ка, Илька, въ окно... Видишь св. Франсиска? Лицо желто-зеленое, страшное... Теперь это изображеніе погасло, во время же оно было отлично видно и на глупыхъ людей и женщинъ наводило ужасъ. Въ особенности страшно было это лицо, когда передъ нимъ горѣла, какъ теперь помню, синяя лампада... И меня морозъ дралъ по спинѣ, когда я смотрѣлъ на это лицо. Суть въ томъ, моя дѣвочка, что художникъ, писавшій этотъ образъ, бѣжалъ, не окончивъ своей работы. Онъ не дописалъ лѣваго глаза, а потому правый глазъ и выдѣлялся такъ сильно и рѣзалъ наши суевѣрные глаза. Лицо было тоже не окончено. Была одна только подмалевка, какъ говорятъ художники. Художникъ бѣжалъ, потому что влюбился въ графиню. Чудакъ видѣлъ въ ней неприступную крѣпость. Болванъ! Стоило бы ему только дать ей понять, и она повисла бы на его шеѣ. Женщины всегда были хрупки. Онъ не отступаютъ отъ мужчинъ тамъ, гдѣ дѣло касается того, чего тебѣ не слѣдуетъ знать, моя невинность.

Цвибушъ умолкъ и посмотрѣлъ на Ильку. Илька его не слушала. Она глядѣла въ землю, шептала что-то гу-

бами и шевелила пальцами, какъ бы разсуждая съ собой. Цвибушь издалъ свистящій звукъ и задумался.

— Послушай, рыжая! — сказалъ онъ, нахмуривъ брови. — Не люблю я этого! Ты опять начинаешь скалить зубы! Пойдемъ, сядемъ!

Цвибушь и Илька сѣли на горячія егулени чашовни.

— Гдѣ у тебя голова, дѣвочка? — продолжалъ Цвибушь, глядя на блѣдное лицо дочери. — Отчего ты не разсуждаешь логично? Изъ дерева нельзя сдѣлать стали, изъ тряпокъ не выльешь колокола. Крыса не можетъ родить лебедя. Отъ той женщины, родившейся отъ извѣстнаго рода людей, нельзя ожидать ангельскихъ поступковъ. Ея дѣды и отцы волки; можетъ ли она вопреки законамъ природы родиться ягненкомъ? И она волкъ! Волкъ отъ головы до пятокъ! Будучи же волкомъ, она не могла иначе поступить... Чтѣ же ты еще хочешь? А волковъ учить кушать сѣно — не наше дѣло... Разсуждай логично! Она урожденная баронесса Гейленштраль; а кто такіе Гейленштрали? Это тѣ же Гольдаугены. Первый Гейленштраль былъ побочнымъ сыномъ Артура Гольдаугена. Баронство получилъ онъ во время тридцатилѣтней войны, только благодаря своему родству съ Гольдаугенами. Потомъ Гольдаугены женились на Гейленштраляхъ, вторыя выходили замужъ за первыхъ и т. д. Въ результатѣ получились два рода, ничѣмъ не отличающіеся одинъ отъ другого. Чтѣ же ты хочешь? Не хочешь ли ты, чтобы въ то время, когда Гольдаугенъ дерется, Гейленштраль полѣзъ къ тебѣ цѣловаться? Гм... нѣтъ, моя милая! Сердиться на волковъ за то, что имъ природа дала острые зубы, могутъ только такія мало-знайки, какъ ты.

Цвибушь помолчалъ и продолжалъ:

— А что здѣсь важную роль играетъ природа, прекрасно видно изъ исторіи Гольдаугеновъ. Первый Гольдаугенъ появился въ исходѣ крестовыхъ походовъ. Звали его золотоглазымъ вампиромъ. Волосы на его головѣ и бородѣ были черны, какъ уголь, а брови и рѣсницы были бѣлокуры. Благодаря этой игрѣ природы, его и прозвали Гольдаугеномъ *). Въ его золотыхъ глазахъ, го-

*) Гольдаугенъ въ переводѣ на русскій языкъ значитъ — «Золотые глаза».

ворить исторія, рядомъ съ замѣчательнымъ умомъ свѣтилась смѣсь лукавства и ловкости рыси съ кровожадностью голоднаго барса. Это была бѣшеная собака въ самомъ худшемъ смыслѣ этого слова. Онъ жралъ человѣческую кровь такъ же легко, какъ мы воду, покупалъ и продавалъ людей съ беззастѣнчивостью Іуды. Сжечь деревню для него было много легче, чѣмъ для насъ выкурить сигару. Онъ жегъ и съ восторгомъ глядѣлъ на пламя. Когда побѣдители, съ Готфридомъ Бульонскимъ во главѣ, молились впервые у гроба Господня, онъ рыскалъ по окрестностямъ Іерусалима и напизывалъ на пикн головы сарацинъ. И въ эту великую минуту онъ не измѣнилъ себѣ! Ему, говорить архивъ, страстно хотѣлось помолиться, но инстинктъ бѣшеной собаки потянулъ его въ другую сторону, къ разрушенію, къ крови. Это страшное уродство, моя милая! Нельзя думать, чтобы золотокій человѣкъ былъ виноватъ въ своемъ уродствѣ. Человѣку не дойти самому до такихъ ужасающихъ мерзостей, какъ не додуматься ему до шестого пальца на рукѣ. Природа виновата. Она дала ему волчій мозгъ. Отъ золотоокаго родился сынъ, отличавшійся отъ отца только тѣмъ, что не имѣлъ золотыхъ глазъ... уродство перешло и къ нему: viuкъ имѣлъ золотые глаза и то же уродство. И такъ далѣе. Нынѣшній графъ не имѣетъ золотыхъ глазъ. Въ прошломъ году умеръ его сынъ, мальчишка, который имѣлъ золотые глаза. И такъ, золотые глаза передаются черезъ человѣка, а уродство стало удѣломъ каждаго. Гольдаугенамъ, какъ видишь, моя милая, такъ же трудно отдѣлаться отъ волчьихъ мозговъ, какъ и отъ золотыхъ глазъ. Ну, теперь и посуди, моя милая, въ силахъ ли была та красавица не хлестануть меня по губамъ? Природа взяла верхъ надъ разсудкомъ, и ей иначе поступить было нельзя!

— Все это ты врешь, отецъ! — взвизгнула Илька, топнувъ ногой. — Ты врешь! Твоимъ губамъ нѣтъ дѣла до ея уродства, до ея природы! Намъ нѣтъ дѣла! Ты все это говоришь только потому, что мнѣ вредно сердиться. Но я ей покажу! Я ей не... не прощу! Пусть меня Богъ накажетъ, если я прощу ей эту обиду!

— Кому бы другому, а не тебѣ, ягненокъ, такъ храбриться! Ягненку храбриться противъ волка — значитъ только терять напрасно слова... Замолчимъ лучше!

Илька поднялась, накинула на плечо ремень арфы и подбородкомъ указала на тропинку.

— Отдохнуть развѣ не хочешь? — спросилъ отецъ.

Илька промолчала. Цвибушъ всталъ, взявъ подъ мышку скрипку, крикнулъ и зашагалъ къ аллеѣ. Онъ привыкъ слушаться Ильку.

Часъ спустя они шли уже, едва волоча свои утомленные ноги, по пыльной, горячей дорогѣ. Впереди ихъ, за полосой синѣвшихъ рощъ и садовъ, бѣлѣли колокольни и ратуша маленькаго венгерскаго городка. По лѣвую руку пестрѣла красивая деревушка Гольдаугенъ.

— Гдѣ есть судъ? Здѣсь или тамъ? — спросила Илька, указывая на городъ и деревню.

— Судъ? Гм... Судъ есть и въ городѣ и въ деревнѣ. Въ городѣ судятъ, мое золото, городскихъ, а въ деревнѣ гольдаугенскихъ...

Илька остановилась и, послѣ нѣкотораго размышленія, пошла по дорогѣ, ведущей въ деревню.

— Куда? Зачѣмъ ты? — спросилъ Цвибушъ. — Что тебѣ тамъ дѣлать? Храни тебя Богъ ходить къ этимъ мужикамъ!

— Я, папа Цвибушъ, иду туда, гдѣ судятъ гольдаугенскихъ.

— Для чего же? Ради Бога! Ты сумасбродка, душа моя! Въ городѣ мы можемъ пообѣдать и выпить пива, а здѣсь же что мы будемъ дѣлать?

— Что дѣлать? Очень просто! Мы будемъ судиться съ той безсовѣстной негодяйкой!

— Да ты дура, дочка! Ты съ ума сошла! Ты потеряла всякое умѣнье соображать, голубушка! Или ты, можетъ-быть, шутишь?

— Не шучу я, отецъ! Я удивляюсь даже, какъ это ты, при всемъ своемъ самолюбіи, можешь относиться такъ хладнокровно къ этой обидѣ! Коли хочешь, ступай въ городъ! Я сама пойду въ судъ и потребую, чтобы ее наказали!

Цвибушъ взглянулъ на лицо Ильки, пожалъ плечами и пошелъ за непослушной дочкой, бормоча, жестикулируя руками и издавая свистящіе звуки.

— Дура ты, Илька! — сказалъ онъ, вздыхая, когда они переходили черезъ мостъ, переброшенный черезъ рѣку. — Дура! Назови меня лысымъ чортомъ, если только ты не выйдешь изъ этой деревни съ носомъ! Извини меня,

дочка, но, честное слово, ты сегодня глупа, какъ пещарь!

Они прошли мостъ и выступили въ деревню. На улицахъ не было ни души. Все было занято полевыми и садовыми работами. Долго пришлось имъ колесить по деревнѣ и водить вокругъ глазами, пока имъ не попалась навстрѣчу маленькая, сморщенная, какъ засохшая дынная корка, старуха.

— Позвольте спросить, — обратилась Илька къ старухѣ: — гдѣ живетъ здѣсь судья?

— Судья? У насъ, барышня, три судьи, — отвѣчала старуха. — Одинъ изъ нихъ давно ужъ никого не судить. Онъ лежитъ, разбитый параличомъ, десять лѣтъ. Другой не занимается теперь дѣломъ, а живетъ помѣщикомъ. Онъ женился на богатой, взявъ въ приданое землю, — до суда ли ему теперь? Но и онъ уже старикъ... Женился лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда у меня померъ мой старшій сынъ, помани, Господи, его душу...

— А третій? Гдѣ живетъ третій?

— Третій? Третій еще судить... Но тоже уже никуда не годится... Старичокъ! Ему бы спать теперь въ могилѣ, а не драки разбирать... Живетъ онъ... Видите зеленое крыльцо? Ну, тамъ онъ и живетъ...

Цвибушъ и Илька поблагодарили старуху и направились къ зеленому крыльцу. Судью они застали дома. Онъ стоялъ у себя на дворѣ, подъ старой, развѣсистой шелковицей и палкой сбивалъ черныя переспѣлыя ягоды. Губы его и подбородокъ были выкрашены въ лиловый, синій и бакановый цвѣта. Ротъ былъ полонъ. Судья жевалъ лѣнивѣе быковъ, которымъ надоѣло жевать свою жвачку.

Цвибушъ снялъ шляпу и поклонился судьѣ.

— Осмѣливаюсь обезпокоить вашу честь однимъ единственнымъ вопросомъ, — сказалъ онъ. — Вы изволите быть судьей?

Судья обвелъ глазами своихъ непрошенныхъ гостей и, проглотивъ жвачку, сказалъ:

— Я судья, но только до обѣда.

— А вы изволили уже покушать?

— Ну, да... Я обѣдаю въ половинѣ третьяго... Это вамъ должно быть извѣстно. По праздникамъ я обѣдаю въ половинѣ второго.

— *Plenus venter non studet libenter*, ваша честь!

Хе-хе-хе... Вы изволите говорить истину. Но, ваша честь, нѣтъ правилъ безъ исключеній!

— У меня есть... Я не признаю въ данномъ случаѣ исключеній... Я сужу людей только натошакъ, старина, когда я менѣе всего расположенъ сентиментальничать. Десять лѣтъ тому назадъ я пробовалъ судить послѣ обѣда... И чтò же выходило? Знаешь, чтò выходило, старина? Я приговаривалъ къ наказанію одной степенью ниже... А это не всегда справедливо! Однако ты толстъ, какъ сорокаведерная бочка! Ты, вѣроятно, ѣшь много? И тебѣ не жарко носить на себѣ столько лишняго мяса? А это чтò за дѣвочка?

— Это, ваша честь, моя дочь... Она-то и является къ вамъ просительницей.

— Гм... Такъ... Подойди поближе, красавица! Чего тебѣ нужно?

Илька подошла къ судѣ и дрожащимъ голосомъ рассказала ему все то, чтò произошло во дворѣ графовъ Гольдаугеновъ. Судья выслушалъ ее, посмотрѣлъ на губы Цвибуша, улыбнулся и спросилъ:

— Такъ чтò же тебѣ, красавица, нужно?

— Я хочу, чтобы вы наказали эту женщину!..

— Такъ... Хорошо... Съ большимъ удовольствіемъ! Сей-часъ же мы засадимъ ее въ тюрьму... Послушай, старина, — обратился судья къ Цвибушу. — Ты гдѣ породилъ эту красотку, на лунѣ или на землѣ?

— На землѣ, ваша честь! На лунѣ нѣтъ женщинъ, ваша честь, а потому тамъ едва ли возможно выпить стаканъ вина за здоровье роженицы!

— Если на землѣ, то почему же она не знаетъ, что... Какіе же вы дураки, господа! Ахъ, какіе дураки! Вы и дураки и чудаки!

— Почему же? — спросила Илька.

— Вѣроятно, потому, что мозговъ нѣтъ... Гольдаугены меня кормятъ и поятъ, а я ихъ судить стану! Ха-ха-ха! Гольдаугены графы, а она дочь цыгана, плохого скрипача, котораго слѣдуетъ высѣчь за то, что онъ плохо играетъ на скрипкѣ! Чудаки! Нѣтъ, не на землѣ вы родились! Да захочетъ ли она съ тобой судиться? Она нарисуетъ на повѣсткѣ, которую я ей пошлю, рожу съ большимъ носомъ и броситъ ее подъ столъ! А гдѣ твои свидѣтели? Рабочіе? Держи кармапъ! Они не такіе миллионеры, чтобы отказываться отъ куска хлѣба! Ха-ха-ха!

Нашла съ кѣмъ судиться, чудачка! Нѣтъ, не ерунди, красавица! Обидно, это правда... но что же подѣлаешь? Свѣта бѣлаго не передѣлаешь!

— Но что же мнѣ дѣлать?

— Дать тряпку твоему отцу, чтобы онъ завязалъ себѣ губу. Отъ мухъ ранка можетъ прикинуться... Свинцовой примочки купи... Только это я и могу посовѣтовать... Дать тебѣ еще совѣтъ, красавица? Изволь! Возьми своего толстаго папашу подъ ручку и уходи... Не могу видѣть дураковъ! Избавьте себя отъ присутствія судьи неправеднаго, а мнѣ дайте возможность не бесѣдовать съ вами.

— Но что же мнѣ дѣлать? — опять спросила Илька, ломая пальцы.

— Гм... Третьяго совѣта хочешь? Изволь! Сдѣлайся такой же графиней, какъ она. Тогда ты будешь имѣть полное право судиться съ ней! Полное право! Ха-ха-ха! Сдѣлайся графиней! Честное слово! Ты тогда будешь судиться съ ней, сколько твоей душѣ угодно! Никто и ничто не помѣшаетъ! Впрочемъ... прощайте! Мнѣ некогда! Оставьте меня. Пока ты не графиня, я имѣю еще право гнать тебя такъ неделикатно подальше отъ моего полного желудка и лѣниваго языка! Маршъ, старина! Свинцовой примочки не забудь купить!

Судья отвернулся и принялся за ягоды. Цвибушъ и Илька вышли со двора и пошли къ мосту. Цвибушу хотѣлось остаться отдохнуть въ деревнѣ, но не хотѣлось дѣйствовать наперекоръ Илькѣ... Онъ поплелся за ней, проклиная голодъ, щемившій его желудокъ. Голодъ мѣшалъ ему соображать...

— Мы, дочка, въ городъ? — спросилъ онъ.

Илька не отвѣчала. Когда они вошли въ рощу, принадлежащую гольдаугенскимъ крестьянамъ, Цвибушъ спросилъ:

— Ты, Илька, сердисься? Отчего ты не отвѣчаешь на мой вопросъ?

Вмѣсто отвѣта Илька зашаталась и схватила себя за голову.

— Что съ тобой, дочка?

Дочка остановилась и повернула къ отцу свое лицо. Лицо было искажено скверной, злой улыбкой. Зубы были оскалены по-собачьи.

— Ради Бога, что съ тобой?

Илька подняла вверхъ руки, откинула назадъ голову и широко раскрыла ротъ... Рѣзкій грудной крикъ понесся по рощѣ. Крупныя слезы ручьемъ поилились изъ голубыхъ глазъ дочери оскорбленнаго отца... Илька зарыдала и захохотала.

— Что съ тобой? Можно ли такъ сердиться?

Цвибушъ заплакалъ и принялся цѣловать свою дочь.

— Можно ли такъ? Сядь, Илька! Ради Бога, сядь! Ну, да садись же!

Цвибушъ положилъ свои большія потныя руки на ея прыгающія плечи и подавилъ внизъ.

— Сядь! Мы посидимъ въ тѣни, и ты успокоишься! Идемъ подъ эту вербу! А вотъ и ручей! Хочешь водичицы? Вербы всегда растутъ у воды. Гдѣ есть вербы, тамъ слѣдуетъ искать воду! Сядемъ!

Цвибушъ понесъ Ильку къ вербѣ, согнулъ ея колѣни и посадилъ на траву. Рыданія становились все сильнѣй и сильнѣй...

— Полно, дочь моя! Имѣемъ ли мы право такъ оскорбляться? Развѣ мы никого не оскорбляемъ? Можешь ли ты поручиться, что твой отецъ никого никогда не оскорблялъ безнаказанно? Оскорблялъ я! Миѣ сегодня только заплатили.

Раздался выстрѣлъ. Цѣпляясь за вѣтви, шелестя и хлопая крыльями, слетѣла съ вербы птица и упала на фартукъ Ильки. То была молодая орлица. Одна дробиная попала ей въ глазъ, а другая раздробила клювъ...

— Посмотри, моя милая! Въ лицѣ этой птицы сильно оскорблена природа... Это оскорбленіе много выше нашего... Терпитъ природа... Не наказываетъ же, не мститъ...

Затрещали кусты, и Цвибушъ увидаль передъ собой высокаго, статнаго, въ высшей степени красиваго челоувѣка съ большой окладистой бородой и смуглымъ лицомъ. Онъ держалъ въ одной рукѣ ружье, а въ другой соломенную шляпу съ широкими полями. Увидѣвъ свою дичь на колѣняхъ хорошенькой, рыдающей дѣвушки, онъ остановился, какъ вкопанный.

— Впрочемъ, этотъ челоувѣкъ уже наказанъ! — сказалъ Цвибушъ. — Сильно наказанъ! Его грѣхи блѣднѣютъ передъ той карой, какую онъ несетъ! Рекомендую тебѣ, Илька, графа Вунича, барона Зайницъ. Здравствуйте, графъ и баронъ! Чего въ васъ больше, графства или

баронства? Въ вашей чертовски-красивой фигурѣ много того и другого... Вотъ она, ваша дичь! Моя дочь отпѣваетъ ее.

Баронъ Артуръ фонъ-Зайницъ—мужчина лѣтъ двадцати восьми, не болѣе, но на видъ ему за тридцать. Лицо его еще красиво, свѣжо, но на этомъ лицѣ, у глазъ и въ углахъ рта, вы найдете морщинки, которыя встрѣчаются у людей уже пожившихъ и многое перенесшихъ. По прекрасному, смуглому лицу бороздой проѣхала молодость съ ея неудачами, радостями, горемъ, попойками, развратомъ. Въ глазахъ сытость, скука... Губы сложены въ покорную и въ то же время насмѣшливую улыбку, которая сдѣлалась привычной... Черные волосы барона фонъ-Зайницъ длинны и вьются кудрями. Они напоминаютъ собой волосы молоденькой институтки, еще не завивавшей своихъ волосъ въ косы. Артуръ рѣдко купается, а поэтому и волосы его и шея грязны и лоснятся на солнцѣ. Одѣтъ онъ небогато и просто... Костюмъ его незатѣйливъ и крайне неопредѣлененъ... Воротнички грязной сорочки выдаютъ, что баронъ не слѣдуетъ модѣ. Такіе воротнички носили четыре года тому назадъ. Галстукъ черный, потертый и ленточкой; его узелъ, связанный некрасиво и наскоро, сползъ на сторону и грозитъ развязаться... Куртка и жилетъ роскошны: они покрыты пятнами, но они новы. Сшиты они изъ дорогой сѣрой матеріи, приготовленной изъ лучшаго козьяго пуха. Потертая, давно уже отживающія свой вѣкъ, шелковыя панталоны плотно облекаютъ его мускулистыя бедра и очень красиво телятся выине колѣнъ въ складкахъ высокихъ, блестящихъ голенищъ. Каблуки на сапогахъ искривлены и наполовину стерты. На жилеткѣ изъ козьяго пуха покоится цѣпочка изъ новаго металла. Къ цѣпочкѣ прицѣплено шесть золотыхъ медальоновъ, золотой аистъ съ брилліантовыми глазами и маленькое, очень искусно сдѣланное ружье съ золотымъ дуломъ и платиновымъ прикладомъ. На прикладѣ этого ружья можно прочесть слѣдующее: «Барону Артуру фонъ-Зайницъ. Общество вайстафскихъ и соленогорскихъ охотниковъ». Не спрашивайте у барона, который часъ: къ карманному концу цѣпочки прицѣплены не часы, а ключъ и оловянный свистокъ.

Родъ бароновъ Зайницъ не можетъ похвалиться своею древностью. Онъ ведетъ свое начало съ перваго десятилѣтія настоящаго столѣтія, только. У Артура хранится

«Исторія бароновъ фонъ-Зайницъ», маленькая брошюрка, заказанная во время оно отцомъ Артура, Карломъ, одному заѣзжему ученому шведскому пастору. Услужливый пасторъ взялъ большія деньги и, сочиняя родословное дерево милостивыхъ бароновъ, не щадилъ ни бумаги ни правды. Родословную повелъ онъ съ одиннадцатаго столѣтія. Брошюркѣ этой, разумѣется, многіе повѣрили; повѣрили въ особенности тѣ, которымъ не было надобности контролировать пастора. Но Зайницамъ пришлось покраснѣть за свою брошюру, когда очень услужливая плюстрированная газета, желая прислужиться, напечатала ихъ гербъ и родословную, болѣе похожую на правду, чѣмъ та, за которую было заплачено пастору. Первый баронъ фонъ-Зайницъ былъ простой дворянинъ, женатый на дочери банкира, выкрестившагося еврея. Это была личность ничтожная во всѣхъ отношеніяхъ, пресмыкающаяся, вѣчно голодная и любящая деньги больше всего на свѣтѣ. Она невидимо прожила бы свой вѣкъ и навсегда стусевалась бы въ памяти людской, если бы не fortuna, которая улыбалась ей и милостиво и постоянно. У перваго Зайница было два брата. Одинъ изъ нихъ былъ іезуитомъ, читалъ въ какомъ-то университетѣ физику и собственными руками пробилъ себѣ путь къ кардинальству. Другой братъ былъ придворнымъ поэтомъ и зятемъ лейбъ-медика. Благодаря сильной протекціи этихъ двухъ братьевъ и деньгамъ тестя-банкира, имѣвшаго крупныя денежныя связи, грамота на баронство фонъ-Зайницъ досталась не такъ трудно, какъ тому первому Зайницу, о которомъ вралъ шведскій пасторъ. Второй Зайницъ, дѣдъ Артура, дрался подъ Аустерлицемъ и умеръ профессоромъ военной академіи. Этотъ Зайницъ былъ портретомъ своего дяди кардинала и, подобно ему, былъ болѣе кабинетнымъ человѣкомъ, чѣмъ солдатомъ или помѣщикомъ. Отецъ Артура напоминалъ собой перваго Зайница. Это тоже ничтожная, невзрачная, ничего не стѣящая личность. Мало образованный, ограииченный, слабый физически и нравственно, онъ задался цѣлью расточить въ пухъ и прахъ все то, что улыбающаяся fortuna дала его дѣду и отцу. Задача однако оказалось нелегкой. Баронство Зайницъ занимаетъ не малое пространство. Желѣзная дорога пересѣкаетъ его въ двухъ мѣстахъ. Оно считается, благодаря своимъ садамъ, виноградникамъ и почвѣ, однимъ изъ богатѣйшихъ и роскошнѣйшихъ помѣстій.

Находящіеся на немъ конскій заводъ и суконная фабрика, вмѣстѣ взятые, давали баронамъ двѣ тысячи четыреста франковъ въ день, а объ остальномъ и говорить нечего. Расточить такое богатство — нелегкая задача, но у Карла фонъ-Зайницъ были отличные помощники. Помогали ему его сластолюбіе, неумѣнье разсуждать, доброта и его... сынъ. Онъ до конца дней своихъ не переставалъ любить женщинъ. Любилъ онъ отчаянно, бѣшено, не разсуждая и не останавливаясь ни передъ какими препятствіями. Женщины были его главной расходной статьёй, безъ которой ему едва ли бы удалось расточить все. Въ Вѣнѣ у него была нѣкоторое время любовница. Къ этой любовницѣ ѣздилъ онъ на экстренномъ поѣздѣ съ многочисленной толпой сластолюбивыхъ прихлебателей, пившихъ одно только шампанское. Съ каждымъ поѣздомъ любовницѣ привозились подарки, которые поражали своей роскошью и слишкомъ краснорѣчиво говорили о безумствѣ барона. Подарки состояли изъ фамильныхъ драгоценностей, дорогихъ лошадей, векселей... Горничная его вѣнской любви получала тысячу франковъ въ мѣсяцъ и имѣла на всякій случай своихъ лошадей. По приходѣ и предъ уходомъ экстренныхъ поѣздовъ давались лукулловскіе обѣды. Въ Прагѣ была другая любовница, въ Будапештѣ третья и т. д. Женщины обожали его и, разумѣется, за щедрость больше, чѣмъ за что-либо другое. Та масса анекдотовъ, которые разсказываются еще до сихъ поръ о Карлѣ фонъ-Зайницѣ, какъ нельзя лучше характеризуетъ это обожаніе. Изъ массы анекдотовъ приведемъ одинъ.

Въ одномъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ театровъ дебютировала молоденькая, только-что выпущенная изъ театрального училища, актриса (нынѣ она очень извѣстная актриса на роли драматическихъ и трагическихъ матерей-старухъ). Она была молода, хороша собой и играла великолѣпно. Театръ дрожалъ отъ рукоплесканій. Послѣ перваго же дѣйствія ей былъ поднесенъ букетъ, украшенный драгоценнѣйшимъ ожерельемъ покойной баронессы фонъ-Зайницъ, матери Карла. Баронъ отдалъ это ожерелье, потому что оно лежало въ его боковомъ карманѣ и острымъ концомъ медальона кололо его въ бокъ. Послѣ втораго дѣйствія нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ, которыя находились на этотъ разъ въ театрѣ, отправились за кулисы выразить дебютанткѣ свое удивленіе.

Между высокопоставленными находился и фонъ-Зайницъ. За кулисами онъ чувствовалъ себя, какъ дома. Выпивъ въ уборной перваго любовника стаканъ шампанскаго, онъ направился къ уборной восходящаго свѣтила. Дверь уборной была заперта. Онъ постучалъ.

— Что вы дѣлаете!? — изумился высокопоставленные... — Вы забываетесь! Вы забываете, что здѣсь не циркъ, не оперетка... Не *salon madame Deleaux*! Вы чертовски дерзки, баронъ!

— Вы думаете? Я только нетерпѣливъ... — отвѣчалъ баронъ.

— Но она сейчасъ выйдетъ! Неужели у васъ не хватитъ терпѣнія на двѣ, на три минуты?

— Не хватитъ.

— Но вѣдь это неприлично! Она, можетъ-быть, теперь одѣвается!

— Можетъ-быть, — отвѣчалъ нетерпѣливый баронъ и постучалъ въ дверь еще разъ.

— Кто тамъ? — послышался изъ уборной молодой женскій голосъ.

— Я! — отвѣчалъ баронъ.

— Кто вы?

— Одинъ изъ почитателей вашего таланта. Я, собственно говоря, въ вашемъ талантѣ ни бельмеса не смыслю, но мнѣ говорятъ, что вы прекрасно играете, а я привыкъ вѣрить на слово. Откройте!

— Странно... Я въ уборной! Въ уборную нельзя входить. Да вы кто такой?

— Я баронъ фонъ-Зайницъ. Имѣю къ вамъ дѣло.

Голосъ изъ уборной заговорилъ потише и не такъ смѣло:

— Очень пріятно, баронъ... Но я не одѣта... Подождите пять минутъ.

— Мнѣ ждать некогда. Черезъ двѣ минуты я уѣзжаю. Сейчасъ или никогда!

— Нельзя!

— Ваше дѣло... Прощайте!.. Кто это, чортъ возьми, меня за рукавъ дергаетъ?

Возлѣ барона собралась толпа почитателей дебютантки. Толпа была крайне возмущена дерзкимъ поведениемъ барона. Она потребовала отъ барона, чтобы онъ отошелъ отъ двери. Женихъ дебютантки, находившійся тутъ же, въ толпѣ, дернулъ его за рукавъ.

— Извольте отойти отъ двери! — крикнули почитатели.

— А если я не отойду, то что будетъ? — спросилъ баронъ и уже не пальцемъ, а кулакомъ постучалъ въ дверь.

— Вы, mademoiselle, вѣроятно, хотите, чтобы эти господа сдѣлали со мной скандалъ! — сказалъ онъ сквозь дверь дебютанткѣ. — Отворите! Черезъ полторы минуты я уѣзжаю!.. Сейчасъ или никогда! Я, баронъ фонъ-Зайницъ, люблю все дѣлать сейчасъ или никогда! Угодно вамъ поговорить съ барономъ Зайницъ, который имѣетъ къ вамъ дѣло?

Дебютантка, видимо, колебалась.

— Что вамъ угодно? — спросила она.

— Ахъ, чертъ возьми! Что можетъ быть мнѣ угодно?! Некогда мнѣ разговаривать! Ну, я буду считать до трехъ разъ. Если вы не отойдете, когда я скажу «три», то я уйду, и вы меня никогда не увидите... Какъ много однако у васъ поклонниковъ! Это я замѣчаю по тѣмъ щипкамъ, которые они задаютъ мнѣ сзади и съ боковъ... Ну, я начинаю... разъ... два... Ну... ну...

Въ уборной около двери послышались легкіе шаги.

— Три! — сказалъ баронъ.

Щелкнулъ замокъ. Дверь тихо отворилась. Передъ носомъ барона прошмыгнула изъ уборной хорошенькая, улыбающаяся горничная. Баронъ сдѣлалъ шагъ впередъ, и его обоняніе утонуло въ тонкихъ запахахъ уборной. Она стояла у темнаго окна, закутавшись въ шаль. Около нея лежало платье, которое ей предстояло надѣть... Щеки ея были красны. Она сгорала со стыда.

«Боже мой, какъ она еще невинна!» — подумалъ баронъ и, поклонившись, сказалъ:

— Прощу прощенія! Я черезъ минуту уѣзжаю, а потому...

Дебютантка подняла глаза на барона. Глаза ея были полны любопытства. Она видѣла его въ первый разъ, но она такъ много слышала о немъ, находясь еще въ театральномъ училищѣ! Она его давно уже обожала по наслышкѣ.

— Что вамъ угодно, баронъ? — спросила она послѣ тяжелаго минутнаго молчанія.

— Вы извините, mademoiselle, что я такъ настойчивъ, но... честное слово, вы мнѣ нравитесь!

Дебютантка потупилась. Щеки ея еще больше покраснѣли.

— Я не люблю комплиментовъ, — сказала она.

«Боже, какъ она невинна!» — подумалъ баронъ и сказалъ:

— Сколько жалованья назначило вамъ ваше начальство?

— Еще не назначало, а назначить... Сколько, не знаю... На первыхъ порахъ, вѣроятно, не болѣе двухъ тысячъ талеровъ...

— Гм... Цѣна хорошая... На первыхъ порахъ достаточно.

Баронъ умолкъ и впился глазами въ дебютантку. Дебютантка готова была провалиться сквозь землю отъ стыда и ожиданія.

— Если вы ко мнѣ пріѣдете, — сказалъ, помолчавъ, фонъ-Зайницъ: — то вы получите въ сто пятьдесятъ разъ больше.

Розовыя щеки дебютантки стали бѣлы, какъ плотно сорочки барона... Дебютантка вскрикнула, всплеснула руками и, какъ оглушенная выстрѣломъ изъ сотни пушекъ, сразу упала на обитое бархатомъ кресло. Съ ней сдѣлался истерическій припадокъ. Фонъ-Зайницъ поклонился и вышелъ. Когда въ уборную вошла горничная, дебютантка рыдала. Рыданія были отрывистыя, смѣшанныя со смѣхомъ. Горничная испугалась, выбѣжала изъ уборной, и чрезъ минуту вся сцена раздѣлилась на кучки. Кучки шептались, искоса поглядывали на дверь уборной и не знали, что имъ дѣлать: возмущаться дерзкимъ поступкомъ барона или же... завидовать счастьемъ рыдающей дебютантки? Женихъ, какъ сумасшедшій, вломился въ уборную, палъ къ ея ногамъ и завопилъ:

— Не плачьте, моя милая! Это оскорбленіе не пройдетъ ему даромъ! Но... зачѣмъ, чортъ возьми, вы отперли дверь этому демону?

Дебютантка положила свое заплаканное лицо на бѣлую манишку жениха, положила свои руки на его плечи и прошептала:

— О, Жоржъ! Какъ я счастлива! Какъ мы съ тобой счастливы! Онъ пообѣщалъ въ сто пятьдесятъ разъ больше, а мы учили въ театральномъ училищѣ, что баронъ фонъ-Зайницъ умѣетъ держать свое слово! Жаль только, что онъ некрасивъ! Но... въ сто пятьдесятъ разъ больше!! Поди, мой другъ, попроси, чтобы объявили публикѣ, что я по болѣзни продолжать игру не могу.

На слѣдующій день дебютантка получила отъ «обожяемаго» фонъ-Зайницъ жалованье впередъ за три мѣсяца.

Этотъ анекдотъ правдоподобенъ, но, насколько онъ правдивъ, я не знаю.

Второй расходной статьей барона были карты. Зайницъ игралъ очень рѣдко. Онъ скучалъ за картами. Но, разъ сѣвши, онъ отъ скуки проигрывалъ громаднѣйшіе куши. Отъ скуки же онъ изобрѣлъ и свою собственную карточную игру. Его игра слишкомъ проста. Она называлась «черные и красные».

— Красная или черная? — спрашивалъ Зайницъ своего партнера, показывая ему сорочку карты. — Если вы угадаете, то вы выиграли, а если не угадаете, то я выигралъ.

Умнѣй этой игры едва ли могъ изобрѣсти что-нибудь Зайницъ. Однако онъ сумѣлъ проиграть на ней въ два вечера графство Вуничъ, купленное когда-то дѣдомъ Артура въ Галиціи. Графство Вуничъ было его первой чувствительной потерей.

Второй потерей была его жена, баронесса фонъ-Зайницъ, которую онъ убилъ своимъ поведеніемъ. Третьей потерей была дочь, ханжа и идиотка, которую, чтобы поправить разстроившіяся дѣла, пришлось выдать замужъ за лѣзшаго въ дворяне банкира-жида. Баронство же Зайницъ постигла самая плачевная участь. Оно было заложено за безцѣнокъ зятю-банкиру, который на торгахъ и оставилъ его за собой. Карлъ кончилъ тѣмъ, что неудачно застрѣлился (пуля засѣла въ плечѣ) и умеръ на рукахъ дочери и патеровъ, оставивъ банкиру «на всякій случай» нѣсколько векселей на солидную сумму.

Сынъ его Артуръ послѣ смерти матери, когда ему было двѣнадцать лѣтъ, былъ отправленъ въ Вѣну, гдѣ и отдалъ въ пансіонъ. Вышедши изъ пансіона, гдѣ онъ выучился говорить на трехъ языкахъ, онъ поступилъ въ университетъ на филологическій факультетъ. Вскорѣ Артуръ оставилъ филологію и поступилъ на математическій факультетъ. На этомъ факультетѣ ему повезло. Онъ получилъ премію за лучшее студенческое сочиненіе по дифференціальному вычисленію. Кончивъ курсъ на математическомъ факультетѣ, онъ опять занялся филологическими науками. Это блужданіе отъ одной пристани къ другой, пожалуй, и кончилось бы чѣмъ-нибудь хорошимъ, если бы

не тѣ тысячи, которыя ежемѣсячно приходилось ему получать по почтѣ и отъ повѣренныхъ отца. Тысячи вскружили ему голову. Когда ему надоѣло собирать библиотечку, на которую онъ тратилъ большія деньги со дня своего поступленія въ университетъ, онъ потерялъ подъ собой почву и пошелъ по стопамъ отца. Онъ поѣхалъ въ Парижъ. Тысячи писемъ полетѣло изъ Парижа въ баронство Зайницъ съ требованіемъ денегъ. Карлъ былъ добръ, а потому ни одно письмо не осталось безъ отвѣта; каждый отвѣтъ состоялъ изъ чековъ. Къ счастью Артура, денежные пакеты, которые онъ получалъ съ родины, съ каждымъ мѣсяцемъ становились все меньше и меньше, приходили въ Парижъ все рѣже и рѣже... Сотни постепенно вытѣсняли собой тысячи. Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о смерти отца Артуръ получилъ тысячу франковъ и письмо зятя-банкира. Банкиръ писалъ, что посылаемая тысяча составляетъ все состояніе барона Артура фонъ-Зайницъ, и что ему, Артуру, надѣяться не на что... Артуръ прочиталъ письмо и густо покраснѣлъ.

Ему стало ужасно стыдно и за себя и за своего отца. Онъ серьезно задумался, и ему стало страшно за свою будущность, которую онъ такъ любилъ и жалѣлъ, когда сидѣлъ на университетской скамьѣ. Онъ разорвалъ въ клочки письмо зятя и изо всей силы ударилъ себя кулакомъ по лицу... Тысячу хотѣлъ онъ бросить въ окно, но... не бросилъ. И хорошо сдѣлалъ. Эта тысяча пригодилась ему. Она была потрачена на бѣгство изъ Парижа, отъ долговъ. Кредиторами его были содержатели отелей, ростовщики и, что постыднѣе всего, кокотки... Послѣдніе дни въ Парижѣ ему пришлось прожить на счетъ кокотокъ... Бѣжалъ онъ на родину испившійся, истаскавшійся, изовравшійся, но, къ счастью, не до конца. Здравье его еще не было надломлено, и завѣдомо подлецомъ онъ еще ни разу не былъ. Къ счастью, у Артура была упругая натура. Въ Вѣнѣ онъ опять принялся за науки, и съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ прежде. Чтобы имѣть кусокъ хлѣба и не лѣзть къ роднымъ за деньгами, онъ сдѣлался преподавателемъ алгебры въ одномъ изъ военныхъ училищъ и корреспондентомъ двухъ большихъ парижскихъ газетъ. Зарабатывалъ онъ также немного и писаніемъ стиховъ, которые помѣщалъ во французскихъ журналахъ (подобно Фридриху Великому, онъ нѣмецкаго языка терпѣть не могъ). Жизнь пошла тихая,

скромная, сносная, діаметрально противоположная парижской, но недолго она была такой.. Она была испорчена на самомъ интересномъ мѣстѣ, именно въ тотъ самый золотой годъ, когда Артуръ сдѣлался докторомъ философіи и магистромъ математическихъ наукъ. На широкой дорогѣ судьба подставила ему ножку. Онъ, самъ того не замѣчая, надѣлалъ долговъ. Кто раньше былъ богатъ, а теперь бѣденъ, тотъ пойметъ это «не замѣчая». Артуръ къ тому же еще женился на одной хорошенькой, влюбившейся въ него бѣдной дворяночкѣ. Женился онъ и по любви и изъ состраданія. Женильба увеличила его расходы. Волей-неволей нужно было обратиться къ сестрѣ. Артуръ написалъ сестрѣ письмо, въ которомъ просилъ ее сообщить ему, какая участь постигла имѣніе ихъ матери, и если оно не было продано за долги, то удѣлить ему частицу получаемыхъ съ него доходовъ. Тутъ же, между прочимъ, онъ попросилъ сестру прислать къ нему въ Вѣну его бібліотеку, взятую ею когда-то на сохраненіе. Въ отвѣтъ на это письмо Артуръ получилъ отъ зятя телеграмму, въ которой просили Артура немедленно пріѣхать въ Зайницъ. Артуръ поѣхалъ. Когда онъ вѣхалъ въ Зайницъ, его попросили итти пѣшкомъ.

— Госпожа Пельцеръ,—сказали ему:—не любитъ стука колесъ. Потрудитесь дойти до дома пѣшкомъ.

Артура встрѣтили въ гостиной зять и сестра. Сестра сидѣла въ креслѣ и плакала. Зять при входѣ его уткнулъ носъ въ газету..

— Это я! — сказалъ имъ Артуръ. — Не узнаете?..

— Видимъ, — отвѣчалъ банкиръ. — Недурно сдѣлали, что насъ послушали и пріѣхали... Мы очень рады, баронъ, что вы еще не утратили способности послушанія... Отъ слова «послушный» пахиваетъ чѣмъ-то рабскимъ, но вы извините... Для такихъ господъ, какъ вы, послушаніе необходимо...

— Я васъ не понимаю,—сказалъ недоумѣвающій баронъ.—Сестра, о чемъ ты плачешь? Братъ Артуръ пріѣхалъ, а ты плачешь... отвѣтъ же чѣмъ-нибудь на мое «здравствуй»! Полно плакать!

— Она, милостивый государь,—сказалъ баронъ:—заплакала, какъ только намъ доложили, что вы ѣдете... Сядьте... У вашей сестры, слава Богу, есть еще кресла. Не все расточили вы съ вашимъ отцомъ. Она, моя жена, плачетъ, потому что еще любитъ васъ...

Артуръ сдѣлалъ большіе глаза и ладонью провелъ себѣ по лбу. Онъ не понималъ.

— Да, — продолжалъ банкиръ, не спуская глазъ съ газеты: — она не можетъ такъ скоро покончить съ чувствомъ, которое, надо сознаться, неестественно, потому что фактически она перестала быть вашей сестрой... Гм... Вы ей не братъ. Она неизмѣримо выше васъ. Вы низки для того, чтобы быть братомъ этой женщины... Милостивый государь! Благодарите эту женщину! Если бы не она, вы не осмѣлились бы переступить порогъ этого дома!

— Объясни мнѣ, сестра, — обратился поблѣднѣвшій Артуръ: — что я долженъ понимать подъ словами твоего мужа... Пельцера? Я рѣшительно ничего не понимаю! Потому твои слезы... Не понимаю!

Банкирша отняла отъ лица платокъ, вскочила и, шурша своимъ тяжелымъ платьемъ, заходила по гостиной. Слезы, самыя настоящія, крупныя, капали изъ ея глазъ на полъ.

— Не понимаешь? — закричала она визжащимъ голосомъ. — Пойми же наконецъ, что ты убиваешь насъ своимъ поведеніемъ. Твоя безнравственность возмущаетъ насъ! Я возмущена, какъ сестра и христіанка!..

— Объяснись, сестра! — сказалъ Артуръ. — Я не пойму никакъ, что вы хотите мнѣ сказать?

— Молчи! Я не хочу слышать твоего голоса! На какой это дряни ты тамъ женился?

— Да, баронъ! — подхватилъ банкиръ высокимъ, дребезжащимъ теноромъ. — Женись на этой ничтожной женщинѣ, вы опозорили имя бароновъ фонъ-Зайницъ и тѣхъ, которые считаютъ себя ихъ родственниками.

Ручка кресла, за которую держался баронъ, затрещала. Артуръ задрожалъ отъ гнѣва.

— Сильвія! — сказалъ онъ, повернувшись къ сестрѣ. — Я тебѣ ни слова не сказалъ, когда ты выходила замужъ за негодяя Пельцера. Я уважалъ твою волю, а ты? Ты позволяешь себѣ подъ диктовку Пельцера наносить мнѣ тяжкія оскорбленія! Не забывайся!

— Я негодяй? — крикнулъ Пельцеръ. — Прощаю вамъ это слово, баронъ! Прощаю!

Сильвія топнула ногой и сдѣлала шагъ къ брату.

— Я все про тебя знаю! — зашипѣла она, глотая слезы. — Все! Мало того, что ты женился на бульвар-

ной дряни, оборвышѣ, мало того! Ты еще безбожникъ! Ты никогда не ходишь въ церковь! Ты забылъ Бога! Ты забылъ, что во всякую минуту душа твоя готова разстаться съ тѣломъ и отдаться въ руки дьявола!

— Дай Богъ, чтобы всѣ были такими негодяями, какъ я!—кричалъ между тѣмъ Пельцеръ.—О! Тогда бы на землѣ иначе было! Тогда бы не было на землѣ людей, которымъ все ни по чемъ: и имя и честь... Не было бы тѣхъ женщинъ, бульварныхъ потаскушекъ, которыя...

Пельцеръ вдругъ замолчалъ. Онъ посмотрѣлъ на лицо Артура, и ему сдѣлалось страшно.

— Такъ не поступаютъ даже лютеране, какъ ты поступаешь!—кричала Сильвія.—Мы позвали тебя для того, чтобы дать тебѣ понять, какъ ты низко! Ты долженъ покаяться! Разойдись съ ней и... перемѣни свой образъ жизни! Немедля! Слышишь? Понимаешь?

— Коли вы придерживаетесь сословныхъ традицій,—сказалъ глухимъ голосомъ Артуръ:—такъ знайте же, что барону Артуру фонъ-Зайницъ не къ лицу входить въ какія бы то ни было препирательства съ еврейскимъ выходцемъ изъ русской Польши и съ его женой! Но... снисхожу къ вамъ и задаю одинъ вопросъ. Задаю его и ухожу. Чтѣ вы скажете мнѣ относительно имѣнія моей покойной матери?

— Оно принадлежитъ Сильвіи,—сказалъ Пельцеръ:—ей только одной.

— По какому праву?

— А развѣ вамъ неизвѣстно завѣщаніе вашей матушки?

— Чтѣ вы лжете? Не было никакого завѣщанія! Я знаю это!

— Оно есть!

— А если есть, такъ оно подложное! Моя библиотека гдѣ?

— Она продана за тысячу франковъ, которые были посланы вамъ въ Парижъ...

— Она стоить не тысячу, а двѣсти тысячъ франковъ!

Пельцеръ пожалъ плечами и усмѣхнулся.

— Несмотря на все мое желаніе, я не могъ продать ее дороже.

— Кто ее купилъ?

— Я, Борисъ Пельцеръ...

Артуръ почувствовалъ, что задыхается. Онъ схватилъ себя за голову и побѣждалъ изъ гостиной.

— Воротись, братъ! Воротись!—закричала ему вслѣдъ Сильвія.

Артуръ хотѣлъ не ворочаться, но не смогъ. Онъ любилъ еще сестру.

— Покайся, Артуръ!—сказала Сильвія воротившемуся брату.—Покайся, пока еще есть время!

Артуръ выбѣжалъ изъ гостиной и черезъ минуту, задыхаясь и дрожа отъ гнѣва, мчался къ вокзалу желѣзной дороги.

Запершись въ купе второго класса, онъ легъ на софу лицомъ внизъ и доѣхалъ въ такомъ положеніи вплоть до самой Вѣны. Въ Вѣнѣ судьба подставила ему другую ножку. Пріѣхавъ домой, онъ не засталъ жены дома. Его горячо-любимая жена во время его отсутствія бѣжала къ любовнику... Она оставила письмо, въ которомъ просила прощенія. Артуръ былъ пораженъ этой измѣной, какъ громомъ...

Черезъ недѣлю жена его, прогнанная любовникомъ, вернулась къ нему, чтобы отравиться и умереть у порога его квартиры... Когда Артуръ, похоронивъ жену, воротился съ кладбища домой, его встрѣтилъ лакей съ письмомъ. Письмо было отъ сестры Сильвіи и содержало въ себѣ слѣдующее: «Мой дорогой братъ! Мы все знаемъ... Тайное убійство, которое ты совершилъ, чтобы сгладить съ лица земли слѣды преступленія, опозорившаго наше имя, противно Богу... Мы требовали только покаянія, но она, твоя жена, могла бы жить. Смерть ея не нужна. Нужно было только ея удаленіе. Но не отчаивайся. Мы молимся за тебя, и, повѣрь, наши молитвы не напрасны. Молись и ты. Твоя Сильвія».

Артуръ разорвалъ это письмо на мелкіе клочья. Ноги его заходили по клочьямъ, на которыхъ святотатственной рукой было написано Божье имя... Артуръ зарыдалъ и упалъ на землю безъ чувствъ... Учителство, философія, математика, французскіе стихи — все было брошено и забыто Артуромъ. Наконецъ, придя въ себя, онъ напился страшно пьянъ и съ тѣхъ поръ, перекинувъ черезъ плечо двустволку, застранствовалъ «дикимъ Зайницею» по окрестностямъ Зайница, Гольдаугена и другихъ деревень, выпивая баснословныя количества вина и уничтожая дичь. Онъ зажилъ странною жизнью... Люди видѣли его только въ трактирахъ и кабакахъ, которые украшаютъ своей затѣйливой пестротой перекрестки до-

рогъ. Его видѣли и знали все лѣсничіе и бѣольшая часть пастуховъ.

Гдѣ онъ жилъ, чѣмъ питался, никому не было извѣстно. Его считали бы сумасшедшимъ, если бы онъ такъ умно не заговаривалъ съ тѣми людьми, съ которыми ему приходилось встрѣчаться. Не знали, какъ и что о немъ думать. Называли его «дикимъ Зайнищемъ», странствующимъ отшельникомъ и «несчастливымъ барономъ Артуромъ». Бульварная пресса заговорила о немъ, — о какомъ-то громадномъ процессѣ, который намѣренъ повести Зайнищъ противъ Пельцеровъ, о сестрѣ, которая легально ограбила брата; начали печататься ни съ того ни съ сего анекдоты и маленькіе романы изъ жизни Артура фонъ-Зайнищъ или его отца. Нашлась даже газета, которая пожалѣла объ исчезаніи рода Зайнищъ...

Артуръ блуждалъ большей частью по садамъ и рощамъ. Въ садахъ и рощахъ было больше дичи, чѣмъ въ полѣ и у рѣкъ. Хозяева садовъ не запрещали ему охотиться. Они ненавидѣли его сестру и въ немъ видѣли злѣйшаго врага Пельцера.

Хозяйки даже радовались тому, что ихъ сады и рощи посѣщаетъ фонъ-Зайнищъ.

— Нельзя сказать, — говорили они: — чтобы онъ былъ лѣснымъ царемъ, нѣтъ! Онъ слишкомъ молодъ для этого... Онъ скорѣе лѣсной кронпринцъ!

Встрѣчаясь съ людьми, лѣсной кронпринцъ обыкновенно очень вѣжливо раскланивался. Наткнувшись на Цвибуша и Ильку, онъ остолбенѣлъ; его, какъ художника, поразила красота и реальность группы, составленной изъ Цвибуша, Ильки, арфы, скрипки и птицы. Услышавъ рыданія, Артуръ нахмурился и сердито кашлянулъ.

— Чего она плачетъ? — спросилъ онъ.

Цвибушъ усмѣхнулся и пожалъ плечами.

— Плачетъ, — сказалъ онъ: — вѣроятно, потому, что она женщина. Будь она мужчиной, она не плакала бы.

— Это ты ее обидѣлъ?

— Я, баронъ! Каюсь...

Баронъ съ негодованіемъ посмотрѣлъ на жирную, лоснящуюся фізіономію Цвибуша и сжалъ правый кулакъ.

— Чѣмъ же ты ее обидѣлъ, старая скотина?

— Я обидѣлъ ее тѣмъ, ваше сіятельство, что имѣю морду, по которой можно безнаказанно бить хлыстомъ...

Она моя дочь, баронъ, а при дочеряхъ благовоспитанные люди не позволяютъ себѣ бранить отцовъ...

— За что ты ее обидѣлъ, каналья? Не плачь, дѣвушка! Я сейчасъ его проэкзаменую, мерзавца! Ты ее били, что ли?

— Вы угадали, баронъ, но только отчасти... Да, били, только не ее и не я... Ваше участіе къ моей дочери трогаетъ меня, графъ! Благодарю!

— Шутъ!—проговорилъ баронъ, махнулъ рукой и нагнулся къ Илькѣ.

— Чтò съ тобой, милая?—спросилъ онъ.—О чемъ ты плачешь? Кто тебя обидѣлъ? Скажи мнѣ, кто тебя обидѣлъ, и я... обижу его, обижу сильно!

Баронъ большой, загорѣлой рукой провелъ по волосамъ Ильки. Глаза его затеплились хорошимъ огонькомъ.

— Мы, мужчины, должны заступаться за женщинъ, потому что сильные обязаны защищать слабыхъ. Чего же ты плачешь?

И, засматривая въ лицо, покрытое влажными пальчиками и распутившимися волосами, фонъ-Зайницъ опустился на колѣни и осторожно усѣлся около Ильки. Онъ заговорилъ голосомъ, какимъ давно не говорилъ. Илька услышала голосъ, — нѣжный, вытекавшій прямо изъ души,—голосъ, которому смѣло можно было довѣриться...

— Чего плачешь? Повѣдай мнѣ свое горе! Возлѣ тебя теперь сидитъ не глупый шутъ, старикъ, а сильный мужчина. Можешь положиться на меня... Я силенъ и все могу сдѣлать... О чемъ же ты плачешь? Ну?

Дѣти, которыхъ спрашиваютъ о причинѣ ихъ плача, начинаютъ плакать сильнѣй. То же самое случается и съ женщинами. Илька заплакала сильнѣе...

— Судя по тому, какъ ты сильно плачешь, у тебя должно быть большое горе... Ты расскажешь мнѣ... Вѣдь расскажешь? Со мной можешь быть откровенна. Я спрашиваю тебя не изъ простаго любопытства. Я хочу помочь тебѣ... Честное слово, дѣвушка!

Артуръ нагнулся и поцѣловалъ Ильку въ темя.

— Не будешь плакать? Да? Да ну же, милая! Чтобы облегчить нѣсколько свое горе, стоить только высказаться...

— Едва ли она скоро перестанетъ плакать,—сказалъ Цвибушъ.—Нервы ея слабы, какъ ниточка на рубахѣ, которую носили пять лѣтъ. Дадимъ ей, баронъ, выпла-

каться... Нехорошо, Илька. Много слезъ прольешь—скоро пить захочешь.

— Ахъ, да! Воды ей нужно дать!—сказалъ баронъ.— Вода здѣсь близко...

Баронъ всталъ и скрылся за густой листвою; сухіе сучья и вѣтви затрещали подъ напоромъ его тяжелаго тѣла.

— Каковъ баронъ!—захихикалъ Цвибушъ:—нѣженъ, вѣжливъ, предупредителенъ! Ха-ха-ха! Можно подумать, что онъ и въ самомъ-таки дѣлѣ такой добрякъ. Вѣрь ему, Илька, но слегка. Онъ славный малый, но палецъ въ ротъ ему нельзя класть. Откусить руку до самаго локтя. Про исторію у Гольдаугеновъ не рассказывай ему. Онъ родня этимъ живодерамъ Гольдаугенамъ и посмѣется надъ тобой, какъ надъ послѣдней душой. Скоро ты кончишь плакать?

Затрещали вновь сучья, и изъ-за листьевъ показался Артуръ съ охотничьимъ серебрянымъ стаканомъ въ рукахъ. Стаканъ былъ полонъ воды.

— Пей... Какъ тебя зовутъ? Илькой? Пей, Илька!

Баронъ опустил на колѣни и поднесъ къ губамъ Ильки холодный стаканъ. Илька отняла отъ лица руки и отпила полъ-стакана...

— Какъ я несчастна! Ахъ, какъ я несчастна!—пробормотала она.

— Вѣрю, охотно вѣрю!—сказалъ баронъ и помочилъ ей виски холодной водой.—Я назвалъ бы тебя, моя милая, лгуней, если бы ты сказала, что ты счастлива. Пей еще!

— Ради Бога, умоляю васъ, не браните моего отца!—прошептала Илька.—Онъ тоже очень, очень несчастливъ!

— Не буду бранить... Я побранилъ его, потому что погорячился. Я на первыхъ порахъ думалъ, что онъ тебя обидѣлъ. Беру свои нехорошія слова назадъ. Но онъ такъ хладнокровно относится къ твоему горю, какъ не подобаетъ относиться порядочному отцу.

— Недоставало еще, чтобъ вы и мнѣ помочили водой виски! — засмѣялся Цвибушъ. — Я разучился ревѣть еще тогда, когда привыкъ къ отцовскимъ розгамъ. Какой вы однако сегодня нѣженка, баронъ! Не узнаю въ васъ сегодня того барона Артура фонъ-Зайницъ, который, шесть лѣтъ тому назадъ, выбилъ два зуба маркеру въ ресторанѣ «Вороного Коня» въ Прагѣ... Помните, ваше сіятельство? Одинъ зубъ изволили вы выбить кіемъ, а другой кулакомъ...

— Мало ли чего ни было шесть лѣтъ тому назадъ!— пробормотала фонъ-Зайницъ.—Многое было, и было такое, о чемъ неприлично упоминать теперь. Ну, Илька! Рассказывай! Ты теперь успокоилась немножко, а чтобы прийти въ себя окончательно, тебѣ стѣитъ только высказаться... Ну? Кто тебя обидѣлъ?

— Обидѣли не меня, а моего отца!

— Вотъ какъ! Такъ ты за отца плачешь?

— Его ужасно оскорбили! Вы ужаснулись бы, если бы увидѣли, какъ его, бѣднаго, оскорбили!

— Такъ вотъ что! Гм... Какая же ты однако хорошая дѣвочка! У тебя, старина, хорошая дочь! Рѣдкость! Ну, все одно, рассказывай... И за него я такъ же охотно заступлюсь, какъ и за тебя.

— Не заступитесь, баронъ! — сказалъ Цвибушъ.

— Почему?

— Потому что это невозможно... Я имѣлъ честь получить пощечину не отъ маленькаго человѣка, а отъ очень большого. Никакое ядро не въ состояннн долетѣть до этого человѣка! Да и не слѣдуетъ заступаться! Моя дочь капризничаетъ!

— Что за пустяки! Для меня одинаково, кто бы ни оскорбилъ! Мое ядро, если только нужно, долетитъ до всякаго... Рассказывай, Илька. Я помогу тебѣ.

Заикаясь, глубоко вздыхая и то и дѣло повторяясь, Илька повѣдала Артуру фонъ-Зайницъ свое горе. Когда она, рассказывая, дошла до графини Гольдаугенъ, поднявшей хлыстъ, баронъ нахмурился.

— Такъ это... была женщина?—спросилъ онъ.

— Да, графиня Гольдаугенъ...

— Гм... Дальше...

Баронъ страшно поблѣднѣлъ и почесалъ себѣ лобъ.

— Дальше, дальше... Я слушаю... Такъ женщина ударила его! Не мужчина?

— Женщина, баронъ!

— Гм... Такъ... Отчего же ты не продолжаешь?

Когда Илька рассказала о томъ, какъ упала подъ ноги лошади ея отецъ, какъ онъ потомъ обливался кровью, баронъ взглянулъ на Цвибуша...

— Губу это она тебѣ разсѣкла?—спросилъ онъ.

— Ну, стѣитъ ли объ этомъ говорить? Поговоримте лучше, господа, о политикѣ!

— Я тебя, старый дуракъ, спрашиваю, она разсѣкла

тебѣ губу, или не она?—крикнулъ баронъ и ударилъ кулакомъ по травѣ.—Дочь страдаетъ изъ-за него, а онъ шутить! Не люблю шутовъ!

— Она, она!—сказала Илька.

— Облекаю стараго дурака въ молодую шкуру и возвращаю его по принадлежности!—проворчалъ Цвибушъ.— Я не шучу, а говорю правду! Политика много лучше разговоровъ, изъ которыхъ не выйдетъ рѣшительно ничего путнаго...

Илька показала руками, сколько приблизительно крови пролилъ ей отецъ, какъ онъ хромалъ, когда плелся къ часовнѣ. Когда она рассказала о судѣ и передала всё до единаго его слова, баронъ презрительно усмѣхнулся и плюнулъ въ сторону. Плевокъ отлетѣлъ на двѣ сажени.

— Скоты!—проворчалъ онъ.—Да, онъ правъ! Эта каналья права. Онъ не могъ ничего сдѣлать. Этотъ гольдаугенскій Аристидъ такой же рабъ Гольдаугеновъ, какъ и та лошадь, которая чуть-было не раздавила этого шекспировскаго шута, твоего отца!

— Мнѣ не бываетъ такъ досадно,—кончила Илька:—когда моего отца бьютъ пьяные мужики или полицейскіе. Полиція, баронъ, не позволяетъ намъ играть въ большихъ городахъ. Но мнѣ досадно, обидно, оскорбительно... обидно, когда женщина образованная, знатная, съ нѣжнымъ лицомъ... И какое она имѣетъ право смотрѣть на насъ такъ надменно, такъ презрительно? Никто не имѣетъ права такъ смотрѣть на насъ!

Илька поднесла пальцы къ лицу и заплакала...

— Неужели ей это такъ и пройдетъ даромъ?.. Охъ, Боже мой, Боже мой! Если эта обида останется безнаказанной, то я умру... умру! Пусть тогда отецъ одинъ играетъ! Пусть онъ тогда продастъ мою арфу!

Илька уткнула лицо въ фартукъ и продолжала тихо плакать. Цвибушъ глядѣлъ въ землю и издавалъ свистящіе звуки. Баронъ задумался...

— Обида сильная,—сказалъ онъ послѣ продолжительнаго раздумья.— Но... нужно сперва выслушать, въ чемъ дѣло, а потомъ уже и обѣщать. Я солгалъ, моя милая. Я не такъ силенъ, какъ я часъ тому назадъ хвасталъ. Ничего я не могу для тебя сдѣлать...

— Почему?

— Потому, что она женщина... Не драться же мнѣ

съ ней на дуэли! Дѣло скверное, моя милая. Слѣдуетъ покориться...

— Не могу я покориться! Откуда вы взяли, что я могу покориться?

— Твое безсиліе заставить тебя покориться. Ты безсильна, потому что ты дочь музыканта-нищаго, а я безсиленъ, потому что она, чортъ ее иобери, женщина...

— Чтѣ же мнѣ дѣлать?—спросила Илька.—Вы не вѣрьте, ради Бога, моему отцу! Онъ и самъ не перенесетъ этого оскорбленія! Онъ показываетъ видъ, что онъ хладнокровенъ, а въ сущности... Я пойду въ Будапештъ или въ Вѣну!.. Я найду судъ.

— Не найдешь...

Илька вскочила и заходила вокругъ барона и Цвибуша.

— Найду!—закричала Илька.—Ну, наконецъ вы же баронъ, знатный, умный человѣкъ, всѣхъ знаете, всѣ знатные люди васъ знаютъ... Вы не какой-нибудь простой человѣкъ! Отчего бы вамъ не написать письма къ какому-нибудь судѣ, чтобы онъ осудилъ ее по законамъ? Вамъ стоить только сказать или написать, и все будетъ сдѣлано!

— Перестань, Илька!—сказалъ внушительно Цвибушъ.—Господину барону скучно слушать твою непросвѣтлую чепуху! Ты злоупотребляешь его вниманіемъ.

— Ты, Илька, разсуждаешь такъ,—сказалъ баронъ:—только потому, что ты не знаешь жизни. Ты недавно толковала мнѣ, что ты несчастна, а между тѣмъ взгляды на жизнь у тебя точно у сибаритки, которая не умѣетъ отличить мѣди отъ желѣза. Сколько тебѣ лѣтъ? Семнадцать? Пора жизнь знать, красавица! Жизнь—это такая отвратительная, мерзкая, тягучая ерунда, такая пошлая, безцѣльная, необъяснимая чушь, которая не выносить сравненія даже съ помойной ямой, которая выкопана для того, чтобы быть наполненной всякой гадостью. Пора знать! Чтѣ же ты хочешь отъ жизни? Хочешь, чтобы она улыбалась, сыпала тебѣ цвѣты, червонцы? Да? Такъ ты хочешь?

Фонъ-Зайницъ покраснѣлъ и запустилъ руку въ свою большую охотничью сумку.

— Если такъ, то ты хочешь невозможнаго! Жизнь на землѣ возможна только невыносимая... Хочешь невыносимой жизни—живи, не хочешь—проваливай на тотъ

свѣтъ. Отрава всегда къ твоимъ услугамъ... Дитя ты, вотъ чтò! Глуха ты!

Изъ сумки показалась плетеная бутылка. Баронъ быстро поднесъ ее къ губамъ и съ жадностью сдѣлалъ нѣсколько глотковъ.

— Жизнь отвратительна! — продолжалъ онъ. — Мерзость ея есть ея законъ, непоколебимый, постоянный!.. Она дана человѣку въ наказаніе за его пошлость... Милая красотка! Если бы я такъ глубоко не сознавалъ своей пошлости, я давно бы отправился на тотъ свѣтъ. Хватило бы пуль... Мучься, говорю себѣ, Артуръ! Ты достоинъ этихъ мученій! Получи, Артуръ, должное! Научись и ты, дѣвочка, философствовать сама съ собой въ такомъ родѣ... Легче жить при такомъ умѣньи...

Артуръ сдѣлалъ еще два глотка.

— Есть во вселенной одна стихія, примиряющая нѣсколько человѣка съ его жизнью. Эта стихія, говорятъ, создана дьяволомъ, но... пусть такъ! Она снимаетъ съ души моей шипы... на время, разумѣется. Эта стихія въ моей бутылкѣ... Выпей, Илька! Сдѣлай одинъ глотокъ! Это хорошая водка...

Илька замотала головой. Цвибушъ взглянулъ на бутылку, облизнулся и застѣнчиво опустилъ глаза.

— Да ну же, выпей, чудачка! — продолжалъ фонъ-Зайницъ. — Легче станетъ, попробуй-ка!..

— Выпей, Илька! — посоветовалъ Цвибушъ.

Илька взяла въ руки бутылку, сдѣлала маленькій глотокъ и номорщилась.

— Теперь ты выпей, — обратился Артуръ къ Цвибушу. — Пей и ты, старый окорокъ!

Улыбаясь и гримасничая, Цвибушъ засіялъ, какъ будто увидалъ давно невиданнаго друга... Онъ взялъ въ обѣ руки бутылку и торжественно поднесъ ее къ своимъ жирнымъ губамъ. Сдѣлавъ осторожно два-три глотка, онъ поставилъ бутылку на траву.

— Пей до дна! — сказалъ баронъ. — Не церемонься. У меня другая бутылка есть.

Толстякъ въ одну секунду исполнилъ это приказаніе.

— Гдѣ-то, когда-то я видѣлъ тебя, старина! — сказалъ фонъ-Зайницъ. — Физиономія твоя мнѣ какъ будто знакома, гдѣ я тебя видѣлъ?..

— Я, баронъ, тотъ несчастный маркеръ, котораго вы, ваше сіятельство, въ Прагѣ изволили лишить двухъ зубовъ.

— Можетъ-быть, можетъ-быть... Такъ... Я былъ мастеръ на эти дѣла... Жалѣю, что я не могу тебѣ теперь ихъ вставить...

Баронъ вытащилъ изъ своей сумки другую бутылку и бумажный свертокъ. Въ сверткѣ были пирожки, сыръ и колбаса. Фонъ-Зайницъ разрѣзалъ колбасу пополамъ; одну половину подаль онъ Цвибушу, а другую раздѣлилъ на двѣ части, изъ которыхъ одну подаль Илькѣ, а другую оставилъ себѣ.

— Прошу, господа!—сказалъ онъ.—Ѣшьте и не церемоньтесь. Ѣшь, дѣвочка! Сыръ всецѣло принадлежитъ твоему желудку. Мы до него не коснемся.

Голодные Цвибушъ и Илька не заставили долго просить себя. Они съ жадностью голодныхъ, неблаговоспитанныхъ дѣтей набросились на закуску и черезъ пять минутъ уничтожили все, кромѣ небольшого кусочка колбасы. Этотъ кусочекъ былъ пощаженъ Цвибушемъ для закусыванія послѣ водки.

Выпитая водка подѣйствовала на Артура моментально. Лицо его покраснѣло и просвѣтлѣло. Глаза забѣгали, какъ пойманныя мыши, и заблестѣли. Онъ протянулъ ноги по землѣ, положилъ кулаки подъ голову и заулыбался. На Цвибуша водка не повліяла. Его голова осталась въ такомъ же состояніи, какъ и была. На Ильку водка подѣйствовала угнетающимъ образомъ. Она сѣла особнякомъ, въ сторонѣ, подперла голову ладонями и задумалась.

— Пей, старина!—угощаль Артуръ.—Лучше быть пьянымъ и веселымъ, чѣмъ трезвымъ и скучнымъ. Хорошая водка наше спасеніе... Не будь ея, пропалъ бы человѣкъ! Пьемъ за ея существованіе! За что я тебѣ зубы выбилъ? Ты не помнишь?

— Какъ не помнить? Помню... Вы были немножко подъ хмелькомъ и потребовали отъ меня, чтобы я поймалъ ртомъ подброшенный бильярдный шаръ. Когда я не изъявилъ желанія исполнить ваше приказаніе, вы и приняли строгія мѣры...

— Скотина!—проворчалъ Артуръ...

— Кто?

— Послушай, красавица!—вдругъ обратился фонъ-Зайницъ къ Илькѣ.—Ты мнѣ ужасно напоминаешь одну дѣвушку, въ которую я былъ влюбленъ въ дѣтствѣ. Дѣвочки этой не было, она не существовала, но мнѣ про нее каждый вечеръ рассказывала моя няня. Я ее вообра-

жалъ себѣ именно такой, какъ ты. Эта дѣвочка, по словамъ моей няньки, жила въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, въ большомъ тюльпанѣ. Она сидѣла на пестикѣ и поглядывала изъ-за листьевъ тюльпана на мѣръ Божій. Занятія у нея были самыя разнообразныя. Она ухаживала за цвѣтами, разливала въ бутылки росу, которую употребляла для ваннъ и нитья, пѣла пѣсни. Дѣвочка эта, забылъ я тебѣ сказать, была ростомъ не болѣе твоего мизинца. Ъла она одинъ только медъ, который носили пчелы. Одѣвалась въ пурпуровыя листья цвѣтовъ. Специальность ея была медицина. Она заговаривала зубы, перевязывала раны, приготовляла капли и т. д. Одному кузнечику, который въ схваткѣ съ паукомъ сломалъ себѣ ногу, она сдѣлала операцію съ такою ловкостью и съ такимъ знаніемъ, какому можетъ позавидовать даже Бильротъ. Занимаясь медициной, она не брезговала и другими ремеслами. Она обшивала бѣдныхъ насѣкомыхъ, починала камергерскіе мундиры золотыхъ жуковъ, душегрѣйки божьихъ коровокъ, насѣкомыя уважали ее, какъ мать родную, и любили ее больше всего на свѣтѣ. Еще бы! Она совсѣмъ разорилась на нищихъ червей, которые со всѣхъ сторонъ ползли къ ней за подавніемъ; она потеряла голосъ, читая проповѣди насѣкомымъ. Проповѣди ея были верхомъ ораторскаго искусства. Изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что десять трутней, прослушавъ ея проповѣдь «о лѣности», заплакали отъ угрызенія совѣсти и принялись собирать медъ. Она выдавала бабочекъ замужъ, при чемъ въ приданое давала имъ прекраснѣйшія кисейныя платья. Она женила сверчковъ, строго-настрого приказывая имъ, чтобы они не беспокоили по ночамъ женъ своимъ крикомъ... Настоящая была мать! Является однажды къ этой дѣвочкѣ тарантулъ и просить ея, чтобы она заговорила ему зубы. Дѣвочка заговорила ему зубы, и у паука моментально исчезъ съ лица флюсъ. «Ладно,—сказалъ паукъ.—Спасибо. Я тебѣ за работу когда-нибудь соуса изъ мухи пришлю... Послушай, гениальная мысль пришла мнѣ сейчасъ въ голову! Выходи за меня замужъ! А? Выйдешь?» Дѣвочка засмѣялась и сказала, что она ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть женой паука. «Я не люблю тебя,—сказалъ паукъ:—ты мнѣ не нравишься, но я хочу брать дань съ тѣхъ насѣкомыхъ, которыхъ ты лѣчишь, одѣваешь и учишь чи-

тать... Мнѣ нужны деньги. Не хочешь? Хорошо же! Если черезъ три дня ты не дашь мнѣ своего согласія, то я тебя убью вотъ этими самыми зубами!» Паукъ показаль дѣвочкѣ свои страшные зубы и пошелъ домой. Дѣвочка сообщила объ угрозѣ паука всеѣмъ своимъ протеже. Тѣ слетѣлись, напозли къ ней со всеѣхъ сторонъ и стали вокругъ нея въ оборонительную позицію: «Умремъ, но не выдадимъ!» — воскликнули они. Явился паукъ. «Согласна?» — спросилъ онъ дѣвочку. — «Не согласна. Не заводи, паукъ, неудовольствій! Посмотри, сколько у меня защитниковъ!» Паукъ посмотрѣлъ и увидѣлъ не защитниковъ, а трусовъ, которые были блѣдны и дрожали всеѣмъ тѣломъ. Онъ громко засмѣялся и на глазахъ всего насѣкомаго міра зарѣзалъ своими скверными зубами бѣдную дѣвочку. Убивъ ее, онъ спокойно отправился домой. Пчелы сдѣлали изъ воска гробъ и положили въ него дѣвочку... Муравьи взялись выкопать могилу. За гробомъ шли комары, которые превосходно пѣли и играли на трубахъ. Золотой жукъ прочелъ надгробное слово... Однимъ словомъ, похороны вышли шикарныя. Поминки были еще лучше. Ъли и пили всеѣ насѣкомыя до боли въ животахъ. Послѣ поминокъ насѣкомыя выснались, поручили сороконожкѣ собирать на памятникъ и разлетѣлись по домамъ...

— И конецъ? — спросилъ Цвибушъ.

— Чтò же тебѣ еще нужно? — спросилъ баронъ. — Хочешь, чтобы паукъ въ тюрьму посадили? Держи карманъ! Нянька моя была отличный педагогъ. Она мнѣ не лгала даже въ сказкахъ. У нея не торжествовала добродѣтель. Паукъ и до сихъ поръ сидитъ у себя въ норѣ и кушаетъ соусъ изъ мухъ, а подлыя насѣкомыя, больныя и изорванныя, небось, чаще вспоминаютъ о вкусныхъ поминкахъ, чѣмъ о дѣвочкѣ. Царство тебѣ небесное, ияня! Ты отлично знала природу! Выпьемъ, старина! Ну, чтò, Илька? Нравится тебѣ моя сказка? Ты почему-то ужасно напоминаешь мнѣ дѣвочку... Неужели и тебя тарантулъ съестъ? Ха-ха-ха!.. Очень можетъ быть... Отчего же и не съестъ, если можно? Зубы есть, и жрите... Однако ты меня не слушаешь, Илька! У тебя лицо такое, точно насъ здѣсь нѣтъ!

Илька встрепенулась и умоляющими, вопросительными глазами поглядѣла на Артура.

— Не могу о ней забыть! — прошептала она.

— Ты все о томъ же? Покориться нужно, дитя! Совѣты канальи-судьи остаются во всей своей силѣ. Лучшаго ничего не выдумаешь. Купи отцу свинцовой прищипки и сдѣлайся графиней...

— Вы все шутите! Боже мой! Графиней... Развѣ это возможно?

— Возможно, если сумѣешь выйти замужъ за какого-нибудь графа, и невозможно, если не сумѣешь. Но ты едва ли сумѣешь... Вотъ ежели бы къ твоей рожицѣ да прибавить презрѣннаго металла побольше,—ну, тогда и сомнѣваться не было бѣ надобности. И я бы, чортъ возьми, женился. Вышла бы за меня, Илька?

— Вы баронъ? Вышла бы... Я и за барона пошла бы...

— Я и графъ... Ха-ха-ха... Не выкинуть ли мнѣ развѣ штуки? Стой, стой... Штука вышла бы удивительная!

Баронъ на минуту задумался.

— Нѣтъ... — сказалъ онъ. — Это было бы ужъ слишкомъ... Не стоить. Я люблю дѣвочку въ тюльпанѣ, но—увы!—женитьба должна дать мнѣ не менѣе милліона франковъ.

— Некрасиво жениться на деньгахъ, докторъ!—сказалъ Цвибушъ, на котораго уже начинала дѣйствовать водка.—Женитьба на деньгахъ считается, докторъ, низкимъ поступкомъ.

— Чтò жъ дѣлать! Я рѣшусь на подлость. Мнѣ милліонъ нуженъ во что бы то ни стало. Съ милліономъ въ рукахъ... Впрочемъ, вамъ не слѣдуетъ этого знать. Я показалъ бы имъ!

— И на старухѣ женились бы?..

— Хоть на чортѣ... За милліонъ все! Милліонъ—это рычагъ, которымъ я переверну адъ съ его чертями и огнемъ. Я говорю не про будущій адъ, а про тотъ, въ которомъ я теперь нахожусь. Если я не сдѣлаю подлости, то этимъ самымъ дамъ возможность другимъ натворить тысячу подлостей. Дѣвочка въ тюльпанѣ,—обратился Артуръ къ Илькѣ:—отчего у тебя нѣтъ милліона? Будь у тебя милліонъ, у меня была бы хорошенькая жена, а ты была бы графиней, исполнила бы одинъ изъ совѣтовъ судьи...

— Вы все шутите!—вздыхнула Илька.

— Нисколько не шучу... Достань-ка милліонъ, попробуй! Непремѣнно баронессой сдѣлаю! Достань-ка!

— Не выпить ли намъ, докторъ?—предложилъ Цвибушь.—Въ нашу бесѣду начинается вкрадываться фантастическій элементъ... Вогъ съ ней, съ фантазіей! Намъ ли толковать о милліонахъ? Легче мнѣ проглотить собственную голову, чѣмъ увидать когда-нибудь милліонъ... Не будемъ же говорить о деньгахъ! Разговоры порождаютъ зависть...

— Молчи, пожалуйста! Отчего же не помечтать, если дѣлать нечего? А я тебѣ, старый окорокъ, повторяю, что, будь у тебя милліонъ, я отнял бы у тебя дѣвочку и посадил бы ее въ тюльпанъ... Я пьянъ? Хорошо! Она мнѣ, ей-Богу, нравится! Посмотри, какой у нея носикъ! Ахъ, чортъ возьми! Достань, Илька, милліонъ!

— А какъ достать милліонъ?—спросила Илька.

— О, наивность! *Sancta simplicitas!* Какъ достать милліонъ? Достать его можно различными способами. Способы бываютъ тяжелые и легкіе... Тяжелый способъ заключается въ безконечномъ трудѣ, свободномъ и разумномъ, при которомъ ночей не спячь, недоѣдаютъ и болѣютъ. При такомъ способѣ милліонъ приходитъ только въ старости, когда не стѣдуетъ выходить замужъ. Ты женщина, не имѣешь достаточно разума и хочешь замужъ, а поэтому этотъ способъ для тебя не годится. Второй способъ, легкій по существу и иногда тяжелый по послѣдствіямъ, состоитъ въ забвеніи одной всѣмъ мѣшающей вещи—совѣсти. Воруй и грабь. Чѣмъ ты умнѣй и беззастѣнчивѣй, тѣмъ раньше ты сдѣлаешься баронессой фонъ-Зайницъ. Воровать и грабить можно не на однѣхъ только дорогахъ. Можно воровать и душишь, сидя у себя въ кабинетѣ. Этотъ способъ я тебѣ не рекомендую. Если ты недостаточно умна, то онъ чреватъ послѣдствіями: можешь угодить къ чорту. Третій способъ—получи наследство... Какой же четвертый способъ? Четвертый способъ, наичаще употребляемый женщинами и не всегда пренебрегаемый мужчинами, заключается въ умѣнии пользоваться своимъ тѣломъ. Чѣмъ лучше у субъекта тѣло, тѣмъ ближе онъ къ милліону. Этотъ способъ къ тебѣ наиболѣе подходит, Илька!

— Наименѣе!—сказалъ Цвибушь.—Онъ не годится! Оставимъ его въ покоѣ, баронъ! Отъ этого пикантнаго способа пахнетъ саломъ, а Илька...

— Молода? Ничего, пусть знаетъ! Для чего скрывать отъ нея то, чего ей слѣдуетъ остерегаться? Итакъ, я

продолжаю... Умѣй, Илька, со вкусомъ одѣваться, въ время показывать изъ-подъ платья свою хорошенькую ножку, лукавить, кокетничать... За каждый поцѣлуй ты возьмешь minimum тысячу франковъ. При твоей теперешней обстановкѣ тебѣ едва ли много дадутъ; но если бы ты сидѣла въ ложѣ или въ каретѣ, то...

— Ну-ну... довольно!—забормоталъ Цвибушъ.—Богъ знаетъ чѣмъ пичкаете вы голову этой дѣвчонки!.. Оставимъ этотъ разговоръ! Прошу васъ, докторъ! Я перемѣняю разговоръ... Такъ... Правду ли говорятъ, что вы на прошлой недѣлѣ приняли лютеранство?

— Правда... Послѣдній способъ—самый легкій и не самый безобразный. Приобрѣти, Илька, великосвѣтскія манеры, научись болтать—и, вѣрь моему знанію, ты будешь имѣть милліонъ. Этотъ способъ употребляется слишкомъ часто. Пользовались бы имъ семь восьмыхъ женщинъ, если бы семь восьмыхъ были красивы и имѣли цѣну на рынкѣ. Попадись ты мнѣ семь-восемь лѣтъ тому назадъ, я непременно купилъ бы тебя... хорошенькая бестія.

— Тише, баронъ, ради Бога тише!—проговорилъ Цвибушъ.—Не будемъ языку давать волю!

Цвибушъ съ боязнью поглядѣлъ на дочь: Илька сидѣла и со вниманіемъ слушала барона, повидимому, нисколько не стѣсняясь содержаніемъ и формой его рѣчи.

— Я понимаю,—сказала она.—Но неужели вы въ состояніи жениться на женщинѣ, которая продала себя?

— Въ состояніи. Вѣдь я, женись на приданомъ, тоже продаю себя! И такъ далѣе, и такъ далѣе... У меня къ тебѣ есть просьба, Илька...

Баронъ приподнялся и изъ жилетнаго кармана вынулъ золотую монету.

— Возьми, милая моя, эти деньги и въ первомъ попавшемся городѣ сними съ себя фотографическій портретъ. Понимаешь? Портретъ ты пришлешь мнѣ... вотъ по этому адресу...

Баронъ подалъ Илькѣ золотую монету и карточку, па которой былъ написанъ адресъ.

— Мнѣ хочется почаще видѣть дѣвочку въ тюльпанѣ... Я хочу носить ее постоянно въ своемъ боковомъ карманѣ... Пришлешь?

— Да.

—Ну и отлично. А теперь, друзья, adieu! Я спать хочу.

Баронъ растянулся на травѣ и положилъ охотничью сумку себѣ подъ голову.

— Прощайте. Очень радъ знакомству. Буду ожидать портретъ и женюсь, если достанешь миллионъ...

Цвибушъ всталъ и поклонился.

— Благодарю васъ, баронъ,—сказалъ онъ.—Вы насъ покормили, не позволите ли вы намъ поиграть вамъ за это? Подъ нашу скучную музыку отлично спится!

— Сдѣлайте одолженіе!

Цвибушъ настроилъ скрипку и заигралъ изъ «Боккачіо» подъ аккомпанементъ Илькиной арфы. Баронъ кивнулъ головой въ знакъ своего удовольствія и закрылъ глаза... Когда музыканты кончили играть и хотѣли отойти отъ него, онъ открылъ глаза и остановилъ свой мутный взглядъ на Илькѣ.

— Такъ... такъ... Понимаю,—пробормоталъ онъ.—Этоты, Илька? На тебѣ на память!

Баронъ отстегнулъ отъ своей цѣпочки одинъ изъ медальоновъ, подаль его Илькѣ, упалъ головой на сумку и заснулъ, какъ убитый.

III.

Когда проснулся фонъ-Зайницъ, былъ уже вечеръ. Верхушки деревьевъ и каменные постройки маленькаго, стоящаго на возвышенности, городка купались въ золотѣ заходящаго свѣтила. Золото это, слегка окрашенное въ пурпуръ, парчей стлалось по небу отъ солнца къ востоку и заволакивало собой добрую треть неба... Около солнца и надъ нимъ не было ни одного облака; послѣднее обстоятельство обѣщало прекрасную ночь. Далеко за лѣсомъ играла свирѣль возвращавшагося пастуха. Она играла простую пѣсенку, не имѣвшую имени. Музыка машинальная, беспорядочная, но подъ эту незатѣйливую музыку каждый вечеръ богатырскимъ сномъ засыпаютъ и лѣса графовъ Гольдаугеновъ, и рожь, и ковыль, и рѣка...

Артуръ увидѣлъ возлѣ себя на травѣ двѣ валявшіяся бутылки и газетную бумагу, оставшуюся послѣ свертка. Стараго толстяка и хорошенькой бѣлокурой дѣвочки возлѣ него уже не было. Онъ вспомнилъ ихъ, свою бесѣду съ ними, и улыбнулся, даже засмѣялся, когда, посмотрѣвъ себѣ на грудь, увидѣлъ прицѣпленную къ одной изъ пуговицъ бумажку. На этой бумажкѣ карандашомъ было написано слѣдующее: «Милый баронъ! Вы первый

человѣкъ, который обошелся съ нами по-человѣчески. До васъ о человѣческомъ обращеніи мы знаемъ только по наслышкѣ... Зато вы первый человѣкъ, о которомъ я буду вспоминать не съ горькимъ чувствомъ, а съ наслажденіемъ. Ваше вниманіе пасъ тронуло до глубины души. Прощайте! Дай Богъ вамъ счастья! Карточку вышлю. Ваша слуга Илька».

— Ни одной грамматической ошибки! — произнесъ вслухъ фонъ-Зайницъ, прочитавъ дважды это письмо, написанное симпатичнымъ женскимъ почеркомъ.—Это удивительно! Ай да Илька!

Баронъ вынулъ изъ записной книжки оловянный карандашъ и написалъ: «получено отъ дѣвочки въ тюльпанѣ 13-го іюня». Сложивъ это письмо вдвое, онъ спряталъ его въ карманъ записной книжки.

— Въ путь! Обѣдать пора!

И, перекинувши ружье черезъ плечо, баронъ пошелъ по лѣсу, направляясь къ городку, съ котораго уже начала сходить позолота, на короткое время наложенная солнцемъ.

Ему пришлось идти длинной и неширокой просѣкой, усыпанной щепнемъ. Просѣка тянулась почти до самаго городка. На срединѣ она пересѣкалась желѣзной дорогой. Недалеко отъ перекрестка, образуемаго просѣкой и полотномъ желѣзной дороги, стоитъ домъ лѣсничаго Блаухера.

Подойдя къ перекрестку, Артуръ повернулъ, снялъ шляпу и поклонился: на террасѣ домика сидѣла старая мадамъ Блаухеръ и вышивала скатерть. На ея крошечной головѣ сидѣлъ большой чепчикъ съ широчайшими бантами, а изъ-подъ чепчика выглядывали стариннѣйшія дѣдовскія очки: они сидѣли на длинномъ, тупомъ носу, напинавшемъ большой палецъ ноги... На поклонъ Артура она отвѣтила слащавой улыбкой.

— Добрый вечеръ, фрау Марта!—сказалъ баронъ.— Писемъ мнѣ итъ?

— Есть, но только одно. Съ гербомъ, баронъ...

— Адресъ написанъ рукой Пельцера?

— Да...

— Ну такъ бросьте его, Марта, въ печь. Я знаю его содержаніе. Жидъ подъ диктовку моей сестрицы прокликаетъ меня за принятіе лотеранства... И такъ знаю, безъ чтенія. Мужъ вашъ здоровъ? И фрейлейнъ Амалія, надѣюсь, тоже?

— Благодарю васъ... Мнѣ придется, значитъ, сжечь шестое уже письмо... Занятіе не особенно пріятное, если знаешь, что надъ этимъ письмомъ трудились, чувствовали... Какъ вы жестоки! Теперь вы куда идете?

— Обѣдать... куда-нибудь...

— И къ кому-нибудь?

— Да...

Старушка вздохнула и покачала головой.

— Не будь мой Блаухеръ такъ остороженъ,—сказала она:—и я дала бы вамъ пообѣдать. Мой мужъ рветъ на своей головѣ волосы, когда къ намъ ходятъ знатные господа. Къ намъ ѣздитъ генераль Фрехтельзакъ; но вѣдь онъ старикъ,—его нельзя бояться... За него и не боится мой Блаухеръ... Для него вы страшны. Вы пообѣдаете у насъ, а сосѣди скажутъ, что вы ухаживаете за нашей дочерью, и Богъ знаетъ чего ни наговорятъ. Знатный человекъ ходить вѣдь не затѣмъ, чтобы жениться, а извѣстно зачѣмъ... Ну, Блаухеръ и боится... А генераль Фрехтельзакъ совѣмъ другое дѣло!

— Не безпокойтесь, Марта! Я пообѣдаю и въ другомъ мѣстѣ.

— Да, по правдѣ, сказать—у насъ сегодня и обѣдъ никуда не годится. Бѣда въ теперешнее время съ прислугой,—ничего съ ней не подѣлаешь!

— Прощайте, Марта! Поклонъ вашимъ!

— Прощайте, баронъ!

Баронъ поклонился и пошелъ къ просѣлкѣ. Темныя вечернія тѣни уже ложились на землю. Въ лѣсномъ воздухѣ становилось свѣжо. Позади Артура съ шумомъ промчался вечерній дачный поѣздъ, развозившій горожанъ по полямъ и лѣсамъ... Въ лѣсу вечеръ начинается раньше, чѣмъ въ полѣ. Въ полѣ можно было продѣть пилку въ иглу... Когда стихъ шумъ отъ дачнаго поѣзда, Зайницъ услышалъ позади себя конскій топотъ. Онъ оглянулся и остановился: на прекрасномъ ворономъ конѣ неслась къ нему амазонка. Она пронеслась мимо, заглянула на Артура и, проѣхавъ нѣсколько сажень, осадилла лошадь.

— Фонъ-Зайницъ?—спросила громко всадница.

— Онъ самый...

Артуръ подошелъ къ амазонкѣ и поклонился. Въ лѣсу стемнѣло, но еще не настолько, чтобы нельзя было увидѣть, какъ хороша была всадница. Отъ всей ея фигуры такъ и вѣяло воистину герцогскимъ величіемъ.

Будь здѣсь Цвибушъ и Илька, они узнали бы въ ней ту самую всадницу, которую мы, въ первой главѣ нашего разсказа, вмѣстѣ съ Цвибушемъ, назвали графиней Гольдаугенъ, урожденной Гейленштраль. Въ ея рукахъ былъ тотъ самый хлыстъ, который въ полдень разсѣкъ губу Цвибуша.

— Я узнала васъ при первомъ взглядѣ,—сказала она, подавая Артуру руку.—Вы немного измѣнились... Впрочемъ... съ вами можно говорить, или нѣтъ? Последнее письмо ваше ко мнѣ было полно ненависти, негодованія, самаго отчаяннаго презрѣнія... Вы еще такъ же сильно ненавидите, какъ и ненавидѣли?

Баронъ пожалъ ея красивую руку и улыбнулся.

— Мое письмо,—сказалъ онъ:—преступленіе, которое можно простить мнѣ за давностью лѣтъ. Оно писалось четыре года назадъ. Въ этомъ письмѣ я ненавидѣлъ васъ за ваше корыстолюбіе, которое не позволило вамъ выйти замужъ за любимаго, влюбленнаго, но разорившагося человѣка. Въ настоящее время я менѣе всего склоненъ сердиться на васъ за ваше корыстолюбіе. Три часа назадъ я бесѣдовалъ о своей будущей женитьбѣ на деньгахъ... Я еще живу на этомъ свѣтѣ и не отправляю себя на тотъ только потому, что имѣю цѣль въ жизни... Эта цѣль—женитьба на милліонѣ...

— Вотъ какъ! За послѣдніе четыре года убѣжденія ваши, значитъ, сильно измѣнились. Однако я рада... Я встрѣтила васъ такъ неожиданно! Очень пріятно, баронъ, ей-Богу, пріятно! Спасибо хоть за то, что встрѣтились!

— Ни въ какомъ случаѣ я не могъ ожидать, что когда-либо встрѣчу васъ въ этихъ мѣстахъ. Вы какъ сюда попали?

— Я... Развѣ вы не знаете? Я здѣшняя обитательница... И уже давно...

— Вы, баронесса? Какимъ образомъ?

— Я теперь уже не баронесса Гейленштраль, а графиня фонъ-Гольдаугенъ. Два года назадъ я вышла за вашего сосѣда, графа Гольдаугена...

— Не слыхать... Скажите, какія новости! За графа... Я его не знаю... Онъ красивъ?

— Нѣтъ...

— Странно... Вы любительница красивыхъ мужчинъ, насколько я васъ знаю. Любили вы меня потому, что я, какъ говорятъ, былъ чертовски красивъ. А онъ: молодежь, богатъ?

— Ему подь сорокъ... Онъ очень богатъ...

— Счастливы, разумѣется?

— Нисколько. Я тоже вышла замужъ за милліонъ. Двухлѣтній опытъ показалъ мнѣ, что я сдѣлала страшную ошибку. Счастье не въ милліонѣ, какъ оказалось... Я теперь занимаюсь только тѣмъ, что изобрѣтаю способъ, какъ бы удрать отъ милліона.

Графиня засмѣялась, и ея взглядъ на нѣкоторое время остановился на темнѣющемъ небѣ. Помолчавъ немного, она со смѣхомъ продолжала:

— Значить, мы съ вами теперь помѣнялись ролями, баронъ. Я теперь ненавижу то, что прежде любила, а вы наоборотъ... Какъ однако странно мѣняются обстоятельства на этомъ скучномъ свѣтѣ!

— Вы хотите бѣжать отъ милліона для счастья, а я нищу милліонъ для того, чтобы записаться въ счастливчики... Цѣли, какъ видите, разные...

— Вамъ рѣшительно ничего неизвѣстно о моей новой жизни?

— Ничего...

— Значить, толки ходятъ не особенно сильные... Я затѣяла разводъ со своимъ мужемъ...

— Затѣя веселая... А живете у него теперь?

— Ну, да... Странно немножко, это правда... Но мы, во избѣжаніе лишнѣхъ сплетенъ, уѣдемъ другъ отъ друга только тогда, когда нашъ разрывъ окрасится въ казенный сургучъ... Я улечу отсюда, когда буду официально свободна... Впрочемъ, все это вамъ неинтересно... Я такъ обрадовалась встрѣчѣ со старымъ знакомымъ и... другомъ, что готова безсовѣстно выболтать всѣ свои тайны и не тайны... Поговоримъ о васъ лучше... Вы какъ живете?

— Какъ видите. Живу, гдѣ придется...

— Науки бросили? Совершенно?

— Бросилъ и, по всей вѣроятности, совершенно...

— И совѣсть ученаго человѣка покойна?

— Ну... Наука во мнѣ потеряла немного больше нуля...

Невелика потеря...

Графиня пожала плечами и покачала головой.

— Вы, Зайницъ, оправдываетесь, какъ школьникъ, — сказала она. — Немного больше нуля... Молодые ученые не имѣютъ настоящаго, у нихъ есть будущее. Кто знаетъ: быть-можетъ, если бы вы продолжали ваши занятія на

уками, то вы были бы для науки въ тысячу разъ больше нуля!

— Вы неправильно выражаетесь, — засмѣялся фонъ-Зайницъ:—нуль, помноженный на тысячу, равенъ нулю.

— Вы окончательно разорены? — спросила графиня, какъ бы не слушая фонъ-Зайница.

— Окончательно. У васъ есть съ собой деньги?

— Немного есть. А чтò?

— Отдайте мнѣ ихъ.

Графиня быстро вынула изъ кармана маленькое портмоне и подала его Артуру. Артуръ высыпалъ деньги себѣ въ кулакъ, а портмоне подалъ графинѣ.

— Мерсі, — сказалъ онъ. — Беру займы. Отдамъ на другой день послѣ свадьбы. Вы удивляетесь? Какіе у васъ удивленные глаза! Я не только прошу и беру, но даже еще жалѣю, что въ вашемъ портмоне было такъ мало.

Графиня посмотрѣла въ его глаза и подумала: «онъ лжетъ»

— Я нисколько не удивляюсь, — сказала она: — чтò страннаго и удивительнаго въ томъ, что Артуръ фонъ-Зайницъ занимаетъ немного денегъ у своего друга? Это дѣло житейское, обыкновенное...

— А кто вамъ сказалъ, что вы мой другъ?

— Вы страшны... Прощайте! Съ вами тяжело говорить.

Графиня кивнула головой, подняла хлыстъ и помчалась по просѣлкѣ.

IV.

Когда она проѣхала всю просѣку и выѣхала въ поле, было уже темно... Городъ, горы были еще видны, но потеряли свои очертанія. Бродящіе люди и лошади имѣли видъ силуэтовъ самой неопредѣленной формы. Кое-гдѣ зажглись огни. Графиня остановилась возлѣ шалаша, построеннаго изъ камыша и соломы на одномъ изъ гольдаугенскихъ огородовъ. Гольдаугены для своихъ огородовъ арендовали часть городской земли съ незапамятныхъ временъ. Арендовали ради тщеславія. «Чѣмъ меньше вокругъ моей земли чужихъ владѣній, — сказалъ когда-то одинъ изъ Гольдаугеновъ: — тѣмъ болѣе у меня причинъ держать высоко голову».

У шалаша стояли огородникъ и его сынъ. Увидѣвъ мчащуюся къ нимъ графиню, они сняли шапки.

— Здравствуйте, старый Фрицъ и молодой Фрицъ! — обратилась графиня къ огороднику и его сыну. — Очень

рада, что застаю васъ здѣсь. Если мнѣ когда-нибудь скажутъ, что вы плохо исполняете свои обязанности, я буду имѣть основаніе не повѣрять.

— Мы всегда находимся при своихъ обязанностяхъ,— сказалъ старый Фрицъ, вытянувшись въ струнку.— Ни на шагъ не отходимъ отъ огорода. Но если, ваше сіятельство, господину управляющему или его холопамъ не понравится почему-либо моя рожа, то меня прогонять безъ вѣдома вашего сіятельства. Мы люди маленькіе, и ради насъ едва ли кто-нибудь станетъ беспокоить ваше сіятельство...

— Ты думаешь, Фрицъ? Нѣтъ, ты сильно ошибаешься... Я знаю всѣхъ нашихъ слугъ и, повѣрь, умѣю различать—кто хорошъ, кто плохъ, кого разсчитали. Я знаю, напримѣръ, что старый Фрицъ порядочный слуга, и знаю, что молодой Фрицъ лѣнтяй и зимой у пастора укралъ перчатки и трость... Мнѣ все извѣстно.

— Вамъ извѣстно, что у бѣднаго настора украли перчатки и трость, а неизвѣстно...

Старый Фрицъ замолчалъ и усмѣхнулся.

— Чтѣ неизвѣстно?—спросила графиня.

— Вашему сіятельству неизвѣстно, что собаки камердинера его сіятельства, графа, три недѣли назадъ искусили мою дочь и жену? Вашему сіятельству неизвѣстно, несмотря на то, что вся деревня изъ кожи вонъ лѣзла, чтобы сдѣлать это извѣстнымъ. Собаки камердинера терпѣть не могутъ простой одежды и рвутъ всякаго, одѣтаго по-мужицки. Господину камердинеру доставляетъ это удовольствіе. Еще бы! Собаки валяютъ женщину на землю, рвутъ ея одежду и... нагое тѣло, ваше сіятельство... Господинъ камердинеръ большой любитель бабьяго мяса.

— Хорошо, хорошо... Ну, чтѣ жъ ты хочешь?.. Этого я не знаю...

— Моя жена больна, а дочь стыдится показаться на улицу, потому что мужчины, по милости собакъ, видѣли ее въ костюмѣ Евы.

— Хорошо, хорошо... Разберу. Мнѣ нужно васъ спросить объ одной вещи. Вы не видѣли сегодня по дорогѣ къ городу музыкантовъ, толстаго старика и молодую дѣвушку съ арфой? Не проходили мимо?

— Не видѣлъ, ваше сіятельство!—сказалъ старый Фрицъ.—Можетъ-быть, проходили, а можетъ-быть, и не

проходили. Много всякаго народа проходить. Всѣхъ не увидишь и не запомнишь...

Графиня задумалась и впиалась глазами въ темную даль.

— Это не они?—спросила она, указавъ хлыстомъ на два чернѣвшіеся вдали челочѣскіе силуэта.

— То оба мужчины,—сказалъ молодой Фрицъ.

— Очень возможно, что они остановились ночевать въ деревнѣ,—сказала графиня.—Они будутъ проходить здѣсь завтра въ такомъ случаѣ... Если вы ихъ увидите, то немедленно пришлите ихъ ко мнѣ.

— Слушаю,—сказалъ старый Фрицъ.— Толстый старикъ и молодая дѣвушка. Понимаю. А на что они вамъ, ваше сіятельство? Вѣроятно, украли что-нибудь?

— Почему же непременно украли?

— Да такъ, ваше сіятельство, въ графствѣ Гольдаугенъ только и занимаются тѣмъ, что воровъ ищутъ. Мода такая. Въ графствѣ Гольдаугенъ воруютъ только главные, а ворами считаются всѣ.

— Вотъ какъ! Гм... Завтра можешь искать себѣ другое мѣсто. Чтобы завтра въ этомъ графствѣ не было ни одного Фрица!

Сказавъ это, графиня повернула лошадь и поскакала назадъ къ простѣжкѣ.

— Какъ она красива!—сказалъ молодой Фрицъ.—Какъ хороша!

— Да, очень красива!—сказалъ старый Фрицъ.—Но какое намъ до этого дѣло?

— Чрезвычайно хороша! Клянусь тебѣ истиннымъ Богомъ, отецъ, что не я уворовалъ у пастора перчатки и трость! Я никогда не былъ воровомъ! Если я лгу тебѣ, то пусть я ослѣвлю сію же секунду. Меня оклеветали ни за что ни про что... И она повѣрила этой клеветѣ! Подлые люди!

Молодой Фрицъ помолчалъ и продолжалъ:

— Но пусть же недаромъ клеветаютъ эти подлые люди! Пусть недаромъ смѣются они надъ нами... Я уворую. Когда она говорила съ тобой, а я глядѣлъ на ея красивое лицо, я далъ себѣ честное слово уворовать... И я украду! Я украду у Гольдаугена то, чего не сумѣтъ уворовать ни одному изъ его управляющихъ. И я сдержу честное слово.

Молодой Фрицъ сѣлъ и задумался. Новыя, въ высшей степени сладкія, не крестьянскія, а бальзаковскія мечты

охватили его мозгъ и сердце. Грандіознѣйшій воздушный замокъ въ нѣсколько минутъ былъ построенъ его разгорѣвшимся юношескимъ воображеніемъ... То, что часть назадъ показалось бы ему безумнымъ, несбыточнымъ и моментально было бы изгнано изъ головы, какъ нѣчто дѣтски-сказочное,—теперь вдругъ приняло образъ задачи, которую явилось настоящее желаніе рѣшить во что бы то ни стало. Воздушный замокъ понадобилось вдругъ обратить въ болѣе прочный...

Когда у молодого Фрица закружилась его разгоряченная мечтами голова, онъ вскопчилъ, протеръ пальцами глаза и съ хохотомъ закричалъ отцу:

— Навѣрное украду! Пусть тогда обыскиваютъ!

Графиня ѣхала домой. На пути попался ей навстрѣчу баронъ фонъ-Зайницъ, который все еще шелъ обѣдать.

— Мы, полагаю, еще увидимся?—крикнула ему графиня.

— Если хотите, то да.

— Мы найдемъ, о чемъ намъ говорить. При той скукѣ, которую я теперь переживаю, вы для меня находка. Мнѣ пришла въ голову одна маленькая идейка. Не хотите ли отпраздновать вмѣстѣ со мной день вашего рожденія, который будетъ въ четвергъ на будущей недѣлѣ? Видите, какъ я еще помню васъ? Я не забыла даже день вашего рожденія... Хотите?

— Извольте...

— Намъ нужно сойтись гдѣ-нибудь... Вотъ что... Вамъ знакомо то мѣсто, гдѣ стоитъ «Бронзовый Олень»?

— Да.

— Тамъ намъ никто не помѣшаетъ вспомнить старину. Быть тамъ въ семь часовъ вечера.

— Впно мое.

— Отлично. Adieu! Кстати, баронъ. Будемъ вперёдъ бесѣдовать на французскомъ языкѣ. Я не забыла, что вы не любите нѣмецкаго. А насчетъ «шарлатана» и умныхъ людей—подумайте. Adieu!

Графиня ударила по лошади и черезъ минуту исчезла въ темнѣющемъ все больше и больше лѣсномъ воздухѣ.

Баронесса Тереза фонъ-Гейленштраль была тѣмъ «чистымъ, неземнымъ существомъ», на которомъ впервые отдохнули глаза и чувства Артура послѣ отвратительной парижской жизни. Артуръ сдѣлалъ слишкомъ рѣз-

кій поворотъ отъ разгула къ труду благодаря не одному только уваженію къ наукѣ: этому повороту много способствовала и баронесса. Безъ нея не было бы полного обновленія. По прїѣздѣ изъ Парижа въ Вѣну, Артуръ зажилъ отшельникомъ. Въ одиночествѣ онъ мечталъ объ успокаивающемъ трудѣ, проклиналъ этотъ свѣтъ съ его людьми и, самъ того не желая, вздыхалъ... о парижскихъ кокооткахъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось это одиночество, если бы Артуру, вскорѣ послѣ своего прїѣзда, не пришлось попасть въ число постоянныхъ посѣтителей дома бароновъ Гейленштраль. Въ бытность Артура въ Вѣнѣ, домъ Гейленштралей могъ посѣщать всякій желающій. Собственно говоря, никого они не приглашали, а ходили къ нимъ всѣ любители ходить въ дома великихъ міра сего безъ приглашеній, если только двери не заперты.

Въ послѣдніе годы этотъ домъ напоминалъ благочестиваго человѣка, который, узнавъ о приближеніи своей смерти, махнулъ на все рукой и пустился во всѣ тяжкія, чтобы хотя денекъ пожить по-человѣчески.

Бароны Гейленштраль, истаскавшіеся и разорившіеся, ищущіе спасенія и не находящіе его, предчувствуя смертную агонію, махнули на все рукой и потеряли всякую способность обращать на что-либо вниманіе. Все было забыто, кромѣ приближающагося ужаснаго финала. Ужасъ передъ приближающейся развязкой былъ съ успѣхомъ заглушаемъ виномъ, любовью и мечтами. Гейленштралей еще мечтали о возможности спасенія. Спасеніе, они думали, было въ рукахъ Терезы, которая можетъ выйти за очень богатаго человѣка и замужествомъ поправить плохія дѣла своей семьи. Но и эта надежда была только мечтой. Тереза была въ ссорѣ съ отцомъ и клялась, что она, выйдя замужъ за богатаго человѣка, не дастъ своимъ родственникамъ ни гроша.

Гейленштралей махнули рукой и начали доѣдать то, что еще не было съѣдено. Доѣдали они не просто, отчаянно, торжественно, съ шумомъ и трескомъ, точно раньше никогда не ѣдали. Двери ихъ дома отперлись сами собой, и въ нихъ хлынула полуголодная толпа пожирателей объѣдковъ. Пожиратели явились въ образѣ разорившихся аристократовъ, писателей, художниковъ, артистовъ, музыкантовъ, съ ихъ великолѣпными костюмами, эффектными лицами, тонкими запахами, замѣчатель-

ными инструментами и голодными желѣдками. Пожиратели мигомъ завладѣли домомъ бароновъ, и Гейленштралли, бѣднѣющіе и жаждущіе спасенія, вдругъ увидѣли себя на высотѣ меценатства. Домъ ихъ украсился кулисами, картинами, рѣдкими акварелями. Кварталь по вечерамъ оглашался звуками симфоній, поктюрновъ, вальсовъ и полекъ. Музыкально-литературные вечера, на которыхъ играли и читали, приобрѣли себѣ извѣстность, а за извѣстностью—и массу посѣтителей изъ всѣхъ слоевъ общества. На всѣхъ этихъ вечерахъ и спектакляхъ присутствовала и Тереза. Красивая, точно изъ мрамора высѣченная, вся въ черномъ, она слонялась въ пестрой толпѣ пожирателей отъ одного артиста къ другому, всѣми силами стараясь отдѣлаться отъ своей томительной скуки. Люди, которые составляли толпу, были для нея новы. Они заинтересовывали ее. Отъ скуки она принялась за ихъ изученіе. Она впивалась глазами въ эффектные лица, слушала, говорила, читала сочиненія въ подносимыхъ ей рукописяхъ и путемъ долгаго изученія пришла только къ одному заключенію: между ними есть порядочные малые, есть и шарлатаны. Это заключеніе было единственнымъ результатомъ ея изученія. Не обладающая болѣе тонкимъ анализомъ, она не сумѣла отдѣлить порядочныхъ малыхъ отъ шарлатановъ. Она приблизила къ себѣ нѣкоторыхъ, но и между этими нѣкоторыми было много и свѣтлыхъ личностей, были и шарлатаны. Въ числѣ избранныхъ находился и фонъ-Зайницъ.

Попалъ онъ въ домъ Гейленштралей нечаянно. Его затасили туда одинъ пріятель-авторъ, желавшій показать ему свою комедію, которая давалась на сценѣ бароновъ. Вскорѣ, не довольствуясь спектаклями и литературными вечерами, онъ началъ посѣщать домъ Гейленштралей и днемъ. Тереза, ѣздившая по вечерамъ верхомъ обыкновенно въ сопровожденіи груга, вскорѣ начала дѣлать свои вечернія прогулки въ сообществѣ Артура. Каждый вечеръ Артуръ съ увлеченіемъ рассказывалъ о томъ, что сдѣлалъ онъ въ истекшій день, что прочиталъ, что написалъ. За отчетомъ слѣдовали неизбѣжныя мечты, надежды, предположенія. Тереза слушала его и сама говорила. Она такъ и сыпала фамиліями извѣстныхъ ученыхъ, которыхъ она знала... по наслышкѣ, отъ Артура. Они стали друзьями. Говорятъ, что отъ дружбы до любви одинъ лишь шагъ. Артуръ не думалъ о любви. Ему доста-

точно было только одного общества умной, свѣжей женщины. О любви заговорилъ онъ лишь тогда, когда Тереза въ одну изъ вечернихъ прогулокъ призналась ему, что любитъ его... Она первая заговорила о любви. Послѣ этого признанія потекли дни, которые, какъ говорятъ, бываютъ разъ только въ жизни. Никогда въ другое время не былъ такъ счастливъ и доволенъ жизнью Артуръ, какъ въ эти дни, проведенные съ любимой женщиной. Это счастье однако тянулось недолго. Оно было разрушено Терезой. Когда онъ потребовалъ отъ любимой и несомнѣнно любящей дѣвушки, чтобы она стала его женой, баронессой и «докторшей» фонъ-Зайницъ, она отказала ему наотрѣзъ.

«Я не могу выйти за васъ замужъ,—писала она ему.— Вы бѣдны и я бѣдна. Бѣдность уже отравила одну половину моей жизни. Не отравитъ ли мнѣ и другую? Вы мужчина, а мужчинамъ не такъ понятны всѣ ужасы нищеты, какъ женщинамъ. Нищая женщина—самое несчастное существо... Вы, Артуръ, напрасно заговорили о замужествѣ... Вы этимъ самымъ вызываете на объясненія, которыя не могутъ пройти безслѣдно для нашихъ теперешнихъ отношеній. Прекратимъ же эти тяжелыя объясненія и будемъ жить попрежнему».

Артуръ въ клочки изорвалъ это письмо и написалъ отвѣтъ, въ которомъ призывалъ на голову Терезы громы небесныя. Онъ погорячился и написалъ «неземному существу» огромнѣйшее письмо, въ которомъ проклиналъ «духъ времени и воспитаніе»... Трогательныя письма, которыя потомъ присылались въ оправданіе отказа, не читались, а бросались въ печь. Артуръ до того возненавидѣлъ Терезу, что все напоминающее ему ее потеряло въ его глазахъ всякую цѣну. Онъ возненавидѣлъ все величественное, строгое, гордое и всей душой привязался ко всему мизерному, забитому, бѣдному...

Идя обѣдать, Артуръ припомнилъ все это... Ему смѣшонъ былъ теперь его трактатъ «о духѣ времени», но старинная ненависть зашевелилась въ немъ. Онъ не успѣлъ еще разстаться съ этою ненавистью.

Въ четвергъ, въ день своего рожденія, Артуръ вспомнилъ обѣщаніе, данное Терезѣ, пообѣдать съ нею вмѣстѣ: онъ отправился къ «Бронзовому Оленю». Такъ называлась маленькая поляна, на которой былъ убитъ когда-то королемъ олень съ шерстью бронзоваго цвѣта. Другіе же

говорять, что здѣсь во время оно стояла статуя «Охоты»—олень, вылитый изъ бронзы, замѣнявшій собой Діану. Говорять, что король, по приказанію котораго ставилась эта статуя, былъ цѣломудренъ и на статуи классическихкихъ женщинъ смотрѣлъ съ отвращеніемъ.

Когда Артуръ пришелъ на поляну, Тереза уже была тамъ. Она нетерпѣливо шагала по травѣ и хлыстомъ сбивала головки цвѣтовъ. Лошадь ея была привязана въ сторонѣ къ дереву и лѣниво ѣла траву.

— Хорошо же вы принимаете своихъ гостей!—сказала графиня, идя навстрѣчу Артуру.—Хорошъ вы хозяинъ! Вы гуляете, а гостя ожидаетъ васъ уже болѣе часа...

— Я ходилъ за виномъ, — оправдывался Артуръ. — Прошу садиться! Намъ съ вами не впервые приходится сидѣть на травѣ. Помните бывшее время?

Графиня и Артуръ сѣли на траву и принялись вспоминать бывшее... Они вспоминали, но не касались ни любви ни разрыва... Разговоръ вертѣлся около вѣпскаго житья-бытья, дома Гейленштралей, артистовъ, вечернихъ прогулокъ... Баронъ говорилъ и пилъ. Графиня отказалась отъ вина. Выпивъ бутылку, Артуръ слегка опьянѣлъ; онъ началъ хохотать, острить, говорить колкости.

— Вы чѣмъ теперь питаетесь?—спросилъ онъ между прочимъ.

— Чѣмъ? Гм... Извѣстно, чѣмъ... Гольдаугены не бѣдны...

— Вы ѣдите и пьете, значитъ, графское?

— Не понимаю, для чего эти вопросы!?

— Но умоляю васъ, отвѣтите, Тереза. Вы графское ѣдите и пьете?

— Ну, да!

— Странно. Вы терпѣть не можете графа и въ то же время живете у него на хлѣбахъ... Ха-ха-ха... Каково? Каковы, чортъ возьми, правила? Меня ваши мудрые люди считаютъ шарлатаномъ; какого же они мнѣнія о васъ? Ха-ха-ха!

По лицу графини пробѣжала туча.

— Не пейте больше, баронъ,—сказала она строго.— Вы дѣлаетесь ньяны и начинаете говорить дерзости. Вы знаете, что обстоятельства заставляютъ меня жить еще у Гольдаугена.

— Какія обстоятельства? Боязнь злыхъ языковъ? Стара пѣсня! А скажите мнѣ, пожалуйста, графиня, сколько

обязуется давать вамъ ежегодно графъ послѣ развода?

— Ничего...

— А зачѣмъ вы говорите неправду? Да вы не сердитесь... Я по-дружески. Не теребите хлыста. Онъ не виновать. Ба!

Баронъ ударилъ себя по лбу и приподнялся.

— Позвольте... Какъ же это я раньше-то не обратилъ вниманія?

— Чтò такое?

Глаза барона забѣгали. Они перебѣгали съ лица графини на хлыстъ, съ хлыста на ея лицо. Онъ нервно задвигался.

— Какъ же это я раньше не вспомнилъ!—забормоталъ онъ.—Такъ это вы изволили угостить стараго толстяка и мою дѣвочку въ тюльпанѣ?

Графиня сдѣлала большіе глаза и пожала плечами.

— Въ тюльпанѣ... Толстяка... Чтò вы бормочете, фонъ-Зайницъ? Вы стали заговариваться. Пить не нужно!

— Дратся не нужно, милостивая государыня!

Баронъ поблѣднѣлъ и ударилъ себя кулакомъ по груди.

— Дратся не нужно, чтобы чортъ васъ взялъ съ вашими аристократическими замашками! Слышите?

Графиня вскочила. Ея глаза расширились и заблестали гнѣвомъ.

— Не забываетесь, баронъ!—сказала она.—Не угодно ли вамъ взять вашего чорта обратно? Я не понимаю васъ!

— Не угодно! Къ чорту! Не думаете ли еще отказаться отъ вашего низкаго поступка?

Глаза графини сдѣлались еще больше. Она не понимала.

— Какого поступка? Отъ чего мнѣ отказываться? Я не понимаю васъ, баронъ!

— А кто во дворѣ графа Гольдаугена вотъ этимъ самымъ хлыстомъ ударилъ по лицу стараго скрипача? Кто повалилъ его подъ ноги вотъ этой самой лошади? Мнѣ называли графиню Гольдаугенъ, а графиня Гольдаугенъ только одна.

Яркій, какъ зарево пожара, румянецъ выступилъ на лицѣ графини. Рачиная отъ висковъ, онъ разлился до самаго кружевного воротника. Графиня страшно смутилась. Она закашлялась.

— Я не понимаю васъ, — забормотала она: — какого скрипача? Чтò вы... болгаете? Образумьтесь, баронъ!

— Полноте! Къ чему лгать? Въ былые годы вы умѣли лгать, но не ради такихъ мелочей! За что вы его ударили?

— Кого? Про кого вы говорите?

Голосъ графини былъ тихъ и дрожаль. Глаза бѣгали, точно пойманныя мыши. Ей было ужасно стыдно. А баронъ опять уже полулежалъ на травѣ, упорно глядя въ ея прекрасные глаза и злобно-пьяно ухмыляясь. Губы его подергивались нехорошей улыбкой.

— За что вы его ударили? Вы видѣли, какъ плакала его дочь?

— Чья дочь? Объяснитесь, баронъ!

— Еще бы! Вы умѣете давать волю своимъ бѣлымъ рукамъ и длинному языку, но не умѣете видѣть слезъ! Она до сихъ поръ плачетъ... Хорошенькая, бѣлокурая дѣвочка до сихъ поръ плачетъ... Она, слабая, нищая, не можетъ отомстить графинѣ за своего отца. Я просидѣлъ съ ними три часа, и она въ продолженіе трехъ часовъ не отнимала рукъ отъ глазъ.. Вѣдная дѣвочка! Она не выходитъ у меня изъ головы со своимъ плачущимъ, благороднымъ личикомъ. О, жестокіе, сытые, не битые и никогда не оскорбляемые черти!

— Объяснитесь, баронъ! Кого я била?

— Ну, да! Вы думаете, по вашему лицу я не узнаю, гдѣ кошка, которая съѣла мышку? Стыдно!

Баронъ приподнялся и протянулъ руку къ хлысту.

— Покажите!

Графиня покорно подала ему хлысть.

— Стыдно!— повторилъ онъ и, согнувъ спиралью хлысть, сломалъ его на три части и швырнулъ въ сторону.

Графиня окончательно смѣшалась. Пристыженная, слушающая дерзкое слово первый разъ въ своей жизни, красная и не знающая, куда спрятать отъ судейскихъ глазъ барона лицо и руки, она не находила словъ. Изъ этого неловкаго положенія нѣсколько вывело ее одно маленькое обстоятельство. Въ то время, когда Артуръ ломалъ хлысть, въ сторонѣ, за деревьями, послышались шаги. Черезъ минуту графиня увидала Фрицовъ. Они вышли изъ-за деревьевъ и, съ любопытствомъ глядя на графиню и Артура, пошли черезъ поляну. Впереди шель молодой Фрицъ съ длиннымъ удилицемъ черезъ плечо. За нимъ, еле-еле передвигая ноги, тащился старшій Фрицъ. Въ правой рукѣ стараго Фрица на веревочкѣ болталась молодая щука.

— Господинъ Фрицъ, отчего же вы не въ перчаткахъ?— обратилась графиня къ молодому Фрицу.

Фрицъ опустилъ глаза и, искоса поглядывая на графиню, зашевелилъ губами.

— Гдѣ ваша трость? Отчего вы не съ тростью?

Молодой Фрицъ поблѣднѣлъ и зашагалъ быстро къ деревьямъ. У деревьевъ онъ разъ оглянулся и скрылся. Старый Фрицъ, молча, ни на кого не глядя, пошелъ за нимъ.

— Вы извините меня,—заговорилъ баронъ послѣ того, какъ скрылись за деревьями Фрицы.—Я не хочу васъ оскорбить... Но, клянусь честью, я сумѣлъ бы отомстить за скрипача, если бы вы не были женщиной... Стыдно, Тереза! Мнѣ было стыдно за васъ передъ дѣвочкой!

Баронъ поднялся и надѣлъ шляпу.

— Вы не находите словъ для оправданія... И отлично! Къ чему лгать? Ваше оправданіе—ложь.

— Я еще продолжаю не понимать васъ, баронъ!—сказала графиня.

— Честное слово?

— Да... честное слово...

— Гм... прощайте. Ваши красивые глаза полны лжи! Слава Богу, что вы еще умѣете краснѣть, когда лжете.

Артуръ потянулся, кивнулъ головой и пошелъ черезъ поляну къ лѣсной тропинкѣ.

Лобъ графини Гольдаугенъ покрылся морщинами. Она мучительно думала, искала въ своемъ мозгу словъ и не находила... Ей страстно хотѣлось оправдать передъ Артуромъ свой поступокъ, въ которомъ стыдно было сознаться. Пока она думала, кусая свои розовыя губы и ломая пальцы, Артуръ зашелъ за деревья.

— Баронъ!—крикнула Тереза.—Постойте!

Вмѣсто отвѣта графиня услышала только шумъ шаговъ удалявшагося Артура.

— Баронъ!—крикнула еще разъ графиня, и ея голосъ задрожалъ отъ боязни, что баронъ уйдетъ.

Шумъ отъ шаговъ затихъ.

Графиня постояла немного и опустилась въ раздумьѣ на землю. Около нея валялись двѣ пустыя бутылки. Третья, содержавшая въ себѣ еще немного вина, стояла косо на травѣ и готова была упасть. Тереза допила вино изъ этой бутылки, поднялась и пошла къ лошади.

Когда она выѣхала изъ поляны, она увидѣла въ двухъ-трехъ шагахъ отъ деревьевъ, окружавшихъ поляну, всад-

ника, который садился на лошадь. Лошадь этого всадника, завидѣвъ графиню, весело заржала. Всадникъ былъ мужчина лѣтъ сорока пяти, высокій, тощій, блѣдный, съ тщедушной бородкой. Сѣвъ на лошадь, онъ погнался за графиней.

— Пойдите! — сказалъ онъ тихимъ голосомъ. По тембру этого слабаго, не мужского голоса можно было судить, что онъ вытекалъ изъ больной груди. — Пойдите! Я хочу сказать вамъ два слова! Только два слова!

Графиня не оглянулась.

— Вы шпиюнили? — сказала она. — Подсматривали?

— Но я люблю тебя! Я не могу прожить ни минуты, чтобы не видѣть тебя. Два слова только!

V.

Графиня взглянула на своего мужа, графа Гольдаугена (это былъ онъ), и поѣхала тише.

— Вамъ докторъ запретилъ быстро ѣздить, — сказала она. — Поѣзжайте тише... Что вамъ нужно?

— Два слова только.

— Ну?

— Кто онъ?

— Баронъ фонъ-Зайницъ.

— Фонъ-Зайницъ? Онъ? Такъ это фонъ-Зайницъ? Это тотъ человекъ, котораго вы когда-то... любили?

— Можетъ-быть... Ну да, онъ. Такъ что же?

— Гм... Онъ и теперь красивъ... Зачѣмъ вы позволили ему кричать на себя? Какое онъ имѣетъ право?

Графъ помолчалъ, кашлянулъ и спросилъ:

— Пожалуй, вы его... можете и теперь полюбить? Вѣдь старая любовь можетъ возвратиться?

— Дайте мнѣ вашъ хлыстъ! — сказала графиня и, взявъ у мужа хлыстъ, сильно дернула за поводъ и помчалась по просѣкѣ.

Графъ тоже изо всей силы дернулъ за поводъ. Лошадь побѣжала, и онъ бессильно заболтался на сѣдлѣ. Бедрa его ослабѣли; онъ поморщился отъ боли и осадилъ лошадь. Она пошла тише. Графъ проводилъ глазами свою жену, опустилъ на грудь голову и задумался.

Дня черезъ три Артуръ недалеко отъ домика лѣсничаго Блаухера встрѣтилъ Терезу. На этотъ разъ она встрѣтилась ему не амазонкой. Она гуляла въ крестьянскомъ платьѣ. Платье имѣло видъ обыкновеннаго, только

что шитаго крестьянскаго платья, но было много дороже черной шелковой амазонки. Въмѣсто разноцвѣтныхъ грушевыхъ гранатъ на шеѣ ея висѣли бирюза, изумруды, кораллы, жемчугъ. На каждой рукѣ было по массивному браслету. Платье и венгерская куртка были сшиты изъ дорогой матеріи.

— Баронъ! — крикнула она, увидѣвъ Артура. — На минутку!

Когда онъ подошелъ къ ней, она сказала ему:

— Вы вашими словами и уходомъ — помните? — задали мнѣ задачу. Я васъ поняла только послѣ долгаго размышленія. Теперь я понимаю... Вы намекали на того старика... котораго я ударила хлыстомъ! Да?

— Ну да... Въ чемъ же задача?

— Ну, вотъ! Понимаю теперь, про кого вы говорили... Мнѣ нѣтъ надобности оправдываться передъ вами, баронъ, но ради... ради удовлетворенія нашего обоюднаго чувства справедливости... Я его ударила за дѣло. Меня, по милости его, сбросила съ сѣдла лошадь... Я чуть не сломала себѣ ногу. И потомъ... онъ позволилъ себѣ смѣяться...

Артуръ посмотрѣлъ въ лицо графини и весело засмѣялся.

— Полно лгать, ваше сіятельство! — сказалъ онъ. — Къ чему намъ кормить другъ друга ложью? Не нужно мнѣ вашихъ оправданій... Да и къ чему они? Я вижу первый разъ въ жизни ваши хорошенькія ножки, и для меня этого совершенно достаточно... Ножки ваши выше всякой критики! Пойдемте, погуляемъ. Прошу прощенія за тѣ дерзости, которыми я угостилъ васъ около «Бронзоваго Оленя». Пьянъ былъ...

Артуръ и Тереза гуляли долго. Бесѣдовали они о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, много шутили, много смѣялись. О старикѣ-музыкантѣ, его дочери, мудрыхъ людяхъ и «шарлатанѣ» не было и помину. Баронъ не сказалъ ни одной колкости... Онъ былъ любезенъ, какъ въ былые годы въ Вѣнѣ, въ домѣ Гейленштралей. Когда онъ проводилъ Терезу къ ея кабріолету, стоявшему недалеко отъ домика Блаухеръ, было уже совершенно темно.

— Вы меня поучите стрѣлять? — спросила Тереза, садясь въ кабріолетъ.

— Сколько хотите...

— Пожалуйста, баронъ. Я ужасно скучаю. Если вы

уменьшите хоть немного мою скуку — вы мнѣ сдѣлаете благодѣяніе... Честное слово. Поможемъ другъ другу.

Тереза пожала Артуру руку и уѣхала.

Черезъ четыре дня они опять встрѣтились, а черезъ полмѣсяца не было уже ни одного дня, въ который они не встрѣчались бы. Баронъ научилъ Терезу стрѣлять, и Тереза пріѣзжала на охоту каждый вечеръ, а иногда и рано утромъ. Отношенія ихъ были самыя неопредѣленныя. Трезвый фонъ-Зайницъ поражалъ Терезу своей любезностью. Трезвый онъ говорилъ тихо, ласково, видимо избѣгая жесткихъ словъ, ласково улыбался, предупредительно подавалъ свою большую руку и говорилъ не какъ «дикий», а какъ истый дамскій кавалеръ. Пьяный же фонъ-Зайницъ поражалъ своей грубостью, цинизмомъ, нехорошимъ смѣхомъ. Когда онъ былъ пьянъ, Терезѣ приходилось выслушивать отъ него самыя невозможныя вещи. Онъ смѣялся надъ ней, посылалъ ее ко всѣмъ чертямъ, говорилъ, что презираетъ, ненавидитъ.

— Извиняю вамъ, фонъ-Зайницъ, — сказала ему однажды Тереза: — только потому, что вы пьяны. Лежачихъ, сумасшедшихъ и пьяныхъ не бьютъ...

— А-а-а-а... Вотъ какъ! Такъ знайте же, — отвѣтилъ се смѣхомъ фонъ-Зайницъ: — что я говорю вамъ правду только тогда, когда я пьянъ. Когда я трезвый — я держу себя по отношенію къ вамъ подлымъ фарисеемъ. Не вѣрьте мнѣ трезвому!

— Намъ не слѣдуетъ встрѣчаться...

— Почему не слѣдуетъ? Встрѣчайтесь! Вамъ скучно и мнѣ скучно... Въ ссорахъ и въ войнахъ время быстрѣй течетъ, чѣмъ въ мирное время. Ха-ха! Судьба хорошо сдѣлала, что пустила между нами черную кошку и поселила въ насъ неуваженіе къ добродѣтелямъ другъ друга. Вы не уважаете меня, потому что видите во мнѣ шарлатана, я не уважаю васъ, потому что вижу въ васъ кусокъ хорошаго женскаго мяса! Ха-ха!

Тереза пустила изъ глазъ молнію, не сказала ни одного слова и уѣхала. Послѣ этой бесѣды Артуръ не видалъ ее цѣлую недѣлю. На восьмой день онъ встрѣтилъ ее и извинился.

Артуръ былъ пьянъ нерѣдко. Тереза то и дѣло уѣзжала отъ него оскорбленной. Она уѣзжала, давая себѣ честное слово не встрѣчаться съ нимъ болѣе, но...

Прошло лѣто и наступила осень. Съ деревьевъ посы-

пались на влажную, холодную землю пожелтѣвшіе, отжи-
вшіе свой короткій вѣкъ, листья... Начались дожди. Осен-
няя грязь — не лѣтняя: она не высыхаетъ, а если и вы-
сыхаетъ, то не по часамъ, а по днямъ и недѣлямъ... По-
дулъ вѣтеръ, напоминающій о зимѣ. Почернѣвшій отъ
непогоды лѣсъ нахмурился и уже пересталъ манить подь
свою листву.

Куртку изъ козьяго пуха фонъ-Зайницъ замѣнилъ ко-
роткимъ пальто на ватѣ. Его сапоги потеряли свой блескъ
и покрылись грязью... На блѣдномъ лицѣ его появился
румянецъ отъ свѣжаго, влажнаго вѣтра. Отношенія его
и Терезы не вылились еще въ опредѣленную форму. Бѣ-
сѣды еще не окончились... Тереза чувствовала, что еще
«не досказала», и ѣздилъ въ лѣсъ попрежнему.

Нужно было бѣжать отъ лѣснаго холода, сырости,
грязи... Судьба дала имъ убѣжище. Они стали встрѣ-
чаться въ забытой, поросшей мхомъ и крапивой ча-
совнѣ, въ саду графовъ Гольдаугеновъ. Страшные глаза
педописаннаго святого Франциска каждый осенній вечеръ
видѣли Артура и Терезу. При слабомъ мерцаніи фонаря
они сидѣли на полусгнившей скамьѣ и бесѣдовали. Онъ,
обыкновенно пьяный, сидѣлъ, зѣвалъ и злословилъ... Она,
блѣдная, какъ мраморъ, съ высоко поднятой головой, уже
успѣвшая привыкнуть къ его языку, терпѣливо выслу-
шивала его и сама злословила. Когда онъ былъ трезвъ,
пауки, пріютившіеся по угламъ часовни, слушали ска-
занія о быломъ, недалекомъ счастьѣ и видѣли счастли-
вую женщину. Онъ, какъ старикъ, любилъ говорить о
прошломъ. Въ его голосѣ звучала старческая струнка:
онъ ни о чемъ не жалѣлъ и былъ доволенъ одними только
воспоминаніями. Она же, полная силъ, молодости и же-
ланій, сожалѣла о минувшемъ, и голосъ ея звучалъ
надеждой. Она еще страстно любила барона фонъ-Зай-
ницъ...

Въ одинъ изъ самыхъ ненастныхъ осеннихъ дней
Артуръ зашелъ къ мадамъ Блаухеръ переждать дождь.
Мадамъ Блаухеръ съ улыбочкой подала ему пакетъ.

Когда онъ распечаталъ пакетъ, онъ засмѣялся, какъ
дитя, которому показали новую игрушку. Въ пакетѣ была
фотографическая карточка и письмо.

То и другое было отъ Ильки. Баронъ взглянулъ на
карточку и сдѣлалъ большіе глаза. На карточкѣ была
изображена Илька, но не та Илька, которую онъ видѣлъ

нѣсколько мѣсяцевъ назадъ — нѣтъ: на карточкѣ не было и намекъ на то бѣдное платьишко, которое когда-то обливалось горючими слезами оскорбленной Ильки. Не было видно и той грошевой бархатной ленточки, которая придерживала бѣлокурые волосы. Артуръ увидѣлъ на карточкѣ молодую аристократку, одѣтую въ роскошное, модное платье. Волосы, причесанные умѣлой рукой, были украшены соломенной шляпой. На шляпѣ были цвѣты и, насколько это можно было видѣть въ фотографіи, не дешевые; улыбка на хорошенькомъ личикѣ была гордая, надменная, но дѣланная...

— Дурочка! — сказалъ со смѣхомъ Артуръ и поцѣловалъ портретъ Ильки. — Дурочка ты! Борона въ павлиньихъ перьяхъ. Ты надѣла богатое платье и глядишь побѣдительницей! Поноси-ка это платье подольше! Увидимъ, что ты запоешь!

Письмо было написано уже знакомымъ почеркомъ.

«Милый баронъ! — писала Илька. — Посылаю вамъ карточку и увѣдомляю васъ, что мы съ отцомъ Цвибушемъ живы и здоровы. Еще увѣдомляю васъ, что я непременно буду имѣть миллионъ. Буду имѣть его очень скоро. Мы живемъ теперь очень хорошо. При свиданіи расскажу вамъ, что съ нами случилось. Вы меня, навѣрное, уже забыли. Этимъ письмомъ я напоминаю вамъ о себѣ и прошу не забывать, что вы мнѣ обѣщали. Я васъ очень люблю. Я здѣсь вижу много бароновъ и графовъ, но вы лучше всѣхъ. Папа вамъ кланяется. Пишите мнѣ по слѣдующему адресу (слѣдуетъ длинный адресъ). Пишите: надѣяться мнѣ или нѣтъ? Ваша И.»

Баронъ, смѣясь и не спуская глазъ съ карточки, попросилъ у мадамъ Блаухеръ бумаги и написалъ слѣдующее:

«Здравствуй, Илька. Спасибо. Жду тебя съ твоимъ миллиономъ. Не дѣлай глупости. Будь умна и здорова. Поклонъ твоему старому, сто разъ битому толстяку, которому выдай изъ твоего большого миллиона двѣ-три золотыя монетки на пропивку. Твой женихъ баронъ фонъ-Зайницъ».

Отдавъ это письмо мадамъ Блаухеръ для отсылки на почту, Артуръ сѣлъ за столъ и принялся карандашомъ рисовать на портретѣ большой тюльпанъ. Карандашъ былъ зачinenъ съ обоихъ концовъ. Одинъ конецъ былъ красный, другой синій. Ни тотъ ни другой цвѣтъ не ложи-

лись на эмаль карточки. Ильку не удалось посадить въ тюльпанъ, несмотря на то, что Артуръ просидѣлъ за рисованіемъ до тѣхъ поръ, пока стало темно...

Съ Илькой же и ея отцомъ произошло нѣчто особенное...

Черезъ недѣлю послѣ встрѣчи съ барономъ фонъ-Зайницъ, въ одинъ изъ самыхъ жаркихъ полудней, они сидѣли подъ навѣсомъ желѣзнодорожной станціи. Несмотря на сильный жаръ и духоту, на станціонной платформѣ было много публики: дачники, дачницы, помѣщики и пассажиры стоявшаго на запасномъ пути поѣзда шныряли взадъ и впередъ по платформѣ и наполняли собой все станціонныя постройки. Поѣздъ, стоявшій на запасномъ пути, былъ военный, а военные поѣзда стоятъ на станціяхъ часа по два, по три... Зала перваго класса была наполнена пьющими офицерами. Въ залѣ третьяго класса гремѣлъ оркестръ военной музыки, которая и привлекала на станцію массу публики.

Цвибушъ и Илька сидѣли на площадкѣ большихъ десятичныхъ вѣсовъ, отдыхали и поглядывали на публику: Цвибушъ на солдатъ, пившихъ пиво, Илька разсматривала наряды. Возлѣ нихъ прохаживались пьяные офицеры и поглядывали на Ильку. Хорошенькая дѣвочка имъ понравилась... Сначала вертѣлись возлѣ нея младшіе офицеры, послѣ же попойки Илька увидала вблизи себя и старшихъ... За полчаса до отхода поѣзда старшіе и младшіе офицеры сбились въ кучу и, пуская въ нее пьяные взоры, зашептались.

— Говорять о тебѣ, Илька! — сказалъ Цвибушъ. — Давай, сыграемъ имъ что-нибудь. Денегъ дадутъ. Кстати молчитъ тотъ скверный оркестръ.

Цвибушъ и Илька поднялись, настроили свои инструменты и заиграли. Илька запѣла. Офиперство заулыбалось... Илька пѣла, что нѣтъ никого на этомъ свѣтѣ красивѣе и храбрѣе австрійскихъ военныхъ, которые въ минуту сумѣютъ завоевать весь свѣтъ.

— Прекрасно! Безподобно! — забормотали офицеры. — Старикъ, ты не пой! Ты только мѣшаешь своимъ козлинымъ голосомъ! Безподобно!

— Идея! — крикнулъ офицеръ съ большими сѣдыми усами и хлопнулъ себя по кепи. — Клянусь честью, что это идея!

И, обратясь къ своимъ товарищамъ, онъ началъ шеп-

тать имъ что-то. Товарищи утвердительно закивали головами. Заручившись согласіемъ товарищей, офицеръ съ сѣдыми усами подошелъ, покачиваясь, къ Илькѣ, взялъ ее за загорѣвшую руку и сказалъ:

— Послушай, птичка! Мы хотимъ взять тебя съ собою въ поѣздъ... Ты будешь намъ пѣть и играть всю дорогу. Мы дадимъ тебѣ за это много денегъ. Согласна?

И, не дожидаясь отвѣта, офицеръ потянулъ ее за руку и повелъ къ товарищамъ.

— Да, да... — заговорили пьяные офицеры. — Мы дадимъ много денегъ... Ну да...

— А куда вы ѣдете? — спросила Илька.

— Въ Боснію, кажется... Мы сами хорошо не знаемъ.

— Нельзя! — сказалъ Цвибушъ, улыбаясь...

Но офицеры не слушали Цвибуша. Они отвели въ сторону улыбающуюся Ильку и принялись увѣрять ее, доказывать... Одинъ взялъ ее за подбородокъ.

Цвибушъ, увѣренный, что Илька не согласится, стоялъ въ сторонѣ и улыблся. Илька не согласится! На всѣ подобныя предложенія она всегда отвѣчала до сихъ поръ отказомъ. Она нравственная дѣвушка. Но каковы были его испугъ и удивленіе, когда Илька, звонко захотавъ, вошла въ вагонъ перваго класса; она вошла и изъ окошка кивнула отцу... Отецъ побѣждалъ къ ней.

— Я ѣду, отецъ! — сказала она. — Садись...

— Ты сумасшедшая! — сказалъ блѣдный Цвибушъ, не рѣшаясь войти въ богатый вагонъ.

— Входи! — сказали ему офицеры.

Онъ, кланяясь и конфузясь, вошелъ въ вагонъ и принялся увѣждать Ильку. Но упрямая дѣвчонка была неумолима.

— Я хочу имѣть милліонъ! — шепнула она ему. — Если у меня не будетъ милліона, я умру.

— Ты не получишь милліона, сумасшедшая, но честь потеряешь! Ты потеряешь честь! Это безнравственно!..

— Не бойся, папа Цвибушъ. Мужчины не увидятъ и не услышатъ отъ меня ничего, кромѣ музыки... Я рѣшила.

Поѣздъ двинулся съ мѣста, а старикъ все увѣждалъ ее, просилъ, умолялъ. Онъ даже заплакалъ разъ.

— Это скучно, отецъ! — сказала она и отошла къ офицерамъ.

Отецъ, блѣдный, вспотѣвшій, съ дрожащими пальцами и губами, забился въ дальній уголъ вагона и, закрывъ

глаза, молился Богу. Онъ не узнавалъ въ этой веселой, слушающей офицерскія пошлости Илькѣ свою кроющую, часто плачущую Ильку. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ... Непонятны, загадочны эти глупыя дѣвчонки!

Илькѣ отвели отдѣльное купе. Ей и ея отцу предложили роскошный завтракъ, но они не дотронулись до него. Въ ближайшемъ городѣ, въ которомъ поѣздъ стоялъ два часа, одинъ изъ офицеровъ съѣздилъ въ магазины и купилъ Илькѣ новое платье, браслетъ и ботинки...

— За здоровье дочери полка! — крикнули офицеры, когда она вышла изъ купе въ своемъ новомъ нарядѣ. — У-р-ра-а!

Офицеры выпили и заставили Ильку пѣть. Она запѣла и пѣла до тѣхъ поръ, пока полкъ не доѣхалъ до границы...

Таковъ былъ шагъ на новомъ поприщѣ, отъ котораго глупая Илька ждала миллионъ. Этотъ шагъ былъ удаченъ. Когда Илька, мѣсяць спустя, бѣжала съ Цвибушемъ отъ полка, она была одѣта въ платье, которое обошлось офицерамъ въ полторы тысячи франковъ. Она бѣжала въ вагонѣ перваго класса, въ обществѣ пяти молодыхъ дѣвушекъ, старухи съ большимъ орлинымъ носомъ и толстаго нѣмца съ большой лысиной. На пути нѣмецъ раздавалъ свои визитныя карточки, на которыхъ было написано: «Иосифъ Кельтеръ, содержатель оркестра и венгерскаго хора въ Триестѣ». Старуха съ орлинымъ носомъ была его компаньонка.

VI.

Упрямая дѣвчонка бѣжала и еще разъ, и этотъ разъ былъ послѣднимъ.

Была теплая апрѣльская ночь... Двѣнадцать часовъ давно уже пробило, а въ лѣтнемъ помѣщеніи театра *m-me Бланшаръ* представленіе еще не кончилось. На сценѣ *m-Me Тюрьи*, профессоръ черной магіи, показывала фокусы. Она изъ женской ботинки выпустила стаю голубей и вытащила, при громѣ аплодисментовъ, большое женское платье... Изъ-подъ платья, когда оно было опущено на землю и приподнято, вышелъ маленькій мальчикъ въ костюмѣ Мефистофеля. Фокусы были все старые, но ихъ можно было смотрѣть «между прочимъ». Въ театрѣ *m-me Бланшаръ* представленія даются только для

того, чтобы за ресторано́мъ сохра́тить названіе театра. Публика болѣе ѣсть и пьетъ, чѣмъ смотритъ на сцену. За колоннами и въ ложахъ стоятъ столики. Публика первого ряда сидитъ задомъ къ сценѣ, потому что она лорнируетъ кокетокъ, которыя занимаютъ весь второй рядъ. Вся публика скорѣе спуетъ, чѣмъ сидитъ на мѣстѣ... Она слишкомъ подвижна, и никакое шипѣнье не въ состояніи остановить ее хоть на секунду... Она двигается изъ партера въ залу ресторана, изъ залы въ садъ... Сцену m-me Бланшаръ держитъ также для того, чтобы показывать публикѣ «новенькихъ». Послѣ фокусовъ m-lle Тюрьи должны были пѣть эти «новенькія». Публика въ ожиданіи, пока кончатся фокусы, занимала мѣста, волновалась и отъ нечего дѣлать аллодировала женщинѣ-фокуснику. Въ одной изъ ложъ сидѣла сама толстая Бланшаръ и, улыбаясь, играла букетомъ. Она убѣждала «нѣкоторыхъ изъ публики», которые вертѣлись возлѣ нея, что ожидаемыя «новенькія восхитительны...» Ея толстый супругъ, сидѣвшій vis-à-vis, читалъ газету, улыбался и утвердительно кивалъ головой.

— О, да!—бормоталъ онъ.—Недаромъ намъ такъ дорого стоить этотъ хоръ! Есть чтò послушать и есть на кого посмотреть...

— Послушайте, — обратился къ толстой Бланшаръ полный, сѣдой господинъ:—отчего у васъ сегодня въ афишѣ пѣть венгерскихъ пѣсенъ?

Толстая Бланшаръ кокетливо погрозила вопрошающему пальцемъ.

— Знаю, виконтъ, для чего вамъ понадобились эти венгерскія пѣсни, — сказала она. — Та, которую вамъ хочется видѣть, больна сегодня и не можетъ пѣть...

— Бѣдняжка!—вздыхнулъ виконтъ.—Чѣмъ же больна m-lle Илька?

Бланшаръ пожала плечами.

— Не знаю... Какъ однако хороша моя Илька! Вы сотый человѣкъ, который сегодня за вечеръ спрашиваетъ меня о ней. Больна, виконтъ! Волѣзни не падаютъ и красавицъ...

— Наша венгерская красавица страдаетъ очень благороднымъ недугомъ, — сказалъ стоящій тутъ же въ ложѣ молодой человѣкъ въ драгунскомъ мундирѣ. — Вчера она говорила этому шуту д'Омарену, что она больна тоской по родинѣ. Фи! Посмотрите, виконтъ Сези! Какая... какая... какая... прелесть!

И драгунъ указаль виконту Сези на сцену, гдѣ въ это время становился на мѣсто хоръ «новенькихъ». Сези взглянулъ па секунду, отвелъ отъ сцены глаза и заговорилъ опять съ Бланшаръ объ Илькѣ.

— Она смѣется! — шепталь онъ ей черезъ четверть часа. — Она глупа! Вы знаете, что она требуетъ съ каждаго за одинъ мигъ любви? Знаете? Сто тысячъ франковъ! Ха-ха-ха! Посмотримъ, какой сумасшедшій дастъ ей эти деньги! За сто тысячъ я буду имѣть такихъ десятокъ! Гм... Дочь вашей кузины, мадамъ, была красивѣе ея въ тысячу разъ и стоила мнѣ сто тысячъ, но стоила въ продолженіе трехъ лѣтъ! А эта? Капризная дѣвчонка! Сто тысячъ... Ваше дѣло, madame, объяснить ей, что это ужасно глупо съ ея стороны... Она шутить, но... не всегда же можно шутить.

— А что скажетъ красавчикъ Альфредъ Дезире? — обратилась, смѣясь, толстая Бланшаръ къ драгуну.

— Дѣвочка дразнить, — сказалъ Дезире. — Ей хочется подороже продать себя... Она разстроитъ наши нервы и, вмѣсто тысячи, возьметъ двѣ тысячи франковъ. Дѣвочка знаетъ, что ничто такъ не напрягаетъ и не разстраиваетъ эти скверные нервы, какъ ожиданіе... Сто тысячъ — это милая шуточка.

Въ разговоръ вмѣшалось четвертое лицо, затѣмъ пятое, и скоро заговорила объ Илькѣ вся ложа. Въ ложѣ было человекъ десять...

Во время этого разговора въ одной изъ множества комнатокъ, на которыя раздѣлено закулисное пространство, сидѣла Илька. Комната, пропитанная запахами духовъ, пудры и свѣтильнаго газа, носила сразу три названія: уборной, приѣмной и комнаты m-lle такой-то... У Ильки была самая лучшая комната. Она сидѣла на диванѣ, обитомъ свѣжимъ, пунцовымъ, рѣжущимъ глаза бархатомъ. Подъ ея ногами былъ разостланъ прекрасный цвѣтистый коверъ. Вся комната была залита розовымъ свѣтомъ, исходившимъ отъ лампы съ розовымъ абажуромъ.

Передъ Илькой стоялъ молодой человекъ, лѣтъ двадцати пяти, красивый брюнетъ, въ чистенькой черной парѣ. Это былъ репортеръ газеты «Фигаро», Андре д'Омаренъ. Онъ по службѣ былъ постояннымъ посѣтителемъ мѣстъ, подобныхъ театру Бланшаръ. Его визитная карточка давала ему бесплатный входъ во все подобныя мѣста, желающія, чтобъ о ихъ скадалахъ печатались рапор-

тички... Скандаль, описанный въ «Фигаро» — лучшая ре-клама.

Андре д'Омаренъ стоялъ передъ Илькой, покусывая свои усики и бородку, и не отрывалъ глазъ отъ хорошенькой дѣвочки.

— Нѣтъ, Андре, — говорила Илька на ломаномъ французскомъ языкѣ: — не могу я быть вашей... Ни за что! Не клянитесь, не ходите за мной, не унижайтесь... Все напрасно!

— Почему же?

— Почему же? Ха-ха-ха! Вы наивны, Андре... Значить, есть причина, если вамъ отказываютъ... Во-первыхъ, вы бѣдны, а я вамъ уже тысячу разъ говорила, что я стою сто тысячъ... Есть у васъ сто тысячъ?

— Въ настоящую минуту у меня нѣтъ и ста франковъ... Послушайте, Илька... Вѣдь вы все лжете... Зачѣмъ вы такъ безжалостно клеветеете на себя?

— А если я люблю другого?

— А этотъ другой знаетъ, что вы его любите, и любить васъ?

— Знаетъ и любить...

— Гм... Какимъ же онъ долженъ быть скотиной, чтобы допустить васъ до театра жирной Бланшаръ!

— Онъ не знаетъ, что я въ Парижѣ. Не браните, Андре...

Илька поднялась и заходила по комнатѣ.

— Вы, Андре, — сказала она: — не разъ говорили, что готовы для меня сдѣлать все, что угодно... Сдѣлайте такъ, чтобы не приставали мои поклонники... Они не даютъ мнѣ покоя... Ихъ сто, а я одна. Судите сами... И каждому я должна отказывать... А развѣ мнѣ пріятно видѣть людей, огорченныхъ моимъ отказомъ? Устройте, пожалуйста... Мнѣ всѣ эти ухаживанія, просьбы и объясненія ужасно надоѣли.

— Я устрою такъ, — сказалъ д'Омаренъ: — что никто не будетъ надоѣдать вамъ, кромѣ меня... Кромѣ меня?

Илька отрицательно покачала головой.

Андре поблѣднѣлъ и, слѣдя глазами за ходившей Илькой, сталъ на колѣни.

— Но я люблю вѣдь, — сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ: — я люблю васъ, Илька!

Илька вдругъ вскрикнула. Медальонъ, которымъ она играла, вдругъ какимъ-то образомъ открылся. Ранѣе онъ,

несмотря на всѣ ея усилія, не могъ быть открытъ. Фонъ-Зайницъ, даря этотъ медальонъ, забылъ сказать, что онъ имѣетъ секретный замочекъ.

— Наконецъ-таки! — крикнула Илька, и лицо ея проясло радостью.

Теперь она можетъ узнать, чтò въ немъ находится! Быть-можетъ, эта золотая вещица украшается его портретомъ? И, надѣясь увидѣть благородное лицо съ большою черной бородой, она подскочила къ лампѣ, взглянула на медальонъ и поблѣднѣла: вмѣсто бородатаго лица она увидѣла женское, надменное, съ величественной улыбкой. Илька узнала это лицо! На золотой рамочкѣ, въ которую былъ вдѣланъ портретъ, было вырѣзано: «Тереза Гейленштраль любить тебя».

— Такъ вотъ какъ!?

Илька вспыхнула и бросила въ сторону медальонъ.

— Такъ вотъ какъ!? Она любитъ его? Гм... Хорошо...

Илька упала на диванъ и нервно задвигалась.

— Она смѣетъ его любить! — забормотала она. — Такъ пѣтъ же! Андре! Ради Бога!

Репортеръ поднялся, похлопалъ рукой по колѣнямъ и подошелъ къ ней.

— Андре... Хорошо, я буду васъ любить, только исполните одну мою просьбу.

— Какую хотите! Тысячу просьбъ, моя дорогая!

— Я не хотѣла до сихъ поръ дѣлать это, но... теперь вынуждена... Выбираю васъ своимъ мстителемъ... Вы были хоть разъ на моей родинѣ?

И Илька, облокотившись о плечо репортера, принялась шептать ему на ухо. Шептала она очень долго, съ жаромъ, жестикулируя руками. Онъ записалъ кое-что въ свою репортерскую книжку.

— Исполните? — спросила она.

— Да... Я ее ненавижу послѣ того, чтò услышалъ отъ васъ...

— Поѣзжайте сейчасъ же...

— Какъ же вы узнаете, исполнилъ я порученіе или нѣтъ?

— Я повѣрю вашему честному слову, — сказала Илька.

— Въ свою очередь, Илька, дайте мнѣ честное слово, что вы... не обманете меня.

Илька на секунду задумалась. Еще бы! Ей приходилось низко солгать, солгать человѣку преданному, честному и... первый разъ въ жизни.

— Честное слово, — сказала она.

Репортеръ поцѣловаль ея руку и вышелъ. Черезъ часъ онъ уже сидѣлъ въ вагонѣ, а на другой день былъ въ Франціи.

Выпроводивъ репортера, Илька вышла изъ уборной въ фойе, уставленное столиками. Блѣдная, встревоженная, забывшая, что она въ этотъ вечеръ объявлена больной, она заходила по всѣмъ комнатамъ. Ей не хотѣлось думать, но самыя ужасныя, безпокойныя думы смѣняли одна другую въ ея горячей головкѣ. Мысль, что ея баронъ любитъ или любилъ эту женщину, терзала ее. Когда она вошла въ партеръ, взоры публики обратились къ ней и къ ложѣ мадамъ Бланшаръ, которая сейчасъ только утверждала, что Илька больна и лежитъ въ постели. «Новенькія», подвизавшіяся въ это время на сценѣ, вдругъ слышали шипѣніе, свистъ, аплодисменты и принялись кланяться... но публика не имъ шикала и аплодировала.

— На сцену! Венгерскія пѣсни! — закричала неистовавшая публика. — Маршъ на сцену! Илька! Браво!

Илька улыбнулась, показала рукой на горло и вышла, предоставивъ толстой Бланшаръ самой вѣдаться съ обманутой публикой. Она пошла въ одинъ изъ кабинетовъ ресторана, гдѣ обыкновенно ужинала съ «друзьями». За ней послѣдовали ея поклонники.

Ужинъ на этотъ разъ вышелъ невеселый. Илька молчала и ничего не ѣла. Въмѣсто веселаго смѣха и ломанаго французскаго языка «друзьямъ» приходилось слушать одни только глубокіе вздохи. Сези, главный заправила ужиновъ, тоже былъ угрюмъ.

— Чортъ бы побралъ эти невинности съ ихъ невинными рожицами! — бормоталъ онъ, пожирая глазами Ильку.

Дезире пилъ и молчалъ. Въ послѣднее время несчастный драгунъ сталъ задумываться... Илькѣ, которая требовала ста тысячъ, онъ не могъ предложить и двухъ. Его отецъ на-дняхъ умеръ, и имѣніе поступило въ распоряженіе кредиторовъ. На безкорыстную любовь онъ не рассчитывалъ: онъ зналъ, что онъ некрасивъ, и что эти дѣвчонки корыстолюбивы...

Сынъ банкира Баха, Адольфъ, на обязанности котораго лежало папаявать всѣхъ шампанскимъ, сидѣлъ рядомъ съ Илькой и фамильярничалъ. Онъ, какъ самый богатый, имѣлъ на это право... Онъ пилъ изъ Илькиной

рюмки, шепталъ Илькѣ на ухо и т. п. Это фамиллярничанье наводило еще бѣльшую тоску на ужинавшихъ, которые терпѣть не могли Адольфа Баха за его богатство.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стола, за которымъ пили, у окна сидѣли два старичка. Одинъ изъ нихъ фабрикантъ изъ Ліона, Маркъ Лувреръ, другой... Въ другомъ вы не узнаете нашего стараго знакомаго, скрипача Цвибуша, хотя это и онъ. Онъ сильно измѣнился. Онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ, и лобъ не блеститъ уже отъ пота. Въ глазахъ анатія, покорность судьбѣ. Старый Цвибушъ махнулъ на все рукой. Все пропало для него съ его Илькой. На немъ нѣтъ уже рубища. Бѣлая сорочка съ золотыми запонками и черный фракъ облекаютъ его все болѣе и болѣе худѣющее тѣло. Съ Лувреромъ, однимъ изъ самыхъ яростныхъ поклонниковъ Ильки, онъ бесѣдовалъ... о литературѣ.

Къ тремъ часамъ всѣ, за исключеніемъ Цвибуша, его дочери и Луврера, были уже пьяны. Хмель нѣсколько расшевелилъ невеселыхъ, угрюмыхъ кутилъ. Безнадежная любовь разгорячила ихъ пьяныя головы. Языки развязались.

Въ четыре Илька уходила съ отцомъ домой. До ея ухода каждый старался на прощанье сказать ей наединѣ нѣсколько словъ.

— Я васъ люблю! — говорилъ ей каждый и каждый сулилъ ей рай.

— Сто тысячъ! — коротко говорила она.

Въ маѣ, въ одинъ изъ тихихъ вечеровъ, нашелся-таки наконецъ человѣкъ, который отдалъ ей сто тысячъ и положилъ конецъ всей этой комедіи. Человѣкомъ этимъ былъ драгунъ Дезире.

Въ три часа ночи, когда всѣ были уже пьяны, въ кабинетъ вошелъ драгунъ. Онъ былъ блѣденъ и возбужденъ. Ни съ кѣмъ не здороваясь, онъ подошелъ къ Илькѣ, взялъ ее за руку и отвелъ въ сторону.

— Я принесъ, — сказалъ онъ глухимъ голосомъ. — Бери... Знаешь, что сдѣлалъ? Я ограбилъ своего дядю... Завтра же меня отдадутъ подъ судъ... Возьми! Согласенъ!

Изъ груди Ильки вырвался крикъ радости. У нея было уже сто тысячъ! И въ то же время лицо ея покрылось смертельной блѣдностью: настала пора заплатить за сто тысячъ...

Адольфъ Вахъ, который слѣдилъ за движеніемъ Де-

зире, подошелъ къ Илькѣ и, услышавъ слово: «согласенъ», поблѣднѣлъ.

— И я согласенъ!—быстро сказалъ онъ и схватился за свой карманъ. — И я дамъ сто тысячъ!

Дезире насмѣшливо улыбнулся. Въ мальчишкѣ Бахъ онъ не видѣлъ теперь достойнаго соперника.

— Я первый согласился... Вамъ, Бахъ, не мѣшало бы итти спать. Васъ няня ждетъ.

— Я не сплю съ нянями. Мнѣ, Дезире, ваше лицо не слишкомъ нравится! Оно слишкомъ напрашивается на пощечину! Даю сто десять тысячъ!

— Даю сто двадцать!..

Дезире укралъ у дяди ровно сто двадцать тысячъ.

Сези, пьяный, ножирающій своими глазами Ильку, какъ змѣя—кролика, вдругъ всталъ и подошелъ къ Баху и Дезире.

— Вы... вы... соглашаетесь? — забормоталъ онъ. — Вы съ ума сошли! Вы... вы... съ ума сошли, мальчишки! Сто тысячъ! Pardon, mademoiselle, но все-таки... согласитесь сами...

— Даю сто двадцать! — повторилъ Дезире.

— Даю сто двадцать! — сказалъ мальчишка Бахъ и захохоталъ. — Даю сію минуту палочными деньгами!

Сези пошатнулся. Онъ не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ. Неужели найдутся такіе дураки, которые купятъ за сто тысячъ женщину, которую онъ во всякое время могъ бы купить за пять тысячъ? И неужели ее купить... не онъ?

— Это невозможно! — закричалъ онъ.

— Даю и я сто двадцать! — сказалъ подошедшій четвертый мужчина.

Это былъ рослый, здоровый помѣщикъ Арко изъ окрестностей Марселя, очень богатый человекъ. Ему ничего не стоило бросить къ ногамъ дѣвчонки сотню тысячъ. Недавно онъ лишился жены и единственнаго сына и теперь заливаешь свое горе виномъ и покупною любовью.

— И я согласенъ! — сказалъ сербъ Ботичъ, выдававший себя за секретаря какого-то посольства и прокучивавшій ежедневно массу денегъ.

Сези принялся перелистывать свою записную книжку, записывать что-то, высчитывать. Карандашъ такъ и ходилъ по бумагѣ.

— Съ какой же стати, господа? — бормоталъ онъ. —

Неужели у васъ деньги такъ дешевы? Почему же непременно сто двадцать, а не ровно сто? Тридцать... шестьсотъ... Почему же не ровно сто?

— Сто двадцать пять! — крикнулъ Бахъ, побѣдоносно глядя на своихъ соперниковъ.

— Согласенъ! — крикнулъ Сези. — Согласенъ! И я согласенъ, говорятъ вамъ!

— Я не хочу вашей прибавки, — сказала Илька Баху. — Возьмите свои пять тысячъ назадъ. Я согласна и на сто двадцать... Только, господа, не всѣхъ... Одинъ кто-нибудь... А кто же именно?

— Я, — сказалъ драгунъ. — Я первый далъ свое согласие...

— Это пустяки! — заговорили другіе. — Пустяки! Не все ли равно, первый или второй?

— Это пустяки, — сказала Илька. — Какъ же быть, господа? Всѣ вы одинаково мнѣ нравитесь... Всѣ вы милы, любезны... Всѣ вы одинаково меня любите... Какъ быть?

— Вросить жребій! — предложилъ молодой человѣкъ, не принимавшій участія въ куплѣ и съ завистью поглядывавшій на покупателей.

— Хорошо, бросимъ жребій, — согласилась Илька. — Согласны, господа?

— Согласны! — сказали всѣ, кромѣ драгуна, который сидѣлъ на подоконникѣ и безжалостно грызъ свою большую нижнюю губу.

— Итакъ, господа, пишемъ билетки... Тотъ, которому попадется билетъ съ моимъ именемъ, тотъ получаетъ меня. Папа Цвибушъ, пиши билеты.

Послушный, какъ всегда, папа Цвибушъ полѣзъ въ карманъ своего новаго фрака и досталъ оттуда листъ бумаги. Бумага была изрѣзана на квадратики, и на одномъ изъ квадратиковъ было написано: «Илька».

— Кладите, господа, на столъ деньги! — предложила Илька. — Билеты готовы!

— По сколько намъ класть? — спросилъ Бахъ. — Сколько насъ? Восемь? Сто двадцать, дѣленные на восемь, будетъ... будетъ...

— Кладите каждый по сто двадцать тысячъ! — сказала Илька.

— По сколько?

— По сто двадцать тысячъ!

— Вы плохо знаете ариеметику, моя дорогая, — сказалъ сербъ. — Или вы шутите?

— По сто двадцать тысячъ... Иначе я не могу, — сказала Илька.

Мужчины молча отошли отъ Ильки и сѣли за столъ. Они были возмущены. Сези началъ брапиться и искать шляпу.

— Это ужъ будетъ надувательство! — сказалъ онъ. — Это называется шулерничествомъ! Пользоваться тѣмъ, что у насъ, дураковъ, пьяныхъ ословъ, взбудоражена кровь!

— Я не даю ни одного сантима! — сказалъ Бахъ.

— Я не требую, — сказала Илька. — Однакоже пора ѣхать домой... Ты готовъ, папа Цвибушъ? Ыдемъ! Спрячь па память билеты.

— Прощайте! — сказали мужчины. — Поѣзжайте въ себѣ въ Венгрію и ищите тамъ себѣ дураковъ, которые дадутъ вамъ миллионъ. Вѣдь вы хотите миллионъ? Поймите это, чудачка! За миллионъ можно купить весь Парижъ! Прощайте!..

Но всесильная страсть взяла свое... Когда Илька подала каждому свою горячую руку, когда она сумѣла сказать каждому на прощанье нѣсколько теплыхъ словъ и спѣла «последнюю» пѣсню, страсть достигла апогея...

Въ пять часовъ первый попавшійся навстрѣчу офиціантъ вынималъ изъ шляпы Баха бумажные квадратики. Когда взяты были все квадраты и развернуты, изъ всехъ мужскихъ грудей вырвался смѣхъ. Этотъ смѣхъ былъ смѣхомъ отчаянія, смѣхомъ надъ безумствомъ и сумасшествіемъ судьбы.

Билетъ съ именемъ «Илька» попался лонскому фабриканту, старому Марку Лувреръ. Маркъ Лувреръ положилъ свои сто двадцать тысячъ «шутя» и могъ бы довольствоваться однимъ только поцѣлуемъ!

VII.

Былъ морозный декабрьскій вечеръ. На небѣ мерцали первыя звѣздочки и плавала холодная луна. Въ воздухѣ было тихо, — ни одного движенія, ни одного звука.

Артуръ фонъ-Зайницъ шелъ по большой просѣлкѣ «обѣдать». Шелъ онъ изъ часовни св. Франциска, гдѣ полчаса тому назадъ простился до слѣдующаго дня съ Терезой Гольдаугенъ. Зайдя, по обыкновенію, въ домикъ лѣсничаго, онъ спросилъ письма. Блаухеръ дала ему два

конверта; одинъ очень большой, другой очень маленький. Маленькій былъ изъ Парижа отъ Ильки. Зайницъ не сталъ читать это письмо и сунулъ его въ карманъ. Онъ зналъ его содержаніе:—«Я люблю васъ!». Новѣе и умнѣе этого Илька ничего не могла бы придумать. Адресъ на большомъ былъ написанъ рукою Пельцера. Зайницъ сунулъ бы и это письмо, если бы ему не бросилась въ глаза надпись: «цѣнные бумаги». Артуръ подумалъ и распечаталъ этотъ конвертъ. Въ немъ пашель онъ завѣщаніе матери. Онъ началъ читать это завѣщаніе. Чѣмъ болѣе углублялся онъ въ чтеніе бумаги, внизу которой когда-то подписалась дорогая, лелѣвшаяся барона рука, тѣмъ удивленнѣе дѣлалось его лицо. Мать завѣщала въ его пользу все и ничего въ пользу сестры... Но къ чему же Пельцеры прислали ему это завѣщаніе?

— Ага!—подумалъ онъ. — Покаялись! Давно бы такъ..

Имѣніе матери было невелико. Оно давало дохода не болѣе десяти тысячъ талеровъ въ годъ. Но и такой суммѣ радъ былъ Артуръ. И такую сумму ему пріятно было вырвать изъ когтей скряги Пельцера, который готовъ изъ-за талера сдѣлать какую угодно подлость.

Артуръ попросилъ у Блаухеръ бумаги и, сѣвъ за столъ, написалъ Пельцеру письмо. Онъ написалъ, что завѣщаніе получено, и что желательно было бы знать, какая судьба постигла тѣ деньги, которыя получались до сихъ поръ съ имѣнія, завѣщаннаго ему матерью? Письмо было отдано фрау Блаухеръ, которая на другой день и отослала его на почтовую станцію. Черезъ недѣлю былъ полученъ отъ Пельцера отвѣтъ. Отвѣтъ былъ довольно странный и загадочный:

«Ничего я не знаю, — писалъ Пельцеръ. — Не знаю ни завѣщанія ни денегъ. Оставьте насъ въ покоѣ...»

— Что это значитъ? — спросилъ себя Артуръ, прочитавъ отвѣтъ. — Довольно странно! Или онъ раскаивается, что прислалъ мнѣ завѣщаніе? Гм... Пстой же, коли такъ!

И Артуръ на другой день послѣ полученія отвѣта отправился въ городъ и протестовалъ тамъ завѣщаніе. Загорѣлся процессъ.

Артуръ сталъ часто отлучаться въ городъ. Онъ ѣздилъ сначала въ судъ, а потомъ къ своему адвокату. Терезѣ часто приходилось сидѣть одной въ часовнѣ св. Франциска и томиться ожиданіемъ и скукой. Она сидѣла въ ча-

совнѣ, глядѣла на страшные глаза св. Франциска и прислушивалась къ шуму вѣтра... Какое счастье начинало свѣтиться въ ея глазахъ, когда въ шумѣ вѣ часовни можно было различить шаги барона, и какъ мертвенно-блѣдна была она, когда поздно вечеромъ выходила изъ часовни, не повидавшись съ нимъ. Онъ приходилъ въ часовню только подразнить ее, посквернословить, похотать. Тереза съ петернѣиёмъ ждала весны, когда опять можно будетъ сходиться подъ открытымъ небомъ.

Но весна принесла ей съ собой несчастье.

Было тихое, теплое, весеннее «послѣобѣда».

Тереза сидѣла у «Бронзоваго Оленя» и ожидала Артура. Она сидѣла на молодой, только-что показавшейся травкѣ и прислушивалась къ шуму ручейка, который журчалъ невдалекѣ отъ нея. Солнце пріятно грѣло ея красивыя плечи.

«Придетъ или не придетъ?»—думала она.

Артуръ весь отдался тяжбѣ и неохотно ходилъ къ «Бронзовому Оленю». Но въ это послѣобѣда онъ пришелъ. Пришелъ онъ, по обыкновению, слегка пьяный, нахмуренный, недовольный.

— Вы здѣсь? — спросилъ онъ обрадовавшуюся при видѣ его Терезу. — Мое почтение! Хорошо не имѣть никакого дѣла! Честное слово, хорошо! Вездѣльники всегда гуляютъ и посиживаютъ на зеленой травкѣ...

Сѣвъ рядомъ съ Терезой, онъ принялся съ остервенѣиёмъ плевать въ сторону.

— Вы сердитесь? — спросила графиня.

— На подлецовъ Пельцеровъ. Вы знаете, что они со мной сдѣлали? То завѣщаніе, которое они мнѣ прислали, фальшиво, какъ женщина. Оно подложное. Я протестовалъ его, и меня будутъ судить за подлогъ. Пельцеры смастерили ехидную штуку! Онижимаютъ плечами при видѣ этого завѣщанія и знать его не хотятъ. Они сдѣлали подлогъ, а я буду подъ судомъ! Чортъ возьми! Взяли съ меня подписку о невыѣздѣ, и скоро начнеть мнѣ надоѣдать судебный слѣдователь. Каково? Ха-ха! Баронъ фонъ-Зайнцицъ поддѣлалъ завѣщаніе! Нужно быть мошенникомъ Пельцеромъ, чтобы изобрѣсти подобную ловушку! Ну, ваше сіятельство, а вы? Я вчера слышалъ, что вы разведены съ графомъ. Между вами все кончено. Чего же ради вы сидите здѣсь? Отчего не уходите отъ мужа и тѣхъ мѣстъ, которыя напоминаютъ вамъ этого ненавистнаго человѣка?

— Я не хочу уѣхать отсюда, — сказала Тереза.

— Гм... Можно узнать, почему?

— Вы не знаете?

— Почему я знаю!

Наступило минутное молчаніе. Оба знали, зачѣмъ она еще здѣсь, зачѣмъ не оставляетъ этихъ мѣстъ, но Артуру нужно было помучить.

— Я... Вамъ неизвѣстно?.. Я люблю васъ, — сказала графиня, и по ея гордому, строгому лицу разлился румянецъ. — Люблю васъ, Артуръ... Не будь этой любви, я далеко была бы теперь отъ «Бронзоваго Оленя».

Графиня подняла глаза на лицо Артура. Это лицо, пьяное, насмѣшливое, сказало ей истину. Молчаніе подтвердило ту же истину. Онъ не любилъ ея.

— Зачѣмъ же вы приходили сюда? — спросила она тихо, ломая пальцы. — Отчего вы не ушли отъ меня еще тогда, когда начались эти свиданія?

— Вамъ скучно было, — сказалъ Артуръ. — Я еще не пересталъ быть дамскимъ кавалеромъ и дѣлаю все, что угодно милымъ дамамъ. Ха-ха!

— Какъ это неумно!

— Очень жаль, что не могу отвѣчать любовью на любовь. Я люблю другую...

Артуръ полѣзъ, смѣясь, въ боковой карманъ, досталъ оттуда карточку Ильки и поднесъ ее къ самымъ глазамъ Терезы.

— Вотъ она, моя любовь. Узнаете?

— Это дочь того старика? Но отчего она такъ одѣта?

— Одѣта очень прилично... Прелестное личико!

Артуръ промолчалъ. Эффектъ, на который онъ рассчитывалъ, не удался. Графиня при видѣ карточки не поблѣднѣла и не покраснѣла. Она только вздохнула и — странно! — въ ея глазахъ засвѣтилось доброе чувство при видѣ хорошенькаго, почти дѣтскаго личика.

— Прощайте! — сказалъ Артуръ. — Adieu! Пойду читать законы. О, Пельцеръ, Пельцеръ! Скажи я на судѣ, что завѣщаніе получилъ отъ него, надо мной захохочутъ!

Артуръ повернулся къ Терезѣ спиной и, жестикулируя руками, зашагалъ въ чашу лѣса.

Тереза пошла къ своей лошади, которая стояла въ сторонѣ и лѣниво ципала молодую травку.

— Уѣдемъ и не будемъ сюда больше приѣзжать, — ска-

зала Тереза, глядя лошадь по лбу. — Насъ не любятъ. Не будемъ просить милостыни.

И, вскочивъ на лошадь, Тереза помчалась къ опушкѣ лѣса. Въ ея глазахъ свѣтилась рѣшимость. Когда она вѣхала въ калитку, ведущую къ длинной аллеѣ, о которой мы говорили въ первой главѣ нашего разсказа, она услышала за собой шаги. Она оглянулась. За ея лошадью бѣжалъ какой-то незнакомый молодой человѣкъ съ хлыстомъ въ рукѣ.

— На минуту! — крикнулъ онъ ей по-французски.

Графиня осадила лошадь и кивнула головой молодому человѣку.

«Проситель, должно-быть», — подумала она.

Репортеръ д'Омаренъ, улыбающійся и сіяющій, подбѣжалъ къ ней и, любуясь ея красотой, поднялъ хлысть.

— Вы такъ же жестоки, какъ и прекрасны! — сказалъ онъ. — Ничто не должно оставаться безнаказаннымъ. — Вспомните музыканта-старика и его дочь!

И графиня почувствовала на лицѣ своемъ жгучую боль.

— Пусть будетъ такъ! — сказала она и дернула за поводъ.

Д'Омаренъ долго смотрѣлъ вслѣдъ прекрасной графинѣ. Французу страстно захотѣлось поговорить съ женщиной, которую онъ ударилъ и которая на ударъ отвѣтила фразой: «пусть будетъ такъ»; но, когда она скрылась съ его глазъ, онъ повернулъ назадъ и быстро зашагалъ къ желѣзнодорожной станціи. Онъ исполнилъ данное ему порученіе и вѣхалъ теперь за наградой.

VIII.

— Васъ ищетъ какая-то дама! — сказала однажды вечеромъ фрау Блаухеръ Артуру, который зашелъ за письмами. — Она оставила записочку!

«Я остановилась въ отелѣ «Большого Якоря», — прочелъ Артуръ въ запискѣ. — Скорѣе приходите. Ильяка».

Артуръ отправился въ городъ и ровно въ полночь увидался съ Илькой. Онъ захохоталъ, когда увидѣлъ ее. Какъ изящно она была одѣта и какъ непохожа на ту пѣвунью, которую онъ когда-то встрѣтилъ въ лѣсу, всю въ слезахъ!

— Есть милліонъ? — спросилъ онъ, смѣясь.

— Есть. Вотъ онъ!

Артуръ вдругъ пересталъ хохотать. Передъ нимъ на столѣ разложили милліонъ, настоящій милліонъ.

— Чортъ возьми! — сказалъ онъ, не вѣря своимъ гла-

замъ. — Ты считаешь, дитя мое, на ф́ранки? Я забылъ сказать тебѣ, чтобы ты считала на талеры... Но ничего... И эти деньги хороши! Гдѣ ты ихъ взяла?

Илька сѣла рядомъ съ нимъ и рассказала ему все, что произошло съ ней послѣ того, какъ она съ нимъ разсталась.

— Ну?.. А что же ты сдѣлала со старикомъ?—спросилъ Артуръ.

— Я напоила его морфіемъ и въ ту же ночь бѣжала безъ оглядки.

— Честно!—сказалъ Артуръ. — Ха-ха-ха! Въ другое время я выскѣкъ бы тебя, но теперь будь баронессой фонъ-Зайницъ! Вотъ тебѣ моя рука! Завтра же идемъ къ мэру.

На другой день фонъ-Зайницъ и Илька были у мэра. Илька сдѣлалась баронессой фонъ-Зайницъ 2-го іюня, въ половинѣ десятаго утра.

Въ два часа того же дня баронъ Артуръ фонъ-Зайницъ былъ лишенъ баронскаго достоинства: присяжные засѣдатели нашли его виновнымъ въ совершеніи подложнаго завѣщанія. Пельцеры достигли своей цѣли.

На судѣ Илька увидѣла графиню Гольдаугенъ.

Графиня сидѣла на одномъ изъ заднихъ креселъ въ отдѣленіи для зрителей и не отрывала глазъ отъ подсудимаго. Съ черной шляпы ея спускался темный вуаль. Она, повидимому, хотѣла сохранить инкогнито. И только тогда, когда она, выслушавъ рѣчь прокурора, проговорила вслухъ: «какъ это глупо!»—Илька узнала ее по ея мелодическому голосу.

«Какое она имѣетъ право смотрѣть на моего мужа?»—подумала Илька, блѣднѣя отъ ненависти и въ то же время торжествуя свою побѣду.

Она теперь вѣрила въ эту побѣду: у графини былъ отнять любимый человѣкъ.

Подсудимый держалъ себя на судѣ очень странно. Онъ былъ слегка пьянъ, — злая остроты такъ и сыпались съ его языка. Игнорируя судей и присяжныхъ, онъ молчалъ, когда ему слѣдовало говорить, и говорилъ, когда слѣдовало молчать. Прокуроръ былъ его университетскимъ товарищемъ, но не пощадилъ его въ своей рѣчи. Онъ беззастѣчиво копался въ его прошеднемъ, которое зналъ, какъ товарищъ, описалъ парижскую жизнь, банкротство, безденежье, тягость, которую испытывалъ баронъ фонъ-

Зайницъ благодаря этому безденежью, и кончилъ хвалебной пѣснью госпожѣ Пельцеръ, которая пожертвовала чувствомъ братской любви въ пользу чувства справедливости, возмездія за проступокъ...

— Она поступила, какъ примѣрная гражданка! — сказалъ онъ.

— Стыдно тебѣ, — сказала Артуръ. — Прежде, когда ты курилъ въ университетѣ мои сигары, ты не умѣлъ такъ лгать!

Только это и было сказано серьезно и искренно, остальное же, что говорилъ Артуръ, вызывало смѣхъ и предсѣдательскіе звонки.

Публика обвинительный приговоръ встрѣтила аплодисментами. Она почти вся состояла изъ холоповъ Пельцера. Людямъ, которые симпатизировали Артуру, не нашлось мѣста въ судѣ. Всѣ мѣста были заняты приверженцами банкира еще рано утромъ. Артуръ выслушалъ приговоръ хладнокровно.

— Я знаю дорогу къ императору, — сказалъ онъ: — и когда мнѣ вновь понадобится баронство, я побываю у него. Вѣра, знающая меня, посмѣется надъ этимъ приговоромъ!

Горькое чувство, чувство стыда за людей, и омерзѣніе наполнили душу графини, когда она, оставивъ залу суда, сѣла въ коляску. При ней обвиняли въ мошенничествѣ и осудили неповиннаго человѣка. Какъ легко обмануть этихъ простоватыхъ, толстыхъ присяжныхъ, и какъ мало нужно для того, чтобы погубить человѣка!

— Я возвращу ему имя! — рѣшила она, негодуя. — Онъ сказалъ имъ, что знаетъ дорогу въ Вѣну, но онъ не станетъ хлопотать изъ-за такого, по его мнѣнію, пустяка, какъ доброе имя. И къ тому же онъ лѣнтяй, тяжелъ на подъемъ... Я похлопочу за него...

«Я подамъ ему милостыню, — добавила она мысленно: — и онъ, противъ желанья долженъ будетъ принять ее!»

На другой день она была уже въ городскомъ клубѣ, на благотворительномъ балу, и продавала билеты. Въ саду подъ навѣсомъ, устроеннымъ изъ флаговъ, вьющагося винограда и живыхъ цвѣтовъ, стояло нѣсколько столиковъ. На столикахъ стояли колеса съ лотерейными билетами... Восемь очень красивыхъ и очень нарядныхъ аристократокъ сѣли за этими столиками и продавали билеты. Лучше всѣхъ торговала графиня Гольдаугенъ. Она, не

отдыхая, вращала колесо и сдавала сдачу. Пельцеръ, который былъ на балу, купилъ у нея двѣ тысячи билетовъ.

— Какъ поживаетъ братъ вашей супруги?—спросила Пельцера графиня, получая съ него деньги.

Пельцеръ вздохнулъ.

— Съ нимъ, бѣдняжкой, случилось два несчастья,—сказалъ онъ.—Онъ женился и... сегодня онъ уже не баронъ...

— Слышала... Гдѣ теперь его жена?

— Она здѣсь. Вы ее не видѣли? Смѣшно! Ха-ха... Она баронесса... Повѣнчайся они нѣсколькими часами позже, она была бы теперь только бюргерша Зайницъ...

Графиня, взглядываясь въ лицо всѣхъ проходящихъ, начала искать глазами Ильку.

Илька была на балу. Она съ высоко поднятой головой и гордой, надменной улыбкой уже прошла разъ мимо графини. Графиня была занята торговлей и не замѣтила ея. Она прошла въ другой разъ, окруженная толпой любопытныхъ, засматривавшихъ ей прямо въ хорошенькое лицо. Графиня вскинула на нее глаза и, повидимому, не узнала ея. Когда она проходила третій разъ, глаза ихъ встрѣтились.

Графиня смутилась и, къ великому удовольствію Ильки, уронила на полъ деньги. Нѣсколько монетъ соскользнуло съ ея задрожавшихъ рукъ и со звономъ покатилося по полу.

Илька подошла къ столу графини и, глядя ей прямо въ лицо, взяла нѣсколько билетовъ.

— Я хочу пожертвовать въ пользу школы одну маленькую вещь,—сказала она и, не дожидаясь отвѣта, сунула въ руки графини золотой медальонъ.

Графиня взяла въ руки знакомый ей медальонъ, раскрыла его и улыбнулась. Ея лицо было поцарапано булавкой.

— Обратитесь съ этой вещью къ администраціи клуба,—сказала она, подавая Илькѣ медальонъ.—Наше дѣло только продавать билеты...

И, мило улыбаясь, графиня добавила:

— Pardon, мнѣ некогда!

Улыбка и хладнокровіе графини смутили Ильку. Она, не привыкшая къ подобнаго рода стычкамъ, сконфузилась и отошла отъ столика. Ей стало досадно и стыдно: стоявшіе около столика графини замѣтили ея смущеніе, переглянулись и улыбнулись. Эти недоумѣвающія улыбки кольнули Ильку въ самое сердце.

— Позвольте пройти, — сказала она молодымъ людямъ, которые етѣной остановились передъ ней и съ любопытствомъ смотрѣли на нее.

Молодые люди почему-то вдругъ засмѣялись. Послышался такой же смѣхъ и сзади. Илька оглянулась и увидѣла такую же толпу молодежи.

— Позвольте пройти, — повторила Илька.

Послышался вновь смѣхъ, и большая пивная пробка ударилась о розовый лобъ Ильки. Другая пробка ударилась объ ея плечо...

— Ха-ха... Ура! Баронесса фонъ-Зайницъ, супруга разжалованнаго мошенника! — крикнулъ кто-то, и послышалось шипканіе...

Третья и четвертая пробки, обѣ вмѣстѣ, ударили ее по лицу. Она, униженная и оскорбленная, готовая упасть въ обморокъ, посмотрѣла на графиню, и ей показалось, что графиня смѣется... У Ильки помутилось въ глазахъ. Закружившуюся голову сильно потянуло внизъ.

— Артуръ! — крикнула она.

Никто не откликнулся на этотъ зовъ. Разжалованный баронъ былъ далеко. Онъ, пьяный, лежалъ подъ кустомъ, недалеко отъ домика Блаухеръ, и видѣлъ во снѣ свой милліонъ...

Графиня, которую не узнали помутившіеся глаза оскорбленной дѣвушки, подошла къ Илькѣ и, обхвативъ ея плечи, вывела ее изъ толпы.

— Пустите меня! Я хочу ее убить! — крикнула Илька и лишилась чувствъ.

Когда она очнулась, она увидѣла себя въ маленькой комнатѣ, обитой малиновымъ бархатомъ. Она лежала на диванѣ. Возлѣ нея сидѣла дѣвушка съ флакономъ въ рукахъ...

— Гдѣ мы? — спросила Илька.

— Въ клубѣ, сударыня, — отвѣтила дѣвушка.

Звуки мазурки, донесшіеся до ушей Ильки, подтвердили слова дѣвушки. Илька подняла свою отяжелѣвшую голову и, немного подумавъ, вспомнила все происшедшее.

— Принесите мнѣ маленькую рюмку рейнвейна, — сказала она дѣвушкѣ.

Дѣвушка вышла. Илька быстро достала изъ кармана портмоне. Изъ портмоне Илька вынула маленькій флакончикъ, въ которомъ былъ морфій. Этимъ морфіемъ она такъ недавно еще угостила старика Луврера! Теперь она уго-

ститъ имъ себя за то, что такъ близко къ сердцу принимаетъ оскорбленія, которыя наносятъ ей люди... Морфій, весь, сколько его было во флаконѣ, былъ принятъ. Въ ожиданіи вѣчнаго сна, Илька склонилась на бархатную подушку и принялась думать... Ей не жалко было безцвѣтной жизни. Ей жаль было оставлять папу Цвибуша... только его одного! Артура, который любилъ вино больше, чѣмъ свою молодую жену, ей не жаль.

— Какъ вы себя чувствуете?—услышала она мелодическій голосъ.

Къ ней наклонилась вошедшая графиня—ея злѣйшій врагъ... Илька увидѣла передъ своимъ лицомъ блестящіе глаза и два розовыхъ пятна на щекахъ.

— Д'Омаренъ!—прошептала она, увидѣвъ на лѣвой щекѣ чуть замѣтную красную полосу.

— Тѣ, которые васъ обидѣли, будутъ наказаны,—сказала графиня.—Ихъ нанялъ Пельцеръ, который ненавидитъ Артура... Я накажу негодя Пельцера... Я сильна... Вы еще сердитесь на меня?

Илька отвернула въ сторону свое лицо.

— Ты еще серднишься, Илька? Ну... прости меня... Я виновата... Я оскорбила и твоего отца и тебя... Каюсь въ этомъ и прошу прощенія.

И Илька почувствовала на головѣ своей поцѣлуй.

— Я тебя долго искала... Я не знала покоя ни днемъ ни ночью, встрѣтившись съ твоимъ взглядомъ въ тотъ несчастный день... Твои глаза жгли меня во снѣ...

Илька вдругъ заплакала.

— Я умираю,—прошептала она, засыпая подъ звуки пѣжнаго голоса своей кающейся соперницы.

— Прости же меня, Илька, какъ я простила тебя...

Илька протянула руку и коснулась шеи графини... Графиня нагнулась къ ней и поцѣловала ее въ губы.

— Я умираю,—прошептала Илька.—Я приняла... мор... На коврѣ...

Графиня нагнулась и увидѣла на коврѣ флаконъ. Она поняла все. Черезъ минуту въ клубъ былъ отысканъ врачъ и приведенъ къ Илькѣ. Врачу удалось только, благодаря присутствію флакона, констатировать отравленіе, поднять же на ноги уснувшую Ильку не удалось...

Репортеръ д'Омаренъ прибылъ изъ Венгрии въ Парижъ какъ разъ въ ту ночь, когда была разыграна Илька. Не

найдя въ номерѣ, въ которомъ жила пѣвица, никого, кромѣ крѣпко спавшаго на креслѣ Луврера, онъ побѣжалъ къ Баху. Бахъ разсказалъ ему все, что произошло во время его отсутствія.

— Она бѣжала!—рѣшилъ репортеръ и на другой день поѣхалъ опять въ Венгрію, гдѣ надѣялся получить плату за свою службу.

Въ Венгріи онъ узналъ о смерти любимой женщины. Вѣсть объ этой смерти была жестокой платой, свалившей его въ постель. Провалившись въ горячкѣ, онъ поселился въ гольдаугенскомъ лѣсу и, собирая со всѣхъ сторонъ свѣдѣнія, написалъ повѣсть о красавицѣ Илькѣ. Проѣзжая въ прошломъ году чрезъ гольдаугенскій лѣсъ, я познакомился съ д'Омареномъ и читалъ его повѣсть.

Переведенная на русскій языкъ, она и предлагается нашимъ читателямъ.

1882.

КОРРЕСПОНДЕНТЪ.

Музыкантовъ было восемь человѣкъ. Главѣ ихъ, Гурію Максимову, было заявлено, что если музыка не будетъ играть неумолкаемо, то музыканты не увидятъ ни одной рюмки водки и благодарность за трудъ получатъ съ великой пятажкой. Танцы начались ровно въ 8 часовъ вечера. Въ часъ ночи барышни обидѣлись на кавалеровъ; полупьяные кавалеры обидѣлись на барышень—и танцы разстроились. Гости раздѣлились на группы. Старички заняли гостиную, въ которой стоялъ столъ съ сорока четырьмя бутылками и со столькими же тарелками; барышни забились въ уголокъ, зашептали о безобразіяхъ кавалеровъ и стали рѣшать вопросъ: какъ это такъ выходитъ, что невѣста съ перваго же раза начинаетъ говорить на жениха «ты»? Кавалеры заняли другой уголокъ и заговорили всѣ разомъ, каждый про свое. Гурій,—первая и плохая скрипка и дирижёръ,—заигралъ со своими семью музыкантами Черпяевскій маршъ... Игралъ онъ неумолкаемо и останавливался лишь только тогда, когда хотѣлъ выпить водки или подтянуть брюки. Онъ былъ сердитъ: вторая и самая плохая скрипка была до-нельзя пьяна и чертовски фантазировала, а флейтистъ ежеминутно ронялъ на полъ флейту, не смотрѣлъ въ ноты и безъ причины смѣялся. Шумъ поднялся страшный. Съ маленькаго столика попадали бутылки... Кто-то ударилъ по спинѣ нѣмца Карла Карловича Фюнфъ... Съ крикомъ и смѣхомъ выскочило нѣсколько человѣкъ съ красными фізіономіями изъ спальни; за ними погнался встревоженный лакей. Дьяконъ Манафуиловъ, желая блеснуть передъ пьяной и почтеннѣйшей публикой своимъ остроуміемъ, наступилъ кошкой на хвостъ и держалъ ее до тѣхъ поръ, пока лакей

не вырвалъ изъ-подъ его ногъ охрипшей кошки и не замѣтилъ ему, что «это одна только глупость». Городской голова вообразилъ, что у него пропали часы; онъ страшно перепугался, вспотѣлъ и началъ браниться, доказывая, что его часы стоятъ сто рублей. У невѣсты разболѣлась голова... Въ прихожей уронили что-то тяжелое, раздался трескъ. Въ гостиной, около бутылокъ, старички вели себя не по-старчески. Они вспоминали свою молодость и болтали чортъ знаетъ что. Разказывали анекдотцы, прохаживались насчетъ любовныхъ походовъ хозяина, остряли, хихикали, при чемъ хозяинъ, видимо, довольный, сидѣлъ, разваливъ на креслѣ, и говорилъ: «и вы тоже хороши, сукины сыны; знаю я васъ хорошо и любашкамъ вашимъ не разъ презенты подносилъ»... Пробыло два часа. Гурій въ седьмой разъ заигралъ испанскую серенаду. Старички вошли въ азартъ.

— Погляди, Егорій! — зашамкалъ одинъ старичокъ, обращаясь къ хозяину и указывая въ уголь. — Что это тамъ за егоза сидитъ?

Въ углу, возлѣ этажерки съ книгами, смиренно, поджавъ ноги подъ себя, сидѣлъ маленькій старичокъ, въ темно-зеленомъ, поношенномъ сюртукѣ со свѣтлыми пуговицами, и отъ нечего дѣлать нерелистывалъ какую-то книжку. Хозяинъ посмотрѣлъ въ уголь, подумалъ и усмѣхнулся.

— Это, братцы мои, — сказалъ онъ: — газетчикъ. Нешто вы его не знаете? Великолѣпный человекъ!.. Иванъ Никитичъ, — обратился онъ къ старичку со свѣтлыми пуговицами: — что же тамъ сидишь? Подходи сюда!

Иванъ Никитичъ встрепенулся, поднялъ свои голубые глазки и страшно сконфузился.

— Это, господа, самъ писатель, журналистъ! — продолжалъ хозяинъ. — Мы пьемъ, а они, видите ли, сидятъ въ уголку, по-умному думаютъ, да на насъ съ усмѣшкой посматриваютъ. Стыдно, братъ. Иди, выпей, — грѣхъ вѣдь!

Иванъ Никитичъ поднялся, смиренно подошелъ къ столу и налилъ себѣ рюмочку водки.

— Дай Богъ вамъ... — пробормоталъ онъ, медленно выпивая рюмку: — чтобъ все... этакъ хорошо... обстоятельно.

— Закуси, братъ! Кушай!

Иванъ Никитичъ замигалъ глазками и скушалъ сардинку. Толстякъ съ серебряной медалью на шеѣ подошелъ къ нему сзади и высыпалъ на его голову горсть соли.

— Солонѣй будетъ, червячки не заведутся! — сказалъ онъ.

Публика захохотала. Иванъ Никитичъ замоталъ головой и густо покраснѣлъ.

— Да ты не обижайся! — сказалъ толстякъ. — Зачѣмъ обижаться? Это шутка съ моей стороны. Чудакъ ты этакій! Смотри, я и себѣ насыплю!

Толстякъ взялъ со стола солонку и сыпнулъ себѣ соли на голову.

— И ему, ежели хочешь, насыплю. Чего обижаться? — сказалъ онъ и посолилъ хозяйскую голову.

Публика захохотала. Иванъ Никитичъ тоже улыбулся и скушалъ другую сардинку.

— Что жъ ты, политиканъ, не пьешь? — сказалъ хозяинъ. — Пей! Давай нить со мной! Нѣтъ, со всѣми выпьемъ!

Старички поднялись и окружили столъ. Рюмки наполнились коньякомъ. Иванъ Никитичъ кашлянулъ и осторожно взялся за рюмку.

— Съ меня бы довольно, — проговорилъ онъ, обращаясь къ хозяину. — Я уже и такъ пьянъ-съ... Ну, дай Богъ вамъ, Иванъ Никифорычъ, чтобы... все... хорошо и благополучно... Да чего вы все на меня такъ смотрите? Чудной нешто я человекъ? Хи-хи-хи-съ. Ну, дай Богъ вамъ!.. Егоръ Никифорычъ, батюшка, будьте столь достолюбезны и снисходительны, прикажите Гурію, чтобъ Григорій барабанить пересталъ. Замучилъ совсѣмъ, хамъ. Такъ барабанить, что въ животъ бурлить... За ваше здоровье!

— Пушай барабанить, — сказалъ хозяинъ. — Нешто музыка безъ барабана можетъ существовать? И того не понимаешь, а еще сочиненія сочиняешь. Ну, теперь со мной выпей!

Иванъ Никитичъ икнулъ и засѣменилъ ножками. Хозяинъ налилъ два стакана.

— Пей, пріятель, — сказалъ онъ: — а прятаться не смѣй. Будешь писать, что у Л—ва все пьяны были, такъ про себя пропишешь. Ну? Желая здравствовать. Да ну же, умница! Экій ты вѣдь конфузный какой! Пей!

Иванъ Никитичъ кашлянулъ, высморкнулся и чокнулся съ хозяиномъ.

— Желая вамъ зла-погибели и бѣды всяческихъ... избѣжать! — сострилъ купчикъ; старшій зять хозяина захохоталъ.

— Ура-а-а газетчику!—крикнулъ толстякъ, хватилъ Ивана Никитича и поднялъ его на воздухъ.

Подскочили другіе старички, и Иванъ Никитичъ очутился выше своей головы, на рукахъ, головахъ и плечахъ почтеннѣйшей и пьяной т—ей интеллигенціи.

— Кач... ка-ча-а-ай! Качай его, шельмеца! Неси егозу! Тащи его, темно-зеленаго прохвоста!—закричали старички и понесли Ивана Никитича въ залу.

Въ залѣ къ старичкамъ присоединились кавалеры и начали подбрасывать подъ самый потолокъ бѣднаго газетчика. Барышни захлопали въ ладоши, музыканты замолкли и положили свои инструменты, лакеи, взятые шика ради изъ клуба, заудивлялись «безобразности» и преглуно захихикали въ свои аристократическіе кулаки. У Ивана Никитича отскочили отъ сюртука двѣ пуговицы и развязался ремень. Онъ пыхтѣлъ, кряхтѣлъ, пицалъ, страдалъ, но... блаженно улыбался. Онъ ни въ какомъ случаѣ не ожидалъ такой чести для себя, «полика», какъ онъ выражался, «между человѣками еле видимаго и едва замѣтнаго...»

— Гаа-га-га-га! — заоралъ жепихъ и, пьяный какъ стелька, вцѣпилъ въ ноги Ивана Никитича.

Иванъ Никитичъ закачался, выскользнулъ изъ рукъ т—ей интеллигенціи и ухватился за шею толстяка съ серебряной медалью.

— Убьюсь, — забормоталъ онъ: — убьюсь! Позвольте-съ! Чутьочку-съ! Вотъ такъ-съ... Охъ, нѣтъ, не такъ-съ!

Женихъ выпустилъ ноги, и онъ повисъ на шеѣ толстяка. Толстякъ мотнулъ головой, и Иванъ Никитичъ упалъ на полъ, застоялъ и съ хихиканьемъ поднялся на ноги. Всѣ хохотали, даже цивилизованные лакеи изъ пецилизованнаго клуба снисходительно морщили носы и улыбались. Лицо Ивана Никитича сильно поморщилось отъ блаженной улыбки, изъ влажныхъ голубыхъ глазъ его посыпались искорки, а ротъ покривился на-бокъ, при чемъ верхняя губа покривилась направо, а нижняя вытянулась и искривилась налѣво.

— Господа почтенные!—заговорилъ онъ слабымъ теноркомъ, разставя руки и поправляя ремешокъ:—господа почтенные! Дай Богъ вамъ всего того, чего вы отъ Бога желаете. Спасибо ему, благодѣтелю, ему... вотъ ему, Егору Никифоровичу... Не пренебрегъ мелкимъ человѣчкомъ.

Встрѣтились это мнѣ позавчера въ Грязномъ переулкѣ, да и говорятъ: «Приходи же, Иванъ Никитичъ. Смотри же, непременно приходи. Весь городъ будетъ, ну и ты, билетня всероссійская, приходи!» Не иренебрегли, дай Богъ имъ здоровья. Осчастливили вы меня своею лаской искреннею, не забыли газетчика, старикашку рванаго. Спасибо вамъ. И не забывайте, господа почтенные, нашего брата. Нашъ братъ человѣкъ маленькій, это дѣйствительно, но душа у него не вредная. Не пренебрегайте, не брезгуйте, онъ чувствовать будетъ! Между людьми мы маленькіе, бѣдненькіе, а между тѣмъ соль міра есьмы, и Богомъ для полезности отечественной созданы, и всю вселенную поучасмъ, добро превозносимъ, зло человѣческое поносимъ...

— Чего мелешь-то?—закричалъ хозяишъ.—Замололъ, шугъ Ивановичъ! Ты рѣчь читай!

— Рѣчь, рѣчь!—заголосили гости.

— Рѣчь? Эх-эх-гемъ. Слушаю-сь. Позвольте подумать-сь!

Иванъ Никитичъ началъ думать. Кто-то всучилъ ему въ руки бокалъ шампанскаго. Немного подумавъ, онъ вытянулъ шею, поднялъ вдругъ бокалъ и началъ тепоркомъ, обращаясь къ Егору Никифоровичу:

— Рѣчь моя, милостивыя государыни и милостивые государи, будетъ коротка и длиннотою своею не будетъ соответствовать настоящему, весьма трогательному для насъ, событію. Эх-эх-гемъ. Великій поэтъ сказалъ: блаженъ, кто смолоду былъ молодъ! Въ истинѣ сего я не сомнѣваюсь и даже полагаю, что не ошибусь, если прибавлю къ нему въ мысляхъ еще кое-что и языкомъ воспроизведу слѣдующее обращеніе къ молодымъ виновникамъ сего торжества и событія: да будутъ наши молодые молоды не только теперь, когда они по естеству своему физически молоды еще, но и въ старости своей, ибо блаженъ тотъ, кто смолоду былъ молодъ, но во сто кратъ блаженнѣе тотъ, кто молодость свою сохранилъ до самой могилы. Да будутъ они, виновники настоящаго словоблудія моего, въ старости своей стары тѣломъ, но молоды душою, то-есть живонарящимъ духомъ. Да не оскудѣваютъ до самой доски гробовой идеалы ихъ, въ чемъ истинное блаженство человѣковъ и состоитъ. Жизнь ихъ обоюдная да сольется во едино чистое, доброе и высокочестное, и да послужитъ иѣжно любящая... хи-хи-хи-съ... такъ сказать, октавой для своего мужа, мужа крѣпкаго

въ мысляхъ, и да составятъ они собою сладкозвучную гармонию! Вивать, живіо и ура-а-а!

Иванъ Никитичъ выпилъ шампанскаго, стукнулъ каблукомъ объ полъ и побѣдителемъ посмотрѣлъ на окружающихъ.

— Ловко, ловко, Иванъ Никитичъ!—закричали гости.

Женихъ подошелъ, шатаясь, къ Ивану Никитичу, попытался расшаркаться, но не расшаркался, чуть не упалъ, схватилъ оратора за руку и сказалъ:

— Воку... боку мерси. Ваша рѣчь очен-но о-чень хороша и не лишена нѣкоторой тен-тенденціи.

Иванъ Никитичъ подпрыгнулъ, обнялъ жениха и поцѣловалъ его въ шею. Женихъ страшно сконфузился и, чтобы скрыть замѣшательство, началъ обнимать тестя.

— Ловко вы объяснять чувство можете!—сказалъ толстякъ съ медалью.—У васъ такая фигура, что... никакъ не ожидалъ! Право... извините-сь!

— Ловко?—запищаль Иванъ Никитичъ.—Ловко? Хе-хе-хе. То-то. Нашъ. Самъ знаю, что ловко! Огня только мало, пу да гдѣ его взять, огня-то этого? Время ужъ не то, господа почтенные! Прежде, бывало, какъ скажешь что иль напишешь, такъ самъ въ умиленное состояніе души приходишь и удивляешься таланту своему. Эхъ, было времечко! Выпить бы нужно, фра-дьявола, за это времечко! Давайте, други, выпьемъ! Времечко было страсть какое авантажное!

Гости подошли къ столу и взяли по рюмкѣ. Иванъ Никитичъ преобразился. Онъ налилъ себѣ не рюмку, а стаканъ.

— Выпьемъ, господа почтенные,—продолжалъ онъ.—Обласкали вы меня, старика, почтите ужъ и время, въ которое я великимъ человѣкомъ былъ! Славное было времечко! Mesdames, красоточки мои, чокнитесь съ аспидомъ и василискомъ, который красотѣ вашей изумляется! Цокъ! Хе-хе-хе. Амурчики мои. Было время, сакраменто! Любилъ и страдалъ, побѣждалъ и побѣждаемъ неоднократно былъ. Ура-а-а!

— Было время,—продолжалъ вспотѣвшій и встревоженный Иванъ Никитичъ:—было время, сударыня! И теперь время хорошее, но для нашего брата газетчика то время лучше было, но той самой причинѣ, что огня и правды въ людяхъ больше было. Прежде что ни писака былъ, то и богатырь, рыцарь безъ страха и упрека, му-

ченикъ-страдалецъ и правдивый человѣкъ. А теперь? Взгляни, русская земля, на пишущихъ сыновъ твоихъ и устыдися! Гдѣ вы, истинные писатели, публицисты и другіе ратоборцы и труженики на поприщѣ... эх-эх-гемъ... гласности? Ниг-дѣ!!! Теперь все пишутъ. Кто хочетъ, тотъ и пишетъ. У кого душа грязнѣе и чернѣе сапога моего, у кого сердце не въ утробѣ матери, а въ кузницѣ фабриковалось, у кого правды столько имѣется, сколько у меня домовъ собственныхъ, и тотъ дерзаетъ теперь вступать на путь славныхъ,—путь, принадлежащій пророкамъ, правдолюбцамъ да среброненавистникамъ. Судари вы мои дорогіе! Путь этотъ понче шире сталъ, да ходить по немъ некому. Гдѣ таланты истинные? Поди, ищи: ей-Богу, не сыщешь!.. Все ветхо стало да обнищало. Кто изъ прежнихъ удалцовъ и молодцовъ живъ остался, и тотъ теперь обнищаль духомъ да зарпортовался. Прежде гнались за правдой, а понче пошла погоня за словомъ краснымъ да за копейкой, чтобъ ей пусто было! Духъ странный повѣялъ! Горе, друзья мои! И я тоже, окаланный, не устыдился сѣдинъ своихъ и тоже сталъ за краснымъ словомъ гоняться! Нѣтъ, нѣтъ, да и поровлю въ корреспонденцію что-нибудь этакое вковырнуть. Благодарю, господа, Творца неба и земли, не корыстолюбивъ я и отъ голода не дерзаю писать. Теперь кому кушать хочется, тотъ и пишетъ, а пишетъ, что хочетъ, лишь бы сбоку на правду похоже было. Хотите денежки изъ редакціи получить? Желаете? Ну, коли хотите, то и валяйте, что въ нашей Т. такого-то числа землетрясеніе было, да баба Акулина, извините меня, mesdames, безстыдника, наемднн единымъ махомъ шестерыхъ ребятъ родила... Скопфузились, красоточки! Простите великодушно невѣжду! Докторъ сквернословія семь и въ древности по сему предмету неоднократно въ трактирахъ диссертациі защищаль да и на диспутахъ разнородныхъ процалыгъ побѣждалъ. Простите, родные! Охъ-хо-хо... такъ-то пиши что хочешь, все съ рукъ сойдетъ. Прежде не то было! Мы если и писали ложь, такъ по тупоумію и глуности своей, а орудіемъ ложь не имѣли, потому что то, чему работали, святыней почитали и оной поклонялись!

— Зачѣмъ это вы свѣтлыя пуговицы носите? — перебилъ Ивана Никитича какой-то франтъ съ четырьмя хохлами на головѣ.

— Свѣтлыя пуговки? Дѣйствительно, что онѣ свѣтлыя...

По привычкѣ-съ... Въ древности, лѣтъ 20 тому пазадъ, я заказалъ портному сюртучишко; ну, а онъ, портной-то, по ошибкѣ пришилъ вмѣсто черныхъ пуговокъ свѣтлыя. Я и привыкъ къ свѣтлымъ пуговкамъ, потому что тотъ сюртучишко лѣтъ семь таскалъ... Ну, такъ вотъ-съ, сударики мои, какъ прежде было... Слушаютъ красоточки, голубчики, слушаютъ меня старикашку, родненькія... Хи-хи-хи-съ... Дай Богъ вамъ здоровья! Красавицы мои неземныя! Жить бы вамъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда молодъ былъ и пламенемъ огненнымъ сердца сожигать въ состояніи былъ. Рабомъ былъ бы, дѣвицы, и на колѣнахъ дырки бы себѣ... Смѣются цвѣтики!.. Охъ, вы, мои... Почтили старца вниманіемъ своимъ.

— Вы теперь пишете что-нибудь?—перебила расходившагося Ивана Никитича курносенькая барышня.

— Пишу ли? Какъ не писать? Не зарюю, царица души моей, таланта своего до самой могилы! Пишу! Развѣ не читали? А кто, позвольте васъ спросить, въ семьдесятъ шестомъ году корреспонденцію въ «Голосъ» помѣстилъ? Кто? Не читали развѣ? Славная корреспонденція! Въ семьдесятъ седьмомъ году писалъ въ тотъ же «Голосъ»,—редакція уважаемой газеты нашла статью мою для печатанія неудобной... Хе-хе-хе... Неудобной... Экася!. Статья моя съ душкомъ была, знаете ли, съ душкомъ нѣкоторымъ. «У насъ,—пишу:—есть патріоты видимые, но темна вода во облацѣхъ касательно того, гдѣ патріотизмъ ихъ помѣщается: или въ сердцахъ, или карманахъ?» Хе-хе-хе... Душокъ-съ... Далѣе: «Вчера,—пишу:—была отслужена соборная панихида по подѣ Плевной убіеннымъ. На панихидѣ присутствовали всѣ начальствующія лица и граждане, за исключеніемъ господина исправляющаго должность Т-го полицеймейстера, который блисталъ своимъ отсутствіемъ, потому что окончаніе преферанса нашель для себя болѣе интереснымъ, чѣмъ раздѣленіе съ гражданами общероссійской радости». Не въ бровь, а въ глазъ! Хо-хо-хо! Не помѣстили! А я ужъ постарался тогда, друзья мои! Въ прошедшемъ, семьдесятъ девятомъ году посылалъ корреспонденцію въ газету ежедневную «Русскій Курьеръ», въ Москвѣ издающуюся. Писалъ я, други мои, въ Москву о школахъ уѣзда нашего, и корреспонденція моя была помѣщена, и теперь я даромъ «Курьера Русскаго» получаю. Она какъ! Удивляетесь? Геніямъ удивляетесь, а не полямъ! Ноликъ есмь! Эхе-хе-хъ! Пишу

рѣдко, господа почтенные, очень рѣдко! Бѣдна наша Т. событіями, кои бы описать я могъ, а ерундистики писать не хочется, самолюбивъ больно, да и совѣсти своей опасуюсь. Газеты вся Россія читаетъ, а для чего Россіи Т.? Для чего ей мелочами падоѣдать? Для чего ей знать, что въ нашемъ трактирѣ мертвое тѣло нашли? А прежде-то какъ я писалъ, прежде-то, во времена оны, во времена... Писалъ я тогда въ «Сѣверную Пчелу», въ «Сынъ Отечества», въ «Московскія». Бѣлинскаго современникомъ былъ, Булгарина одинажды въ скобочкахъ уцѣпшулъ... Хе-хе-хе... Не вѣрите? Ей-Богу! Однажды стихотвореніе насчетъ воинственной доблести написалъ... А что я, други мои, потерпѣлъ въ то время, такъ это одному только Богу Саваоѳу извѣстно... Вспоминаю себя тогдашняго и въ умиленіе прихожу. Молодцомъ и удалцомъ былъ! Страдалъ и мучился за идеи и мысли свои; за поползновеніе къ труду благородному мученія принималъ. Въ сорокъ шестомъ году за корреспонденцію, помѣщенную мною въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», здѣшними мѣщанами такъ избитъ былъ, что три мѣсяца послѣ того въ больницѣ на черныхъ хлѣбахъ пролежалъ. Надо полагать, врагъ мой дорого мѣщанамъ за жестокосердіе заплатилъ: такъ отдубасили раба Божія, что даже и теперь послѣдствія указать могу. А однажды это призываетъ меня, въ 53-мъ году, городничій здѣшній, Сысой Петровичъ... Вы его не помните, и радуйтесь, что не помните. Воспоминаніе о семъ человѣкѣ есть горчайшее изъ всѣхъ воспоминаній. Призываетъ онъ меня и говоритъ: «Что это ты тамъ въ «Пчелѣ» наклеузничалъ, а?» А какъ я тамъ наклеузничалъ? Писалъ я, знаете ли, просто, что у насъ шайка мошенниковъ завелась и притономъ своимъ трактирчикъ Гуськова имѣеть... Трактирчика этого теперь и слѣда уже нѣтъ, въ 65-мъ году снятъ былъ, и мѣсто свое бакалейному магазину господина Лубцоватскаго уступилъ. Въ концѣ корреспонденціи я чуточку душака подпустилъ. Взялъ да и написалъ, знаете ли: «не мѣшало бы, въ силу упомянутыхъ причинъ, полиціи обратить вниманіе на трактиръ г. Г.» Заоралъ на меня и затопалъ ногами Сысой Петровичъ. «Безъ тебя не знаю, что ли? Указывать ты мнѣ, морда, станешь? Наставникъ ты мой, а?» Кричалъ, кричалъ, да и засадилъ меня, трепещущаго, въ холодную. Три дня и три ночи въ холодной просидѣлъ, Іону съ китомъ припоминая, униженія всяческія

претерпѣвая... Не забыть мнѣ сего до помраченія памяти моей! Ни одинъ клопъ, никакая, съ позволенія, вошка,— никакое насѣкомое, еле видимое, не было никогда такъ унижено, какъ унизилъ меня Сысой Петровичъ, царство ему небесное! А то какъ отецъ благочинный, отецъ Панкратій, коего я юмористически въ мысляхъ своихъ отцомъ перочиннымъ называлъ, гдѣ-то по складамъ прочелъ про какого-то благочиннаго и вообразить изволилъ, что будто это про него написано, и будто это я по легкомыслию своему написалъ; а то вовсе не про него было написано, и не я написалъ. Иду я однажды мимо собора, вдругъ какъ свиснетъ меня кто-то сзади по спинѣ да по затылку палкой, знаете ли; разъ свиснетъ, да въ другой разъ, да и въ третій... Тьфу, ты, пронасть, что за комиссія? Оглядываюсь, а это отецъ Панкратій, духовникъ мой... Публично!! За что? За какую вину? И это перенесъ я со смиреніемъ... Много терпѣлъ я, друзья мои!

Стоявшій возлѣ именитый купецъ Грыжевъ усмѣхнулся и похлопалъ по плечу Ивана Никитича.

— Пиши,—сказалъ онъ:—пиши! Почему не писать, коли можешь? А въ какую газету писать станешь?

— Въ «Голосъ», Иванъ Петровичъ!

— Прочешь дашь?

— Хе-хе-хе... Всенепремѣнно-съ.

— Увидимъ, какихъ дѣловъ ты мастеръ. Ну, а что же ты писать станешь?

— А вотъ если Иванъ Степановичъ что-нибудь на гимназію пожертвуютъ, то и про нихъ напишу.

Иванъ Степановичъ, бритый и совсѣмъ не длиннополый купецъ, усмѣхнулся и покраснѣлъ.

— Что жъ, напиши!—сказалъ онъ.— Я пожертвую. Отчего не пожертвовать? Тысячу рублей могу...

— Ну-те?

— Могу.

— Да нѣтъ?

— Ну вотъ еще... Разумѣется, могу.

— Вы не шутите?.. Иванъ Степановичъ!

— Могу... Только вотъ что... Ммм... А если я пожертвую, да ты не напишешь?

— Какъ это можно-съ? Слово твердо, Иванъ Степановичъ?

— Оно-то такъ... Гм... Ну, а когда же ты напишешь?

— Очень скоро-съ, даже очень скоро-съ... Вы не шутите, Иванъ Степановичъ?

— Зачѣмъ шутить? Вѣдь за шутки ты мнѣ денегъ не заплатишь? Гм... Ну, а если ты не напишешь?

— Напишу-сь, Иванъ Степанычъ! Побей меня Богъ, напишу-сь!

Иванъ Степанычъ наморщилъ свой большой, лоснящійся лобъ и началъ думать. Иванъ Никитичъ засѣменилъ ножками, заикалъ и впился своими сіяющими глазками въ Ивана Степановича.

— Вотъ чтò, Никита... Никитичъ... Иванъ, что ли? Вотъ чтò... Я дамъ... дамъ двѣ тысячи серебра, и потомъ, можетъ-быть, еще что-нибудь... этакое. Только съ такимъ условіемъ, братецъ ты мой, чтобъ ты взаправду написалъ...

— Да ей-Богу же напишу!—запицалъ Иванъ Никитичъ.

— Ты напиши, да прежде чѣмъ посылать въ газету— дашь мнѣ прочитатъ, а тогда я и двѣ тысячи выложу, ежели хорошо будетъ написано...

— Слушаю-сь... Эк-эк-гемъ... Слушаю и понимаю, благородный и великодушный человѣкъ! Иванъ Степановичъ! Будьте столь достолюбезны и снисходительны, не оставьте ваше обѣщаніе безъ послѣдствій, да не будетъ оно однимъ только звукомъ! Иванъ Степановичъ! Благодарѣтель! Господа почтенные! Пьяный я человѣкъ, но постигаю умомъ своимъ! Гуманнѣйшій филантропъ! Кланяюсь вамъ! Потщитесь! Послужите образованію народному, излейте отъ щедротъ своихъ... Охъ, Господи!

— Ладно, ладно... Увидишь тамъ...

Иванъ Никитичъ вцѣпилъ въ полу Ивана Степановича.

— Великодушнѣйшій! — завизжалъ онъ. — Присоедините длань свою къ дланямъ великихъ... Подлейте масла въ свѣтильникъ, вселенную озаряющій! Позвольте выпить за ваше здоровье. Выпью, милостивый, выпью! Да здравств...

Иванъ Никитичъ раскашлялся и выпилъ рюмку водки. Иванъ Степановичъ посмотрѣлъ на окружающихъ, мигнулъ глазами на Ивана Никитича и вышелъ изъ гостиной въ залу. Иванъ Никитичъ постоялъ, немного подумалъ, погладилъ себя по лысинѣ и чинно прошелъ между таяющими въ гостиную.

— Оставайтесь здоровы,—обратился онъ къ хозяину, расшаркиваясь.—Спасибо за ласки, Егоръ Никифоровъ! Вѣкъ не забуду!

— Прощай, братецъ! Заходи и вдругорядь. Въ мага-

зинъ заходи, коли время: съ молодцами чайку попьешь. На женины именины приходи, коли желаешь,—рѣчь скажешь. Ну, прощай, дружокъ!

Иванъ Никитичъ съ чувствомъ пожалъ протянутую руку, низко поклонился гостямъ и засѣменилъ въ прихожую, гдѣ, среди множества шубъ и шинелей, терялась и его маленькая, поношенная шинелька.

— На чаекъ бы съ вашего благородія!—предложилъ ему любезно лакей, отыскивая его шинель.

— Голубчикъ ты мой! Мнѣ и самому-то впору на чаекъ просить, а не токмо что давать...

— Вотъ она, ваша шинель! Это она, ваше полублагородіе? Хоть муку сѣй! Въ этой самой шинели не по гостямъ ходить, а въ свинюшникѣ препровожденіе имѣть.

Сконфузившись и надѣвши шинель, Иванъ Никитичъ подсушилъ брюки, вышелъ изъ дома т—го богача и туза, Егора Л—ва, и направился, шлепая по грязи, къ своей квартирѣ.

Квартировалъ онъ на самой главной улицѣ, во флигель, за который платилъ шестьдесятъ рублей въ годъ наследникамъ какой-то купчихи. Флигель стоялъ въ углу огромнѣйшаго, поросшаго репейникомъ, двора и выглядывалъ изъ-за деревьевъ такъ смиренно, какъ могъ выглядывать... одинъ только Иванъ Никитичъ. Онъ заперъ на щеколду ворота и, старательно обходя репейникъ, направился къ своему сѣрому флигелю. Откуда-то заворчала и лѣниво гавкнула на него собака.

— «Стамезка», «Стамезка», это я... свой!—пробормоталъ онъ.

Дверь во флигель была не заперта. Вычистивши щеточкой салоги, Иванъ Никитичъ отворилъ дверь и вступилъ въ свое логовище. Крякнувъ и снявши шинель, онъ помолился на икону и пошелъ по своимъ, освѣщеннымъ лампадкою, комнатамъ. Во второй и послѣдней комнатѣ онъ опять помолился иконѣ и на цыпочкахъ подошелъ къ кровати. На кровати спала хорошенькая дѣвушка лѣтъ 25.

— Манечка,—началь будить ее Иванъ Никитичъ:—Манечка!

— Ввввв...

— Проснись, дочь моя!

— А мня... мня... мня...

— Манечка, а Манечка! Пробудись отъ сна!

— Кого тамъ? Че-го, а? А?

— Проснись, ангелъ мой! Поднимись, кормилица моя, музыкантша моя... Дочь моя! Манечка!

Манечка повернулась на другой бокъ и открыла глаза.

— Чего вамъ?—спросила она.

— Дай мнѣ, дружокъ, пожалуйста, два листика бумаги!

— Ложитесь спать!

— Дочь моя, не откажи въ просьбѣ!

— Для чего вамъ?

— Корреспонденцію въ «Голосъ» писать.

— Оставьте... Ложитесь спать! Тамъ я вамъ ужинать оставила!

— Другъ мой единственный!

— Вы пьяны? Прекрасно... Не мѣшайте спать!

— Дай бумаги! Ну, что тебѣ стоить встать и уважить отца? Другъ мой! Что же мнѣ, на колѣна становиться, что ли?

— Аааа... чоррртъ! Сейчасъ! Уходите отсюда!

— Слушаю.

Иванъ Никитичъ сдѣлалъ два шага назадъ и спряталъ свою голову за ширмы. Манечка прыгнула съ кровати и плотно окуталась въ одѣяло.

— Шляется!—проворчала она.—Вотъ еще, наказаніе-то! Матерь Божія, скоро ли это кончится наконецъ! Ни днемъ ни ночью покоя! Ну, да и безсовѣстный же вы!..

— Дочь, не оскорбляй отца!

— Васъ никто не оскорбляетъ! На-те!

Манечка вынула изъ своего портфеля два листа бумаги и швырнула ихъ на столъ.

— Мерси, Манечка! Извини, что обезпокоилъ!

— Хорошо!

Манечка упала на кровать, укрылась одѣяломъ, съежилась и тотчасъ же заснула.

Иванъ Никитичъ зажегъ свѣчу и сѣлъ у стола. Немного подумавъ, онъ обмакнулъ перо въ чернила, перекрестился и началъ писать.

На другой день, въ восемь часовъ утра, Иванъ Никитичъ стоялъ уже у парадныхъ дверей Ивана Степановича и дрожащей рукой дергалъ за звонокъ.

Дергалъ онъ цѣлыхъ десять минутъ и въ эти десять минутъ чуть не умеръ отъ страха за свою смѣлость.

— Чево падотъ? Звонишь!—спросилъ его лакей Ивана

Степановича, отворяя дверь и протирая фалдой полошеннаго, коричневаго сюртука свои заспаные и распухшіе глаза.

— Иванъ Степановичъ дома?

— Баринъ? А гдѣ ему быть-то? А чево надоть?

— Вотъ... я къ нему.

— Изъ пошты, что ль? Спать онъ!

— Нѣтъ, отъ себя... Собственно говоря...

— Изъ чиновниковъ?

— Нѣтъ... но... можно обождать?

— Отчего не можно? Можно! Идите въ переднюю!

Иванъ Никитичъ бочкомъ вошелъ въ переднюю и сѣлъ на диванъ, на которомъ валялись лакейскія лохмотья.

— Аукррррм... Кгмбррр... Кто тамъ? — раздалось въ спальнѣ Ивана Степановича.—Сережка! Пошелъ сюда!

Сережка вскочилъ и, какъ сумасшедшій, побѣжалъ въ хозяйскую спальню, а Иванъ Никитичъ испугался и началъ застегиваться на все пуговицы.

— А? Кто?—допосилось до его ушей изъ спальни.— Кого? Языка у тебя, скотины, нѣту? Какъ? Изъ банка? Да говори же! Старикъ?

У Ивана Никитича застучало въ сердцѣ, помутилось въ глазахъ и похолодѣло въ ногахъ. Приближалась важная минута!

— Зови его!—послышалось изъ спальни.

Явился вспотѣвшій Сережка и, держась за ухо, повелъ Ивана Никитича къ Ивану Степановичу. Иванъ Степановичъ только-что проснулся: онъ лежалъ на своей двухспальной кровати и выглядывалъ изъ-подъ ситцеваго одѣяла. Возлѣ него, подъ тѣмъ же самымъ одѣяломъ, храпѣлъ толстякъ съ серебряной медалью. Ложась спать, толстякъ не нашелъ нужнымъ раздѣваться: кончики его сапоговъ выглядывали изъ-подъ одѣяла, а серебряная медаль сползла съ шеи на подушку. Въ спальнѣ было и душно, и жарко, и накурено. На полу красовались осколки разбитой лампы, лужа керосина и ключья женской юбки.

— Чего тебѣ?—спросилъ Иванъ Степановичъ, глядя въ лицо Ивана Никитича и морща лобъ.

— Извиняюсь за причиненное безпокойство,—отчеканилъ Иванъ Никитичъ, вынимая изъ кармана бумагу.— Высокопочтенный Иванъ Степановичъ, позвольте...

— Да ты, послушай, соловьевъ не разводи, у меня имѣеть печего: говори дѣло. Чего тебѣ?

— Я вотъ, съ тою цѣлью, чтобъ эк-эк-гемъ почтительнѣйше преподнести...

— Да ты кто таковъ?

— Я-съ? Эк... эк... гемъ... Я-съ? Забыли-съ? Я корреспондентъ.

— Ты? Ахъ, да. Теперь помню. Зачѣмъ же ты?

— Корреспонденцію обѣщанную на прочтеніе преподнести пожелалъ...

— Ужъ и написалъ?

— Написалъ-съ.

— Что такъ скоро?

— Скоро-съ? Я до самой сей поры писалъ!

— Гм... Да нѣтъ, ты... не такъ... Ты бы подольше написалъ. Зачѣмъ снѣшить? Поди, братецъ, еще попиши.

— Иванъ Степановичъ! Ни мѣсто ни время стѣснить таланта не могутъ... Хоть годъ цѣлый дайте мнѣ—и то, ей-Богу, лучше не напишу!

— А пу-ка, дай сюда!

— Иванъ Никитичъ раскрылъ листъ и обѣими руками поднесъ его къ головѣ Ивана Степановича.

Иванъ Степановичъ взялъ листъ, прищурилъ глаза и началъ читать:

«У насъ, въ Т..., ежегодно воздвигается по нѣскольку зданій, для чего выписываются столичные архитекторы, получаютъ изъ-за границы строительные матеріалы, затрачиваются громадные капиталы—и все это, надо признаться, съ цѣлями меркантильными... Жалко! Читателей у насъ 20 тысячъ слишкомъ, Т. существуетъ уже нѣсколько столѣтій, зданія воздвигаются; и нѣтъ даже и хижины, въ которой могла бы пріютиться сила, отрѣзывающая корни, глубоко пускаемые невѣжествомъ... Невѣжество...» Что это написано?

— Это-съ? *Horribile dictu...*

— А что это значить?..

— Богъ его знаетъ, что это значить, Иванъ Степановичъ! Если пишется что-нибудь нехорошее или ужасное, то возлѣ него и пишется въ скобочкахъ это выраженіе.

— «Невѣжество...» Ммм... «залегаетъ у насъ толстыми слоями и пользуется во всѣхъ слояхъ нашего общества полнѣйшимъ правомъ гражданства. Наконецъ-таки и на насъ повѣяло воздухомъ, которымъ дышитъ вся образованная Россія. Мѣсяць тому назадъ мы получили отъ г. министра разрѣшеніе открыть въ нашемъ городѣ про-

гимназію. Разрѣшеніе это было встрѣчено у насъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ. Нашлись люди, которые не ограничились однимъ только изъявленіемъ восторга, а пожелали еще также выказать свою любовь и на дѣлѣ. Наше купечество, никогда не отвѣчающее отказомъ на приглашенія—поддержать денежно какое-нибудь доброе начинаніе, и теперь также не кивнуло отрицательно головою...» Чоррртъ! Скоро написаль, а какъ важно! Ай да ты! Ишь! «Считаю пужнымъ назвать здѣсь именно главныхъ жертвователей. Вотъ ихъ имена: Гурій Петровичъ Грыжевъ (2.000), Петръ Семеновичъ Алебастровъ (1.500), Авивъ Инокентьевичъ Потрошиловъ (1.000) и Ивагъ Степановичъ Трамбоновъ (2.000). Послѣдній обѣщаль...» Кто это послѣдній?

— Послѣдній-съ? Это вы-съ!

— Такъ я по-твоему, значить, послѣдній?

— Послѣдній-съ... То-есть... эх... эх... гемъ... въ смыслѣ...

— Такъ я послѣдній?

Иванъ Степановичъ поднялся и побагровѣлъ.

— Кто послѣдній? Я?

— Вы-съ, только въ какомъ смыслѣ?!

— Въ такомъ смыслѣ, что ты дуракъ! Понимаешь? Дуракъ! На тебѣ твою корреспонденцію!

— Ваше высокостеп... Батюшка Иванъ... Иванъ...

— Такъ я послѣдній? Ахъ, ты, прыщъ ты этакій! Гусь!

Изъ устъ Ивана Степановича посыпались роскошныя выраженія, одно другого непечатнѣе... Иванъ Никитичъ обезумѣлъ отъ страха, упалъ на стулъ и завертѣлся.

— Ахъ, ты, сесвинья! Послѣдній?!? Ивагъ Степановъ Трамбоновъ послѣднимъ никогда не былъ и не будетъ! Ты послѣдній! Вонъ отсюда, чтобы и ноги твоей здѣсь не было!

Иванъ Степановичъ съ остервенѣніемъ скомкалъ корреспонденцію и швырнулъ комкомъ въ лицо корреспондента газетъ московскихъ и санктпетербургскихъ... Иванъ Никитичъ покраснѣлъ, поднялся и, махая руками, за сѣмннлъ изъ спальни. Въ передней встрѣтилъ его Сережка; съ глупѣйшей улыбкой на глупомъ лицѣ, онъ отворилъ ему дверь. Очутившись на улицѣ, блѣдный, какъ бумага, Иванъ Никитичъ побрелъ по грязи на свою квар-

тиру. Часа через два Иванъ Степановичъ, уходя изъ дома, увидѣлъ въ передней, на окнѣ, фуражку, забытую Иваномъ Никитичемъ.

— Чья это шапка?—спросилъ онъ Серезку.

— Да того миздрюшка, что намедни прогнать изволили.

— Выбрось ее! Чего ей здѣсь валяться?

Серезка взялъ фуражку и, вышедши на улицу, бросилъ ее въ самую жидкую грязь.

1882.

ЖИВОЙ ТОВАРЪ.

(Посвящается Ѳ. Ѳ. Понудогло).

I.

Грохольскій обнялъ Лизу, перецѣловалъ все ея пальчики съ огрызанными розовыми ногтями и посадилъ ее на обитую дешевымъ бархатомъ кушетку. Лиза положила ногу на ногу, заложила руки подъ голову и легла.

Грохольскій сѣлъ рядомъ на стулъ и нагнулся къ пей. Онъ весь обратился въ зрѣніе.

Какой хорошенькой казалась она ему, освѣщенная лучами заходящаго солнца!

Заходящее солнце, золотое, передернутое слегка пурпуромъ, все цѣликомъ было видно въ окно.

Всю гостиную и въ томъ числѣ Лизу оно освѣтило яркимъ, нерѣжущимъ глаза, свѣтомъ и положило на короткое время позолоту...

Грохольскій залобовался. Лиза не Богъ вѣсть какая красавица. Правда, ея маленькое, кошачье личико, съ карими глазами и съ вздернутымъ носикомъ, свѣжо и даже пикантно, ея жидкіе волосы черны, какъ сажа, и кудрявы, маленькое тѣло граціозно, подвижно и правильно, какъ тѣло электрическаго угря, но въ общемъ... Впрочемъ, въ сторону мой вкусъ. Грохольскій, избалованный женщинами, любившій и разлюбившій на своемъ вѣку сотни разъ, видѣлъ въ ней красавицу. Онъ любилъ ее, а слѣпая любовь вездѣ находитъ идеальную красоту.

— Послушай,—началъ онъ, глядя ей прямо въ глаза.— Я пришелъ поголковать съ тобой, моя прелесть. Любовь не терпитъ ничего неопредѣленнаго, безформеннаго... Неопредѣленныя отношенія, знаешь ли... Я вчера говорилъ тебѣ, Лиза... Мы постараемся сегодня покончить поднятый вчера вопросъ. Ну, давай рѣшать сообща... Чтò дѣлать?

Лиза зѣвнула и, сильно морщась, потащила изъ-подъ головы правую руку.

— Что дѣлать?—повторила она за Грохольскимъ чуть слышно.

— Ну да, что дѣлать? Рѣшай вотъ, мудрая головка... Я люблю тебя, а любящій человѣкъ не подѣльчивъ. Онъ болѣе, чѣмъ эгоистъ. Я не въ силахъ дѣлиться съ твоимъ мужемъ. Я мысленно рву его на клочки, когда думаю, что и онъ любитъ тебя. Во-вторыхъ, ты любишь меня... Для любви необходимымъ условіемъ является полная свобода... А ты развѣ свободна? Тебя развѣ не терзаетъ мысль, что надъ твоей душой вѣчно торчитъ этотъ человѣкъ? Человѣкъ, котораго ты не любишь, быть-можетъ, что очень естественно, ненавидишь... Это во-вторыхъ... Въ-третьихъ же... Что же въ-третьихъ? А вотъ что... Мы обманываемъ его, а это... не честно. Прежде всего, Лиза, правда. Прочь ложь!

— Ну, такъ что же дѣлать?

— Ты можешь догадаться... Я пахожу нужнымъ, обязательнымъ объявить ему о нашей связи и оставить его, зажать на свободѣ. То и другое нужно сдѣлать по возможности скорѣй... Напримѣръ, хоть сегодня вечеромъ съ нимъ... Пора покончить... Развѣ тебѣ не надоѣло воровски любить?

— Объясниться? Съ Ваней?

— Ну да!

— Это невозможно! И вчера я говорила тебѣ, Мишель, что это невозможно!

— Почему же?

— Онъ обидится, раскричится, надѣлаетъ разныхъ неприятностей... Развѣ ты не знаешь, какой онъ? Воже, сохрани! Не пуки объясняться! Выдумалъ еще!

Грохольскій провелъ рукой по лбу и вздохнулъ.

— Да,—сказалъ онъ.—Онъ больше чѣмъ обидится... Я вѣдь отнимаю у него счастье. Онъ любитъ тебя?

— Любить. Очень.

— Вотъ еще комиссія! Не знаешь, съ какого конца начать. Скрывать отъ него—подло, объясниться съ нимъ—значить убить его... Чортъ знаетъ что! Ну, какъ быть?

Грохольскій задумался. Его блѣдное лицо нахмурилось.

— Будемъ всегда такъ, какъ теперь,—сказала Лиза.— Пусть самъ узнаетъ, если хочетъ.

— Но вѣдь это... это и грѣшно и... Наконецъ ты моя, и никто не имѣетъ права думать, что ты принадлежишь не мнѣ, а другому! Ты моя! Никому не уступлю!.. Мнѣ жаль его, видитъ Богъ, какъ жаль, Лиза! Когда я вижу его, мнѣ больно дѣлается! Но... по чтò жь дѣлать наконецъ? Вѣдь ты его не любишь? Чего же ради ты будешь съ нимъ маяться? Объясниться надо! Объяснимся съ нимъ и поѣдемъ ко мнѣ. Ты моя жена, а не его. Пусть какъ знаетъ. Какъ-нибудь перетерпитъ свое горе... Не онъ первый, не онъ и послѣдній... Хочешь бѣжать? А? Говори скорѣй! Хочешь бѣжать?

Лиза поднялась и вопросительно глазами поглядѣла на Грохольскаго.

— Бѣжать?

— Ну да... Въ имѣнье ко мнѣ... Въ Крымъ потомъ... Объяснимся съ нимъ письменно... Ночью можно. Поѣздъ въ половинѣ второго. А? Хорошо?

Лиза почесала переносье и задумалась.

— Хорошо,—сказала она и... заплакала.

На ея щечкахъ заиграли красныя пятнышки, глазки надулись и по кошачьему личику потекли слезы...

— О чемъ ты? — встревожился Грохольскій. — Лиза! Чего ты! Ну! Чего плачешь? Эка вѣдь! Ну чего? Голубчикъ! Мамочка!

Лиза протянула къ Грохольскому руки и повисла на его шеѣ. Послышались всхлипыванія.

— Мнѣ жаль его...—забормотала Лиза.—Ахъ, какъ мнѣ его жаль!

— Кого?

— Ва... Ваню...

— А мнѣ не жаль? Ну чтò же дѣлать? Мы причинимъ ему страданія... Онъ будетъ страдать, проклинать... Но чѣмъ же мы виноваты, что мы любимъ другъ друга?

Сказавши это, Грохольскій отскочилъ отъ Лизы, какъ ужаленный, и сѣлъ въ кресло. Лиза спорхнула съ его шеи и быстро, въ мгновенье, опустила на кушетку.

Оба они страшно покраснѣли, опустили глаза и закашляли.

Въ гостиную вошелъ высокій, широкоплечій малый, лѣтъ тридцати, въ чиновничьемъ вицмундирѣ. Онъ вошелъ незамѣтно. Только стукъ стула, за который онъ зацѣпился у двери, далъ знать любовникамъ о его приходѣ и заставилъ ихъ оглянуться. Это былъ мужъ.

Оглянулись они поздно. Онъ видѣлъ, какъ Грохольскій держалъ за талію Лизу, и видѣлъ, какъ Лиза висѣла на бѣлой аристократической шеѣ Грохольскаго.

«Онъ видѣлъ!»—подумали въ одно и то же время Лиза и Грохольскій, стараясь спрятать подальше свои отяжелѣвшія руки и сконфуженныя глаза...

Розовое лицо остолбенѣвшаго мужа побѣлѣло.

Мучительное, странное, душу возмущающее молчаніе длилось три минуты. О, эти три минуты! Ихъ и до сихъ поръ воспоминаетъ Грохольскій.

Первый задвигался и прервалъ молчаніе мужъ. Онъ зашагалъ къ Грохольскому и, строя на своемъ лицѣ бессмысленную гримасу, похожую на улыбку, подалъ ему руку. Грохольскій слегка пожалъ мягкую, потную руку и весь вздрогнулъ, точно раздавилъ въ кулакѣ холодную лягушку.

— Здравствуйте,—пробормоталъ онъ.

— Здоровы-съ? — чуть слышно прохрипѣлъ мужъ и сѣлъ противъ Грохольскаго, поправляя у себя сзади воротникъ...

Опять наступило томительное молчаніе... Но это молчаніе уже было не такъ глупо... Первый приступъ, самый тяжелый и безхарактерный, прошелъ.

Оставалось теперь только кому-нибудь изъ двухъ ретироваться за спичками или за другимъ какимъ-нибудь пустякомъ. Обоимъ сильно хотѣлось уйти. Они сидѣли и, не глядя другъ на друга, подергивая себя за бородки, искали въ своихъ взбудораженныхъ мозгахъ выхода изъ ужасно неловкаго положенія. Оба были потны. Оба невыносимо страдали, и обоихъ пожирала ненависть. Хотѣлось вѣшиться, но... какъ начать и кому первому начинать? Хоть бы она вышла!

— Я васъ вчера въ собраніи видѣлъ,—пробормоталъ Бугровъ (такъ звали мужа).

— Я былъ тамъ... балъ... Танцевали?

— Гм... да. Съ той... съ Люкоцкой младшей... Тяжело пляшетъ... Невозможно пляшетъ. Болтать мастерица. (Пауза). Болтаетъ неутомимо.

— Да... скучно было. И я васъ видѣлъ...

Грохольскій нечаянно взглянулъ на Бугрова... Его глаза встрѣтились съ блуждающимъ взглядомъ обманутаго мужа, и онъ не вынесъ. Онъ быстро всталъ, быстро поймалъ руку Бугрова, пожалъ ее, схватилъ шляпу и пошелъ къ

двери, чувствуя за собой свою спину. Ему казалось, что на его спину смотреть тысяча глазъ. То же чувствуетъ освистанный актеръ, удаляясь съ авансцены, то же самое чувствуетъ и фатъ, которому дали подзатыльникъ и выводятъ съ полиціей...

Какъ только затихли шаги Грохольскаго и скрипнула дверь въ передней, Бугровъ вскочилъ и, сдѣлавъ по гостиной нѣсколько круговъ, зашагалъ къ женѣ. Кошачье личико съежилось и замигало глазками, точно ожидало щелчка. Мужъ подошелъ къ ней и, наступая ей на платье, толкая ея колѣни своими колѣнами, съ искаженнымъ, блѣднымъ лицомъ потрясъ руками, головой и плечами.

— Если ты, дрянъ этакая,—заговорилъ онъ глухимъ, плачущимъ голосомъ:—впустишь его сюда еще хоть разъ, то я тебя... Чтобъ шага не смѣлъ! Убью! Понимаешь? А-а-а... Тварь негодная! Дрожишь! Мерр...зость!

Бугровъ схватилъ ее за локоть, потрясъ и швырнулъ ее, какъ резиновый мячикъ, къ окну...

— Дрянъ! Пошлая! Стыда нѣтъ!

Она полетѣла къ окну, едва касаясь пола ногами, и ухватилась руками за занавѣски.

— Молчать! — крикнулъ супругъ, подойдя къ ней, и сверкая глазами, топнулъ ногой.

Она молчала. Она глядѣла на потолокъ и всхлипывала, имѣя на лицѣ выраженіе кающейся дѣвочки, которую хотятъ наказать.

— Такъ ты такъ? А? Съ хлыщомъ? Хорошо! А передъ алтаремъ? Кто? Хороша жена и мать! Молчать!

И онъ ударилъ ее по ея хорошенькому, хрупкому, плечу.

— Молчать! Дрянъ! Я тебя еще и не такъ! Если этотъ прохвостъ посмѣетъ явиться сюда хоть еще разъ, если я тебя хоть еще разъ...—слушай!!—увиджу съ этимъ мерзавцемъ, то... не проси милости! Въ Сибирь пойду, а убью! И его! Ничего мнѣ не стоить! Ступай! Не хочу я тебя видѣть!

Бугровъ утеръ рукавомъ лобъ и глаза и зашагалъ по гостиной, Лиза, всхлипывая все громче и громче, подергивая плечами и вздернутымъ носикомъ, принялась разсматривать кружева на занавѣскахъ.

— Блажишь! — закричалъ супругъ.—Глупости въ головѣ много у дуры! Прихоти все! Я, братъ, Лизавета,

этого... не того! У меня не чичиркь! Я не люблю! Хочешь свинствомъ заниматься, такъ... гайда! Въ домъ моемъ пѣтъ тебѣ мѣста! Маршъ, коли... Въ жены пошла, такъ забудь, выкинь изъ дурной головы этихъ франтовъ! Глупости все! Другой разъ чтобъ этого не было! Проговори еще! Мужа люби! Мужу дапа, мужа и люби! Такъ-то! Одного мало? Ступай, пока... Мучители!

Бугровъ помолчалъ и крикнулъ:

— Ступай, говорятъ! Иди въ дѣтскую! Чего ревешь? Сама виновата и ревешь! Эка! Въ прошломъ году на Петькѣ Точковѣ висла, теперь на этого, прости Господи, дьявола повисла... Тьфу! Пора понимать, кто ты! Жена! Мать! Въ прошломъ году неудовольствія выпли, и теперь выйдутъ неудовольствія... Тьфу!

Бугровъ громко вздохнулъ, и въ воздухѣ запахло хересомъ. Онъ возвратился съ обѣда и былъ слегка пьянъ...

— Обязанностей не знаешь? Нѣтъ!.. Васъ учить надо! Вы еще не учены! И маменьки ваши потаскухи и вы... Реви! Да! Реви вотъ!

Бугровъ подошелъ къ женѣ и потянулъ изъ ея рукъ занавѣску.

— Не стой у окна... Людямъ видно, какъ ты ревешь... Другой разъ чтобы этого не было. Отъ объятій до обѣды дойдешь... Влопаешься. Нешто мнѣ пріятно рога носить? А поставишь, коли возитъ ся съ ними, съ хамами будешь... Ну, полно... Въ другой разъ ты... не того... Я вѣдь... Лиза... Оставь...

Бугровъ вздохнулъ и обдалъ Лизу хересовыми парами.

— Ты молоденькая, глупенькая, ничего не понимаешь... Меня дома никогда не бываетъ... Ну, а они и пользуются. Надо быть умной, разсудительной! Надуютъ! А ужъ тогда я не вынесу... Тогда я шабашъ... Кончено! Тогда хоть и помпрай ложись. За измѣну я... я, матушка, все готовъ сдѣлать. До смерти избить могу и... прогошо. Иди тогда къ своимъ прохвостамъ.

И Бугровъ своей большой, мягкой ладонью (*horribile dictu*) вытеръ мокрое, заплаканное лицо измѣнницы Лизы. Онъ обращался со своей двадцатилѣтней женой, какъ съ ребенкомъ.

— Ну, полно... Извиняю, только чтобъ въ другой разъ... ни Боже мой! Извиняю въ пятый разъ, а ужъ въ шес-

стой не извишу. Это какъ Богъ святъ. За такія штуки и Богъ не прощаетъ вашего брата

Бугровъ нагнулся и потянулся своими лоснящимися губами къ головкѣ Лизы

Но поцѣлуй не удался...

Въ передней, столовой, залѣ и гостиной захлопали двери, и въ гостиную, какъ вихрь, влетѣлъ Грохольскій. Онъ былъ блѣденъ и дрожалъ. Руками онъ махалъ, мялъ свою дорогую шляпу. Сюртукъ болтался на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Онъ олицетворялъ собою сильнѣйшую лихорадку. Увидѣвъ его, Бугровъ отошелъ отъ жены и сталъ смотрѣть въ другое окно. Грохольскій подлетѣлъ къ нему и, махая руками, тяжело дыша и ни на кого не глядя, заговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Иванъ Петровичъ! Перестанемъ играть другъ передъ другомъ комедію! Довольно намъ обманывать одинъ другого! Довольно! Не въ силахъ я! Чтò хотите дѣлайте, а я не могу. Противно и подло наконецъ! Возмутительно! Поймите вы, что возмутительно!

Грохольскій захлебывался и задыхался.

— Не въ моихъ правилахъ. И вы честный человекъ. Я люблю ее! Люблю ее больше всего на свѣтѣ! Вы это замѣтили и... Обязанъ я это сказать.

«Чтò ему сказать?»—подумалъ Иванъ Петровичъ.

— Нужно покончить. Комедія эта не можетъ такъ долго тянуться! Должно это все чѣмъ-нибудь разрѣшиться.

Грохольскій вдохнулъ въ себя побольше воздуха и продолжалъ:

— Я жить безъ нея не могу. Она тоже. Вы ученый человекъ, вы поймете, что при такихъ условіяхъ ваша семейная жизнь невозможна. Эта женщина не ваша. Ну да... Однимъ словомъ, я прошу взглянуть на это дѣло сънисходительной... гуманной точки. Иванъ Петровичъ! Поймите же наконецъ, что я люблю ее, люблю больше себя, больше всего на свѣтѣ, и противиться этой любви выше силъ моихъ!

— А она-съ?—спросилъ угрюмымъ, нѣсколько насмѣшливымъ тономъ Бугровъ.

— Спросите ее! Ну вотъ, спросите ее! Жить ей съ нелюбимымъ человекомъ, жить съ вами, любя другого, вѣдь это... это... страдать значитъ!

— А она?—повторилъ уже не насмѣшливымъ тономъ Бугровъ.

— Она... она любить меня! Мы полюбили другъ друга... Иванъ Петровичъ! Убивайте насъ, презирайте, гонитесь за нами, дѣлайте, что хотите... но мы больше не въ силахъ скрывать отъ васъ! Мы оба налицо! Судите насъ со всею строгостью человѣка, у котораго мы... судьба отняла счастье!

Бугровъ покраснѣлъ, какъ переваренный ракъ, и однимъ глазомъ поглядѣлъ на Лизу. Онъ зампгалъ глазами. Пальцы, губы и вѣки его задрожали. Вѣднѣй опъ! Глаза плачущей Лизы говорили ему, что Грохольскій правъ, что дѣло серьезно...

— Ну что жъ?—забормоталъ опъ.—Ежели вы... Въ пошнѣя времена... Вы все этакъ...

— Видить Богъ,—завизжалъ высокимъ теноромъ Грохольскій:—что мы понимаемъ васъ! Развѣ мы не понимаемъ, не чувствуемъ? Я знаю, какія страданія я причиняю вамъ. Видить Богъ! Но будьте снисходительны! Умоляю васъ! Мы не виноваты! Любовь не есть вина. Никакая воля не можетъ ей противиться... Отдайте мнѣ ее, Иванъ Петровичъ! Отпустите ее со мной! Возьмите съ меня, что хотите, за ваши мѣки, жизнь мою возьмите, но отдайте мнѣ Лизу! Я на все готовъ... Ну, укажите, чѣмъ я могу хоть отчасти замѣнить вамъ ее? Возьмите этого потеряннаго счастья я могу вамъ дать другое счастье! Могу, Иванъ Петровичъ! Я на все согласенъ! Подлю было бы съ моей стороны оставить васъ не удовлетвореннымъ... Я понимаю васъ въ настоящую минуту.

Бугровъ махнулъ рукой, какъ бы говоря: «Уйдите ради самого Бога!» Глаза его начали заволакиваться предательской влагой... Сейчас увидятъ, что онъ плакса.

— Я понимаю васъ, Иванъ Петровичъ! Я дамъ вамъ другое счастье, котораго вы не испытали. Что вы хотите? Я богатый человѣкъ, я сынъ вліятельнаго человѣка... Хотите? Ну, сколько хотите?

У Бугрова вдругъ заколотило сердце... Опъ обѣими руками взялся за оконныя занавѣски...

— Хотите... пятьдесятъ тысячъ? Иванъ Петровичъ, умоляю... Это не подкупъ, не купля... Я хочу только жертвой съ своей стороны загладить хоть нѣсколько вашу неизмѣримую потерю... Хотите сто тысячъ? Я готовъ! Сто тысячъ хотите?

Боже мой! Два огромнѣйшихъ молотка заколотили по вепотѣвшимъ вискамъ несчастнаго Ивана Петровича...

Въ ушахъ со звонками и бубенчиками забѣгали русскія тройки...

— Примите отъ меня эту жертву!—продолжалъ Грохольскій.—Умоляю васъ! Вы снимете съ моей совѣсти тяжесть. Прощу васъ!

Боже мой! Мимо окна, въ которое глядѣли влажные глаза Бугрова, по мостовой, слегка влажной отъ брызнувшего майскаго дождичка, прокатила шикарная четырехмѣстная коляска. Кони лихые, лютые, съ лоскомъ, съ манерой. Въ коляскѣ сидѣли люди въ соломенныхъ шляпахъ, съ довольными лицами, съ длинными удилицами, сачками... Гимназистъ въ бѣлой фуражкѣ держалъ въ рукахъ ружье. Они ѣхали на дачу удить рыбу, охотиться, пить на свѣжемъ воздухѣ чай, гулять. Ѣхали въ тѣ благодатныя мѣста, гдѣ, во время оно, бѣгалъ по полямъ, лѣсамъ и берегамъ босой, загорѣлый, но тысячу разъ счастливый сынъ деревенскаго дьякона, мальчикъ Бугровъ. О, какъ чертовски соблазнителемъ этотъ май! Какъ счастливы тѣ, которые, снявъ свои тяжелые вицмундиры, могутъ сѣсть въ коляску и полетѣть въ поле, гдѣ кричатъ перепела и пахнетъ молодымъ сѣномъ. Сердце Бугрова сжалось отъ пріятнаго, охлаждающаго чувства... Сто тысячъ! Въстѣ съ коляской предъ нимъ пролетѣли всѣ его завѣтныя мечты, которыми онъ любилъ угощать себя въ продолженіе всего своего чиновничьяго житья-бытья, сидя въ губернскомъ правленіи или въ своемъ щедеушномъ кабинетикѣ... Рѣка, глубокая, съ рыбой, широкій садъ съ узенькими аллеями, фонтанчиками, тѣнями, цвѣтами, бесѣдками, роскошная дача съ террасами и башней, съ Эоловой арфой и серебряными колокольчиками... (О существованіи Эоловой арфы онъ узналъ изъ пѣмецкихъ романовъ). Небо чистое, голубое; воздухъ прозрачный, чистый, пропитанный запахами, напоминающими ему его босое, голодное и забитое дѣтство... Въ пять часовъ вставать, въ девять ложиться; днемъ ловить рыбу, охотиться, бесѣдовать съ мужичьемъ... Хорошо!

— Иванъ Петровичъ! Не мучайте! Хотите сто тысячъ?

— Мм... Полтора ста тысячъ!—промычалъ Бугровъ глухимъ голосомъ, голосомъ охрипшаго быка...

Промычалъ и нагнулся, стыдясь своихъ словъ и ожидая отвѣта...

— Хорошо,—сказалъ Грохольскій.—Согласенъ! Благодарю, Иванъ Петровичъ... Я сейчасъ... Не заставлю ждать...

Грохольскій подпрыгнулъ, надѣлъ шляпу и, пятась за-домъ, выбѣжалъ изъ гостиной.

Бугровъ крѣпче ухватился за оконныя занавѣски... Ему было стыдно... На душѣ было подло, глупо, но зато какія красивыя, блестящія надежды закопошились между его стучащими висками! Онъ богатъ!

Лиза, ничего не понимающая, боящаяся, чтобы онъ не подошелъ къ ея окну и не отбросилъ ее въ сторону, трепеща всѣмъ тѣломъ, шмыгнула въ полуотворенную дверь. Она пошла въ дѣтскую, легла на нянину кровать и свернулась калачикомъ. Ее трясла лихорадка.

Бугровъ остался одинъ. Ему стало душно, и онъ открылъ окно. Какимъ великолѣпнымъ воздухомъ пахнуло на его лицо и шею! Такимъ воздухомъ хорошо дышать, раз-валясь на подушкахъ коляски... Тамъ, далеко за горо-домъ, около деревень и дачъ воздухъ еще легче... Буг-ровъ даже улыбнулся, мечтая о воздухѣ, который оку-таетъ его, когда онъ выйдетъ на террасу своей дачи и залюбуется видомъ... Мечталъ онъ долго... Солнце уже зашло, а онъ все стоялъ и мечталъ, стараясь всѣми си-лами выбросить изъ своей головы образъ Лизы, кото-рый неотступно слѣдовалъ за нимъ во всѣхъ его мечтахъ.

— Я принесъ, Иванъ Петровичъ!—прошенталъ падъ его ухомъ вошедшій Грохольскій.—Я принесъ... Полу-чите... Тутъ вотъ въ этой пачкѣ сорокъ тысячъ... По этому бланку потрудитесь получить послѣзавтра у Ва-лентинова двадцать... Вексель вотъ... Чекъ... Остальные тридцать на-дняхъ... Управляющій мой вамъ привезетъ.

Грохольскій, розовый, возбужденный, двигая всѣми чле-нами, выложилъ предъ Бугровымъ кучу пачекъ бумагъ, па-кетовъ. Куча была большая, разноцвѣтная, пестрая. Въ жизнь свою никогда не видалъ Бугровъ такой кучи! Онъ растопырилъ свои жирные пальцы и, не глядя на Грохоль-скаго, принялся перебирать пачки кредитокъ и бланки...

Грохольскій выложилъ всѣ деньги и засѣменилъ по комнатѣ, отыскивая купленную и проданную Дульципею.

Наполнивъ карманы и бумажникъ, Бугровъ спряталъ бланки въ столъ и, выпивъ полграфина воды, выскочилъ на улицу.

— Извозчикъ!—крикнулъ онъ дикимъ голосомъ.

Ночью, въ половинѣ двѣнадцатаго, онъ подкатилъ къ подъѣзду гостиницы «Парижъ». Съ шумомъ вошелъ онъ вверхъ по лѣстницѣ и постучался въ номеръ, въ кото-

ромъ жилъ Грохольскій. Его выпустили. Грохольскій укладывалъ свои вещи въ чемоданы. Лиза сидѣла за столомъ и примѣряла браслеты. Оба они испугались, когда вошелъ къ нимъ Бугровъ. Имъ показалось, что онъ пришелъ за Лизой и принесъ обратно деньги, которыя онъ взялъ не по убѣжденію, а сторяча. Но Бугровъ пришелъ не за Лизой. Стыдясь своей новой оболочки, чувствуя себя въ ней ужасно неловко, онъ поклонился и сталъ у двери въ позѣ лакея. Новая оболочка была восхитительна. Бугровъ былъ неузнаваемъ. Костюмъ свѣженькій, прямо съ иголки, изъ французскаго трико, самый наимоднѣйшій, облекалъ его большое тѣло, ничего доселѣ не носившее, кромѣ обыкновеннаго вицмундира. На ногахъ блестѣли полштиблеты съ сверкающими пряжками. Онъ стоялъ, стыдился своей новой оболочки и правой рукой закрывалъ брелки, за которые онъ, часъ тому назадъ, заплатилъ триста рублей...

— Я пришелъ насчетъ вотъ чего...—началъ онъ.—Уговоръ лучше денегъ. Мишутку я не отдамъ...

— Какого Мишутку?—спросилъ Грохольскій.

— Сына.

Грохольскій и Лиза переглянулись. У Лизы надулись глаза, покраснѣли щеки и запрыгали губы...

— Хорошо,—сказала она.

Она вспомнила теплую постельку Мишутки. Жестоко было бы эту теплую постельку промѣнять на холодный померной диванъ, и она согласилась.

— Я буду съ нимъ видѣться,—сказала она.

Бугровъ поклонился, вышелъ и, блестящій, полетѣлъ внизъ по лѣстницѣ, разсѣвая воздухъ дорогою тростью...

— Домой!—сказалъ онъ извозчику.—Завтра утромъ, въ пять часовъ, я поѣду... Приѣдешь. Буду спать, разбудись. За городъ поѣдемъ...

II.

Былъ прекрасный августовскій вечеръ. Солнце, окаймленное золотымъ фономъ, слегка подернутое пурпуромъ, стояло надъ западнымъ горизонтомъ, готовое опуститься за далекіе курганы. Въ садахъ уже исчезли тѣни и полутѣни, воздухъ сталъ сыръ, но на верхушкахъ деревьевъ играла еще позолота... Было тепло... Недавно шелъ дождь и еще болѣе освѣжилъ и безъ того свѣжий, прозрачный, ароматный воздухъ.

Я описываю не столичный августъ, туманный, слезливый, темный, съ его холодными, до-нельзя сырими зарями. Храни Богъ! Я описываю не нашъ сѣверный, жесткій августъ. Я попрошу читателя перенестись въ Крымъ, на одинъ изъ его береговъ, поближе къ Феодосіи, къ тому именно мѣсту, гдѣ стоитъ дача одного изъ моихъ героевъ. Дача хорошенькая, чистенькая, окруженная цвѣтниками и стриженными кустами. Сзади, шаговъ на сто отъ нея, снѣдетъ фруктовый садъ, въ которомъ гуляютъ дачники... Грохольскій дорого платитъ за эту дачу; тысячу рублей въ годъ, кажется... Дача не стоитъ этой платы, но она хорошенькая... Высокая, тонкая, съ тонкими стѣнами и очень тонкими перилами, хрупкая, пѣжная, выкрашенная въ свѣтло-голубой цвѣтъ, увѣшанная кругомъ занавѣсями, портьерами, драпри—она напоминаетъ собою миловидную, хрупкую, кисейную барышню...

Въ описываемый вечеръ на террасѣ этой дачи сидѣли Грохольскій и Лиза. Грохольскій читалъ «Новое Время» и пилъ изъ зеленой кружки молоко. Передъ нимъ на столѣ стоялъ сифонъ съ сельтерской водой. Грохольскій воображалъ себя больнымъ катарромъ легкихъ и, по совѣту доктора Дмитріева, истреблялъ огромнѣйшее количество винограда, молока и сельтерской воды. Лиза сидѣла далеко отъ стола, на мягкомъ креслѣ. Облокотившись на перила и подперевши свое маленькое лицо кулачками, она глядѣла на дачу *vis-à-vis*... Въ окнахъ дачи *vis-à-vis* играло солнце... Горящія стекла бросали въ глаза Лизы ослѣпительные лучи... Изъ-за палисадника и рѣдкихъ деревьевъ, окружавшихъ дачу, глядѣло море со своими волнами, синевой, безконечностью, бѣлѣющими мачтами... Было такъ хорошо! Грохольскій читалъ фельетонъ Незнакомца и послѣ каждыхъ десяти строкъ взбрасывалъ свои голубые глаза на Лизину спину... Прежняя любовь, страстная, кипучая, свѣтилась въ этихъ глазахъ... Онъ былъ безконечно счастливъ, несмотря на воображаемый катарръ легкихъ... Лиза чувствовала на своей спинѣ его глаза, думала о блестящей будущности Мишутки, и ей было такъ покойно, такъ славно на душѣ...

Ее не такъ занимали море и ослѣпительное мерцаніе стеколъ дачи *vis-à-vis*, какъ тѣ обозы, которые одинъ за другимъ тянулись къ этой дачѣ.

Обозы были полны мебели и разной домашней утвари. Лиза видѣла, какъ на дачѣ отворились рѣшетчатая во-

рота и большія стеклянныя двери, какъ съ безконечной перебранкой закопошились около мебели возницы. Въ стеклянныя двери внесли большіе кресла и диванъ, обитые темно-малиновымъ бархатомъ, столы для залы, гостиной и столовой, большую двухспальную кровать, дѣтскую кровать... Внесли также что-то большое, увязанное въ рогожи, тяжелое...

«Рояль»,—подумала Лиза, и у ней забилося сердце.

Она давно уже не слыхала игры на роялѣ, а она такъ любила эту игру. У нихъ на дачѣ не было ни одного музыкальнаго инструмента. Она и Грохольскій были музыкантами только въ душѣ, не болѣе.

За роялью внесли много ящиковъ и тюковъ, на которыхъ написано «осторожно».

Это были ящики съ зеркалами и посудой. Въ ворота ввезли богатую, блестящую коляску и ввели двухъ бѣлыхъ лошадей, похожихъ на лебедей.

«Боже мой! Какое богатство!»—подумала Лиза, припоминая своего старичка-пони, купленнаго Грохольскимъ, не любящимъ ни ѣзды, ни лошадей, за сто рублей. Бѣ пони сравнительно съ этими конями-лебедами показался ей клопомъ. Грохольскій, боящійся быстрой ѣзды, нарочно купилъ для Лизы плохую лошадь.

«Какое богатство!»—думала и шентала Лиза, глядя на шумѣвшихъ возницъ.

Солнце спряталось за курганы, воздухъ сталъ терять свои прозрачность и сухость, а мебель все еще возили и таскали. Стало наконецъ темно до того, что Грохольскій пересталъ читать газеты, а Лиза все смотрѣла и смотрѣла.

— Не зажечь ли лампу?—спросилъ Грохольскій, боявшійся, чтобы въ молоко не ушла муха и въ темнотѣ не была бы проглочена.—Лиза! Не зажечь ли лампу? Въ темнотѣ посидимъ, мой ангелъ?

Лиза не отвѣчала. Ее занималъ шарабанъ, подъѣхавшій къ воротамъ дачи vis-à-vis... Какая миленькая лошадка привезла этотъ шарабанъ! Средняго роста, небольшая, граціозная... Въ шарабанѣ сидѣлъ какой-то господинъ въ цилиндрѣ. На колѣняхъ его, болтая ручонками, засѣдалъ ребенокъ лѣтъ трехъ, повидимому, мальчишка... Онъ болталъ ручонками и покрикивалъ отъ восторга.

Лиза вдругъ взвизгнула, поднялась и подалась всеѣмъ корпусомъ впередъ.

— Что съ тобой?—спросилъ Грохольскій.

— Ничего... Это я такъ.... Показалось...

Высокій и широкоплечій господинъ въ цилиндрѣ со-скочилъ съ шарабана, взялъ на руки мальчишку и, подпрыгивая, весело побѣжалъ къ стеклянной двери.

Дверь съ шумомъ отворилась, и онъ исчезъ во мракѣ дачныхъ апартаментовъ.

Два холоуя подскочили къ лошади съ шарабаномъ и почтительнѣйше повели ее въ ворота. Скоро vis-à-vis за-свѣтились огни, и послышался стукъ тарелокъ, ножей и вилокъ. Господинъ въ цилиндрѣ сѣлъ ужинать и, судя по продолжительности звяканья посудой, ужиналъ долго. Лизѣ показалось, что запахло щами съ курицей и жареной уткой. Послѣ ужина изъ дачи понеслись беспорядочные звуки рояля. По всей вѣроятности, господинъ въ цилиндрѣ хотѣлъ забавить чѣмъ-нибудь ребенка и позволилъ ему побрыцать.

Грохольскій подошелъ къ Лизѣ и взялъ ее за талию.

— Какая чудная погода!—сказалъ онъ.—Какой воз-духъ! Чувствуешь? Я, Лиза, очень счастливъ... даже очень. Счастье мое такъ велико, что я даже боюсь, чтобы оно не рухнуло. Рушатся, обыкновенно, большіе предметы... А знаешь ли, Лиза? Несмотря на все мое счастье, я все-таки не абсолютно... покоенъ... Меня мучаетъ одна неотвязчивая мысль... Ужасно мучаетъ. Она мнѣ не даетъ покоя ни днемъ ни ночью...

— Какая мысль?

— Какая? Ужасная, душа моя. Меня мучаетъ мысль о... твоёмъ мужѣ. Я молчалъ до сихъ поръ, боялся потре-вожить твой внутренній покой. Но я не въ силахъ мол-чать... Гдѣ онъ? Чтѣ съ нимъ? Куда онъ дѣлся со своими деньгами? Ужасно! Каждую ночь мнѣ представляется его лицо, испитое, страдающее, умоляющее... Ну, посуди, мой ангелъ! Вѣдь мы отняли у него его счастье... Развѣ деньги, которыя онъ великодушно принималъ, могутъ ему замѣнить тебя? Вѣдь онъ тебя очень любилъ?

— Очень!

— Ну, вотъ видишь! Онъ или запилъ теперь, или же... Боюсь за него! Ахъ, какъ боюсь! Написать бы ему, что ли? Его утѣшить нужно... Доброе слово, знаешь ли...

Грохольскій глубоко вздохнулъ, покачалъ головой и, изнеможенный тяжелой думой, опустился въ кресло. Подперевъ голову кулаками, онъ принялся думать. Судя по его лицу, дума была мучительная...

— Я пойду спать, — сказала Лиза. — Пора...

Лиза пошла къ себѣ, раздѣлась и порхнула подъ одѣяло. Она ложилась въ десять часовъ и вставала въ десять. Сибаритничать она любила.

Морфей скоро принялъ ее въ свои объятія. Сны ей спались въ продолженіе всей ночи самые обворожительные... Спались ей цѣлые романы, повѣсти, арабскія сказки... Героемъ всѣхъ этихъ сновъ былъ... господинъ въ цилиндрѣ, заставившій ее сегодня вечеромъ взвизгнуть.

Господинъ въ цилиндрѣ отнималъ ее у Грохольскаго, пѣлъ, билъ Грохольскаго и ее, сѣкъ подъ окномъ мальчишку, объяснялся въ любви, каталъ ее на шарабагѣ... О, сны! Въ одну ночь, съ закрытыми глазами и лежа, можно иногда прожить не одинъ десятокъ счастливыхъ лѣтъ... Лиза въ эту ночь прожила очень много и очень счастливо, несмотря даже и на побои...

Проснувшись въ восьмомъ часу, она накинула на себя платье, быстро поправила волосы и, не надѣвъ даже своихъ татарскихъ остроносыхъ туфель, опрометью побѣжала на террасу. Одной рукой закрывая отъ солнца глаза, а другою поддерживая спускающееся платье, она поглядѣла на дачу vis-à-vis... Лицо ея засіяло...

Сомнѣваться болѣе нельзя было... Это былъ онъ.

Подъ террасой дачи vis-à-vis, передъ стеклянной дверью, стоялъ столъ. На столѣ сіялъ, сверкалъ и блисталъ чайный сервизъ съ серебрянымъ самоварчикомъ во главѣ. За столомъ сидѣлъ Иванъ Петровичъ. Онъ держалъ въ рукахъ серебряный подстаканникъ и шлъ чай. Пилъ съ большимъ аппетитомъ. Последнее можно было замѣтить по тому чавканью, которое доносилось до ушей Лизы. Онъ былъ въ коричневомъ халатѣ съ черными цвѣтами. Массивныя кисти спускались до самой земли. Лиза первый разъ въ жизни видѣла своего мужа въ халатѣ, да еще въ такомъ дорогомъ... На одномъ колѣнѣ его сидѣлъ Минутка и мѣшалъ ему шить чай. Онъ подпрыгивалъ и старался схватить своего папашу за лоснящуюся губу. Папаша послѣ каждаго трехъ-четыреохъ глотковъ наклонялся къ сыну и цѣловалъ его въ темя. Около одной изъ ножекъ стола, поднявъ высоко хвостъ, терся сѣрый котъ, и жалобнымъ мяуканьемъ изъяслялъ желаніе покушать.

Лиза спряталась за портьеру и впиалась глазами въ членовъ своей бывшей семьи. На лицѣ ея засвѣтилась радость...

— Мишель!—зашептала она.—Миша! Ты здѣсь, Миша? Голубчикъ! А какъ онъ любитъ Ваню! Господи!

И Лиза покатила съ смѣху, когда Мишутка помѣшалъ ложкой отцовскій чай.

— А какъ Ваня любитъ Мишеля! Милые мои!

У Лизы отъ радости и отъ счастья забилося сердце и закружилась голова. Она опустила въ кресло и съ кресла принялась за наблюденія.

— Какъ они попали сюда?—спрашивала она себя, посылая Мишутку воздушные поцѣлуи.—Кто падоумилъ ихъ пріѣхать сюда? Господи! Неужели все это богатство принадлежитъ имъ? Неужели тѣ лошади-лебеди, которыхъ ввели въ ворота, принадлежать Ивану Петровичу? Ахъ!

Панившись чаю, Иванъ Петровичъ ушелъ въ домъ. Черезъ десять минутъ онъ появился на крыльцѣ и... поразилъ Лизу. Онъ, юноша, только семь лѣтъ тому назадъ переставшій называться Ванькой и Ванюшкой, готовый за двугривенный своротить челюсть, поставивъ весь домъ верхъ дномъ, былъ одѣтъ чертовски хорошо. Онъ былъ въ соломенной, широкополой шляпѣ, въ чудныхъ блестящихъ ботфортахъ, жилетку нике... Тысяча большихъ и малыхъ солнцъ свѣтилось въ его брелкахъ. Въ правой рукѣ держалъ онъ съ шикомъ перчатки и хлыстикъ...

А сколько фанаберіи и амбиціи было въ его тяжелоувѣсной фигурѣ, когда онъ граціознымъ мановеніемъ руки велѣлъ лакею подавать лошадь.

Онъ важно сѣлъ въ шарабанъ и велѣлъ подать себѣ Мишутку и удочки, съ которыми стояли вокругъ шарабана лакеи. Посадивъ Мишутку рядомъ и обхвативъ его лѣвой рукой, онъ дернулъ возки и покатились.

— Но-о-о-о!—крикнулъ Мишутка.

Лиза, сама того не замѣчая, махнула имъ вслѣдъ платкомъ. Если бы она посмотрѣлась въ зеркало, то она увидѣла бы раскраснѣвшееся, смѣющееся и, въ то же время, плачущее личико. Ей досадно было, что она не около ликующаго Мишутки, и что ей нельзя почему-то сейчасъ расцѣловать его.

Почему-то!.. Пропaday всѣ вы пропадомъ, щенетильныя чувства!

— Гриша! Гриша!—принялась Лиза будить Грохольскаго, вбѣжавъ въ спальню.—Вставай! Пріѣхали! Голубчикъ!

— Кто пріѣхалъ?—спросилъ проснувшійся Грохольскій.

— Наши... Вапя и Миша... Пріѣхали! На дачѣ, что напротивъ... Смотрю я, а они тамъ... Чай пили... И Миша тоже... Какой ангельчикъ нашъ Миша сталъ, если бъ ты его только видѣлъ! Матерь Божія!

— Кого? Да ты того... Кто пріѣхалъ? Куда?

— Ваня съ Мишей... Смотрю я на дачу, что напротивъ, а они сидятъ и чай пьютъ. Миша уже умѣетъ самъ чай пить... Видѣлъ, что вчера перевозилось? Это они пріѣхали!

Грохольскій нахмурился, потеръ себѣ лѣвъ и поблѣднѣлъ.

— Пріѣхалъ? Мужъ?—спросилъ онъ.

— Ну да...

— Зачѣмъ?

— Вѣроятно, жить здѣсь будетъ... Они не знаютъ, что мы здѣсь. Если бы знали, то смотрѣли бы на нашу дачу, а то пили чай и... не обращали никакого вниманія...

— Гдѣ онъ теперь? Да говори ты, ради Бога, толкомъ! Ахъ! Ну, гдѣ онъ?

— Поѣхалъ съ Мишей рыбу удить... На шарабанѣ. Видѣлъ ты вчера лошадей? Это ихъ лошади... Вашины... Ваня на нихъ ѣздитъ. Знаешь что, Гринца? Мы Мишу къ себѣ въ гости возьмемъ... Возьмемъ вѣдь? Онъ такой хорошенькій мальчикъ. Такой чудесный!

Грохольскій задумался, а Лиза все говорила, говорила...

— Вотъ такъ неожиданная встрѣча,—сказалъ Грохольскій послѣ долгаго и, по обыкновенію, мучительнаго размышленія.—Ну, кто могъ ожидать, что мы тутъ встрѣтимся? Ну... такъ и быть... Пусть. Судьбѣ, значитъ, такъ угодно. Воображаю его неловкое положеніе, когда онъ съ нами встрѣтится!

— Мишу возьмемъ къ себѣ въ гости?

— Мишу-то возьмемъ... Съ нимъ-то вотъ неловко встрѣчаться... Ну, что я съ нимъ буду говорить? О чемъ? И ему неловко и мнѣ неловко... Встрѣчаться не слѣдуетъ. Будемъ переговоры вести, если нужно будетъ, черезъ прислугу... У меня, Лизочка, ужасно голова болить... Руки и ноги... Ломить все. Голова у меня горячая?

Лиза провела ладонью по его лбу и пашла, что голова горячая.

— Всю ночь сны ужасные... Я не встану сегодня съ постели, полежу... Надо будетъ хищину принять. Пришлешь мнѣ чай сюда, мамочка...

Грохольскій принялъ хищину и провалялся на постелпцѣлый день. Онъ пилъ теплую воду, стоналъ, перемѣнялъ бѣлье, хныкалъ и наводилъ на все окружающее томительнѣйшую скуку.

Онъ былъ невыносимъ, когда воображалъ себя простудившимся. Лизѣ то и дѣло приходилось прерывать свои любопытныя наблюденія и бѣгать съ террасы въ его комнату. Во время обѣда ей пришлось ставить ему горчишники. Какъ все это было бы скучно, читатель, если бы къ услугамъ моей героини не было дачи *vis-à-vis*. Лиза цѣлый день глядѣла на эту дачу и захлебывалась отъ счастья.

Въ десять часовъ Иванъ Петровичъ и Мишутка, возвратившіеся съ рыбной ловли, завтракали. Въ два часа они обѣдали и въ четыре уѣхали куда-то въ коляскѣ. Бѣлыя лошади понесли ихъ съ быстротою молніи. Въ семь часовъ къ нимъ пріѣхали гости, мужчины. До самой полуночи на террасѣ играли на двухъ столахъ въ карты. Одинъ изъ мужчинъ игралъ превосходно на роялѣ. Гости играли, пили, ѣли, хохотали. Иванъ Петровичъ, хохоча во все горло, рассказывалъ имъ анекдотъ изъ армянскаго быта, рассказывалъ во всю ивановскую, такъ, что всѣмъ дачамъ слышно было. Очень было весело! И Мишутка просидѣлъ съ ними до полуночи.

«Миша веселъ, не плачетъ,—подумала Лиза:—значить, не помнитъ свою маму. Забылъ онъ, значить, меня!»

И на душѣ у Лизы стало ужасно горько. Она проплакала всю ночь. Ее мучили и маленькая совѣсть, и досада, и тоска, и страстное желаніе поговорить съ Мишуткой, поцѣловать его... Утромъ, поднялась она съ постели съ головной болью и съ заплаканными глазами. Слезы эти записалъ Грохольскій на свой счетъ.

— Не плачь, милая!—сказалъ онъ ей.—Сегодня я ужъ здоровъ... Грудь немощко побаливаетъ, по это ничего.

Когда они пили чай, на дачѣ *vis-à-vis* завтракали. Иванъ Петровичъ смотрѣлъ въ тарелку и не видѣлъ ничего, кромѣ куска гуся, съ котораго текъ жиръ.

— Я очень доволенъ,—шепталъ Грохольскій, искоса поглядывая на Бугрова.—Очень доволенъ, что онъ живетъ такъ сносно! Пусть хоть порядочной обстановкой заглушитъ свое горе. Закройся, Лиза! Увидятъ... Сейчасъ я не расположенъ бесѣдовать съ нимъ... Богъ съ нимъ! Зачѣмъ парушать его покой?

Зато обѣдъ не прошелъ такъ тихо... Во время обѣда случилось именно то «исловкое положеніе», котораго такъ боялся Грохольскій. Когда были поданы къ столу куропатки, самое любимое кушанье Грохольскаго, Лиза вдругъ сконфузилась, и Грохольскій принялся утирать лицо салфеткой. На террасѣ дачи *vis-à-vis* они увидѣли Бугрова. Онъ стоялъ, опершись руками о перила, и, выпучивъ глаза, глядѣлъ прямо на нихъ.

— Выйди, Лиза... Выйди...—зашепталъ Грохольскій.— Говорилъ вѣдь, чтобъ въ комнатѣ обѣдать! Какая, право, ты...

Бугровъ глядѣлъ-глядѣлъ и вдругъ заоралъ. Грохольскій поглядѣлъ на него и увидѣлъ очень удивляющееся лицо...

— Это вы?—заоралъ Иванъ Петровичъ.—Вы?! И вы здѣсь? Здравствуйте!

Грохольскій провелъ пальцами отъ одного плеча до другого. Грутъ, молъ, слаба, а потому кричать на такое разстояніе невозможно. У Лизы забилося сердце и помутнилось въ глазахъ... Бугровъ сбѣжалъ съ своей террасы, перелѣзъ дорожку и черезъ нѣсколько секундъ стоялъ уже подъ террасой, на которой обѣдали Грохольскій и Лиза. Пронали куропатки!

— Здравствуйте,—заговорилъ онъ, краснѣя и запикивая въ карманы свои большія руки.—Вы здѣсь? И вы здѣсь?

— Да, и мы здѣсь...

— Какимъ образомъ вы здѣсь?

— А вы какимъ образомъ?

— Я? Цѣлая исторія! Баллада цѣлая, батенька! Да вы не безпокойтесь, кушайте! Жилъ я, знаете ли, съ тѣхъ поръ, какъ... въ Орловской губерніи... Имѣище арендовалъ. Прекрасное имѣище! Да вы кушайте! Прожилъ тамъ съ самаго конца мая, ну, а теперь бросилъ... Холодно тамъ, ну, да и докторъ въ Крымъ посовѣтовалъ ѣхать...

— А вы большы развѣ чѣмъ-нибудь?—спросилъ Грохольскій.

— Да такъ... все тутъ какъ будто бы... бурлитъ что-то...

И Иванъ Петровичъ при словѣ «тутъ» провелъ ладонью отъ шеи до середины живота.

— Такъ и вы здѣсь... Такъ-съ... Это очень пріятно. Давно вы здѣсь?

— Съ іюня.

— Ну, а ты, Лиза, какъ? Здорова?

— Здорова,—отвѣтила Лиза и сконфузилась.

— За Мишуткой небось соскучилась? А? А онъ здѣсь, со мной... Я къ вамъ его сейчасъ съ Никифоромъ пришла. Это очень пріятно! Ну, прощайте! Миѣ ѣхать сейчасъ пужно... Вчера я познакомился съ княземъ Теръ-Гаймазовымъ... Душа человѣкъ, хоть и армяшка! Такъ сегодня у него крокетъ... Въ крокетъ будемъ играть... Прощайте! Лошадь уже подана...

Иванъ Петровичъ завертѣлся на одномъ мѣстѣ, замоталъ головой и, сдѣлавъ ручкой «адіецъ», побѣждалъ къ себѣ.

— Несчастный!—сказалъ Грохольскій, проводивъ его глазами и глубоко вздохнувъ.

— Чѣмъ же онъ несчастный?—спросила Лиза.

— Видѣть тебя и не имѣть права назвать тебя своей!

«Дуракъ!»—осмѣлилась подумать Лиза.—Тряпка!»

Передъ вечеромъ Лиза обнимала и цѣловала Мишутку, котораго принесъ Никифоръ. Мишутка на первыхъ порахъ разревѣлся, но, когда ему предложили кизилъ, рваго варенья, онъ дружелюбно заулыбался.

Три дня Грохольскій и Лиза не видали Бугрова. Онъ гдѣ-то пропадалъ и только ночью бывалъ дома. На четвертый день онъ явился къ нимъ опять во время обѣда... Онъ пришелъ, подаль обоимъ руки и сѣлъ за столъ. Лицо его было серьезно...

— Я къ вамъ по дѣлу,—сказалъ онъ.—Прочтите!

И онъ подаль Грохольскому письмо.

— Прочтите! Читайте вслухъ!

Грохольскій прочелъ вслухъ слѣдующее:

«Любезный и угѣшительный, незабвенный сынъ мой Іоаннъ! Я получилъ почтительное и любвеобильное письмо твое, въ которомъ ты приглашаешь престарѣлаго отца своего въ благорастворенный и благодунный Крымъ подышать благопріятнымъ воздухомъ и повидать невѣдомыя миѣ земли. На сіе твое письмо отвѣчаю, что, по взятіи отпуска, я къ тебѣ прибуду, но не надолго. Мой сослуживецъ, отецъ Герасимъ, человѣкъ хворый, разслабленный и не можетъ одинъ оставаться на долгое время. Миѣ очень чувствительно, что ты не забываешь родителей твоихъ, отца и мать твою... Отца ублаговоряешь лаской, а мать упоминаешь въ молитвахъ своихъ; ибо сіе такъ и подобаетъ. Въ Феодосіи встрѣчай меня. Что это

за городъ Θεодосія? Какой? Очень пріятно будетъ по-видать. Твою крестную мать, воспринимавшую тебя отъ купели, зовутъ Θεодосіей. Ты напишешь, что Богъ сподобилъ тебя выиграть 200.000. Это мнѣ обольстительно. Но не хвалю того случая, что ты, дослужившись до немаловажнаго чина, оставилъ вступъ служеніе. Служить по-добааетъ и богачу. Благословляю тебя всегда, нынѣ и присно. Кланяется тебѣ Андроновъ Илья и Сережка. Ты бы имъ по десяткѣ прислалъ. Бѣдствуютъ! Твой любящій отецъ, священникъ Петръ Бугровъ».

Грохольскій прочиталъ вслухъ это письмо и вмѣстѣ съ Лизой вопросительно поглядѣлъ на Бугрова.

— Видите, въ чемъ дѣло...—началъ, заикаясь, Иванъ Петровичъ.—Я просилъ бы, Лиза, пока онъ будетъ здѣсь, не показываться ему на глаза, спрятаться. Я написалъ ему, что ты больна и уѣхала на Кавказъ лѣчиться. Если встрѣтишься ему, то... сама знаешь... Неловко... Гм...

— Хорошо,—сказала Лиза.

«Это можно,—подумалъ Грохольскій.—Если онъ жертвуетъ, то почему же намъ не жертвовать?»

— Пожалуйста... А то, какъ увидитъ, бѣда... Онъ у меня строгихъ правилъ. На семи соборахъ проклянетъ. Ты, Лиза, не выходи изъ комнаты, вотъ и все... Онъ не долго здѣсь пробудетъ. Не безпокойся...

Отецъ Петръ не заставилъ себя долго ждать. Въ одно прекрасное утро прибѣжалъ Иванъ Петровичъ и таинственнымъ тономъ прошипѣлъ:

— Пріѣхалъ! Спитъ теперь! Такъ пожалуйста же!

И Лиза засѣла между четырьмя стѣнами. Она не позволяла себѣ выходить ни на дворъ ни на террасу. Ей можно было видѣть небо только изъ-за оконной занавѣски... Къ ея несчастью, папаша Ивана Петровича все время былъ подъ открытымъ небомъ и спалъ даже на террасѣ. Обыкновенно отецъ Петръ, маленький попикъ, въ коричневой рясѣ и въ цилиндрѣ съ поднятыми краями, медленно разгуливалъ вокругъ дачъ и съ любопытствомъ поглядывалъ сквозь свои дѣдовскіе очки на «невѣдомыя земли». Его сопровождалъ Иванъ Петровичъ съ Станиславомъ въ петличкѣ. Ордена обыкновенно онъ не носилъ, но передъ родней Иванъ Петровичъ любилъ поломаться. Находясь въ обществѣ родни, онъ всегда надѣвалъ Станислава.

Лиза умирала отъ скуки. Грохольскій тоже страдалъ. Ему приходилось гулять одному, безъ пары. Онъ чуть

не плакалъ, но... нужно было покориться судьбѣ. А тутъ еще каждое утро прибѣгалъ Бугровъ и, шипя, сообщалъ никому непужный бюллетень о здоровьѣ маленькаго отца Петра. Надоѣлъ онъ съ этими бюллетенями.

— Ночь спалъ хорошо!—сообщалъ онъ.—Вчера обижался, что у меня соленыхъ огурцовъ нѣтъ... Мишутку полюбилъ. Все по головѣ гладить...

Наконецъ недѣли черезъ двѣ маленькій отецъ Петръ походилъ въ послѣдній разъ вокругъ дачъ и, къ великому счастью Грохольскаго, уѣхалъ. Онъ нагулялся и уѣхалъ ужасно довольнымъ... Грохольскій и Лиза опять зажили по-старому. Грохольскій опять заблагословлялъ свою судьбу... Но не долго продолжалось его счастье... Явилась новая бѣда, горшая отца Петра.

Къ нимъ повадился каждый день ходить Иванъ Петровичъ. Иванъ Петровичъ, откровенно говоря, славный малый, но очень тяжелый человѣкъ. Онъ приходилъ во время обѣда, обѣдалъ у нихъ, и сидѣлъ у нихъ очень долго. Это бы еще ничего. Но ему къ обѣду нужно было покупать водки, которую терпѣть не могъ Грохольскій. Онъ выпивалъ рюмокъ пять и говорилъ весь обѣдъ. И это бы еще ничего... Но онъ просиживалъ до двухъ часовъ ночи и не давалъ имъ спать. А главное, онъ позволялъ себѣ говорить то, о чемъ слѣдовало бы молчать... Когда онъ къ двумъ часамъ ночи паливался водки и шампанскаго, онъ бралъ на руки Мишутку и, плача, говорилъ ему при Грохольскомъ и Лизѣ:

— Сынъ мой! Михаилъ! Я что такое? Кто? Я... подлецъ! Продать мать твою! Продалъ за тридцать сребренниковъ... Накажи меня Господь! Михаилъ Ивановичъ! Поросеночекъ! Гдѣ твоя мать? Фюить! Нѣту! Продапа въ рабство! Ну, что жъ? Подлецъ я... значить...

Эти слезы и слова выворачивали всю душу Грохольскаго. Онъ робко поглядывалъ на блѣднѣвшую Лизу и ломалъ себѣ руки.

— Идите спать, Иванъ Петровичъ!—говорилъ онъ робко.

— И пойду... Пойдемъ, Мишутка! Суди насъ Богъ! Не могу я помышлять о снѣ, когда я знаю, что моя жена раба... Но Грохольскій не виноватъ... Мой товаръ, его деньги... Вольному воля, спасенному рай...

Днемъ для Грохольскаго Иванъ Петровичъ былъ не менѣе невыносимъ. Онъ, къ великому ужасу Грохоль-

скаго, не отходилъ отъ Лизы. Удиль съ ней рыбу, рассказывалъ ей анекдоты, гулялъ съ нею. И даже разъ, воспользовавшись простудою Грохольскаго, возилъ ее на своей коляскѣ, Богъ знаетъ гдѣ, до самой ночи.

«Это возмутительно! Нечеловѣчно!»—думалъ Грохольскій, кусая губы.

Грохольскій любилъ ежеминутно цѣловать Лизу. Безъ этихъ слащавыхъ поцѣлуевъ онъ жить не могъ, а при Иванѣ Петровичѣ было какъ-то неловко цѣловаться... Мучение! Бѣдняжка почувствовалъ себя одинокимъ... Но судьба скоро сжалилась надъ нимъ... Иванъ Петровичъ вдругъ пропалъ куда-то на цѣлую недѣлю. Приѣхали гости и утѣшили его съ собой... И Мишутку взяли.

Въ одно прекрасное утро Грохольскій пришелъ къ себѣ на дачу съ прогулки, веселый, сіяющій.

— Приѣхалъ,—сказалъ онъ Лизѣ, потирая руки.—Я очень радъ, что онъ приѣхалъ... Ха-ха-ха!

— Чего ты смѣешься?

— Съ нимъ женщины...

— Какія женщины?

— Не знаю... Это хорошо, что онъ завелъ себѣ женщинъ... Отлично даже... Онъ еще такъ молодъ, такъ свѣжъ... Иди-ка сюда! Погляди!

Грохольскій повелъ Лизу на террасу и указалъ ей на дачу *vis-à-vis*. Оба взялись за животы и захохотали. Смѣшно было. На террасѣ дачи *vis-à-vis* стоялъ Иванъ Петровичъ и улыбался. Внизу, подъ террасой, стояли какія-то двѣ дамы-брюнетки и Мишутка. Дамы о чемъ-то громко говорили по-французски и хохотали.

— Француженки, — замѣтилъ Грохольскій. — Та, что ближе къ намъ, очепь недурна. Легкая кавалерія, но это ничего... И между такими бываютъ хорошія женщины... Однако какъ онѣ... нахальпы.

Смѣшно было то, что Иванъ Петровичъ переваливался черезъ террасу и опускалъ внизъ свои длинныя руки, руками обхватывалъ плечи одной изъ француженокъ и хохочущую поднималъ и ставилъ на террасу.

Поднявши обѣихъ дамъ на террасу, онъ поднялъ и Мишутку. Дамы сбѣжали внизъ, и опять началось то же поднятіе...

— Здоровые однако мускулы! — бормоталъ Грохольскій, глядя на эту сцену.

Поднятіе повторилось разъ шесть. Дамы были такъ

милы, что несколько не конфузились, когда сильно дувший вѣтеръ во время поднятія, какъ хотѣлъ, распорядился ихъ вздувшимися платьями. Грохольскій стыдливо опускалъ глазки, когда дамы, достигши балкона, перекидывали ноги черезъ перила. А Лиза глядѣла и хохотала! Ей какое было дѣло? Невѣжничали не мужчины, которыхъ должна была она, женщина, стыдиться, а дамы!

Вечеромъ прилетѣлъ Иванъ Петровичъ и, конфузясь, объявилъ, что онъ теперь семейный человѣкъ...

— Вы не подумайте, что онъ какія-нибудь,—сказалъ онъ.—Правда, онъ французенки, кричатъ все, вино пьютъ... но извѣстно! Воспитаніе такое французы получаютъ! Ничего не подѣлаешь... Мнѣ ихъ,—добавилъ Иванъ Петровичъ:—князь уступилъ... Почти даромъ... Возьми да возьми... Надо васъ будетъ когда-нибудь познакомиться съ княземъ. Образованный человѣкъ! Все пишетъ, пишетъ... А знаете, какъ ихъ зовутъ? Одну Фанни, другую Изабеллой... Европа! Ха-ха-ха... Западъ! Прощайте-съ!

Иванъ Петровичъ оставилъ въ покоѣ Грохольскаго и Лизу и прилѣпился къ своимъ дамамъ. Цѣлый день слышались изъ его дачи говоръ, смѣхъ, звонъ посуды... До глубокой ночи не тушились огни... Грохольскій заблагодушествовалъ... Наконецъ-таки послѣ долгаго мучительнаго антракта онъ почувствовалъ себя опять счастливымъ и покойнымъ. Иванъ Петровичъ съ двумя не вкушалъ такого счастья, какое вкушалъ онъ съ одной... Но—увы—у судьбы нѣтъ сердца. Она играетъ Грохольскими, Лизами, Иванами, Мишутками, какъ пѣшками... Грохольскій опять потерялъ покой...

Однажды (недѣли полторы спустя), поздно проснувшись, онъ вышелъ на террасу и увидѣлъ картину, которая его поразила, возмутила и привела въ сильнѣйшее негодованіе. Подъ террасой дачи *vis-à-vis* стояли французенки и между ними... Лиза. Она бесѣдовала и искоса поглядывала на свою дачу: не проснулся ли, молъ, тотъ тиранъ, деспотъ? (Такъ Грохольскій объяснилъ себѣ эти взгляды). Иванъ Петровичъ, стоящій на террасѣ, съ засученными рукавами, поднялъ вверхъ Изабеллу, потомъ Фанни и потомъ... Лизу. Когда онъ поднималъ Лизу, Грохольскому показалось, что онъ прижималъ ее къ себѣ... Лиза тоже перекинула одну ногу черезъ перила... О, эти женщины! Онъ всѣ до единой сфинксы!

Когда Лиза воротилась отъ мужа домой и, какъ ни въ чемъ не бывало, на цыпочкахъ вошла въ спальную, Грохольскій, блѣдный, съ розовыми пятнами на щекахъ, лежалъ въ позѣ совсѣмъ обезсилившаго человѣка и стопаль...

Увидѣвъ Лизу, онъ прыгнулъ съ кровати и занягаль по спальнѣ.

— Такъ вотъ вы какъ?—завизжалъ онъ высокимъ тепоромъ.—Такъ вотъ какъ? Очень вамъ благодаренъ! Это возмутительно, милостивая государыня! Безнравственно наконецъ! Поимите вы это.

Лиза поблѣднѣла и, разумѣется, заплакала. Женщины, когда чувствуютъ себя правыми, бранятся и плачутъ, когда же сознаютъ за собой вину, то только плачутъ.

— Заодно съ этими развратницами?! Оно... Это... это... это ниже всякаго неприличія! Да вы знаете, кто онѣ? Это продажныя-съ! Кокотки! И вы, честная женщина, полѣзли туда же, куда и онѣ?! А тотъ... тотъ! Что ему нужно? Что ему еще пужно отъ меня? Не понимаю! Я отдалъ ему половину своего состоянія, отдалъ больше! Вы знаете сами! Я отдалъ ему то, чего у меня нѣтъ... Почти все отдалъ... А онъ! Я выносилъ ваше съ нимъ «ты», на которое онъ не имѣетъ никакого права, выносилъ ваши прогулки, поцѣлуи послѣ обѣда... все выносилъ, но этого не вынесу... Я или онъ! Пусть онъ уѣдетъ отсюда, или я уѣду! Жить я такъ болѣе не въ состояннн... нѣтъ! Ты сама это понимаешь... Или я, или онъ... Полно! Чаша уже полна... Я и такъ уже многое выстрадалъ... Сейчас же пойду съ нимъ переговорю... Сю минуту! Что онъ въ самомъ дѣлѣ? Ишь. вѣдь онъ какой! Ну, нѣтъ-съ... Это онъ напрасно такъ много думаетъ о себѣ...

Грохольскій наговорилъ еще очень много храбрыхъ и лзвительныхъ вещей, но «сейчасъ» не пошелъ: струсилъ и устыдился... Онъ пошелъ къ Ивану Петровичу три дня спустя...

Вошедши въ его апартаменты, онъ ротъ разинулъ. Его удивили роскошь и богатство, которыми окружилъ себя Бугровъ. Обои бархатные, стулья ужасно дорогіе... ступить даже страшно. Грохольскій видалъ на своемъ вѣку много богатыхъ людей, но ни у одного не видѣлъ такой бѣшепой роскоши... А какую безалаберщину увидѣлъ онъ, когда съ непонятнымъ трепетомъ вошелъ въ залу! На роялѣ валялись тарелки съ кусочками хлѣба, на стулѣ

стоялъ стаканъ, подъ столомъ корзина съ какимъ-то безобразнымъ тряпьемъ... На окнахъ была разсыпана ореховая скорлупа... Самъ Бугровъ, когда вошелъ Грохольскій, тоже былъ не совѣмъ въ порядкѣ... Онъ шагаль по залъ, розовый, не причесанный, въ дезабилье, и говорилъ самъ съ собою... Онъ, видимо, былъ чѣмъ-то сильно встревоженъ. На диванѣ, тутъ же въ залъ, сидѣлъ Мишутка и потрясалъ воздухъ пронзительнымъ крикомъ.

— Это ужасно, Григорій Васильевичъ! — заговорилъ Бугровъ, увидѣвъ Грохольскаго. — Такіе беспорядки, такіе беспорядки... Садитесь, пожалуйста! Вы извините меня, что я въ костюмѣ Адама и Евы... Это ничего... Ужасные беспорядки! Не понимаю, какъ это люди могутъ здѣсь жить? Не понимаю! Прислуга непослушная, климатъ ужасный, все дорого... Замолчи! — крикнулъ Бугровъ, вдругъ остановившись передъ Мишуткой. — Замолчи! Тебѣ говорятъ! Скотъ! Ты не замолчишь?

И Бугровъ дернулъ за ухо Мишутку.

— Это возмутительно, Иванъ Петровичъ! — заговорилъ плачущимъ голосомъ Грохольскій. — Можно ли бить такихъ маленькихъ? Какой же вы, право...

— А пусть онъ не реветъ... Замолчи! Высѣку!

— Не плачь, Миша, голубчикъ... Папа тебя больше не тронетъ. Не бейте его, Иванъ Петровичъ! Вѣдь онъ еще дитя... Ну-ну... Хочешь лошадку? Я тебѣ лошадку пришло... Какой же вы, право... жестокосердый...

Грохольскій помолчалъ и спросилъ:

— А какъ поживаютъ ваши дамы, Иванъ Петровичъ?

— Никакъ... Прогналъ... Безъ церемоніи. Я бы ихъ еще подержалъ, да неловко: мальчишка подрастаетъ... Примѣръ съ отца... Будь я одинъ, ну, тогда другое дѣло. Да и къ чему мнѣ ихъ держать? Пф... Одна только комедія! Я имъ по-русски, а онѣ мнѣ по-французски... Ничего не понимаютъ, хоть колъ теши на головѣ.

— Я къ вамъ по дѣлу, Иванъ Петровичъ, переговорить... Гм... Дѣло не особенное, а такъ... два-три слова... Въ сущности, я къ вамъ просьбу имѣю.

— Какою?

— Не пайдете ли вы, Иванъ Петровичъ, возможнымъ уѣхать... отсюда? Мы очень рады, что вы здѣсь, намъ очень пріятно, но, знаете ли, неудобно... Вы меня поймете. Неловко какъ-то... Неопредѣленные отношенія ка-

кія-то, вѣчная неловкость по отношенію другъ къ другу... Разстаться нужно... Необходимо даже... Бы извините меня, но... вы сами, конечно, понимаете, что въ подобныхъ случаяхъ совмѣстное житье наводитъ на... размышленія... То есть не на размышленія, а является какое-то неловкое чувство...

— Да... Это такъ. Я самъ объ этомъ думалъ. Хорошо, уѣду.

— Мы вамъ будемъ очень благодарны. Вѣрьте, Иванъ Петровичъ, что воспоминаніе о васъ мы сохранимъ самое лестное! Жертва, которую...

— Хорошо... Только куда же все это я дѣшу? Послушайте, купите у меня эту мебель! Хотите? Она не дорого стоитъ... Тысячъ восемь... десять... Мебель, коляска, роля...

— Хорошо... Я дамъ вамъ десять...

— Ну вотъ и отлично! Завтра же ѣду... Въ Москву поѣду. А здѣсь жить невозможно! Дорого все! Ужасно дорого! Деньги такъ и сыплются... Что ни шагъ, то и тысяча... Этакъ я не могу... У меня семья... Ну, слава Богу, что вы у меня мебель покупаете... Денегъ все-таки больше будетъ, а то я совѣмъ обанкрутился...

Грохольскій всталъ, попрощался съ Бугровымъ и, ликующій, отправился къ себѣ. Вечеромъ онъ прислалъ ему десять тысячъ.

На другой день, рано утромъ, Бугровъ и Мишутка были уже въ Θεодосіи.

III.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Наступила весна.

Съ весною наступили и ясные, свѣтлые дни, жизнь не такъ ненавистна и скучна, и земля наиболѣе благообразна... Повѣяло съ моря и съ поля тепломъ... Земля покрылась новой травой, на деревьяхъ зазеленѣли новыя листья. Природа воскресла и предстала въ новой одеждѣ.

Казалось бы, новыя надежды и новыя желанія должны законопиться въ человѣкѣ, когда въ природѣ все обновлено, молодо, свѣжо... Но человѣка трудно воскресить...

Грохольскій жилъ все въ той же дачѣ... Надежды и желанія его, маленькія, нетребовательныя, сосредоточивались все на той же Лизѣ, на одной ей, ни на чемъ другомъ! Онъ попрежнему не отрывалъ отъ нея глазъ и услаждалъ себя мыслью: «Какъ я счастливъ!». Бѣдняга на са-

момъ-таки дѣлѣ чувствовалъ себя ужасно счастливымъ. Лиза попрежнему сидѣла на террасѣ и скучно, непонятно глядѣла на дачу vis-à-vis и деревья около нея, сквозь которыя видно было синее море... Она попрежнему все больше молчала, часто плакала и изрѣдка ставила горчичники Грохольскому. Впрочемъ, ее можно поздравить съ обновкой. Внутри ея завелся червь... Этотъ червь—тоска... Она сильно тосковала, тосковала за сыномъ, за прошлымъ житьемъ-бытьемъ, за весельемъ. Прежнее житье было не особенно веселое, но все-таки веселѣе тенерешняго... Живя съ мужемъ, она изрѣдка хаживала въ театръ, въ собраніе, къ знакомымъ. А здѣсь, съ Грохольскимъ? Здѣсь пусто, тихо... Возлѣ есть одинъ человѣкъ, да и тотъ со своими недугами и ежеминутными слащавыми поцѣлуями похожъ на стараго, отъ радости вѣчно плачущаго дѣдушку-тихоню. Скучно! Здѣсь нѣтъ Михея Сергѣича, который любилъ съ нею плясать мазурку, нѣтъ и Спиридона Николаича, сына редактора «Губернскихъ Вѣдомостей». Спиридонъ Николаичъ прекрасно поетъ и читаетъ стихи. Нѣтъ стола съ закуской, ни гостей, чѣтъ Герасимовны, пьян, которая постоянно бурчала на нее за то, что она ѣла много варенья... Никого нѣтъ! Просто хотъ ложисъ да умирай отъ тоски. Грохольскій радовался своему одиночеству, но... напрасно онъ радовался. Онъ раньше, чѣмъ слѣдуетъ, заплатилъ за свой эгоизмъ. Въ началѣ мая, когда, казалось, и самъ воздухъ что-то любилъ и изнывалъ отъ счастья, Грохольскій потерялъ все: и любимую женщину и...

Бугровъ и въ этомъ году пріѣхалъ въ Крымъ. Дачи vis-à-vis онъ не нанялъ, а слонялся съ Минуткой по крымскимъ городамъ. Въ городахъ онъ пилъ, ѣлъ, спалъ и въ карты игралъ. Къ рыбной ловлѣ, охотѣ, къ французенкамъ, которыя, между насъ сказать, немножко обокрали его, онъ потерялъ всякую охоту. Онъ похудѣлъ, пересталъ сѣять и широко улыбаться, нарядился въ русину. Иванъ Петровичъ изрѣдка посѣщалъ и дачу Грохольскаго. Онъ привозилъ Лизѣ варенье, конфетъ, фрукты и какъ бы старался разогнать ея скуку. Грохольскаго не беспокоили эти посѣщенія, тѣмъ болѣе, что они были рѣдки, кратковременны и, повидимому, дѣлались ради Минутки, котораго нельзя уже было лишить ни за что ни про что права имѣть свиданія съ матерью. Бугровъ пріѣзжалъ,

выкладывалъ гостинцы и, сказавъ нѣсколько словъ, уѣзжалъ. И говорилъ онъ эти нѣсколько словъ не съ Лизой, а съ Грохольскимъ... Съ Лизой онъ молчалъ. И Грохольскій былъ покоенъ... Но существуетъ русская поговорка, которую не мѣшало бы помнить Грохольскому: «Не бойся собаки, что лаетъ, а бойся той, что молчитъ»... Пословица ехидная, но въ практической жизни иногда весьма необходимая...

Однажды, гуляя по саду, Грохольскій услышалъ говоръ двухъ голосовъ. Одинъ голосъ былъ мужской, другой женскій. Первый принадлежалъ Бугрову, второй Лизѣ. Грохольскій прислушался и, поблѣднѣвъ, какъ смерть, тихо зашагалъ къ бесѣдовавшимъ. Онъ остановился за сиреневымъ кустомъ и принялся наблюдать и слушать. Ноги и руки его похолодѣли. На лбу выступилъ холодный потъ. Чтобы не шататься и не упасть, онъ обхватилъ руками нѣсколько сиреневыхъ вѣтвей. Все кончено!

Бугровъ держалъ Лизу за талию и говорилъ ей:

— Милая моя! Ну что жъ намъ дѣлать? Такъ, значить, Богу угодно было... Подлецъ я... Я продалъ тебя. Польстился на иродово богатство, чтобъ ему пусто было... А что толку съ этого богатства? Одно только безпокойство да хвастовство! Ни покоя, ни счастья, ни чиновъ... Сидишь, какъ телепень, на одномъ мѣстѣ, и ни шага впередъ... Ты слышала? Андрюшка Маркузинъ въ столоначальники вышелъ... Андрюшка, дуракъ этотъ! А я сижу... Господи, Господи! Тебя лишился, счастья лишился. Подлецъ я! Мерзавецъ! Ты думаешь, хорошо мнѣ будетъ на страшномъ судѣ?

— Уѣдемъ отсюда, Валя! — заплакала Лиза. — Мнѣ скучно... Я умираю отъ тоски.

— Нельзя... Деньги взяты.

— Ну, отдай ихъ назадъ!

— Радъ бы отдать, да... тпррр... Стой, кобыла! Все прожилъ! Покориться надо, матушка... Это насъ Богъ наказываетъ. Меня за корыстолюбіе, а тебя за легкомысліе. Что жъ? Будемъ терзаться... На томъ свѣтѣ легче будетъ.

И въ наплывѣ религіозныхъ чувствъ Бугровъ поднялъ глаза къ небу.

— Но я жить здѣсь не могу! Мнѣ скучно!

— Что жъ дѣлать? А мнѣ не скучно? Развѣ мнѣ безъ тебя весело? Я весь изнылъ, изсохъ! И грудь болѣть стала!.. Ты мнѣ жена законная, моя плоть отъ плоти...

едина плоть... Живи, терпи! Ну, а я... ѣздить буду, навѣщать...

И, нагнувшись къ Лизѣ, Бугровъ прошепталъ, однако такъ громко, что за нѣсколько сажень было слышно:

— Я къ тебѣ, Лизанька, и почью прѣду... Не безпокойся... Я въ Θεодосіи, близко... Буду жить здѣсь около тебя, пока всего не профинчу... А профинчу скоро все до копейки! Э-э-эхъ! И что это за жизнь? Скука, болень весь... и грудь болитъ и животъ болитъ...

Бугровъ умолкъ. Настала очередь для Лизы... Боже мой, какъ жестока эта женщина! Она начала плакать, жаловаться, исчислять всѣ недостатки своего любовника, свои мученія... Грохольскій, слушая ее, почувствовалъ себя разбойникомъ, злодѣемъ, губителемъ...

— Онъ меня замучилъ!—кончила Лиза.

Поцѣловавшись на прощанье съ Лизой и выходя изъ садовой калитки, Бугровъ наткнулся на Грохольскаго, который стоялъ у калитки и поджидалъ его.

— Иванъ Петровичъ!—сказалъ Грохольскій тономъ умирающаго.—Я все слышалъ и видѣлъ... Это не честно съ вашей стороны, но я не виню васъ... Вы ее тоже любите... Но поймите, что она моя! Моя! Я жить не могу безъ нея! Какъ вы этого не поймете? Ну, положимъ, вы любите ее, страдаете, но развѣ я не заплатилъ вамъ хотя отчасти за ваши страданія? Уѣзжайте, ради Бога! Уѣзжайте, ради Бога! Уѣзжайте отсюда навсегда. Умоляю васъ! Иначе вы убьете меня...

— Мнѣ некуда ѣхать,—проговорилъ глухо Бугровъ...

— Гм... Вы уже все растратили... Вы увлекающійся человѣкъ... Ну, хорошо... Поѣзжайте въ мое имѣніе, въ Черниговскую губернію... Хотите? Я вамъ дарю это имѣніе... Оно маленькое, но хорошее... Честное слово, хорошее!..

Бугровъ широко улыбнулся. Онъ вдругъ почувствовалъ себя на седьмомъ небѣ.

— Я вамъ дарю... Сегодня же я палишу управляющему, и пошлю ему довѣренность на совершеніе купчей. Вы говорите вездѣ, что вы купили... Поѣзжайте! Умоляю васъ!

— Хорошо... Уѣду. Я понимаю.

— Ѣдьте къ нотаріусу... Сейчасъ,—проговорилъ повеселѣвшій Грохольскій и пошелъ приказать запрягать лошадей.

На другой день, вечеромъ, когда Лиза сидѣла на скамьѣ, на которой обыкновенно происходили ея rendez-vous съ

Ивапомъ Петровичемъ, къ ней тихо подошелъ Грохольскій. Онъ сѣлъ рядомъ и взялъ ее за руку.

— Тебѣ скучно, Лизочка?—заговорилъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія.—Ты скучаешь? Отчего это мы не съѣздимъ куда-нибудь? Чего ради мы все дома сидимъ? Надо ѣздить, веселиться, знакомиться... Вѣдь надо?

— Мнѣ ничего не надо,—сказала Лиза и, блѣдная, худая, поглядѣла на ту дорожку, по которой приходилъ къ ней Бугровъ.

Грохольскій задумался. Онъ зналъ, кого она ждетъ и кого ей надо.

— Пойдемъ, Лиза, домой,—сказалъ онъ.—Здѣсь сыро...

— Иди... Я сейчасъ приду.

Грохольскій опять задумался.

— Ты его ждешь?—спросилъ онъ и сдѣлалъ гримасу, точно его схватили за сердце раскаленными щипцами.

— Да... Мнѣ хочется Мишѣ чулочки передать...

— Онъ не придетъ.

— Почему ты знаешь?

— Онъ уѣхалъ...

Лиза сдѣлала большіе глаза...

— Онъ уѣхалъ... Уѣхалъ въ Черниговскую губернію. Я подарилъ ему свое имѣніе...

Лиза страшно поблѣднѣла и, чтобы не упасть, ухватилась за плечо Грохольскаго.

— Я проводилъ его на пароходъ... Въ три часа...

Лиза вдругъ схватила себя за голову, задвигалась и, упавъ на скамью, затряслась всѣми членами.

— Ваня!—заголосила она.—Ваня! И я ѣду, Ваня!.. Голубчикъ!

Съ ней приключился истерическій припадокъ...

И съ этого вечера вплоть до самаго іюля, по саду, въ которомъ гуляли дачники, можно было видѣть двѣ тѣни. Тѣни ходили съ утра до вечера и наводили на дачниковъ уныніе... За тѣнью Лизы неотступно шагала тѣнь Грохольскаго... Я называю ихъ тѣнями, потому что они оба потеряли свой прежній образъ...

Они похудѣли, поблѣднѣли, съежились и напоминали собой скорѣе тѣни, чѣмъ живыхъ людей... Оба чахли, какъ блоха въ классическомъ анекдотѣ объ еврей, продающемъ порошокъ отъ блохъ.

Въ началѣ іюля Лиза бѣжала отъ Грохольскаго, оста-

вивъ записку, въ которой онъ написала, что ѣдетъ къ «сыну» на время... На время! Бѣжала она ночью, когда спалъ Грохольскій...

Прочитавъ ея письмо, Грохольскій цѣлую недѣлю сложился вокругъ дачи, какъ безумный, не ѣлъ, не спалъ. Въ августѣ онъ перенесъ возвратный тифъ, а въ сентябрѣ укатилъ за границу. За границей онъ зашлѣ... Въ виѣ и развратѣ думалъ онъ найти успокоеніе... Промоталъ онъ все свое состояніе, но не удалось ему, бѣднягѣ, выкинуть изъ головы образа любимой женщины съ кошачьей мордочкой... Отъ счастья не умирають, не умирають и отъ несчастья. Грохольскій посядѣлъ, но не умеръ. Онъ живъ и до сихъ поръ... Изъ-за границы поѣхалъ онъ поглядѣть «однимъ глазкомъ» на Лизу... Бугровъ встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями и оставилъ его гостить у себя на неопредѣленное время. Гостить онъ у Бугрова и до сихъ поръ...

Въ этомъ году мнѣ пришлось проѣзжать чрезъ Грохольку, имѣнье Бугрова. Хозяевъ я засталъ ужинавшими... Иванъ Петровичъ ужасно обрадовался мнѣ и принялся угощать меня... Онъ потолстѣлъ и чуточку обрюзгъ. Лицо его попрежнему сыто, лоснится и розово... Плѣщи еще пѣтъ. Лиза тоже потолстѣла. Полнота ей не къ лицу. Ея личико начинаетъ терять кошачій образъ и—увы!—приближаться къ тюленьему. Ея щеки полнѣютъ и вверхъ, и впередъ, и въ стороны... Живутъ Бугровы прервосходно. Всего у нихъ много. Прислуги и съѣстного полнехонькій домъ...

Когда мы поужинали, завязалась бесѣда. Я, забывъ, что Лиза не играетъ, попросилъ ее сыграть что-нибудь на роялѣ...

— Она не играетъ!—сказалъ Бугровъ.—Она у меня не игрокъ... Эй! Кто тамъ? Иванъ! Позови-ка сюда Григорія Васильича! Чтò онъ тамъ дѣлаеть?—И, обратясь ко мнѣ, Бугровъ добавилъ:—Сейчасъ придетъ игрокъ... На гитарѣ играетъ. А рояль мы для Мишутки держимъ, его учимъ...

Минутъ черезъ пять въ залу вошелъ Грохольскій, заспанный, нечесанный, небритый... Онъ вошелъ, поклонился мнѣ и сѣлъ въ сторонкѣ.

— Ну, кто же такъ рано ложится спать?—обратился къ нему Бугровъ.—Какой же ты, братецъ! Все спитъ, все спитъ... Соня! Ну, сыграй-ка намъ повеселѣе что-нибудь...

Грохольскій настроилъ гитару, ударилъ по струнамъ и запѣлъ:

Вчера ожидала я друга...

Я слушалъ пѣніе, глядѣлъ на сытую фізіомордію Бугрова и думалъ: «Поскудная рожа!». Мнѣ захотѣлось плакать... Окончивъ пѣніе, Грохольскій поклонился намъ и вышелъ...

— И что мнѣ съ нимъ дѣлать?—обратился ко мнѣ, по уходѣ его, Бугровъ.—Бѣда мнѣ съ нимъ! Днемъ все думаетъ, думаетъ... а ночью стонетъ... Спитъ, а самъ стонетъ и охаетъ... Болѣзнь какая-то... Что мнѣ съ нимъ дѣлать, ума не приложу! Спать не даетъ... Боюсь, чтобъ не помѣшался. Подумаютъ, что ему плохо у меня жить... А чѣмъ плохо? И ѣсть съ нами и пить съ нами... Денегъ только не даемъ... Дай ему, а онъ ихъ пропьетъ или разбросаетъ... Вотъ еще полута на мою голову! Господи, прости меня грѣшнаго!

Меня оставили почевать. Когда я проснулся на другой день утромъ, въ сосѣдней комнатѣ Бугровъ читалъ кому-то нотацию:

— Заставь дурандаса Богу молиться, а онъ и лобъ разобьетъ! Ну, кто весла зеленой краской красить? Подумай ты, голова! Разсуди! Чего же молчишь?

— Я... я... ошибся...—оправдывался сильный теноръ... Этотъ теноръ принадлежалъ Грохольскому.

На вокзалъ провожалъ меня Грохольскій.

— Онъ деспотъ, тиранъ,—шепталъ онъ мнѣ всю дорогу.—Онъ благородный человѣкъ, но тиранъ! У него не развиты ни сердце ни мозгъ... Мучаетъ! Коли бъ не эта благородная женщина, я давно бы ушелъ отъ него... Мнѣ ее жаль оставлять. Обоимъ терпѣть какъ-то лучше.

Грохольскій вздохнулъ и продолжалъ:

— Она беременна... Вы видѣли? Это, въ сущности, мой ребенокъ... Мой-съ... Она скоро сознала свою ошибку и опять отдалась мнѣ. Она его терпѣть не можетъ...

— Тряпка вы!—не воздержался я, чтобы не сказать Грохольскому.

— Да, я слабохарактерный человѣкъ... Все это вѣрно. Уродился такимъ. Вы знаете, какъ я произошелъ? Мой покойный папаша сильно угнеталъ одного маленькаго чиновничка. Страсть, какъ угнеталъ! Жизнь ему отравлялъ! Ну-съ... И мамаша покойница была сердобольная,

изъ народа она была, мѣщаночка... Изъ жалости взяла и приблизила къ себѣ этого чиновника... Ну-съ... Я и произошелъ... Отъ угнетеннаго... Гдѣ же тутъ характеру взяться? Откуда? Второй звонокъ однако... Прощайте! Заѣзжайте еще къ намъ, да не говорите Ивану Петровичу того, что я о немъ вамъ говорилъ!

Я пожалъ Грохольскому руку и вскочилъ въ вагонъ. Онъ поклонился моему вагону и пошелъ къ кадушкѣ съ водой. Пить, знать, захотѣлось...

1882.

ЦВѢТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ.

(Посвящается Н. И. Коробову).

I.

Дѣло происходило въ одно темное, осеннее «послѣ-обѣда» въ домѣ князей Приклонскихъ.

Старая княгиня и княжна Маруся стояли въ комнатѣ молодого князя, ломали пальцы и умоляли. Умоляли они такъ, какъ трудно могутъ умолять несчастныя, плачущія женщины: Христомъ-Богомъ, честью, прахомъ отца.

Княгиня стояла передъ нимъ неподвижно и плакала.

Давши волю слезамъ и рѣчамъ, перебивая на каждомъ словѣ Марусю, она осыпала князя упреками, жесткими и даже бранными словами, ласками, просьбами... Тысячу разъ вспомнила она о кущѣ Фуровѣ, который протестовалъ ихъ вексель, о покойномъ отцѣ, кости котораго теперь переворачиваются въ гробу, и т. д. Напомнила даже и о докторѣ Топорковѣ.

Докторъ Топорковъ былъ спицей въ глазу князей Приклонскихъ. Отецъ его былъ крѣпостнымъ, камердинеромъ покойнаго князя, Сенькой. Никифоръ, его дядя по матери, еще до сихъ поръ состоитъ камердинеромъ при особѣ князя Егорушки. И самъ онъ, докторъ Топорковъ, въ раннемъ дѣтствѣ получалъ подзатыльники за плохо вычищенные княжескіе ножи, вилки, сапоги и самовары. А теперь онъ — ну, не глупо ли? — молодой, блестящій докторъ, живетъ бариномъ, въ чертовски большомъ домѣ, ѣздитъ на парѣ, какъ бы въ «пику» Приклонскимъ, которые ходятъ пѣшкомъ и долго торгуются при наймѣ экипажа.

— Онъ всѣмъ уважаемъ, — сказала княгиня, плача и

не утвая слезъ:—всѣми любимъ, богатъ, красавецъ, вездѣ принятъ... Твой-то слуга бывший, племянникъ Никифора! Стыдно сказать! А почему? А потому, что онъ ведетъ себя хорошо, не кутитъ, съ худыми людьми не знается... Работаетъ отъ утра до ночи... А ты? Боже мой, Господи!

Княжна Маруся, дѣвушка лѣтъ двадцати, хорошенькая, какъ героиня англійскаго романа, съ чудными кудрями льняного цвѣта, съ большими умными глазами цвѣта южнаго неба, умоляла брата Егорушку съ неменьшею энергіей.

Она говорила въ одно и то же время, съ матерью и цѣловала брата въ его колючіе усы, отъ которыхъ пахло прокисшимъ виномъ, гладила его по плѣши, по щекамъ и жалась къ нему, какъ перепуганная собачонка. Она не говорила ничего, кромѣ нѣжныхъ словъ. Княжна была не въ состояніи говорить брату что-либо, даже похожее на колкость. Она такъ любила брата! По ея мнѣнію, ея развратный братъ, отставной гусарь, князь Егорушка, былъ выразителемъ самой высшей правды и образцомъ добродѣтели самаго высшаго качества! Она была увѣрена, увѣрена до фанатизма, что этотъ пьяный дурандасъ имѣетъ сердце, которому могли бы позавидовать всѣ сказочныя феи. Она видѣла въ немъ неудачника, чловѣка непонятаго, непризнаннаго. Его пьяное распутство извиняла она почти съ восторгомъ. Еще бы! Егорушка давно ужъ убѣдилъ ее, что онъ пьетъ съ горя: виномъ и водкой заливаеъ онъ безнадежную любовь, которая жжетъ его душу, и въ объятіяхъ развратныхъ дѣвокъ онъ старается вытѣснить изъ своей гусарской головы ея чудный образъ. А какая Маруся, какая женщина не считаетъ любовь тысячу разъ уважительной, все извиняющей причиной? Какая?

— Жоржъ!—говорила Маруся, прижимаясь къ нему и цѣлуя его испитое, красноносое лицо.—Ты съ горя пьешь, это правда... Но забудь свое горе, если такъ! Неужели всѣ несчастные должны пить? Ты терпи, мужайся, борись! Богатыремъ будь! При такомъ умѣ, какъ у тебя, съ такой честной, любящей душой можно сносить удары судьбы! О! Вы, неудачники, всѣ малодушны...

И Маруся (простите ей, читатель) вспомнила тургеневскаго Рудина и принялась толковать о немъ Егорушкѣ.

Князь Егорушка лежалъ на кровати и своими красными, крошечными глазками глядѣлъ въ потолокъ. Въ головѣ его слегка шумѣло, а въ области желудка чувствовалась пріятная сытость. Онъ только-что пообѣдалъ, выпилъ бутылку краснаго и теперь, куря трехкопеечную сигарку, кейфовалъ. Самыя разнокалиберныя чувства и помыслы копошились въ его отуманенныхъ мозгахъ и ноющей душонкѣ. Ему было жаль плачущую мать и сестру, и въ то же время ему сильно хотѣлось выгнать ихъ изъ комнаты, — онѣ мѣшали ему вздремнуть, всхрапнуть. Онъ сердился за то, что ему осмѣливаются читать нотацин, и въ то же время его мучили маленькія угрызенія (вѣроятно, тоже очень маленькой) совѣсти. Онъ былъ глупъ, но не настолько, чтобы не сознавать, что домъ Приклонскихъ дѣйствительно погибаетъ и отчасти по его милости...

Княгиня и Маруся умоляли очень долго. Въ гостиной зажгли огни и пришла какая-то гостья, а онѣ все умоляли. Наконецъ Егорушкѣ надоѣло валяться и не спать. Онъ съ трескомъ потянулся и сказалъ:

— Ладно, исправлюсь!

— Честное и благородное слово?

— Накажи меня Богъ!

Мать и сестра ухватились за него руками и заставили еще разъ побожиться и поклясться честью. Егорушка еще разъ побожился, поклялся честью и сказалъ, что пусть громъ разразитъ его на этомъ самомъ мѣстѣ, если онъ не перестанетъ вести беспорядочную жизнь. Княгиня заставила его поцѣловать образъ. Онъ поцѣловалъ и образъ, при чемъ перекрестился три раза. Клятва была дана, однимъ словомъ, самая настоящая.

— Мы тебѣ вѣримъ! — сказали княгиня и Маруся и бросились обнимать Егорушку.

Онѣ ему повѣрили. Ну, какъ не повѣрить честнѣйшему слову, отчаянной божбѣ и цѣлованію образа, взятымъ вмѣстѣ? И къ тому же, гдѣ любовь — тамъ и безшабашная вѣра. Онѣ ожили и обѣ, сіяющія, подобно іудеямъ, праздновавшимъ обновленіе Іерусалима, пошли праздновать обновленіе Егорушки. Выпроводивъ гостью, онѣ сѣли въ уголокъ и принялись шептаться о томъ, какъ исправится ихъ Егорушка, какъ онъ поведетъ новую жизнь... Онѣ порѣшили, что Егорушка далеко пойдетъ, что онъ скоро поправитъ обстоятельства, и имъ не придется тер-

пѣтъ крайней бѣдности — этотъ постылый Рубиконъ, переходъ черезъ который приходится переживать всѣмъ промотавшимся. Порѣшили даже, что Егорушка обязательно женится на богачкѣ и красавицѣ. Онъ такъ красивъ, уменъ и такъ знатенъ, что едва ли найдется такая женщина, которая осмѣлится не полюбить его! Въ заключеніе, княгиня рассказала біографію предковъ, которымъ скоро начнетъ подражать Егорушка. Дѣдъ Приклонскій былъ посланникомъ и говорилъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ, отецъ былъ командиромъ одного изъ извѣстнѣйшихъ полковъ, сынъ же будетъ... будетъ... чѣмъ онъ будетъ?

— Вотъ вы увидите, чѣмъ онъ будетъ! — порѣшила княжна. — Вотъ вы увидите!

Уложивъ другъ друга въ постель, онѣ еще долго толковали о прекрасномъ будущемъ. Сны снились имъ, когда онѣ уснули, самые восхитительные. Спяція, онѣ улыбались отъ счастья, — такъ хороши были сны! Этими снами судьба, по всей вѣроятности, заплатила имъ за тѣ ужасы, которые онѣ переживали на слѣдующій день. Судьба не всегда скупа: иногда и она платитъ впередъ.

Часа въ три ночи, какъ разъ именно въ то время, когда княгинѣ снился ея bébé въ блестящемъ генеральскомъ мундирѣ, а Маруся аплодировала во снѣ брату, сказавшему блестящую рѣчь, къ дому князей Приклонскихъ подъѣхала простая извозчичья пролетка. Въ пролеткѣ сидѣлъ офиціантъ изъ «Шато де-Флеръ» и держалъ въ своихъ объятіяхъ благородное тѣло мертвецки пьянаго князя Егорушки. Егорушка былъ въ самомъ безчувственномъ состояніи и въ объятіяхъ «челазка» болтался, какъ гусь, котораго только-что зарѣзали и несутъ въ кухню. Извозчикъ соскочилъ съ козелъ и позвонилъ у подъѣзда. Вышли Никифоръ и поваръ, заплатили извозчику и понесли пьяное тѣло вверхъ по лѣстницѣ. Старый Никифоръ, не удивляясь и не ужасаясь, привычной рукой раздѣлъ неподвижное тѣло, уложилъ поглубже въ перину и укрылъ одѣяломъ. Прислугой не было сказано ни одного слова. Она давнымъ-давно уже привыкла видѣть въ своемъ баринѣ нѣчто такое, что нужно носить, раздѣвать, укрывать, а потому она нимало не удивлялась и не ужасалась. Пьяный Егорушка былъ для нея нормой.

На другой день утромъ пришлось ужаснуться.

Часовъ въ одиннадцать, когда княгиня и Маруся пили

кофе, вошелъ въ столовую Никифоръ и доложилъ ихъ сіятельствамъ, что съ княземъ Егорушкой творится что-то пеладное.

— Должно полагать, помирають-съ!—сказаль Никифоръ. — Извольте посмотрѣть.

Лица княгини и Маруси стали бѣлы, какъ полотно. Изъ рта княгини выпалъ кусочекъ бисквита. Маруся опрокинула чашку и обѣими руками ухватилась за грудь, въ которую застучало врасплохъ застигнутое, встревоженное сердце.

— Въ три часа ночи пріѣхали навеселѣ, стало-быть,—докладываль Никифоръ дрожащимъ голосомъ.—Какъ обнаковенно... Ну, а теперъ, Господь ихъ знаетъ, отъ чего это, мечутся и стонуть...

Княгиня и Маруся ухватились другъ за друга и побѣжали въ спальню Егорушки.

Егорушка, блѣдно-зеленый, растрепанный, сильно похудѣвшій, лежалъ подъ тяжелымъ байковымъ одѣяломъ, тяжело дышалъ, дрожалъ и метался. Голова и руки его ни на минуту не оставались въ покоѣ, двигались и вздрагивали. Изъ груди вырывались стоны. На усахъ висѣлъ маленькій кусочекъ чего-то краснаго, повидимому, крови. Если бы Маруся нагнулась къ его лицу, она увидѣла бы ранку на верхней губѣ и отсутствіе двухъ зубовъ на верхней челюсти. Отъ всего тѣла вѣяло жаромъ и спиртнымъ запахомъ.

Княгиня и Маруся пали на колѣни и зарыдали.

— Это мы виноваты въ его смерти!—сказала Маруся, хватая себя за голову.—Мы вчера огорчили его своими упреками и... онъ не перенесъ этого! У него нѣжная душа! Мы виноваты, тамаа!

И, въ сознаниіи своей виновности, онѣ обѣ широко раскрыли глаза и, дрожа всѣмъ тѣломъ, прижались другъ къ другу. Такъ дрожать и жмутся другъ къ другу видящіе, что надъ ними сейчасъ, съ шумомъ и страшнымъ трескомъ, обвалится потолокъ и раздавитъ ихъ подъ своей тяжестью.

Поваръ догадался сбѣгать за докторомъ. Пришелъ докторъ Иванъ Адольфовичъ, маленькій человѣчекъ, весь состоящій изъ очепь большой лысины, глупыхъ свиныхъ глазокъ и круглаго животика. Ему обрадовались, какъ отцу родному. Онъ понюхаль воздухъ въ спальнѣ Егорушки, понюхаль пульсъ, глубоко вздохнулъ и поморщился.

— Вы не беспокойтесь, ваше сіятельство!—сказаль онъ княгинѣ умоляющимъ голосомъ.—Я не знай, но, по моему мнѣнію, ваше сіятельство, я не нахожу, чтобы вашъ сынъ былъ въ большой, такъ сказать, опасности... Ничво!

Марусѣ же онъ сказалъ совершенно другое.

— Я не знай, княжна, но, по моему мнѣнію... У всякаго свой мнѣнію, княжна. По моему мнѣнію, его сіятельство... пфф!.. швахъ, какъ говоритъ нѣмецъ... Но все зависить... зависить, такъ сказать, отъ кризисъ.

— Опасно?—тихо спросила Маруся.

Иванъ Адольфовичъ наморщилъ лобъ и принялся доказывать, что у всякаго свое мнѣнію... Ему дали трехрублевку. Онъ поблагодарилъ, сконфузился, покашлялъ и улетучился.

Придя въ себя, княгиня и Маруся рѣшили послать за знаменитостью. Дѣроги знаменитости, но... что жъ дѣлать? Жизнь близкаго человѣка дороже денегъ. Поваръ побѣжалъ къ Топоркову. Дома, разумѣется, онъ его не засталъ. Пришлось оставить записку. Топорковъ не скоро отозвался на приглашенію. Ждали его съ замираніемъ сердца, съ тревогой, день, ждали всю ночь, утро... Хотѣли даже послать за другимъ докторомъ и порѣшили назвать Топоркова певѣжей, когда онъ пріѣдетъ, назвать прямо въ лицо, чтобы онъ не смѣлъ въ другой разъ заставлятъ другихъ ожидать себя такъ долго. Обитатели дома князей Приклонскихъ, несмотря на свое горе, были возмущены до глубины души. Наконецъ въ два часа другого дня къ подъѣзду подкатила коляска. Никифоръ стремительно засѣменилъ къ двери и черезъ нѣсколько секундъ наипочтительнѣйше стаскивалъ съ плечъ своего племянника драповое пальто. Топорковъ кашлемъ даль знать о своемъ приходѣ и, никому не кланяясь, пошелъ въ комнату больного. Прошелъ онъ черезъ залу, гостиную и столовую, ни на кого не глядя, важно, по-генеральски, на весь домъ скрипя своими сіяющими сапогами. Его огромная фигура внушала уваженію. Онъ былъ статенъ, важенъ, представительнъ и чертовски правленъ, точно изъ слоновой кости выточенъ. Золотые очки и до крайности серьезное, неподвижное лицо дополняли его горделивую осанку. По происхожденію—онъ плебей, но плебейскаго въ немъ, кромѣ сильно развитой мускулатуры, почти ничего нѣтъ. Все барское и даже джентльменское. Лицо розовое, красивое и даже, если вѣрить

его пациенткамъ, очень красивое. Шея бѣлая, какъ у женщины. Волосы мягки, какъ шелкъ, и красивы, но, къ сожалѣнiю, подстрижены. Занимайся Топорковъ своей наружностью, онъ не стригъ бы этихъ волосъ, а далъ бы имъ виться до самаго воротника. Лицо красивое, но слишкомъ сухое и слишкомъ серьезное для того, чтобы казаться приятнымъ. Оно, сухое, серьезное и неподвижное, ничего не выражало, кромѣ сильнаго утомленiя цѣлодневнымъ, тяжелымъ трудомъ.

Маруся пошла навстрѣчу Топоркову и, ломая передъ нимъ руки, начала просить. Ранѣе она никогда и ни у кого не просила.

— Спасите его, докторъ! — сказала она, поднимая на него свои большiе глаза. — Умоляю васъ! На васъ вся надежда!

Топорковъ обошелъ Марусю и направился къ Егорушкѣ.

— Открыть вентиляцiи! — скомандовалъ онъ, войдя къ больному. — Почему не открыты вентиляцiи! Дышать чѣмъ же?

Княгиня, Маруся и Никифоръ бросились къ окнамъ и печи. Въ окнахъ, въ которыя уже были вставлены двойныя рамы, вентиляцiи не оказалось. Печь не топилась.

— Вентиляцiи нѣтъ, — робко сказала княгиня.

— Странно... Гм... Лѣчи, вотъ, при такихъ условiяхъ! Я лѣчить не стану!

И чуточку возвысивъ голосъ, Топорковъ прибавилъ:

— Несите его въ залу! Тамъ не такъ душно. Позовите людей!

Никифоръ бросился къ кровати и сталъ у изголовья. Княгиня, краснѣя, что у нея, кромѣ Никифора, повара и полуслѣпой горничной, нѣтъ болѣе прислуги, взялась за кровать. Маруся тоже взялась за кровать и потянула изо всѣхъ силъ. Дряхлый старикъ и двѣ слабыя женщины съ кряхтѣнiемъ подняли кровать и, не вѣря своимъ силамъ, спотыкаясь и боясь уронить, понесли. У княгини порвалось на плечахъ платье и что-то оторвалось въ животѣ, у Маруси позеленѣло въ глазахъ и страшно заболѣли руки, — такъ былъ тяжелъ Егорушка! А онъ, докторъ медицины Топорковъ, важно шагалъ за кроватью и сердито морщился, что у него отнимаютъ время на такiе пустяки. И даже пальца не протянулъ, чтобы помочь дамамъ! Этакая скотина!..

Кровать поставили рядомъ съ роялью. Топорковъ сбросилъ одѣяло и, задавая княгинѣ вопросы, принялся раздѣвать мечущагося Егорушку. Сорочка была сдернута въ одну секунду.

— Вы покороче, пожалуйста! Это къ дѣлу не относится!—отчеканилъ Топорковъ, слушая княгиню. — Лишніе могутъ уйти отсюда!

Постучавъ молоточкомъ по Егорушкиной груди, онъ перевернулъ больного на животъ и опять постучалъ, съ сопѣньемъ выслушалъ (доктора всегда сопятъ, когда выслушиваютъ) — и констатировалъ неосложненную пьянственную горячку.

— Не мѣшаетъ надѣть горячечную рубаху, — сказалъ онъ своимъ ровнымъ, отчеканивающимъ каждое слово, голосомъ.

Давши еще нѣсколько совѣтовъ, онъ написалъ рецептъ и быстро пошелъ къ двери. Когда онъ писалъ рецептъ, онъ спросилъ, между прочимъ, фамилію Егорушки.

— Князь Приклонскій, — сказала княгиня.

— Приклонскій?—переспросилъ Топорковъ.

«Какъ же скоро ты забылъ фамилію своихъ бывшихъ... помѣщиковъ!»—подумала княгиня.

Слово «господь» княгиня не сумѣла подумать: фигура бывшего крѣпостного была слишкомъ внушительна!

Въ передней она подошла къ нему и съ замираніемъ сердца спросила:

— Докторъ, онъ не опасенъ?

— Я думаю.

— По вашему мнѣнію, выздоровѣетъ?

— Полагаю, — отвѣтилъ холодно докторъ и, слегка кивнувъ головой, пошелъ внизъ по лѣстницѣ къ своимъ лошадямъ, такимъ же статнымъ и важнымъ, какъ и онъ самъ.

По уходѣ доктора, княгиня и Маруся, впервые послѣ суточного томленія, свободно вздохнули. Знаменитость Топорковъ подалъ имъ надежду.

— Какъ онъ внимателенъ, какъ милъ!—сказала княгиня, въ душѣ благословляя всѣхъ докторовъ на свѣтѣ.

Матери любятъ медицину и вѣрятъ въ нее, когда больны ихъ дѣти!

— Ва-а-ажный господинъ! — замѣтилъ Никифоръ, давно уже не выдавшій въ барскомъ домѣ пикого, кромѣ забулдыгъ-кутиль, товарищей Егорушки.

Старикашкѣ и не снилось, что этотъ важный господинъ былъ не кто иной, какъ тотъ самый запачканный Колька, котораго ему не разъ приходилось во время дню вытаскивать за ноги изъ-подъ водовозни и сѣчь.

Княгиня скрывала отъ него, что его племянникъ—докторъ.

Вечеромъ, по заходѣ солнца, съ изнемогавшей отъ горя и усталости Марусей приключился вдругъ сильный ознобъ; этотъ ознобъ свалилъ ее въ постель. За ознобомъ послѣдовали сильный жаръ и боль въ боку. Всю ночь она пробредила и простонала:

— Я умираю, маман!

И Топоркову, пріѣхавшему въ десятомъ часу утра, пришлось лѣчить вмѣсто одного двухъ: князя Егорушку и Марусю. У Маруси нашелъ онъ воспаленіе легкаго.

Въ домѣ князей Приклонскихъ запахло смертью. Она, невидимая, но страшная, замелькала у изголовья двухъ кроватей, грозя ежеминутно старухѣ-княгинѣ отнять у нея ея дѣтей. Княгиня обезумѣла отъ отчаянія.

— Не знаю-съ!—говорилъ ей Топорковъ.— Не могу я знать-съ, я не пророкъ. Ясно будетъ черезъ нѣсколько дней.

Говорилъ онъ эти слова сухо, холодно и рѣзалъ ими несчастную старуху. Хоть бы одно слово надежды! Къ довершенію ея несчастья, Топорковъ почти ничего не прописывалъ больнымъ, а занимался одними только постановками, выслушиваніями и выговорами за то, что воздухъ не чистъ, компрессъ поставленъ не на мѣстѣ и не во-время. А всѣ эти новомодныя штуки считала старуха ни къ чему не ведущими пустяками. День и ночь, не переставая, слонялась она отъ одной кровати къ другой, забывъ все на свѣтѣ, давая обѣты и молясь.

Горячку и воспаленіе легкихъ считала она самыми смертельными болѣзнями и, когда въ мокротѣ Маруси показалась кровь, она вообразила, что у княжны «послѣдній градусъ чахотки», и упала въ обморокъ.

Можете же вообразить себѣ ея радость, когда княжна на седьмой день болѣзни улыбнулась и сказала:

— Я здорова.

На седьмой день очнулся и Егорушка. Молясь, какъ на полубога, смѣясь отъ счастья и плача, княгиня подошла къ пріѣхавшему Топоркову и сказала:

— Я обязана вамъ, докторъ, спасеніемъ моихъ дѣтей. Благодарю!

— Что-съ?

— Я обязана вамъ многимъ! Вы спасли моихъ дѣтей!

— А... Седьмая сутки! Я ожидалъ на пятыя. Впрочемъ, все равно. Давать этотъ порошокъ утромъ и вечеромъ. Компрессъ продолжать. Это тяжелое одѣяло можно замѣнить болѣе легкимъ. Сыну давайте кислое питье. Завтра вечеромъ заѣду.

И знаменитость, кивнувъ головой, мѣрнымъ, генеральскимъ шагомъ зашагала къ лѣстницѣ.

II.

День ясный, прозрачный, слегка морозный, одинъ изъ тѣхъ осеннихъ дней, въ которые охотно миришься и съ холодомъ, и съ сыростью, и съ тяжелыми калошами. Воздухъ прозраченъ до того, что виденъ клювъ у галки, сидящей на самой высокой колокольнѣ; онъ весь пропитанъ запахомъ осени. Выйдите вы на улицу, и ваши щеки покроются здоровымъ, широкимъ румянцемъ, напоминающимъ хорошее крымское яблоко. Давно опавшіе желтые листья, терпѣливо ожидающіе перваго снѣга и попираемые ногами, золотятся на солнцѣ, испуская изъ себя лучи, какъ червонцы. Природа засыпаетъ тихо, смирно. Ни вѣтра ни звука. Она, неподвижная и гѣмая, точно утомленная за зиму и лѣто, нѣжится подъ грѣющими, ласкающими лучами солнца, и, глядя на этотъ начинающійся покой, вамъ самимъ хочется успокоиться..

Таковъ былъ день, когда Маруся и Егорушка сидѣли у окна и въ послѣдній разъ поджидали Топоркова. Свѣтъ, грѣющій, ласкающій, билъ и въ окна Приклонскихъ; онъ игралъ на коврахъ, стульяхъ, роялѣ. Все было залито этимъ свѣтомъ. Маруся и Егорушка глядѣли въ окно на улицу и праздновали свое выздоровленіе. Выздоровливающіе, въ особенности если они молоды, всегда очень счастливы. Они чувствуютъ и понимаютъ здоровье, чего не чувствуетъ и не понимаетъ обыкновенный здоровый человѣкъ. Здоровье есть свобода, а кто кромѣ отпущенниковъ наслаждается сознаніемъ свободы? Маруся и Егорушка каждую минуту чувствовали себя отпущенниками. Какъ имъ было хорошо! Имъ хотѣлось дышать, глядѣть въ окна, двигаться, жить, однимъ словомъ, и всѣ эти желанія исполнялись каждую секунду. Фуровъ, протестовавшій векселя, сплетни, Егорушкино поведеніе, бѣдность — все было забыто. Не забыты были одѣть только

пріятныя, не волнующія вещи: хорошая погода, предстоящіе балы, добрая мама и... докторъ. Маруся смѣялась и говорила безъ умолку. Главной темой разговора былъ докторъ, котораго ожидали каждую минуту.

— Удивительный человекъ, всемогущій человекъ!—говорила она.—Какъ всемогуще его искусство! Посуди, Жоржъ, какой высокій подвигъ: бороться съ природой и побороть!

И говорила она, ставя руками и ногами, послѣ каждой напыщенной, но искренно сказанной фразы, большой восклицательный знакъ.

Егорушка слушалъ восторженную рѣчь сестры, мигалъ глазами и поддакивалъ. Онъ самъ уважалъ строгое лицо Тоноркова и былъ увѣренъ, что своимъ выздоровленіемъ обязанъ одному только ему. Мама сидѣла возлѣ и, сіяющая, ликующая, раздѣляла восторги дѣтей.

Ей нравилось въ Тонорковѣ не только умѣнье лѣчить, но и «положительность», которую она успѣла прочесть на лицѣ доктора.

Старымъ людямъ почему-то сильно нравится эта «положительность».

— Жаль только, что онъ... онъ такого низкаго происхожденія, — сказала княгиня, робко взглянувъ на дочь.— И ремесло его... не особенно чистое. Вѣчно въ разной разности копаются... Фи!

Княжна вспыхнула и пересѣла на другое кресло, подальше отъ матери. Егорушку тоже покорило.

Онъ терпѣть не могъ барской сгѣси и важничанья.

Бѣдность хоть кого научить! Ему не разъ приходилось испытать на самомъ себѣ важничанье людей, которые были богаче его.

— Въ нынѣшнія времена, муттеръ, — сказалъ онъ, презрительно подергивая плечами:— у кого есть голова на плечахъ и большой карманъ въ панталонахъ, тотъ и хорошаго происхожденія, а у кого вмѣсто головы сѣдалище тѣла человѣческаго, а вмѣсто кармана мыльный пузырь, тотъ — нуль, вотъ что-съ!

Говоря это, Егорушка пошугайничалъ. Эти самыя слова слышалъ онъ два мѣсяца тому назадъ отъ одного семинариста, съ которымъ подрался въ бильярдной.

— Я съ удовольствіемъ промѣнялъ бы свое княжество на его голову и карманъ, — добавилъ Егорушка.

Маруся подняла на брата глаза, полные благодарности.

— Я сказала бы вамъ многое, маман, по вы не поймете, — вздохнула она. — Васъ ничѣмъ не разубѣдишь... Очень жаль!

Княгиня, уличенная въ рутинерствѣ, сконфузилась и принялась оправдываться.

— Впрочемъ, въ Петербургѣ я знавала одного доктора — барона, — сказала она. — Да, да... И за границей тоже... Это правда... Образование много значить... Ну, да...

Въ первомъ часу пріѣхалъ Топорковъ. Онъ вошелъ такъ же, какъ и въ первый разъ: вошелъ важно, ни на кого не глядя.

— Не употреблять спиртныхъ напитковъ и избѣгать, по возможности, излишествъ, — обратился онъ къ Егорушкѣ, положивъ шляпу. — Слѣдить за печенью. Она у васъ уже значительно увеличена. Увеличеніе ея слѣдуетъ всецѣло отнести на счетъ употребленія напитковъ. Пить прописанныя воды.

И, повернувшись къ Марусѣ, онъ преподаль и ей нѣсколько заключительныхъ совѣтовъ.

Маруся выслушала со вниманіемъ, точно интересную сказку, глядя прямо въ глаза ученому человѣку.

— Ну-съ? Вы, полагаю, поняли?—спросилъ ее Топорковъ.

— О, да! Merci.

Визитъ продолжался ровно четыре минуты.

Топорковъ кашлянулъ, взялся за шляпу и кивнулъ головой. Маруся и Егорушка впились глазами въ мать. Маруся даже покраснѣла.

Княгиня, покачиваясь, какъ утка, и краснѣя, подошла къ доктору и неловко всунула свою руку въ его бѣлый кулакъ.

— Позвольте васъ поблагодарить!—сказала она.

Егорушка и Маруся опустили глаза. Топорковъ поднесъ кулакъ къ очкамъ и узрѣлъ свертокъ. Не конфузясь и не опуская глазъ, онъ помочилъ во рту палецъ и чуть слышно сосчиталъ кредитные билеты. Онъ насчиталъ двѣнадцать двадцатипятирублевокъ. Недаромъ Никифоръ бѣгалъ куда-то вчера съ ея браслетами и серьгами! По лицу Топоркова пробѣжала свѣтлая тучка, нѣчто въ родѣ сіянія, съ которымъ ищутъ святыхъ; ротъ слегка передернула улыбка. Повидимому, онъ остался очень доволенъ вознагражденіемъ. Сосчитавъ деньги и положивъ ихъ въ карманъ, онъ еще разъ кивнулъ головой и повернулъ къ двери.

Княгиня, Маруся и Егорушка впились глазами въ докторскую спину, и всѣ трое разомъ почувствовали, что у нихъ сжимается сердце. Глаза ихъ затеплились хорошимъ чувствомъ: этотъ человѣкъ уходилъ и больше не придетъ, а они уже привыкли къ его мѣрнымъ шагамъ, отчеканивающему голосу и серьезному лицу. Въ головѣ матери мелькнула маленькая идейка. Ей вдругъ захотѣлось приласкать этого деревяннаго человѣка.

«Спрота опъ, бѣдный,—подумала она.—Одинокій».

— Докторъ, — сказала она мягкимъ, старушечьимъ голосомъ.

Докторъ оглянулся.

— Что-съ?

— Не выпьете ли вы съ нами стаканъ кофе? Будьте добры.

Топорковъ наморщилъ лобъ и медленно потянулъ изъ кармана часы. Взглянувъ на часы и немного подумавъ, онъ сказалъ:

— Я выпью чаю.

— Садитесь, пожалуйста! Вотъ сюда!

Топорковъ положилъ шляпу и сѣлъ; сѣлъ прямо, какъ манекенъ, которому согнули колѣни и выпрямили плечи и шею. Княгиня и Маруся засуетились. У Маруси сдѣлались большіе глаза, озабоченные, точно ей задали неразрѣшную задачу. Никифоръ, въ черномъ поношенномъ фракѣ и сѣрыхъ перчаткахъ, забѣгалъ по всѣмъ комнатамъ. Во всѣхъ концахъ дома застучала чайная посуда и посыпались со звономъ чайныя чашки. Егорушку зачѣмъ-то вызывали на минуту изъ залы, вызывали потихоньку, таинственно.

Топорковъ, въ ожиданіи чая, просидѣлъ минутъ десять. Сидѣлъ онъ и глядѣлъ на педаль рояля, не двигаясь ни однимъ членомъ и не издавая ни звука. Наконецъ отворилась изъ гостиной дверь. Показался сіяющій Никифоръ съ большимъ подносомъ въ рукахъ. На подносѣ въ серебряныхъ подстаканникахъ стояли два стакана: одинъ для доктора, другой для Егорушки. Вокругъ стакановъ, соблюдая строгую симметрію, стояли молочники съ сырыми и топлеными сливками, сахаръ съ щипчиками, кружки лимона съ вилочкой и бисквиты.

За Никифоромъ шелъ съ притупленной отъ важности физиономіей Егорушка.

Шествіе замыкали княгиня съ вспотѣвшимъ лбомъ и Маруся съ большими глазами.

— Кушайте, пожалуйста! — обратилась княгиня къ Топоркову.

Егорушка взялъ стаканъ, отошелъ въ сторону и осторожно отхлебнулъ. Топорковъ взялъ стаканъ и тоже отхлебнулъ. Княгиня и княжна сѣли въ сторонѣ и занялись изученіемъ докторской фізіономіи.

— Вамъ, можетъ-быть, не сладко?—спросила княгиня.

— Нѣтъ, достаточно сладко.

И, какъ и слѣдовало ожидать, наступило молчаніе— жуткое, противное, во время котораго почему-то чувствуется ужасно неловкое положеніе и желаніе сконфузиться. Докторъ пилъ и молчалъ. Видимо, онъ игнорировалъ окружающихъ и не видѣлъ предъ собой ничего, кромѣ чая.

Княгиня и Маруся, которымъ ужасно хотѣлось поговорить съ умнымъ человѣкомъ, не знали, съ чего начать; обѣ боялись показаться глупыми. Егорушка смотрѣлъ на доктора, и по глазамъ его видно было, что онъ собирается что-то спросить и никакъ не соберется. Тишина воцарилась гробовая, изрѣдка нарушаемая глотательными звуками. Топорковъ глоталъ очень громко. Онъ, видимо, не стѣснялся и пилъ, какъ хотѣлъ. Глотая, онъ издавалъ звуки, очень похожіе на звукъ «глы». Глотокъ, казалось, изо рта падалъ въ какую-то пропасть и тамъ шлепался обо что-то большое, гладкое. Тишину нарушалъ изрѣдка и Никифоръ: онъ то и дѣло чамкалъ губами и жевалъ, точно на вкусъ пробовалъ доктора-гостя.

— Правду говорить, что курить вредно?—собрался наконецъ спросить Егорушка.

— Никотинъ, алкалоидъ табака, дѣйствуетъ на организмъ, какъ одинъ изъ сильныхъ ядовъ. Ядъ, который вводится въ организмъ каждой папирсой, ничтоженъ количествомъ, но зато введеніе его продолжительно. Количество яда, какъ и энергія его, находится въ обратномъ отношеніи съ продолжительностью потребленія.

Княгиня и Маруся переглянулись: какой онъ умница! Егорушка замигалъ глазами и вытянулъ свою рыбью фізіономію. Онъ, бѣдняга, не понялъ доктора.

— У насъ въ полку, — началъ онъ, желая ученый разговоръ свести на обыкновенный: — былъ одинъ офицеръ, нѣкто Кошечкинъ, очень порядочный малый. Ужасно на васъ похожъ! Ужасно! Какъ двѣ капли воды! Отличить даже невозможно! Онъ вамъ не родственникъ?

Докторъ вмѣсто отвѣта издалъ громкій глотательный звукъ, и углы его губъ слегка приподнялись и поморщились въ презрительную улыбку. Онъ замѣтно презиралъ Егорушку.

— Скажите мнѣ, докторъ, я окончательно выздоровѣла?—спросила Маруся.—Могу я рассчитывать на полное выздоровленіе?

— Полагаю. Я рассчитываю на полное выздоровленіе, на основаніи...

И докторъ, высоко держа голову и въ упоръ глядя на Марусю, пачаль толковать объ исходахъ воспаленія легкихъ. Говорилъ онъ мѣрно, отчеканивая каждое слово, не возвышая и не понижая голоса. Его слушали болѣе чѣмъ охотно, съ наслажденіемъ, но, къ сожалѣнію, этотъ сухой человѣкъ не умѣлъ популяризировать и не считалъ нужнымъ подтасовываться подъ чужіе мозги. Онъ упомянулъ нѣсколько разъ слово «абсцессъ», «творожистое перерожденіе», и вообще говорилъ очень хорошо и красиво, но очень непонятно. Прочелъ цѣлую лекцію, пересыпанную медицинскими терминами, и не сказалъ ни одной фразы, которую поняли бы слушатели. Однако это не помѣшало слушателямъ сидѣть, разинувъ рты, и глядѣть на ученаго почти съ благоговѣніемъ. Маруся не отрывала глазъ отъ его рта и ловила каждое слово. Она глядѣла на него и сравнивала его лицо съ тѣми лицами, которыя ей приходится каждый день видѣть. Какъ не похожи были на это ученое, утомленное лицо испитыя, тупыя лица ея ухаживателей, друзей Егорушки, которые ежедневно надоѣдаютъ ей своими визитами! Лица кутиль и забулдыгъ, отъ которыхъ она, Маруся, ни разу не слыхала ни одного добраго, порядочнаго слова, и въ подметки не годились этому холодному, безстрастному, но умному, надменному лицу.

«Прелестное лицо!—думала Маруся, восхищаясь и лицомъ, и голосомъ, и словами.—Какой умъ и сколько знаній! Зачѣмъ Жоржъ военный? И ему бы быть ученымъ».

Егорушка смотрѣлъ съ умиленіемъ на доктора и думалъ:

«Если онъ говоритъ объ умныхъ вещахъ, то, значитъ, считаетъ насъ умными. Это хорошо, что мы поставили себя такъ въ обществѣ. Ужасно однако глупо я сдѣлалъ, что совралъ про Кошечкина».

Когда докторъ кончилъ свою лекцію, слушатели глубоко вздохнули, точно совершили какой-нибудь славный подвигъ,

— Какъ хорошо все знать!—вздохнула княгиня.

Маруся поднялась и, какъ бы желая отблагодарить доктора за лекцію, сѣла за рояль и ударила по клавишамъ. Ей сильно захотѣлось втянуть доктора въ разговоръ, втянуть поглубже, почувствительнѣй, а музыка всегда наводитъ на разговоры. Да и похвастать своими способностями захотѣлось передъ умнымъ, понимающимъ человекомъ.

— Это изъ Шопена,—заговорила княгиня, томно улыбаясь и держа руки, какъ институтка.—Прелестная вещь! Она у меня, докторъ, смѣю похвастать, и пѣвица прелестная. Моя ученица... Я въ былыя времена была обладательницей роскошнаго голоса. А вотъ эта... Вы ее знаете?

И княгиня назвала фамилію одной извѣстной русской пѣвицы.

— Она мнѣ обязана... Да-съ... Я давала ей уроки. Милая была дѣвушка! Она была отчасти родственницей моего покойнаго князя... Вы любите пѣніе? Впрочемъ, зачѣмъ я это спрашиваю? Кто не любитъ пѣнія?

Маруся начала играть лучшее мѣсто въ вальсѣ и обернулась съ улыбкой. Ей нужно было прочесть на лицѣ доктора, какое впечатлѣніе произвела на него ея игра?

Но не удалось ей ничего прочесть. Лицо доктора было попрежнему безмятежно и сухо. Онъ быстро допивалъ чай.

— Я влюблена въ это мѣсто,—сказала Маруся.

— Благодарствую,—сказалъ докторъ.—Больше не хочу.

Онъ сдѣлалъ послѣдній глотокъ, поднялся и взялся за шляпу, не выражая ни малѣйшаго желанія дослушать вальсъ до конца. Княгиня вскочила. Маруся сконфузилась и, обиженная, закрыла рояль.

— Вы уже уходите,—заговорила княгиня, сильно хмурясь.— Не хотите ли еще чего? Надѣюсь, докторъ... Дорогу вы теперь знаете. Вечеркомъ, когда-нибудь... Не забывайте насъ...

Докторъ кивнулъ два раза головой, неловко пожалъ протянутую княжной руку и молча пошелъ къ своей шубѣ.

— Ледъ! Дерево!—заговорила княгиня по уходѣ доктора.—Это ужасно! Смѣяться не умѣеть, деревяжка этакая! Напрасно ты для него играла, Мари! Точно для чая одного остался! Выпилъ и ушелъ!

— Но какъ онъ уменъ, маман! Очень уменъ! Съ кѣмъ

же ему говорить у насъ? Я неучъ, Жоржъ скрываетъ и все молчить... Развѣ мы можемъ поддерживать умный разговоръ? Нѣтъ!

— Вотъ вамъ и плебей! Вотъ вамъ и племянникъ Никифора!—сказалъ Егорушка, выпивая изъ молочниковъ сливки.—Каковъ? Рационально, индифферентно, субъективно... Такъ и сыплеть, шельма! Каковъ плебей? А коляска-то какая! Посмотрите! Шикъ!

И всѣ трое посмотрѣли въ окно на коляску, въ которую садилась знаменитость въ большой медвѣжьей шубѣ. Княгиня покраснѣла отъ зависти, а Егорушка значительно подмигнулъ глазомъ и свистнулъ. Маруся не видѣла коляски. Ей некогда было видѣть ее: она разсматривала доктора, который произвелъ на нее сильное впечатлѣніе. На кого не дѣйствуетъ новизна?

А Топорковъ для Маруси былъ слишкомъ новъ...

Выпалъ первый снѣгъ, за нимъ второй, третій, и затянулась надолго зима со своими трескучими морозами, сугробами и сосульками. Не люблю я зимы и не вѣрю тому, кто говоритъ, что любить ее. Холодно на улицѣ, дымно въ комнатахъ, мокро въ калошахъ. То суровая, какъ свекровь, то плаксивая, какъ старая дѣва, со своими волшебными лунными ночами, тройками, охотой, концертами и балами, зима надоѣдаетъ очень быстро и слишкомъ долго тянется для того, чтобы отравить не одну безпріютную, чахоточную жизнь.

Жизнь въ домѣ князей Приклонскихъ потекла своимъ чередомъ. Егорушка и Маруся совершенно уже выздоровѣли, и даже мать перестала считать ихъ больными. Обстоятельства, какъ и прежде, не думали поправляться. Дѣла становились все хуже и хуже, денегъ становилось все меньше и меньше. Княгиня заложила и перезаложила всѣ свои драгоценности, фамильныя и благопріобрѣтенныя. Никифоръ попрежнему болталъ въ лавочкѣ, куда посылали его брать въ кредитъ разную мелочь, что господа должны ему триста рублей и не думаютъ платить. То же самое болталъ и поварь, которому изъ состраданія лавочникъ подарилъ свои старые сапоги. Фуровъ сталъ еще настойчивѣе. Ни на какія отсрочки онъ болѣе не соглашался и говорилъ княгинѣ дерзости, когда она умоляла его подождать протестовать вексель. Съ легкой руки Фурова загалдѣли и другіе кредиторы. Каждое утро княгинѣ приходилось принимать нотаріусовъ, судебныхъ

приставовъ и кредиторовъ. Затѣвался, кажется, конкурсъ по дѣламъ о несостоятельности.

Подушка княгини попрежнему не высыхала отъ слезъ. Днемъ княгиня крѣпилась, ночью же давала полную свободу слезамъ и плакала всю ночь вплоть до утра. Не нужно было ходить далеко, чтобы отыскать причину для такого плача. Причины были подъ самымъ носомъ: онѣ рѣзали глаза своей рельефностью и яркостью. Бѣдность, ежеминутно оскорбляемое самолюбіе, оскорбляемое... кѣмъ? Ничтожными людшками, разными Фуровыми, поварами, купчишками. Любимыя вещи шли въ закладъ, разлука съ ними рѣзала княгиню въ самое сердце. Егорюшка попрежнему велъ беспорядочную жизнь. Маруся не была еще пристроена... Мало ли причинъ для того, чтобы плакать? Будущее было туманно, но и сквозь туманъ княгиня усматривала зловѣщіе призраки. Плохая надежда была на это будущее. На него не надѣялись, а его боялись...

Денегъ становилось все меньше и меньше, а Егорюшка кутилъ все больше и больше, кутилъ настойчиво, съ ожесточеніемъ, какъ бы желая наверстать время, утраченное во время болѣзни. Онѣ пропивалъ все, что имѣлъ и чего не имѣлъ, свое и чужое. Въ своемъ распутствѣ онѣ былъ дерзокъ и нахаленъ до чортиковъ. Завлечь денегъ у перваго встрѣчнаго ему ничего не стоило. Садиться играть въ карты, не имѣя въ карманѣ ни гроша, было у него обыкновеніемъ, а попить и пожрать на чужой счетъ, прокатиться съ шикомъ на чужомъ извозчикѣ и не заплатить извозчику не считалось грѣхомъ. Измѣнился онѣ очень мало: прежде онѣ сердился, когда надъ нимъ смѣялись, теперь же онѣ только слегка конфузился, когда его выталкивали или выводили.

Измѣнилась одна только Маруся. У нея была новость, и новость самая ужасная. Она стала разочаровываться въ братѣ. Ей почему-то вдругъ стало казаться, что онѣ непохожъ на человѣка непризнаннаго, непонятаго, что онѣ просто-напросто самый обыкновенный человѣкъ, такой же человѣкъ, какъ и всѣ, даже еще хуже... Она перестала вѣрить въ его безнадежную любовь. Ужасная новость! Просиживая по цѣлымъ часамъ у окна и глядя безцѣльно на улицу, она воображала себѣ лицо брата и силилась прочесть на немъ что-нибудь стройное, не допускающее разочарованія, но ничего не удавалось про-

честь ей на этомъ безцвѣтномъ лицѣ, кромѣ: «пустой человѣкъ! Дрянъ человѣкъ!» Рядомъ съ этимъ лицомъ мелькали въ ея воображеніи лица его товарищей, гостей, старушекъ-утѣшительницъ, жениховъ и плаксивое, тупое отъ горя, лицо самой княгини,—и тоска сжимала бѣдное сердце Маруси. Какъ пошло, безцвѣтно и тупо, какъ глупо, скучно и лѣниво около этихъ родныхъ, любимыхъ, но ничтожныхъ людей!

Тоска сжимала ея сердце, и духъ захватывало отъ одного страстнаго, еретическаго желанія... Бывали минуты, когда ей страстно хотѣлось уйти, но куда? Туда, разумѣется, гдѣ живутъ люди, которые не дрожатъ передъ бѣдностью, не развратничаютъ, работаютъ, не бесѣдуютъ по цѣлымъ днямъ съ глупыми старухами и пьяными дураками. И въ воображеніи Маруси торчало гвоздемъ одно порядочное, разумное лицо; на этомъ лицѣ она читала и умъ, и массу знаній, и утомленіе. Лица этого нельзя было забыть. Она видѣла его каждый день, и въ самой счастливой обстановкѣ, именно въ то время, когда владѣлецъ его работалъ или дѣлалъ видъ, что работаетъ.

Докторъ Топорковъ каждый день пролеталъ мимо дома Приклонскихъ на своихъ роскошныхъ санкахъ съ медвѣжьимъ пологомъ и толстымъ кучеромъ. Пациентовъ у него было очень много. Дѣлалъ визиты онъ отъ ранняго утра до поздняго вечера и успѣвалъ за день изъѣздить всѣ улицы и переулки. Сидѣлъ онъ въ саняхъ такъ же, какъ и въ креслѣ: важно, держа прямо голову и плечи, не глядя по сторонамъ. Изъ-за пушистаго воротника его медвѣжьей шубы ничего не было видно, кромѣ бѣлаго, гладкаго лба и золотыхъ очковъ, но Марусѣ достаточно было и этого. Ей казалось, что изъ глазъ этого благодѣтеля человѣчества идутъ сквозь очки лучи холодные, гордые, презирающіе.

«Этотъ человѣкъ имѣетъ право презирать! — думала она.—Онъ мудръ! А какія однако роскошныя санки, какія чудныя лошади! И это бывший крѣпостной! Какимъ нужно быть силачомъ, чтобы родиться лакеемъ, а сдѣлаться такимъ, какъ онъ, неприступнымъ!»

Одна только Маруся помнила доктора, остальные же начали забывать его и скоро совершенно забыли бы, если бы онъ не напомнилъ о себѣ. Напомнилъ о себѣ онъ слишкомъ чувствительно.

На второй день Рождества, въ полдень, когда При-

клонскіе были дома, въ передней робко звякнулъ звонокъ. Никифоръ отворилъ дверь.

— Княгинюшка до-о-о-ма?—послышался изъ передней старушечій голосъ, и, не дожидаясь отвѣта, въ гостиную вползла маленькая старушонка.—Здравствуйте, княгинюшка, ваше сіятельство... благодѣтельница! Какъ поживать изволите?

— Чтѣ вамъ угодно?—спросила княгиня, съ любопытствомъ глядя на старуху.

Егорушка прыснулъ въ кулакъ. Ему показалось, что голова старухи похожа на маленькую переспѣлую дыню, хвостикомъ вверхъ.

— Не признаете, матушка? Неужто не помните? А Прохоровну забыли? Князеньку вашего принимала!

И старушонка подползла къ Егорушкѣ и быстро чмокнула его въ грудь и руку.

— Я не понимаю,—забормоталъ сердито Егорушка, утирая руку о сюртукъ.—Этотъ старый чортъ, Никифоръ, выпускаетъ всякую дрянь...

— Чтѣ вамъ угодно?—повторила княгиня, и ей показалось, что отъ старухи сильно пахнетъ деревяннымъ масломъ.

Старуха усѣлась въ кресло и послѣ длиннѣйшихъ предисловіи, ухмыляясь и кокетничая (свахи всегда кокетничаютъ), заявила, что у княгини есть товаръ, а у нея, старухи, купецъ. Маруся вспыхнула. Егорушка фыркнулъ и, заинтересованный, подошелъ къ старухѣ.

— Странно, — сказала княгиня.—Сватать, значитъ, пришли? Поздравляю тебя, Мари, съ женихомъ! А кто онъ? Можно узнать?

Старуха запыхтѣла, полѣзла за пазуху и вытащила оттуда красный ситцевый платокъ. Развязавъ на платкѣ узелки, она потрясла его надъ столомъ, и вмѣстѣ съ наперсткомъ упала фотографическая карточка.

Всѣ покрутили носомъ: отъ краснаго платка съ желтыми цвѣтами понесло табачнымъ запахомъ.

Княгиня взяла карточку и лѣниво поднесла ее къ глазамъ.

— Красавецъ, матушка!—принялась сваха пояснять изображеніе.—Богатъ, благородный... Чудесный человѣкъ, тверезый...

Княгиня вспыхнула и подала карточку Марусѣ. Та поблѣднѣла.

— Страшно,—сказала княгиня.—Если доктору угодно, то, полагаю, самъ бы онъ могъ... Посредничество тутъ менѣе всего пужно!.. Образованный человѣкъ, и вдругъ... Онъ васъ послалъ? Самъ?

— Сами... Ужъ больно ему понравились вы... Семейство хорошее.

Маруся вдругъ взвизгнула и, сжавъ въ рукахъ карточку, опрومتью побѣжала изъ гостиной.

— Странно,—продолжала княгиня.—Удивительно... Не знаю даже, что и сказать вамъ... Я никакъ не ожидала этого отъ доктора... Къ чему было вамъ беспокоиться? Онъ и самъ могъ бы пожаловать... обидно даже... За кого онъ насъ принимаетъ? Мы не купцы какіе-нибудь... Да и купцы теперь стали иначе жить.

— Типъ!—промычалъ Егорушка, съ презрѣніемъ поглядывая на старухину головку.

Дорого даль бы отставной гусаръ, если бы ему позволено было хоть разъ «щелкнуть» по этой головкѣ! Онъ не любилъ старухъ, какъ большая собака не любить кошекъ, и приходилъ въ чисто-собачій восторгъ, когда видѣлъ голову, похожую на дыньку.

— Что жъ, матушка?—сказала сваха, вздыхая.—Хоть онъ и не князевскаго достоинства, а могу сказать, что, матушка-княгинюшка... Благодарители вѣдь вы наши. Охъ, грѣхи, грѣхи! А нешто онъ не благородный? И образованіе всякое получилъ, и богатый, и роскошью всякою Господь его надѣлилъ, Царица Небесная... А ежели желаете, чтобы къ вамъ пришелъ, то извольте... Препожалуетъ. Отчего не прійти? Прійти можно...

И, взявши княгиню за плечо, старуха потянула ее къ себѣ и прошептала ей на ухо:

— Шестьдесятъ тысячъ просить... Извѣстное дѣло! Жена женой, а деньги деньгами. Сами извольте знать... Я, говорить, жены не возьму безъ денегъ, потому она должна у меня всякія удовольствія получать... Чтобы свой капиталъ имѣла...

Княгиня побагровѣла и, шурша своимъ тяжелымъ платьемъ, поднялась съ кресла.

— Потрудитесь передать доктору, что мы крайне удивлены,—сказала она.—Обижены... Такъ нельзя. Больше я вамъ ничего не могу сказать... Что же ты молчишь, Жоржъ? Пусть она уйдетъ! Всякое терпѣніе можетъ лопнуть!

По уходѣ свахи, княгиня схватила себя за голову, упала на диванъ и застонала:

— Вотъ до чего мы дожили!—заголосила она.—Боже мой! Какой-нибудь лѣкаришка, дрянъ, вчерашній лакей, дѣлаеть намъ предложеніе! Благородный! Ха! ха! Скажите, пожалуйста, какое благородство! Сваху прислалъ! Нѣтъ вашего отца! Онъ не оставилъ бы этого даромъ! Пошлый дуракъ! Хамъ!

Но не такъ было обидно княгинѣ, что за ея дочь сватается плебей, какъ то, что у нея попросили шестьдесятъ тысячъ, которыхъ у нея нѣтъ. Ее оскорблялъ малѣйшій намекъ на ея бѣдность. Проголосила она до поздняго вечера и ночью просыпалась два раза, чтобы поплакать.

Но ни на кого не произвело такого впечатлѣнія посѣщеніе свахи, какъ на Марусю. Бѣдную дѣвочку бросило въ сильнѣйшую лихорадку. Дрожа всѣми членами, она упала въ постель, спрятала пылающую голову подъ подушку и начала, насколько хватало силъ, рѣшать вопросъ:

— Неужели?!

Вопросъ головоломный: Маруся и не знала, что отвѣтить себѣ на него. Онъ выражалъ и ея удивленіе, и смущеніе, и тайную радость, въ которой почему-то ей стыдно было сознаться и которую хотѣлось скрыть отъ себя самой.

— Неужели?! Онъ, Топорковъ... Не можетъ быть! Что-нибудь да не такъ! Переврала старуха!

И въ то же время мечты, сладчайшія, завѣтныя, волшебныя мечты, отъ которыхъ замираетъ душа и горитъ голова, закопошились въ ея мозгахъ, и всѣмъ ея маленькимъ существомъ овладѣлъ неизъяснимый восторгъ. Онъ, Топорковъ, хочетъ ее сдѣлать своей женой, а вѣдь онъ такъ статенъ, красивъ, уменъ! Онъ посвятилъ жизнь свою человѣчеству и... ѣздитъ въ такихъ роскошныхъ саняхъ!

— Неужели?! Его можно любить! — порѣшила Маруся къ вечеру.—О, я согласна! Я свободна отъ всякихъ предразсудковъ и пойду за этимъ крѣпостнымъ на край свѣта! Пусть мать скажетъ хоть одно слово — и я уйду отъ нея! Я согласна!

Другіе вопросы, второстепенные и третьестепенные, ей некогда было рѣшать. Не до нихъ было! При чемъ тутъ сваха? За что и когда онъ полюбилъ ее? Почему самъ

не является, если любить? Какое ей было дѣло до этихъ и до многихъ другихъ вопросовъ? Она была поражена, удивлена... счастлива... достаточно было съ нею и этого.

— Я согласна!—шептала она, стараясь нарисовать въ своемъ воображеніи его лицо, съ золотыми очками, сквозь которые глядятъ разумные, солидные, утомленные глаза.—Пусть приходитъ! Я согласна.

И когда такимъ образомъ Маруся металась въ постели и чувствовала всѣмъ своимъ существомъ, какъ жгло ее счастье, сваха ходила по купеческимъ домамъ и щедрою рукою разсыпала докторскія фотографіи. Ходя изъ одного богатаго дома въ другой, она искала товара, которому могла бы порекомендовать «благороднаго» купца. Топорковъ не посылалъ ее специально къ Приклонскимъ. Онъ послалъ ее «куда хочешь». Къ своему браку, въ которомъ онъ почувствовалъ необходимость, онъ относился безразлично: для него было рѣшительно все одно, куда бы ни пошла сваха... Ему нужны были... шестьдесятъ тысячъ. Шестьдесятъ тысячъ, не менѣе! Домъ, который онъ собирался купить, не уступали ему дешевле этой суммы. Занять же эту сумму ему было негдѣ, на разсрочку платежа не соглашались. Оставалось только одно: жениться на деньгахъ, что онъ и дѣлалъ. Маруся же въ его желаніи опутать себя узами Гименея была, ей-Богу, нисколько не виновата!

Въ первомъ часу ночи въ спальню Маруси тихо вошелъ Егорушка. Маруся была раздѣта и старалась уснуть. Ее утомило ея неожиданное счастье; ей хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь успокоить безъ умолку и, какъ ей казалось, на весь домъ стучавшее сердце. Въ каждой морщинкѣ Егорушкинаго лица сидѣла тысяча тайнъ. Онъ таинственно кашлянулъ, значительно поглядѣлъ на Марусю и, какъ бы желая сообщить ей нѣчто ужасно важное и секретное, сѣлъ на ея ноги и нагнулся слегка къ ея уху.

— Знаешь, что я скажу тебѣ, Маша?—началъ онъ тихо.—Я откровенно скажу... Взглядь свой, того... Потому что вѣдь я для твоего же счастья... Ты спишь? Я для твоего же счастья: выходи за того... за Топоркова! Не ломайся, а выходи себѣ, да и... шабашъ! Человѣкъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ... И богатъ. Это ничего, что онъ низкаго происхожденія. Наплюй!

Маруся крѣпче закрыла глаза. Ей было стыдно. Въ то

же время ей было очень приятно, что ее братъ симпатизируетъ Топоркову.

— Зато онъ богатъ! Безъ хлѣба сидѣть не будешь, по крайней мѣрѣ. А покудова князя или графа поджидать будешь, такъ и съ голоду подохнешь, чего добраго... У насъ вѣдь ни копейки! Фюнтъ! Пусто! Да ты спишь, что ли? А? Молчанье — знакъ согласія?

Маруся улыбнулась. Егорушка засмѣялся и крѣпко, первый разъ въ жизни, поцѣловалъ ее руку...

— И выходи... Онъ образованный человѣкъ. А какъ намъ хорошо будетъ! Старуха выть перестанетъ!

И Егорушка погрузился въ мечты. Помечтавъ, онъ мотнулъ головой и сказалъ:

— Только вотъ чтò мнѣ непонятно... За какимъ чортомъ онъ эту сваху присылалъ? Отчего самъ не пришелъ? Тутъ что-нибудь да не такъ... Онъ не такой человѣкъ, чтобы сваху присылать.

«Это правда, — подумала Маруся, почему-то вздрогнувъ.— Тутъ что-нибудь да не такъ... Сваху глупо посылать. Въ самомъ дѣлѣ, чтò это значить?»

Егорушка, обыкновенно не обладавшій умѣньемъ соображать, на этотъ разъ сообразилъ:

— Впрочемъ, вѣдь ему самому цekoгда шлѣться. Цѣлый день занять. Какъ угорѣлый, по больнымъ бѣгаетъ.

Маруся успокоилась, но не надолго. Егорушка помолчалъ немного и сказалъ:

— И вотъ чтò еще для меня непонятно: онъ велѣлъ сказать этой вѣдьмѣ, чтобы приданого было не меньше шестидесяти тысячъ. Ты слышала? Иначе, говорить, нельзя.

Маруся вдругъ открыла глаза, вздрогнула всѣмъ тѣломъ, быстро поднялась и сѣла, забывъ даже прикрыть свои плечи одѣяломъ. Глаза ее заискрились, и щеки запылали.

— Это старуха говоритъ?—сказала она, дернувъ Егорушку за руку.— Скажи ей, что это ложь! Эти люди, такіе, то-есть, какъ онъ... не могутъ говорить этого. Онъ и... деньги?! Ха! Ха! Эту низость могутъ подозрѣвать только тѣ, которые не знаютъ, какъ онъ гордъ, какъ честенъ, не корыстолюбивъ! Да! Это прекраснѣйшій человѣкъ! Его не хотятъ понять!

— И я такъ думаю,—сказалъ Егорушка.— Старуха наврала. Прислужиться ему, должно-быть, захотѣла. Привыкла тамъ у кушцовъ!

Марусина головка утвердительно кивнула и юркнула под подушку. Егорушка поднялся и потянулся.

— Мать реветъ,—сказалъ онъ.—Ну, да мы на нее не посмотримъ. Итакъ, значить, того? Согласна? И отлично. Ломаться нечего. Докторша... Ха-ха! Докторша!

Егорушка похлопалъ Марусю по подошвѣ и, очень довольный, вышелъ изъ ея спальни. Ложась спать, онъ составилъ въ своей головѣ длинный списокъ гостей, которыхъ онъ пригласить на свадьбу.

«Шампанскаго нужно будетъ взять у Аболтухова, — думалъ онъ, засыпая. — Закуски брать у Корчатова. У него икра свѣжая. Ну, и омары...»

На другой день утромъ Маруся, одѣтая просто, но изысканно и не безъ кокетства, сидѣла у окна и поджидала. Въ одиннадцать часовъ Топорковъ промчался мимо, но не заѣхалъ. Послѣ обѣда онъ еще разъ промчался на своихъ вороныхъ передъ самыми окнами, но не только не заѣхалъ, но даже и не взглянулъ на окно, около котораго сидѣла Маруся съ розовой ленточкой въ волосахъ.

«Ему некогда, — думала Маруся, любясь имъ. — Въ воскресенье приѣдетъ...»

Но не приѣхалъ онъ и въ воскресенье. Не приѣхалъ и черезъ мѣсяцъ, и черезъ два, черезъ три... Онъ, разумѣется, и не думалъ о Приклонскихъ, а Маруся ждала и худѣла отъ ожиданія... Кошки, не обыкновенныя, а съ длинными желтыми когтями, скребли ее за сердце.

«Отчего же онъ не ѣдетъ? — спрашивала она себя. — Отчего? А... знаю... Онъ обиженъ за то, что... За что онъ обиженъ? За то, что мама такъ неделикатно обошлась со старушкой-свахой. Онъ думаетъ теперь, что я не могу полюбить его...»

— С-с-с-скотина! — бормоталъ Егорушка, который уже разъ десять заходилъ къ Аболтухову и спрашивалъ его, не можетъ ли опъ выписать шампанскаго самаго высшаго сорта.

Послѣ Пасхи, которая была въ концѣ марта, Маруся перестала ожидать.

Однажды Егорушка вошелъ къ ней въ спальню и, злобно хохоча, сообщилъ ей, что ея «женихъ» женился на купчихѣ...

— Честь имѣемъ поздравить-съ! Честь имѣемъ. Ха-ха-ха!

Это извѣстіе поступило слишкомъ жестоко съ моею маленькой героиней.

Она пала духомъ и не день, а мѣсяцы олицетворяла собой невыразимую тоску и отчаяніе. Она выдернула изъ своихъ волосъ розовую ленточку и возненавидѣла жизнь. Но какъ пристрастно и несправедливо чувство! Маруся и тутъ нашла оправданіе его поступку. Она недаромъ читалась романовъ, въ которыхъ женятся и выходятъ замужъ на зло любимымъ людямъ, на зло, чтобы дать понять, уколоть, уязвить.

«Онъ на зло женился на этой дурѣ, — думала Маруся.— О, какъ мы нехорошо сдѣлали, что такъ оскорбительно отнеслись къ его сватовству! Такіе люди, какъ онъ, не забываютъ оскорбленій!»

На щекахъ исчезъ здоровый румянецъ, губы разучились складываться въ улыбку, мозги отказались мечтать о будущемъ, — задурила Маруся! Ей казалось, что съ Топорковымъ погибла для нея и цѣль ея жизни. На что ей теперь жизнь, если на ея долю остались одни только глупцы, тунейдцы, кутилы! Она захандрила. Ничего не замѣчая, не обращая ни на что вниманія, ни къ чему не прислушиваясь, затянула она скучную, безцвѣтную жизнь, на которую такъ способны наши дѣвы, старья и молодья... Она не замѣчала жениховъ, которыхъ у нея было много, родныхъ, знакомыхъ. На плохія обстоятельства глядѣла она равнодушно, съ апатіей. Не замѣтила она даже, какъ банкъ продалъ домъ князей Приклонскихъ, со всеѣмъ его историческимъ, роднымъ для нея скарбомъ, и какъ ей пришлось перебираться на новую квартиру, скромную, дешевую, въ мѣщанскомъ вкусѣ. Это былъ длинный, тяжелый сонъ, не лишенный все-таки сновидѣній. Снился ей Топорковъ во всеѣхъ своихъ видахъ: въ саяхъ, въ шубѣ, безъ шубы, сидящій, важно шагающій. Вся жизнь заключалась во снѣ.

Но грянулъ громъ—и слетѣлъ сонъ съ голубыхъ глазъ съ льяными рѣспицами... Княгиня-мать, не сумѣвшая перенести разоренія, заболѣла на новой квартирѣ и умерла. не оставивъ своимъ дѣтямъ ничего, кромѣ благословенія и нѣсколькихъ платьевъ. Ея смерть была страшнымъ несчастьемъ для княжны. Сонъ слетѣлъ для того, чтобы уступить свое мѣсто печали.

III.

Наступила осень, такая же сырая и грязная, какъ и прошлогодняя.

На дворѣ стояло сѣрое, слезливое утро. Темно-сѣрыя, точно грязью вымазанная облака всплошную заволакивали небо и своей неподвижностью наводили тоску. Казалось, не существовало солнца; оно, въ продолженіе цѣлой недѣли, ни разу не взглянуло на землю, какъ бы боясь опачкать свои лучи въ жидкой грязи.

Дождевыя капли барабанили въ окна съ особенной силой, вѣтеръ плакалъ въ трубахъ и вылъ, какъ собака, потерявшая хозяина... Не видно было ни одной физиономіи, на которой нельзя было бы не прочесть отчаянной скуки.

Лучше самая отчаянная скука, чѣмъ та непроходимая печаль, которая свѣтилась въ это утро на лицѣ Маруси. Шлепая по жидкой грязи, моя героиня плелась къ доктору Топоркову. Зачѣмъ она шла къ нему?

«Я иду лѣчиться!»—думала она.

Но не вѣрьте ей, читатель! На ея лицѣ недаромъ читается борьба.

Княжна подошла къ дому Топоркова и робко, съ замيرانіемъ сердца, дернула за звонокъ. Черезъ минуту за дверью послышались шаги. Маруся почувствовала, что у нея ледянѣютъ и подгибаются ноги. Въ двери щелкнулъ замокъ, и Маруся увидѣла передъ собой вѣпросительное лицо смазливой горничной.

— Докторъ дома?

— Мы сегодня не принимаемъ. Завтра!—отвѣтила горничная и, задрожавъ отъ пахнувшей на нее сырости, шагнула назадъ.

Дверь хлопнула передъ самымъ носомъ Маруси, задрожала и съ шумомъ заперлась.

Княжна сконфузилась и лѣниво поплелась домой. Дома ожидалъ ее даровой, но давно уже надоѣвшій ей спектакль. Спектакль далеко не княжескій!

Въ маленькой гостиной, на диванѣ, обитомъ новымъ, лоснящимся ситцемъ, сидѣлъ князь Егорушка. Сидѣлъ онъ по-турецки, поджавъ ногу себя ноги. Около него на полу лежала его пріятельница, Калерія Ивановна. Оба играли въ карты и пили. Князь пилъ пиво, его Дульцинея мадеру. Выигравшій вмѣстѣ съ правомъ ударить

противника по посу получалъ и двугривенный. Калерія Ивановнѣ, какъ дамѣ, дѣлалась маленькая уступка: вмѣсто двугривеннаго она могла платить поцѣлуемъ. Эта игра доставляла обоимъ невыразимое наслажденіе. Они покатывались со смѣха, щипались, ежеминутно вскакивали со своихъ мѣсть и гонялись другъ за другомъ. Егорушка приходилъ въ телячій восторгъ, когда выигрывалъ. Его восхищало то ломанье, съ которымъ Калерія Ивановна отдавала проигранный поцѣлуй.

Калерія Ивановна, длинная и тонкая брюнетка, съ ужасно черными бровями и выпуклыми рачьими глазами, ходила къ Егорушкѣ каждый день. Она приходила къ Приклонскимъ въ десятомъ часу утра, у нихъ пила чай, обѣдала, ужинала и въ первомъ часу ночи уходила. Егорушка увѣрялъ свою сестру, что Калерія Ивановна пѣвица, что она очень почтенная дама и т. д.

— Ты поговори-ка съ ней! — убѣждалъ сестру Егорушка. — Умница! Страсть!

Никифоръ, по моему мнѣнію, былъ болѣе правъ, величая Калерію Ивановну шлюхой и Кавалеріей Ивановной. Онъ ее ненавидѣлъ всей душой и выходилъ изъ себя, когда ему приходилось прислуживать ей. Онъ чуюлъ правду, и инстинктъ стараго преданнаго слуги говорилъ ему, что этой женщинѣ не мѣсто около его господъ... Калерія Ивановна глупа и пуста, но это не мѣшаетъ ей уходить каждый день отъ Приклонскихъ съ полнымъ желудкомъ, съ выгрышемъ въ карманѣ и съ увѣренностью, что безъ нея жить не могутъ. Она — жена клубнаго маркера, только всего, но это ей не мѣшало быть полной хозяйкой въ домѣ Приклонскихъ. Этой свиньѣ нравилось класть ноги на столъ.

Маруся жила на пенсію, которую она получала послѣ отца. Пенсія отца была больше, чѣмъ обыкновенная генеральская, Марусина же доля была ничтожна. Но и этой доли было бы достаточно для безбѣднаго житья, если бы Егорушка не имѣлъ столько прихотей.

Онъ, не хотѣвшій и не умѣвшій работать, не хотѣлъ вѣрить тому, что онъ бѣденъ, и выходилъ изъ себя, если его заставляли мириться съ обстоятельствами и по возможности умѣрять свои прихоти.

— Калерія Ивановна не любитъ телятины, — говорилъ онъ нерѣдко Марусѣ. — Нужно для нея цыплятъ жарить. Чортъ васъ знаетъ, беретесь хозяйничать, а не умѣете!

Чтобъ не было завтра этой ерундистой телятины! Мы уморимъ съ голоду эту женщину!

Маруся слегка противорѣчила и, чтобы не заводить недовольствій, покупала цыпленка.

— Отчего сегодня жаркого не было?—кричалъ иногда Егорушка.

— Оттого, что мы вчера цыплятъ ѣли,—отвѣчала Маруся.

Но Егорушка плохо зналъ хозяйственную ариметику и знать ничего не хотѣлъ. За обѣдомъ онъ настойчиво требовалъ для себя пива, для Калеріи Ивановны — вина.

— Можетъ ли порядочный обѣдъ быть безъ вина?—спрашивалъ онъ Марусю, пожимая плечами и удивляясь человѣческой глупости. — Никифоръ! Чтобъ было вино! Твое дѣло смотрѣть за этимъ! А тебѣ, Маша, стыдно! Не браться же мнѣ самому за хозяйство! Какъ вамъ нравится выводить меня изъ терпѣнія!

Это былъ необузданный сибаритъ! Скоро Калерія Ивановна явилась ему на помощь.

— Вино для князя есть?—спрашивала она, когда накрывали столъ для обѣда.—А гдѣ пиво? Нужно сходить за пивомъ! Княжна, выдайте человѣку на пиво! У васъ есть мелкія?

Княжна говорила, что есть мелкія, и отдавала послѣднее. Егорушка и Калерія ѣли и пили и не видѣли, какъ часы, кольца и серьги Маруси, вещь за вещь, уходили въ ссуду, какъ продавались старьевщикамъ ея дорогія платья.

Они не видѣли и не слышали, съ какимъ кряхтѣньемъ и бормотаньемъ старый Никифоръ отпиралъ свой сундукъ, когда Маруся занимала у него денегъ на завтрашній обѣдъ. Этимъ пошлымъ и тупымъ людямъ, князю и его мѣщанкѣ, никакого дѣла не было до всего этого!

На другой день, въ десятомъ часу утра, Маруся отправилась къ Топоркову. Дверь отперла ей та же смазливая горничная. Введя княжну въ переднюю и снимая съ нея пальто, горничная вздохнула и сказала:

— Вы вѣдь знаете, барышня? Докторъ меньше пяти рублей за совѣтъ не беретъ-съ. Это вы знайте-съ.

«Для чего это она мнѣ говоритъ!—подумала Маруся.—Какое нахальство! Онъ, бѣдный, и не знаетъ, что у него такая нахальная прислуга!»

И въ то же время у Маруси ёкнуло около сердца: у нея въ карманѣ было только три рубля, но не станеть же онъ гнать ее изъ-за какихъ-нибудь двухъ рублей.

Изъ передней Маруся вошла въ пріемную, гдѣ уже сидѣло множество больныхъ. Большинство жаждущихъ исцѣленія составляли, разумѣется, дамы. Онѣ заняли всю находящуюся въ пріемной залѣ мебель, разсѣлись группами и бесѣдовали. Бесѣды велись самыя оживленныя, о всемъ и обо всѣхъ: о погодѣ, о болѣзняхъ, о докторѣ, о дѣтяхъ... Говорили всѣ вслухъ и хохотали, какъ у себя дома. Нѣкоторыя, въ ожиданіи очереди, вязали и вышивали. Людей, просто и плохо одѣтыхъ, въ пріемной не было. Въ сосѣдней комнатѣ принималъ Топорковъ. Входили къ нему по очереди. Входили съ блѣдными лицами, серьезные, слегка дрожащіе, выходили же отъ него красные, вспотѣвшіе, какъ послѣ исповѣди, точно снявшіе съ себя какое-то непосильное бремя, осчастливленные. Каждой больной Топорковъ занимался не болѣе десяти минутъ. Болѣзни, должно-быть, были неважныя.

«Какъ все это похоже на шарлатанство!»—подумала бы Маруся, если бы не была занята своей думой.

Маруся вошла въ докторскій кабинетъ послѣдней. Входя въ этотъ кабинетъ, заваленный книгами съ нѣмецкими и французскими надписями на переплетахъ, она дрожала, какъ курица, которую окунали въ холодную воду. Онъ стоялъ посреди комнаты, опершись лѣвой рукой о письменный столъ.

«Какъ онъ красивъ!»—прежде всего мелькнуло въ головѣ его пациентки.

Топорковъ никогда не рисовался, да и едва ли онъ умѣлъ когда-нибудь рисоваться, но всѣ позы, которыя онъ когда-либо принималъ, выходили у него какъ-то особенно величественны. Поза, въ которой его застала Маруся, напоминала тѣ позы величественныхъ натурщиковъ, съ которыхъ художники пишутъ великихъ полководцевъ. Около руки его, упиравшейся о столъ, валялись десяти- и пятирублевки, только-что полученные отъ пациентокъ. Тутъ же лежали, въ строгомъ порядкѣ, инструменты, машинки, трубки—все крайне непонятное, крайне «ученное» для Маруси. Это и кабинетъ съ роскошной обстановкой, все вмѣстѣ взятое, дополняли величественную картину. Маруся затворила за собою дверь и остановилась... Топорковъ указалъ рукой на кресло. Моя героиня тихо

пошла къ креслу и сѣла. Топорковъ величественно покачнулся, сѣлъ на другое кресло, vis-à-vis, и впился своими вопросительными глазами въ лицо Маруси.

«Онъ не узналъ меня!—подумала Маруся.—Иначе бы онъ не молчалъ... Боже мой, зачѣмъ онъ молчитъ? Ну, какъ мнѣ начать?»

— Ну-съ?—промычалъ Топорковъ.

— Кашель, — прошептала Маруся и, какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, два раза кашлянула.

— Давно?

— Два мѣсяца уже есть... По ночамъ больше.

— Угм... Лихорадка?

— Нѣтъ, лихорадки, кажется, нѣтъ...

— Вы лѣчились, кажется, у меня? Чтѣ у васъ было раньше?

— Воспаленіе легкихъ.

— Угм... Да, помню... Вы, кажется, Приклонская?

— Да... У меня и братъ тогда же былъ нездоровъ.

— Будете принимать этотъ порошокъ... передъ сномъ... избѣгать простуды...

Топорковъ быстро написалъ рецептъ, поднялся и принялъ прежнюю позу. Маруся тоже поднялась.

— Больше ничего?

— Ничего.

Топорковъ уставилъ на нее глаза. Глядѣлъ онъ на нее и на дверь. Ему было некогда, и онъ ждалъ, что она уйдетъ. А она стояла и глядѣла на него, любовалась и ждала, что онъ скажетъ ей что-нибудь. Какъ онъ былъ хорошъ! Прошла минута въ молчаніи. Наконецъ она встрепенулась, прочла на его губахъ зѣвокъ и въ глазахъ ожиданіе, подала ему трехрублевку и повернула къ двери. Докторъ бросилъ деньги на столъ и заперъ за ней дверь.

Идя отъ доктора домой, Маруся страшно злилась.

«Ну, отчего я не поговорила съ нимъ? Отчего? Трусиха я, вотъ чтѣ! Глупо какъ-то все вышло... Только обезпокоила. Зачѣмъ я держала эти подлые деньги въ рукахъ, точно на показъ? Деньги—это такая щекотливая вещь... Храни Богъ! Обидѣть можно человѣка! Нужно платить такъ, чтобы незамѣтно это было. Ну, зачѣмъ я молчала?.. Онъ рассказалъ бы мнѣ, объяснилъ... Видно было бы, для чего сваха приходила...»

Придя домой, Маруся легла въ постель и спрятала голову подъ подушку, чтѣ она дѣлала всегда, когда была

возбуждена. Но не удалось ей успокоиться. Въ ея комнату вошелъ Егорушка и началъ шагать изъ угла въ уголъ, стуча и скрипя своими сапогами.

Лицо его было таинственно...

— Чего тебѣ?—спросила Маруся.

— А-а-а... А я думалъ, что ты спишь, не хотѣлъ беспокоить. Я хочу тебѣ кое-что сообщить... очень пріятное. Калерія Ивановна хочетъ у насъ жить. Я ее упросилъ.

— Это невозможно! C'est impossible! Кого ты просилъ?

— Отчего же невозможно? Она очень хорошая... Помогать тебѣ въ хозяйствѣ будетъ. Мы ее въ угольную комнату помѣстимъ...

— Въ угольной татап умерла! Это невозможно!

Маруся задвигалась, затряслась, точно ее укололи. Красныя пятна выступили на ея щекахъ.

— Это невозможно! Ты убьешь меня, Жоржъ, если заставишь жить съ этой женщиной! Голубчикъ, Жоржъ, не нужно! Не нужно! Милый мой! Ну, я прошу!

— Ну, чѣмъ она тебѣ не нравится? Не понимаю! Баба, какъ баба... Умная, веселая.

— Я ее не люблю...

— Ну, а я люблю. Я люблю эту женщину и хочу, чтобы она жила со мной!

Маруся заплакала... Ея блѣдное лицо исказилось отчаяніемъ...

— Я умру, если она будетъ жить здѣсь...

Егорушка засвистѣлъ что-то себѣ подъ носъ и, пошавъ немного, вышелъ изъ Марусиной комнаты. Черезъ минуту онъ опять вошелъ.

— Займи мнѣ рубль, — сказалъ онъ.

Маруся дала ему рубль. Надо же чѣмъ-нибудь смягчить печаль Егорушки, въ которомъ, по ея мнѣнію, происходила теперь ужасная борьба: любовь къ Калеріи боролась съ чувствомъ долга!

Вечеромъ къ княжнѣ зашла Калерія.

— За что вы меня не любите?—спросила Калерія, обнимая княжну.—Вѣдь я несчастная!

Маруся освободилась отъ ея объятій и сказала:

— Мнѣ не за что васъ любить!

Дорого же она заплатила за эту фразу! Калерія, помѣстившись черезъ недѣлю въ комнатѣ, въ которой умерла татап, пашла пухнымъ прежде всего отмстить за эту фразу. Местъ выбрала она самую топорную.

— И чего вы такъ ломаетесь?—спрашивала она княжну за каждымъ обѣдомъ.—При этакон бѣдности, какъ у васъ, нужно не ломаться, а добрымъ людямъ кланяться. Если бъ я знала, что у васъ такіе недостатки, то не пошла бы къ вамъ жить. И зачѣмъ я полюбила вашего братца?—прибавила она со вздохомъ.

Упреки, намеки и улыбки оканчивались хохотомъ надъ бѣдностью Маруси. Егорушкѣ нипочемъ былъ этотъ смѣхъ. Онъ считалъ себя должнымъ Калеріи и смирялся. Марусю же отравлялъ дѣтскій хохоть супруги маркера и содержанки Егорушки.

По цѣлымъ вечерамъ просиживала Маруся въ кухнѣ и, безпомощная, слабая, нерѣшительная, проливала слезы на широкія ладони Никифора. Никифоръ хныкалъ вмѣстѣ съ ней и развѣдалъ Марусины раны воспоминаніями о прошломъ.

— Богъ ихъ накажетъ!—утѣшалъ онъ ее.—А вы не плачьте.

Зимой Маруся еще разъ пошла къ Топоркову.

Когда она вошла къ нему въ кабинетъ, онъ сидѣлъ въ креслѣ, попрежнему красивый и величественный... На этотъ разъ лицо его было сильно утомлено. Глаза мигали, какъ у человѣка, которому не даютъ спать. Онъ, не глядя на Марусю, указалъ подбородкомъ на кресло *vis-à-vis*. Она сѣла.

«У него печаль на лицѣ, — подумала Маруся, глядя на него.—Онъ, должно-быть, очень несчастливъ со своей купчихой!»

Минуту просидѣли они молча. О, съ какимъ наслажденіемъ она пожаловалась бы ему на свою жизнь! Она повѣдала бы ему такое, чего онъ не могъ бы вычитать ни изъ одной книги съ французскими и нѣмецкими надписями.

— Кашель,—прошептала она.

Докторъ мелькомъ взглянулъ на нее.

— Гм... Лихорадка?

— Да, по вечерамъ...

— Ночью потѣете?

— Да...

— Раздѣньтесь...

— То-есть какъ?..

Топорковъ нетерпѣливымъ жестомъ указалъ себѣ на грудь. Маруся, краснѣя, медленно разстегнула на груди пуговки.

— Раздѣньтесь. Поскорѣй, пожалуйста!..—сказаль Топорковъ и взялъ въ руки молоточекъ.

Маруся потянула одну руку изъ рукава. Топорковъ быстро подошелъ къ ней и въ мгновеніе ока привычной рукой спустилъ до пояса ея платье.

— Разстегните сорочку!—сказаль онъ и, къ великому ужасу своей пациентки, принялся стучать молоткомъ по бѣлой, исхудалой груди.

— Пустите руки... Не мѣшайте. Я васъ не съѣмъ,—бормоталь Топорковъ, а она краснѣла и страстно желала провалиться сквозь землю.

Постукавъ, Топорковъ началъ выслушивать. Звукъ у верхушки лѣваго легкаго оказался сильно притупленнымъ. Ясно слышались трескучіе хрипы и жесткое дыханіе.

— Одѣньтесь,—сказаль Топорковъ и началъ задавать ей вопросы: хороша ли квартира, правиленъ ли образъ жизни и т. д.

— Вамъ нужно ѣхать въ Самару,—сказаль онъ, прочитавъ ей цѣлую лекцію о правильномъ образѣ жизни.— Будете тамъ кумысъ пить... Я кончилъ. Вы свободны...

Маруся кое-какъ застегнула свои пуговицы, неловко подала ему пять рублей и, немного постоявъ, вышла изъ ученаго кабинета.

«Онъ держаль меня цѣлыхъ полчаса,—думала она, идя домой:— а я молчала! Молчала! Отчего я не поговорила съ нимъ?»

Она шла домой и думала не о Самарѣ, а о докторѣ Топорковѣ. Къ чему ей Самара? Тамъ, правда, цѣтъ Калеріи Ивановны, но зато же тамъ нѣтъ и Топоркова!

Богъ съ ней, съ этой Самарой! Она шла, злилась и, въ то же время, торжествовала: онъ призналъ ее больной, и теперь она можетъ ходить къ нему безъ церемоній, сколько ей угодно, хоть каждую недѣлю! У него въ кабинетѣ такъ хорошо, такъ уютно! Особенно хорошъ диванъ, который стоитъ въ глубинѣ кабинета. На этомъ диванѣ она желала бы посидѣть съ нимъ и поговорить о разныхъ разностяхъ, пожаловаться, посовѣтовать ему не брать такъ дорого съ больныхъ. Съ богатыхъ, разумѣется, можно и должно брать дорого, но бѣднымъ больнымъ нужно дѣлать уступку.

«Онъ не понимаетъ жизни, не можетъ отличить богатаго отъ бѣднаго, — думала Маруся. — Я научила бы его!»

И на этотъ разъ дома ожидалъ ее даровой спектакль. Егорушка валялся на диванѣ въ истерическомъ припадкѣ. Онъ рыдалъ, бранился, дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. По его пьяному лицу текли слезы.

— Калерія ушла!—голосилъ онъ.—Уже двѣ ночи дома не ночевала! Она разсердилась!

Но напрасно ревѣлъ Егорушка. Вечеромъ пришла Калерія, простила его и увезла съ собой въ клубъ.

Распутство Егорушки достигло апогея... Ему мало было Марусиной пепси, и онъ началъ «работать». Онъ занималъ деньги у прислуги, шулерничалъ въ картахъ, воровалъ у Маруси деньги и вещи. Однажды, идя рядомъ съ Марусей, онъ вытащилъ изъ ея кармана два рубля, которые она скопила для того, чтобы купить себѣ башмаки. Одинъ рубль онъ оставилъ себѣ, а на другой купилъ Калеріи грушъ. Знакомые оставили его. Прежніе посѣтители дома Приклонскихъ, знакомые Маруси, теперь въ глаза величали его «сіятельнымъ шулеромъ». Даже «дѣвицы» въ «Шато-де-Флеръ» недовѣрчиво глядѣли на него и смѣялись, когда онъ, занявъ у какого-нибудь новаго знакомаго денегъ, приглашалъ ихъ съ собою ужинать.

Маруся видѣла и понимала этотъ апогей распутства...

Нецеремонность Калеріи тоже шла crescendo.

— Не ройтесь, пожалуйста, въ моихъ платьяхъ,—сказала ей однажды Маруся.

— Ничего отъ этого вашимъ платьямъ не сдѣлается,—отвѣтила Калерія.—А ежели вы меня считаете воровкой, то... извольте. Я уйду.

И Егорушка, проклиная сестру, цѣлую недѣлю провалялся у ногъ Калеріи, прося ее не уходить.

Но не долго можетъ продолжаться такая жизнь. Всякая повѣсть имѣетъ конецъ, кончился и этотъ маленькій романъ.

Наступила масленица, и съ нею наступили дни, предвѣстники весны. Дни стали больше, полилось съ крышъ, съ полей повѣяло свѣжестью, вдыхая которую, вы почувствуете весну...

Въ одинъ изъ масленичныхъ вечеровъ Никифоръ сидѣлъ у постели Маруси... Егорушки и Калеріи не было дома.

— Я горю, Никифоръ,—говорила Маруся.

А Никифоръ хныкалъ и развѣдалъ ея раны воспоминаніями о прошломъ... Онъ говорилъ о князѣ, о княгинѣ,

ихъ житьѣ-бытьѣ... Описывалъ лѣса, въ которыхъ охотился покойный князь, поля, по которымъ онъ скакалъ за зайцами, Севастополь. Въ Севастополѣ покойный былъ раненъ. Многое разсказалъ Никифоръ. Марусѣ въ особенности понравилось описаніе усадьбы, пять лѣтъ тому назадъ проданной за долги.

— Выйдешь, бывало, на террасу... Весна это начинается. И Боже мой! Глазъ бы не отрывалъ отъ свѣта Божьяго! Лѣсъ еще черный, а отъ него такъ и пышетъ удовольствіемъ-съ! Рѣчка славная, глубокая... Маменька ваша во младости изволила рыбку ловить удочкой... Стоить надъ водой, бывалыча, по цѣлымъ днямъ... Любили-съ на воздухѣ быть... Природа!

Охрипъ Никифоръ, рассказывая. Маруся слушала его и не отпускала отъ себя. На лицѣ стараго лакея она читала все то, что онъ ей говорилъ про отца, про мать, про усадьбу. Она слушала, всматриваясь въ его лицо, и ей хотѣлось жить, быть счастливой, ловить рыбу въ той самой рѣкѣ, въ какой ловила ее мать... Рѣка, за рѣкой поле, за полемъ синѣютъ лѣса, и надъ всѣмъ этимъ ласково сіяетъ и грѣетъ солнце... Хорошо жить!

— Голубчикъ, Никифоръ,—проговорила Маруся, сжавъ его сухую руку:—миленькій... Займи мнѣ завтра пять рублей... Въ послѣдній разъ... Можно?

— Можно-съ... У меня только и есть пять. Возьмите-съ, а тамъ Богъ пошлетъ...

— Я отдамъ, голубчикъ. Ты займи.

На другой день утромъ Маруся одѣлась въ лучшее платье, завязала волосы розовой ленточкой и пошла къ Топоркову. Прежде, чѣмъ выйти изъ дому, она десять разъ взглянула на себя въ зеркало. Въ передней Топоркова встрѣтила ее новая горничная.

— Вы знаете?—спросила Марусю новая горничная, стаскивая съ нея пальто. — Докторъ меньше пяти рублей не беретъ за совѣтъ.

Пациентокъ на этотъ разъ въ пріемной было особенно много. Вся мебель была занята. Одинъ мужчина сидѣлъ даже на роялѣ. Пріемъ больныхъ начался въ десять часовъ. Въ двѣнадцать докторъ сдѣлалъ перерывъ для операціи и началъ снова пріемъ въ два. Марусина очередь настала только тогда, когда было четыре часа.

Не пившая чаю, утомленная ожиданіемъ, дрожа отъ лихорадки и волненія, она и не замѣтила, какъ очути-

лась въ креслѣ противъ доктора. Въ головѣ ея была какая-то пустота, во рту сухо, въ глазахъ стоялъ туманъ. Сквозь этотъ туманъ она видѣла одни только мельканья. Мелькала его голова, мелькали руки, молоточекъ...

— Вы ѣздили въ Самару?—спросилъ ее докторъ.— Почему вы не ѣздили?

Она ничего не отвѣчала. Онъ постукалъ по ея груди и выслушалъ. Притупленіе на лѣвой сторонѣ захватывало уже область почти всего легкаго. Тупой звукъ слышался и въ верхушкѣ праваго легкаго.

— Вамъ не нужно ѣхать въ Самару. Не уѣзжайте,—сказалъ Топорковъ.

И Маруся сквозь туманъ прочла на сухомъ, серьезномъ лицѣ нѣчто похожее на состраданіе.

— Не поѣду,—прошептала она.

— Скажите вашимъ родителямъ, чтобы они не пускали васъ на воздухъ. Избѣгайте грубой, трудно варимой пищи...

Топорковъ началъ совѣтовать, увлекся и прочелъ цѣлую лекцію.

Она сидѣла, ничего не слушала и сквозь туманъ глядѣла на его двигающіяся губы. Ей показалось, что онъ говорилъ слишкомъ долго. Наконецъ онъ умолкъ, поднялся и, ожидая ея ухода, оставилъ на нее свои очки.

Она не уходила. Ей нравилось сидѣть въ этомъ хорошемъ креслѣ и страшно было итти домой, къ Калеріи.

— Я кончилъ,—сказалъ докторъ.—Вы свободны.

Она повернула къ нему свое лицо и посмотрѣла на него. «Не гоните меня!»—прочелъ бы докторъ въ ея глазахъ, если бы былъ хоть маленькимъ фізіономистомъ.

Изъ глазъ ея брызнули крупныя слезы, руки безсильно опустились по сторонамъ кресла.

— Я люблю васъ, докторъ!—прошептала она.

И красное зарево, какъ слѣдствіе сильнаго душевнаго пожара, разлилось по ея лицу и шеѣ.

— Я люблю васъ!—прошептала она еще разъ, и голова ея покачнулася два раза, безсильно опустилася и коснулася лбомъ стола.

А докторъ? Докторъ... покраснѣлъ первый разъ за все время своей практики. Глаза его замигали, какъ у мальчишки, котораго ставятъ на колѣни. Ни отъ одной пациентки ни разу не слыхалъ онъ такихъ словъ и въ такой формѣ! Ни отъ одной женщины! Не ослышался ли онъ?

Сердце безпокойно заворочалось и застучало... Онъ конфузливо закашлялся...

— Миколана!—послышался голосъ изъ сосѣдней комнаты, и въ полуотворенной двери показались двѣ розовыя щеки его купчихи.

Докторъ воспользовался этимъ зовомъ и быстро вышелъ изъ кабинета. Онъ радъ былъ придраться хоть къ чему-нибудь, лишь бы только выйти изъ неловкаго положенія.

Когда, черезъ десять минутъ, онъ вошелъ въ свой кабинетъ, Маруся лежала на диванѣ. Лежала она на спинѣ лицомъ вверхъ. Одна рука спускалась до пола вмѣстѣ съ прядью волосъ. Маруся была безъ чувствъ. Топорковъ, красный, съ стучащимъ сердцемъ, тихо подошелъ къ ней и разстегнулъ ея шнуровку. Онъ оторвалъ одинъ крючокъ и, самъ того не замѣчая, порвалъ ея платье. Изъ всѣхъ оборочекъ, щелочекъ и закоулочковъ платья посыпались на диванъ его рецепты, его карточки, визитныя и фотографическія...

Докторъ брызнулъ водой въ ея лицо... Она открыла глаза, приподнялась на локоть и, глядя на доктора, задумалась. Ее занималъ вопросъ: «гдѣ я?».

— Люблю васъ!—простопала она, узнавъ доктора.

И глаза, полные любви и мольбы, остановились на его лицѣ. Она глядѣла, какъ подстрѣленный звѣрекъ.

— Что же я могу сдѣлать?—спросилъ онъ, не зная, что дѣлать.

Спросилъ онъ голосомъ, который не узнала Маруся, не мѣрнымъ, не отчеканивающимъ, а мягкимъ, почти пѣжнымъ...

Локоть ея подогнулся, и голова опустилась на диванъ, но глаза все еще продолжали смотрѣть на него...

Онъ стоялъ передъ ней, читалъ въ ея глазахъ мольбу и чувствовалъ себя въ ужаснѣйшемъ положеніи. Въ груди стучало сердце, а въ головѣ творилось нѣчто небывалое, незнакомое... Тысяча непрошенныхъ воспоминаній закопошилась въ его горячей головѣ. Откуда взялись эти воспоминанія? Неужели ихъ вызвали эти глаза съ любовью и мольбой?

Онъ вспомнилъ раннее дѣтство съ чистой барскихъ самоваровъ. За самоварами и подзатыльниками замелькали въ его памяти благодѣтели, благодѣтельницы въ тяжелыхъ салопахъ, духовное училище, куда отдали его за «го-

лось». Духовное училище съ розгами и каней съ пескомъ уступило мѣсто семинаріи. Въ семинаріи латынь, голодъ, мечты, любовь съ дочерью отца-эконома. Вспомнилось ему, какъ онъ, вопреки желаніямъ благодѣтелей, бѣжалъ изъ семинаріи въ университетъ. Бѣжалъ безъ гроша въ карманѣ, въ истоптанныхъ сапогахъ. Сколько прелести въ этомъ бѣгствѣ! Въ университетѣ голодъ и холодъ ради труда. Трудная дорога!

Наконецъ онъ побѣдилъ, лбомъ своимъ пробилъ туннель къ жизни, прошелъ этотъ туннель и... что же? Онъ знаетъ превосходно свое дѣло, много читаетъ, много работаетъ и готовъ работать день и ночь...

Топорковъ искоса поглядѣлъ на десяти- и пятирублевки, которыя валялись у него на столѣ, вспомнилъ барынь, отъ которыхъ только-что взялъ эти деньги, и покраснѣлъ... Неужели только для пятирублевокъ и барынь онъ прошелъ ту трудовую дорогу? Да, только для нихъ...

И подъ напоромъ воспоминаній осунулась его величественная фигура, исчезла гордая осанка и поморщилось гладкое лицо.

— Что же я могу сдѣлать?—прошепталъ онъ еще разъ, глядя на Марусины глаза.

Ему стало стыдно этихъ глазъ.

— А что, если она спроситъ: «Что ты сдѣлалъ и что приобрѣлъ за все время своей практики?»

Пятирублевки и десятирублевки, и ничего больше! Наука, жизнь, покой, все отдано имъ. А онѣ дали ему княжескую квартиру, изысканный столъ, лошадей, все то, однимъ словомъ, что называется комфортомъ.

Вспомнилъ Топорковъ свои семинарскіе «идеалы» и университетскія мечты, и страшную, невылазную грязью показались ему эти кресла и диванъ, обитые дорогимъ бархатомъ, полъ, устланный сплошнымъ ковромъ, эти бра, эти трехсотрублевые часы!

Онъ подался впередъ и поднялъ Марусю съ грязи, на которой она лежала, поднялъ высоко, съ руками и ногами...

— Не лежи здѣсь!—сказалъ онъ и отвернулся отъ дивана.

И, какъ бы въ благодарность за это, цѣлый водопадъ чудныхъ льняныхъ волосъ полился на его грудь... Около его золотыхъ очковъ заблестали чужіе глаза. И что за глаза! Такъ и хочется дотронуться до нихъ пальцемъ!

— Дай мнѣ чаю!—прошептала она.

На другой день Топорковъ сидѣлъ съ ней въ купе перваго класса. Онъ везъ ее въ южную Францію. Странный человѣкъ! Онъ зналъ, что нѣтъ надежды на выздоровленіе, зналъ отлично, какъ свои пять пальцевъ, но везъ ее... Всю дорогу онъ постукивалъ, выслушивалъ, спрашивалъ. Не хотѣлъ онъ вѣрить своимъ знаніямъ и всѣми силами старался выстукать и выслушать на ея груди хоть маленькую надежду!

Деньги, которыя еще вчера онъ такъ усердно копилъ, въ огромнѣйшихъ дозахъ рассыпались теперь на пути.

Онъ все отдалъ бы теперь, если бы хоть въ одномъ легкомъ этой дѣвушки не слышались проклятые хрипы! Ему и ей такъ хотѣлось жить! Для нихъ взошло солнце, и они ожидали дня... Но не спасло солнце отъ мрака и... «не цвѣсти цвѣтамъ поздней осенью!»

Княжна Маруся умерла, не проживъ въ южной Франціи и трехъ дней...

Топорковъ, по пріѣздѣ изъ Франціи, зажилъ попрежнему. Попрежнему лѣчить барынь и копить пятирублевки. Впрочемъ, можно замѣтить въ немъ и перемѣну. Онъ, говоря съ женщиной, глядитъ въ сторону, въ пространство... Почему-то ему страшно дѣлается, когда онъ глядитъ въ женское лицо...

Егорушка живъ и здоровъ... Онъ бросилъ Калерію и живетъ теперь у Топоркова. Докторъ взялъ его къ себѣ въ домъ и души въ немъ не чаеъ. Егорушкинъ подбородокъ напоминаетъ ему подбородокъ Маруси, и за это позволяетъ онъ Егорушкѣ прокучивать свои пятирублевки.

Егорушка очень доволенъ.

1882.

ЗЕЛЕНАЯ КОСА.

(МАЛЕНЬКІЙ РОМАНЪ).

I.

На берегу Чернаго моря, на мѣстечкѣ, которое въ моемъ дневникѣ и въ дневникахъ моихъ героевъ и героинь значится «Зеленой Косой», стоитъ прелестная дача. Съ точки зрѣнія архитектора, любителей всего строгаго, законченнаго, имѣющаго стиль, можетъ-быть, эта дача никуда не годится, но съ точки зрѣнія поэта, художника она дивная прелесть. Она мнѣ нравится за свою смиренную красоту, за то, что она своей красотой не давить окружающей красоты, за то, что отъ нея не вѣетъ ни холодомъ мрамора ни важностью колоннъ. Она глядитъ привѣтливо, тепло, романтично... Изъ-за стройныхъ, серебристыхъ тополей, со своими башенками, шпицами, зазубринами, шестами, выглядываетъ она чѣмъ-то средневѣковымъ. Когда смотрю на нее, я припоминаю сентиментальные нѣмецкіе романы съ ихъ рыцарями, замками, докторами философіи, съ таинственными графинями... Эта дача стоитъ на горѣ; вокругъ дачи густой-прегустой садъ съ аллеями, фонтанчиками, оранжереями, а внизу, подъ горой—суровое, голубое море... Воздухъ, сквозь который то и дѣло пробѣгаетъ влажный, кокетливый вѣтерокъ, всевозможные птичьи голоса, вѣчно-ясное небо, прозрачная вода—чудное мѣстечко!

Хозяйка дачи—жена не то грузина, не то черкесакнязька, Марья Егоровна Микшадзе, дама лѣтъ 50, высокая, полная и во время оно несомѣнно слышная красавицей. Дама она добрая, милая, гостепріимная, но слишкомъ ужъ строгая. Впрочемъ, не строгая, а капризная...

Она насъ отлично кормила, превосходно поила, занимала намъ во всѣ лопатки деньги и въ то же время ужасно терзала. Экететъ—ея конекъ. Что она жена князя—это ея другой конекъ. Катаясь на этихъ двухъ конькахъ, она вѣчно и ужасно пересаливаетъ. Она никогда, напимѣръ, не улыбается, вѣроятно, потому, что считаетъ это для себя и вообще для *grandes-dames* неприличнымъ. Кто мо- ложе ея хоть на одинъ годъ, тотъ молокососъ. Знат- ность по ея мнѣнію—добродѣтель, передъ которой все остальное—самая ерундистая чепуха. Она врагъ вѣтрен- ности и легкомыслія, любитъ молчаніе и т. д. Иногда мы едва умѣли выносить эту барыню. Если бы не дочь ея, то, пожалуй, едва ли мы услаждали бы себя теперъ воспоминаніями о Зеленой Косѣ. Хорошая женщина соста- вляетъ самое сѣрое пятно въ нашихъ воспоминаніяхъ. Украшеніе Зеленой Косы—дочь Марьи Егоровны—Оля. Оля—маленькая, стройная, хорошенькая блондинка лѣтъ 19. Она бойка и не глупа. Хорошо рисуетъ, зани- мается ботаникой, отлично говоритъ по-французски, плохо по-нѣмецки, много читаетъ и пляшетъ, какъ сама Терпси- хора. Музыкѣ училась въ консерваторіи и играетъ очень недурно. Мы, мужчины, любили эту голубоглазую дѣвочку, не «влюбились», а любили. Она для насъ всѣхъ была что-то родное, свое... Зеленая Коса безъ нея для насъ не- мыслима. Безъ нея поэзія Зеленой Косы была бы непол- ной. Она—хорошенькая женская фигурка на прелестномъ ландшафтѣ, а я не люблю картинъ безъ людскихъ фи- гуръ. Плескъ моря и шопоть деревьевъ сами по себѣ хо- роши, но если къ нимъ присоединяется еще сопрано Оли съ аккомпанементомъ нашихъ басовъ, теноровъ и рояля, то море и садъ дѣлаются земнымъ раемъ... Мы любили княжну; иначе и быть не могло. Мы величали ее дочерью пашего полка. И Оля любила насъ. Она тяготѣла къ на- шей мужской компаніи и только среди насъ чувствовала себя въ своей родной стихіи. Когда насъ не было возлѣ нея, она худѣла и переставала пѣть. Наша компанія со- стоитъ изъ гостей, лѣтнихъ обитателей Зеленой Косы и сосѣдей. Къ первымъ принадлежатъ: докторъ Яковкинъ, одесскій газетчикъ Мухинъ, магистръ физики (нынѣ до- центъ) Опвейскій, три студента, художникъ Чеховъ, одинъ Харьковскій барошъ-юристъ и я, бывший репетиторъ Оли (научившій ее плохо говорить по-нѣмецки и ловить ще- глать). Мы ежегодно въ маѣ слѣзжались на Зеленой Косѣ

и захватывали на цѣлое лѣто лишнія комнаты средне-вѣковаго замка и всѣ флигеля. Каждый мартъ насъ приглашали на Зеленую Косу два письма: одно важное, строгое, полное нотацій—отъ княгини, другое очень длинное, веселое, полное всевозможныхъ проектовъ—отъ скучившейся объ насъ княжны. Мы пріѣзжали и гостили до сентября. Сосѣдями, ежедневно пріѣзжавшими къ намъ, были отставной поручикъ-артиллеристъ Егоровъ, молодой человѣкъ, два раза державшій экзаменъ въ академію и два раза провалившійся, очень развитой, начитанный малый; студентъ-медикъ Коробовъ съ женой Екатериной Ивановной, помѣщикъ Алеутовъ и многое множество помѣщиковъ, отставныхъ, неотставныхъ, веселыхъ и скучныхъ, шалонаевъ и брандахлыстовъ... Вся эта банда безконечно, день и ночь, круглое лѣто, ѣла, пила, играла, пѣла, пускала фейерверки, острила... Оля любила эту банду безъ памяти. Она кричала, вертѣлась и шумѣла больше всѣхъ. Она была душой компаніи.

Каждый вечеръ княгиня собирала насъ въ гостиную и съ багровымъ лицомъ упрекала насъ въ «безсовѣтномъ» поведеніи, стыдила насъ и клялась, что по нашей милости у нея голова болитъ. Она любила читать нотаціи; читала ихъ искренно и глубоко была убѣждена въ томъ, что ея нотаціи послужатъ намъ въ пользу. Больше всѣхъ доставалось отъ нея Олѣ. По ея мнѣнію, во всемъ была виновата Оля. Оля боялась матери. Она ее боготворила и выслушивала ея нотаціи стоя, молча, покраснѣвъ. Княгиня считала Олю дитятей. Она ставила ее въ уголь, оставляла безъ завтрака, безъ обѣда. Заступаться за Олю значило подливать масло въ огонь. Если бы можно было, то она и насъ бы ставила въ уголь. Она посылала насъ ко всеобщей, приказывала вслухъ читать Четьи-Минеи, считала наше бѣлье, вмѣшивалась въ наши дѣла... Мы то и дѣло заносили куда-нибудь ея ножницы, забывали, гдѣ ея спиртъ, не умѣли найти ей наперстка.

— Разиня!—то и дѣло кричала она.—Прошелъ мимо, уронилъ и не поднимаешь! Подними! Сейчасъ подними! Наказаль меня Господь вами... Отойди отъ меня! Не стой на сквозномъ вѣтру!

Иногда для потѣхи кто-нибудь изъ насъ провинится въ чемъ-нибудь и по донесеніи призывается къ старухѣ.

— Это ты на грядку наступилъ?—начинается судъ.—Какъ ты смѣлъ?

— Я нечаянно...

— Молчи! Какъ ты смѣлъ, я тебя спрашиваю?

Судъ оканчивался помилованіемъ, цѣлованіемъ руки и, по выходѣ изъ комнаты судьи, гомерическимъ смѣхомъ. Ласкова съ нами княгиня никогда не была. Ласковыя слова говоритъ она только старухамъ и маленькимъ дѣтямъ.

Я ни разу не видалъ ея улыбки. Старичка-генерала, который по воскресеньямъ пріѣзжалъ къ ней играть въ пикетъ, она шопотомъ увѣряла, что мы, доктора, магистры, частью бароны, художники, писатели, погибли бы безъ ея ума-разума... Мы и не старались разубѣждать ее... Пусть, думали, тѣшится... Княгиня была бы сносна, если бы не требовала отъ насъ, чтобъ мы вставали не позже восьми часовъ и ложились не позже 12. Бѣдная Оля шла ложиться спать въ 11 час. Прекословить нельзя было. Да и издѣвались же мы надъ старухой за это незаконное посягательство на нашу свободу! Мы гурьбой ходили просить у нея прощенія, сочиняли ей поздравительные стихи ломоносовскаго пошиба, рисовали геральдическое древо князей Микшадзе и т. д. Княгиня принимала все это за чистую монету, а мы хохотали. Княгиня любила насъ. Она глубоко, очень искренно вздыхала, когда выражала намъ сожалѣніе, что мы не князья. Она привыкла къ намъ, какъ къ дѣтямъ...

Не любила она одного только поручика Егорова. Она его ненавидѣла всей душой, питала къ нему невозможнѣйшую антипатію. Принимала его только потому, что имѣла съ нимъ денежныя дѣла и этикетничала. Поручикъ прежде былъ ея любимцемъ. Онъ красивъ, удачно остригъ, много молчитъ и военный (это княгиня высоко цѣнила). Но иногда на Егорова что-то находить... Онъ садится, подпираетъ кулаками голову и начинаетъ ужасно злословить. Злословить всѣхъ и все, не щадя ни живыхъ ни мертвыхъ. Княгиня выходила изъ себя и прогоняла изъ комнату всѣхъ насъ, когда онъ начиналъ говорить злыя слова.

Однажды за обѣдомъ Егоровъ подперъ голову кулакомъ и завелъ ни къ селу, ни къ городу рѣчь о кавказскихъ князьяхъ, потомъ вытащилъ изъ кармана «Стрекозу» и имѣлъ дерзость въ присутствіи княгини Микшадзе прочесть слѣдующее:—«Тифлисъ хорошій городъ. Къ числу достоинствъ прекраснаго города—въ которомъ «князья» даже улицы метутъ и салогі въ гостиницахъ чистятъ—принадлежитъ...» и т. д. Княгиня встала изъ-за стола и

молча вышла. Она возненавидѣла Егорова еще сильнѣй, когда онъ въ ея поминальникѣ около нашихъ именъ написалъ наши фамиліи. Эта ненависть была тѣмъ болѣе не желательна и не кстати, что поручикъ мечталъ о женитьбѣ на Олѣ, а Оля была влюблена въ поручика. Поручикъ ужасно мечталъ, хоть и плохо вѣрилъ въ исполненіе своихъ мечтаній. Оля любила тайкомъ, украдкой, про себя, робко, чуть замѣтно... Любовь для нея была контрабандой, чувствомъ, на которое было наложено жестокое *вето*. Ей не позволено было любить.

II.

Въ средневѣковомъ замкѣ чуть-было не разыгралась одна изъ глупыхъ средневѣковыхъ исторій.

Лѣтъ семь тому назадъ, когда еще былъ живъ князь Микшадзе, на Зеленую Косу пріѣхалъ погостить князь Чайхидзевъ, екатеринославскій помѣщикъ, другъ и пріятель Микшадзе. Это былъ очень богатый человекъ. Онъ всю жизнь свою кутилъ, бѣшено кутилъ и, несмотря на это, до конца дней своихъ былъ богачомъ. Микшадзе во время оно былъ его собутыльникомъ. Вмѣстѣ съ Микшадзе онъ увезъ изъ родительскаго дома дѣвушку, которая впоследствии стала княгиней Чайхидзевой. Это обстоятельство связало обоихъ князей прочнѣйшими узами дружбы. Чайхидзевъ пріѣхалъ погостить вмѣстѣ со своимъ сыномъ, пучеглазымъ, узкогрудымъ, черноволосымъ юношей-гимназистомъ. Чайхидзевъ первымъ долгомъ вспомнилъ старину и закутилъ съ Микшадзе, а юноша заухаживалъ за Олей, тринадцатилѣтней дѣвочкой. Ухаживаніе было замѣчено. Родители подмигнули и замѣтили, что изъ юноши и Оли вышла бы недурная парочка. Пьяные князья приказали дѣтямъ поцѣловаться, пожали другъ другу руки и сами поцѣловались. Микшадзе даже заплакалъ отъ умиленія.

— Такъ Богу угодно!—сказалъ Чайхидзевъ.—У тебя дочь, у меня сынъ... Такъ Богу угодно!

Дѣтямъ дали по кольцу и сняли ихъ на одной карточкѣ. Эта карточка висѣла въ залѣ и долгое время не давала покоя Егорову. Она была мишенью для безчисленнаго множества остротъ. Княгиня Марья Егоровна важно благословила будущихъ супруговъ. Эй понравилась отъ скуки идея отцовъ. Черезъ мѣсяць послѣ отъѣзда Чайхидзевыхъ Оля получила по почтѣ роскошнѣйшій подарокъ. Такіе подарки

она получала потомъ ежегодно. Молодой Чайхидзевъ взглянулъ на дѣло сверхъ ожиданія серьезно. Это былъ довольно ограниченный малый. Онъ ежегодно прѣзжалъ на Зеленую Косу и гостилъ цѣлую недѣлю, при чемъ все время молчалъ и посылалъ изъ своей комнаты Олѣ любовныя письма. Оля прочитывала письма и конфузилась. Умная дѣвочка удивлялась, какъ это можетъ такой большой человѣкъ писать такія глупости! А онъ писалъ глупости... Два года тому назадъ умеръ Микшадзе. Умирая, онъ сказалъ Олѣ слѣдующее: «Смотри, не выйди замужъ за какого-нибудь дурака! Выходи за Чайхидзева. Онъ умный и достойный человѣкъ». Оля знала умъ Чайхидзева, но отцу не противорѣчила. Она дала ему слово, что выйдеть за Чайхидзева.

— И это воля папы!—говорила она намъ, и говорила съ нѣкоторой гордостью, какъ будто бы совершала какой-нибудь громаднѣйшій подвигъ.

Она гордилась тѣмъ, что отецъ унесъ съ собой въ могилу ея обѣщаніе. Это обѣщаніе было такъ необыкновенно, романично!

Но природа и разсудокъ брали свое: отставной поручикъ Егоровъ вертѣлся передъ глазами, а Чайхидзевъ съ каждымъ годомъ въ ея глазахъ становился все глупѣе и глупѣе...

Когда однажды поручикъ осмѣлился намекнуть ей про свою любовь, она попросила его не говорить ей болѣе о любви, напомнила объ обѣщаніи, данномъ отцу, и всю ночь проплакала. Княгиня каждую недѣлю писала письма Чайхидзеву въ Москву, гдѣ онъ учился въ университетѣ, и приказывала ему поскорѣй оканчивать курсъ. «У меня гостятъ не такіе бородатые, какъ ты, а давно уже курсъ поокончили»,—писала она ему. Чайхидзевъ отвѣчалъ ей почтительнѣйше на розовой бумагѣ и на двухъ листахъ доказывалъ, что курса ранѣе опредѣленнаго срока кончить нельзя. Ему писала и Оля. Письма Оли ко мнѣ далеко лучше писемъ ея къ этому жениху. Княгиня вѣрила въ то, что Оля будетъ женой Чайхидзева, иначе же не пускала бы свою дочь гулять и «заниматься пустяками» въ компаніи забіякъ, вѣтренниковъ, безбожниковъ и «не князей»... Она не могла допустить и сомнѣнія... Воля мужа для нея—священная воля... Оля тоже вѣрила въ то, что она со временемъ будетъ расписываться Чайхидзевой...

Но не тутъ-то было. Идея двухъ отцовъ порвалась у самаго исполненія. Романъ Чайхидзева не удался. Этому роману суждено было окончиться водевилемъ.

Въ прошломъ году Чайхидзевъ пріѣхалъ на Зеленую Косу въ концѣ іюня. Онъ пріѣхалъ на этотъ разъ уже не студентомъ, а дѣйствительнымъ студентомъ. Княгиня встрѣтила его важными, торжественными объятіями и длиннѣйшей нотаціей. Оля одѣлась въ дорогое платье, спитое специально для встрѣчи жениха. Изъ города привезли шампанскаго, зажгли фейерверкъ, а на другой день утромъ вся Зеленая Коса въ одинъ голосъ толковала о свадьбѣ, назначенной якобы въ концѣ іюля.

— Бѣдная Оля!—шептали мы, слоняясь изъ угла въ уголь, злобно поглядывая на окна, которыя выходили въ садъ изъ комнаты ненавистнаго намъ восточнаго чело-вѣка.—Вѣдная Оля!

Оля ходила по саду, блѣдная, худая, полумертвая.

— Такъ угодно папѣ и мамѣ!—говорила она, когда мы начинали приставать къ ней съ дружескими со-вѣтами.

— Да вѣдь это глупо! Дико!—кричали мы ей.

Она пожимала плечами и отворачивала отъ насъ свое полное скорби лицо; женихъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, посылалъ Олѣ съ лакеями нѣжныя письма и, глядя въ окно, удивлялся смѣлости, съ которой мы говорили и держали себя съ Олей. Выходилъ онъ изъ своей комнаты только затѣмъ, чтобы пообѣдать. Обѣдалъ онъ молча, ни на кого не глядя, сухо отвѣчая на наши вопросы. Разъ только онъ осмѣлился рассказать анекдотъ, да и тотъ оказа-лся до пошлости старымъ. Послѣ обѣда княгиня уса-живала его рядомъ съ собой и учила играть въ пи-кетъ. Чайхидзевъ игралъ серьезно, много думая, опустивъ нижнюю губу и вспотѣвъ... Такое отношеніе къ пикету нравилось княгинѣ.

Однажды послѣ обѣда Чайхидзевъ улизнулъ отъ пикета и побѣждалъ за Олей, которая отправилась въ садъ.

— Ольга Андреевна!—началъ онъ.—Я знаю, вы меня не любите. Сватовство наше, правда, странно глупо. Но я, но я надѣюсь, что вы меня полюбите...

Онъ сказалъ это, сильно сконфузился и пошелъ бокомъ изъ сада въ свою комнату.

Поручикъ Егоровъ сидѣлъ у себя въ имѣніи и никуда не показывался. Онъ не могъ переварить Чайхидзева.

Въ воскресенье (второе послѣ прїѣзда Чайхидзева), кажется, 5-го іюня, рано утромъ явился въ нашъ флигель студентъ, племянникъ княгини, и передалъ намъ приказъ. Приказъ княгини состоялъ въ томъ, чтобы мы къ вечеру были всѣ въ порядкѣ: одѣты во все черное, бѣлые галстуки, перчатки; были бы серьезны, умны, остроумны, послушны и завиты, какъ пудели; чтобы мы не шумѣли; чтобы въ комнатахъ у насъ было благоприлично. На Зеленой Косѣ затѣвалось нѣчто въ родѣ сговора. Изъ города привезли винъ, водокъ, закусокъ... Наши прислужники были взяты отъ насъ на кухню. Послѣ обѣда начали съѣзжаться гости и съѣзжались до позднего вечера. Въ восемь часовъ, послѣ катанья на лодкахъ, начался балъ.

До бала у насъ, мужчинъ, была сходка. На этой сходкѣ мы единогласно порѣшили во что бы то ни стало избавиться Олю отъ Чайхидзева, избавиться, хотя бы это даже стоило намъ крупнѣйшаго скандала. Послѣ сходки я бросился искать поручика Егорова. Онъ жилъ въ своемъ имѣньи, въ 20 верстахъ отъ Зеленой Косы. Я помчался къ нему и засталъ его, но какъ засталъ! Поручикъ былъ пьянъ, какъ стелька, и спалъ мертвецки. Я растолкалъ поручика, умылъ, одѣлъ его и, несмотря на его брыкательства и ругань, повезъ на Зеленую Косу.

Въ десять часовъ балъ былъ въ разгарѣ. Танцовали въ четырехъ комнатахъ подъ игру двухъ прекрасныхъ роялей. Въ аттрактахъ въ саду на горкѣ игралъ третій рояль. Даже сама княжна восхищалась нашими фейерверками. Фейерверки мы сжигали въ саду, на берегу и далеко въ морѣ на лодкахъ. На крышѣ замка разноцвѣтные бенгальскіе огни смѣняли другъ друга и освѣщали всю Косу. Пьянствовали въ двухъ буфетахъ: одинъ буфетъ былъ въ бесѣдкѣ въ саду, другой въ домѣ. Героемъ вечера, по видимому, былъ Чайхидзевъ. Съ розовыми пятнышками на щекахъ, съ вспотѣвшимъ носомъ, затянутый въ тѣсный фракъ, онъ плясалъ съ Олей, болѣзненно улыбался и чувствовалъ, что онъ неловокъ. Онъ плясалъ и слѣдилъ за каждымъ своимъ «па». Ему страстно хотѣлось блеснуть хоть чѣмъ-нибудь, но не сумѣлъ онъ блеснуть ничѣмъ. Оля говорила мнѣ впоследствии, что ей въ этотъ вечеръ было очень жаль бѣднаго князька. Онъ казался ей жалкимъ. Онъ какъ будто бы предчувствовалъ, что у него отнимутъ невѣсту, о которой онъ, бывало, думалъ во время каждой лекціи, ложась и просыпаясь... Когда онъ глядѣлъ на насъ,

глаза его были полны мольбы. Онъ предчувствовалъ въ насъ сильныхъ и безжалостныхъ соперниковъ.

По приготовленіямъ высокихъ бокаловъ и по поглядываніямъ княгини на часы мы заключили, что торжественно-официальная минута приближается, что, по всей вѣроятности, Чайхидзевъ въ 12 часовъ получить позволеніе поцѣловать Олю. Нужно было дѣйствовать. Въ половинѣ двѣнадцатаго я попудрился, чтобъ казаться блѣднымъ, своротилъ въ сторону галстукъ и съ озабоченнымъ лицомъ и съ включенными волосами подошелъ къ Олѣ.

— Ольга Андреевна,—началь я, схвативъ ее за руку:— ради Бога!

— Чтò такое?

— Ради Бога... Вы не пугайтесь, Ольга Андреевна... Иначе и быть не могло. Это и нужно было ожидать...

— Въ чемъ дѣло?

— Вы не пугайтесь... Того... Ради Бога, моя дорогая! Евграфъ...

— Чтò съ нимъ?

Оля поблѣднѣла и вскинула на меня свои большіе, до-вѣрчивые, дружескіе глаза...

— Евграфъ умираетъ...

Оля пошатнулась и пальцами провела по поблѣднѣвшему лбу.

— Случилось то, чего я ожидалъ,—продолжалъ я.— Онъ умираетъ... Спасите его, Ольга Андреевна!

Оля схватила меня за руку.

— Онъ... онъ... Гдѣ?

— Здѣсь въ саду, въ бесѣдкѣ. Ужасно, моя дорогая! Но... иа насъ смотреть. Пойдемте на террасу... Онъ не обвиняетъ васъ... Онъ зналъ, что вы его...

— Чтò... чтò съ нимъ?

— Худо, очень худо!!

— Пойдемте... Я пойду къ нему... Я не хочу, чтобъ онъ благодаря мнѣ... благодаря мнѣ...

Мы вышли на террасу... У Оли подрибалась колѣни. Я сдѣлалъ видъ, что отеръ слезу... Мимо насъ по террасѣ то и дѣло пробѣгали блѣдные, встревоженные члены нашей банды съ озабоченными, испуганными лицами.

— Кровь остановилась...—шепнула мнѣ магистръ физики такъ, чтобы слышала Оля.

— Идемте!—шепнула Оля и взяла меня подъ руку.

Мы спустились вниз по террасѣ... Ночь была тихая, свѣтлая... Звуки рояля, шопотъ темныхъ деревьевъ, трещанье кузнечиковъ ласкали слухъ; внизу тихо плескалось море.

Оля едва шла... Ноги ея подгибались и путались въ тяжеломъ платьѣ. Она дрожала и со страха жалась къ моему плечу.

— Но вѣдь я же не виновата...—шептала она.—Клянусь вамъ, что я не виновата... Такъ угодно было панѣ... Онъ долженъ это понять... Опасно?

— Не знаю... Михаилъ Павловичъ сдѣлалъ все возможное. Онъ хороший докторъ и любитъ Егорова... Мы подходимъ, Ольга Андреевна...

— Я... я не увижу ничего ужаснаго? Я боюсь... Я не могу видѣть... И для чего это онъ вздумалъ?

Оля залилась слезами.

— Я не виновата... онъ долженъ былъ понять. Я ему объясню.

Мы подошли къ бесѣдкѣ.

— Здѣсь,—сказалъ я.

Оля закрыла глаза и обѣими руками ухватилась за меня.

— Я не могу...

— Не пугайтесь... Егоровъ, ты еще не умеръ?—крикнулъ я, обращаясь къ бесѣдкѣ.

— Пока еще нѣтъ... А что?

У входа въ бесѣдку показался освѣщенный луною поручикъ, растрепанный, блѣдный отъ перепоя, съ разстегнутымъ жилетомъ...

— А что?—повторилъ онъ.

Оля подняла голову и увидала Егорова... Она посмотрѣла на меня, потомъ на Егорова, потомъ опять на меня... Я засмѣялся... Лицо ея просіяло. Она вскрикнула отъ радости, сдѣлала шагъ впередъ... Я думалъ, что она на насъ разсердится... Но эта дѣвочка не умѣла сердиться... Она сдѣлала шагъ впередъ, подумала и бросилась къ Егорову. Егоровъ быстро застегнулъ жилетъ и растопырилъ руки. Оля упала ему на грудь. Егоровъ засмѣялся отъ удовольствія, повернулъ въ сторону голову, чтобы не дышать на Олю, и забормоталъ какую-то чепуху.

— Вы не имѣете права... Я не виновата,—залепетала Оля.—Такъ угодно панѣ, мамѣ и т. д.

Я повернулъ назадъ и быстро зашагалъ къ освѣщенному замку...

Въ замкѣ между тѣмъ публика готовилась къ поздравленію жениха и невѣсты и нетерпѣливо поглядывала на часы... Въ переднихъ толпились лакеи съ подносами; на подносахъ стояли бутылки и бокалы. Чайхидзевъ нетерпѣливо мялъ правую руку въ лѣвой и глазами искалъ Олю. Княгиня ходила по комнатамъ и искала Олю, чтобъ дать ей наставленіе, какъ держать себя, что отвѣтить матери и т. д. Наши улыбались.

— Не знаешь, гдѣ Оля?—спросила меня княгиня.

— Не знаю.

— Поди пощи.

Я сошелъ въ садъ и, заложивъ руки назадъ, обошелъ раза два вокругъ дома. Нашъ художникъ заигралъ на трубѣ. Это значило: «Держи, не выпускай!» Егоровъ отвѣчалъ изъ бесѣдки крикомъ совы. Это значило: «Хорошо!.. держу!»

Походивъ немного, я вошелъ въ домъ. Въ переднихъ лакеи поставили подносы на столы и, стоя съ пустыми руками, тупо поглядывали на публику. Публика, въ свою очередь, съ недоумѣніемъ поглядывала на часы, на которыхъ большая стрѣлка показывала уже четверть. Рояли замолкли. Во всѣхъ комнатахъ царил глубокая, томительная, глухая тишина.

— Гдѣ Оля?—спросила меня багровая княгиня.

— Не знаю... Въ саду нѣтъ.

Княгиня пожала плечами.

— Развѣ она не знаетъ, что уже давно пора?—спросила она, дернувъ меня за рукавъ.

Я пожалъ плечами. Княгиня отошла отъ меня и зашептала что-то Чайхидзеву. Чайхидзевъ тоже пожалъ плечами. Княгиня и его дернула за рукавъ.

— Дуралей!—заворчала она и забѣгала по всему дому.

Горничныя и гимназисты, родственники княжны, съ шумомъ сбѣжали по лѣстницѣ и отправились въ глубину сада искать исчезнувшую невѣсту. Я тоже пошелъ въ садъ. Я боялся, что Егоровъ не сумѣетъ задержать Олю и испортитъ задуманный нами скандалъ. Я направился къ бесѣдкѣ. Напрасно я боялся! Оля сидѣла возлѣ Егорова, водила передъ его глазами своими пальчиками и шептала, шептала... Когда Оля переставала шептать, начиналъ бормотать Егоровъ. Онъ внушалъ ей то, что княгиня называетъ «идеями»... Каждое свое слово онъ подслащалъ поцѣлуемъ. Онъ говорилъ, лѣзь ежесекундно цѣловаться

и въ то же время отворачивалъ въ сторону свой ротъ, боясь, чтобы Оля не почуяла водочнаго запаха. Оба они были счастливы, забыли, повидимому, все на свѣтѣ и не замѣчали времени. Я постоялъ немного у входа въ бесѣдку, возрадовался духомъ и, не желая нарушать счастливаго покоя, пошелъ къ замку

Княгиня выходила изъ себя и нюхала спиртъ. Она терялась въ догадкахъ, сердилась, стыдилась гостей, жениха... Она никогда не дерется, но дала горничной пощечину, когда та доложила ей, что княжны иѣтъ нигдѣ. Гости, не дождавшись шампанскаго и поздравленій, заулыбались, зашлетничали и опять взялись за танцы.

Пробилъ часъ, Оля не показывалась. Княгиню разби- рало бѣшенство.

— Это все ваши штуки!—шипѣла она, проходя мимо кого-либо изъ насъ.—Будетъ ей на орѣхи! Гдѣ она?

Наконецъ нашелся благодѣтель, который сообщилъ ей, гдѣ Оля... Этимъ благодѣтелемъ оказался маленькій пузатый гимназистикъ, племянникъ княгини. Гимназистикъ прибѣжалъ изъ сада, какъ угорѣлый, подскочилъ къ княгинѣ, сѣлъ ей на колѣно, пригнулъ къ себѣ ея голову и зашепталъ ей на ухо... Княгиня поблѣдѣла и до крови укусила себя за губу.

— Въ бесѣдкѣ?—спросила она.

— Да.

Княгиня поднялась и съ гримасой, похожей на официальную улыбку, объявила гостямъ, что у Оли болитъ голова, что она проситъ извинить и т. д. Гости изъявили сожалѣнiе, наскоро поужинали и начали раз- ѣзжаться.

Въ два часа (Егоровъ поусердствовалъ и задержалъ Олю до двухъ) я стоялъ у входа на террасу за стѣной изъ олеандровыхъ деревцовъ и ждалъ возвращенiя Оли. Миѣ хотѣлось посмотреть на Олино лицо. Я люблю женскiя счастливыя лица. Миѣ хотѣлось посмотреть, какъ любовь къ Егорову и въ то же время страхъ передъ матерью совмѣстятся на одномъ и томъ же лицѣ, и что сильнѣй: любовь или страхъ? Я недолго дышалъ запахомъ олеандровъ. Оля скоро показалась. Я впился глазами въ ея лицо. Она шла медленно, приподнявъ немного платье и показывая свои маленькiе башмачки. Лицо ея было хорошо освѣщено луной и фонариками, висѣвшими на деревьяхъ и своимъ мелькашемъ поргившими лунный свѣтъ.

Лицо было серьезно, блѣдно. Чуть-чуть улыбались однѣ только губы. Глаза задумчиво смотрѣли въ землю; съ такими глазами рѣшаютъ обыкновенно трудныя задачи. Когда Оля ступила на первую ступень, ея глаза засуетились, забѣгали: она вспомнила мать. Оля слегка коснулась рукой помятой прически, нѣкоторое время постояла нерѣшительно на первой ступени и, тряхнувъ головой, смѣло пошла къ двери... Но тутъ суждено было мгѣ увидѣть картину... Распахнулась дверь, и блѣдное лицо Оли освѣтилось яркимъ свѣтомъ. Оля вздрогнула, сдѣлала шагъ назадъ и слегка присѣла... Ее какъ будто что приплюснуло... На порогѣ, поднявъ голову, стояла княгиня, красная, дрожащая отъ гнѣва и стыда... Минуты двѣ длилось молчаніе.

— Дочь князя,—заговорила княгиня:—и невѣста князя ходитъ на свиданія съ поручикомъ!? Съ Евграшкой! Мерзкая!

Оля съежилась въ три погибели и, трепещущая, змѣйкой проскользнула мимо княгини и полетѣла въ свою комнату. Она сѣла на свою постель и въ продолженіе всей ночи не спускала съ окна глаза, полные ужаса и тревоги...

Въ третьемъ часу ночи у насъ опять была сходка. На этой сходкѣ мы посмѣялись надъ опьянѣвшимъ отъ счастья Егоровымъ и снарядили харьковскаго барона-юриста къ Чайхидзеву. Князь еще не спалъ. Харьковский баронъ-юристъ долженъ былъ «дружески» указать Чайхидзеву на неловкость его, Чайхидзева, положенія, попросить его, чтобы онъ, князь, какъ развитой человѣкъ, взялъ на себя трудъ уяснить себѣ эту неловкость, и попросить его между прочимъ, чтобы онъ извинилъ насъ за ваше вмѣшательство, извинилъ «поздравительно», какъ развитой человѣкъ... Чайхидзевъ отвѣтилъ барону, что онъ «все это хорошо понимаетъ», что онъ не придаетъ значенія отцовскому завѣщанію, но любитъ Олю, а потому и былъ такъ настойчивъ... Онъ съ чувствомъ пожалъ барону руку и обѣщаль завтра же уѣхать.

На слѣдующее утро Оля явилась къ чаю блѣдная, разбитая, полная самыхъ отчаянныхъ ожиданій, ей было и страшно и стыдно... Но лицо ея просіяло, когда она въ столовой увидѣла и услышала насъ. Мы всей компаніей стояли передъ княгиней и кричали. Кричали всѣ разомъ. Мы сбросили наши маленькія маски и громко внушали старой княгинѣ «идеи», очень похожія на тѣ, которыя

внушалъ вчера Олѣ Егоровъ. Мы говорили о личности жеищины, о законности свободнаго выбора и т. д. Княгиня молча, угрюмо слушала насъ и читала письмо, присланное ей Егоровымъ—это письмо было сочинено всей компаніей и было переполнено словами: «по малолѣтству», «по неопытности», «вашими благословеніями» и т. д. Княгиня выслушала насъ до конца, до конца прочла длинное письмо Егорова и сказала:

— Не вамъ, молокососамъ, учить меня, старуху. Знаю, что дѣлаю. Выпивайте чай и поѣзжайте отсюда кружить другія головы. Вамъ не жить со мной, со старухой.. Вы люди умные, а я дура... Съ Богомъ, сударики!.. Вѣкъ вамъ буду благодарпа!

Княгиня насъ гнала. Мы написали ей благодарственное письмо, приложились къ ея рукѣ и, скрѣпя сердце, выѣхали въ тотъ же день въ имѣніе Егорова. Съ нами выѣхалъ и Чайхидзевъ. У Егорова мы занимались только тѣмъ, что кутили, скучали объ Олѣ и утѣшали Егорова. Прожили мы у него недѣли двѣ. На третьей недѣлѣ нашъ баронъ-юристъ получилъ отъ княгини письмо. Княгиня просила барона пріѣхать на Зеленую Косу и написать ей какую-то бумагу. Баронъ поѣхалъ. Дня черезъ три послѣ отъѣзда поѣхали и мы туда же, якобы за барономъ. На Зеленую Косу пріѣхали мы передъ обѣдомъ. Въ домъ мы не входили, а слонялись по саду, поглядывая на окно. Княгиня увидала насъ въ окно.

— Это вы пріѣхали?—крикнула она.

— Мы.

— Дѣло есть, что ли?

— За барономъ.

— Барону нѣкогда съ вами, висѣльниками, фордыбасничать! Онъ пишетъ.

Мы сняли шляпы и подошли къ окну.

— Какъ ваше здоровье, княгиня?—спросилъ я.

— Чего слоняетесь?—отвѣтила княгиня.— Идите въ комнаты!

Мы вошли въ комнаты и смиренно разсѣлись по стульямъ. Княгиня, страшно соскучившейся по нашей компаніи, понравилось это смиреніе. Она насъ оставила обѣдать. За обѣдомъ одного изъ насъ, уронившаго ложку, она выбранила разней и упрекнула насъ, что мы не умѣемъ держать себя за столомъ. Мы погуляли съ Олей, остались переночевать... Переночевали и другую ночь и застряли

на Зеленой Косѣ до самаго сентября. Миръ склеился самъ собой. Вчера получилъ письмо отъ Егорова. Поручикъ пишетъ, что всю зиму онъ «подмазывался» къ княгинѣ и успѣлъ гнѣвъ княгини переложить на милость. Она увѣряетъ, что лѣтомъ будетъ его свадьба.

Вскорѣ я долженъ получить два письма: одно строгое, офиціальное отъ княгини, другое длинное, веселое, полное проектовъ отъ Оли. Въ маѣ я ѣду опять на Зеленую Косу.

1882.

БАРЫНЯ.

I.

Къ избѣ Максима Журкина, шурша и шелестя по высошей, пыльной травѣ, подкатила коляска, запряженная парой хорошенькихъ вятскихъ лошадокъ. Въ коляскѣ сидѣли барыня Елена Егоровна Стрѣлкова и ея управляющій Феликсъ Адамовичъ Ржевецкій. Управляющій ловко выскочилъ изъ коляски, подошелъ къ избѣ и указательнымъ пальцемъ постучалъ по стеклу. Въ избѣ замелькалъ огонекъ.

— Кто тамъ?—спросилъ старушечій голосъ, и въ окнѣ показалась голова Максимовой жены.

— Выйди, бабушка, на улицу!—крикнула барыня.

Черезъ минуту изъ избы вышли Максимъ и его жена. Они остановились у воротъ и молча поклонились барынѣ, а потомъ управляющему.

— Скажи на милость,—обратилась Елена Егоровна къ старику:—что все это значить?

— Что такое-съ?

— Какъ что? Развѣ не знаешь? Степанъ дома?

— Никакъ нѣтъ. На мельницу уѣхалъ.

— Что онъ строить изъ себя? Я рѣшительно не понимаю этого человѣка! Зачѣмъ онъ ушелъ отъ меня?

— Не знаемъ, барыня. Нешто мы знаемъ?

— Ужасно некрасиво съ его стороны! Онъ оставилъ меня безъ кучера! По его милости, Феликсу Адамовичу приходится самому запрягать лошадей и править. Ужасно глупо! Вы поймите, что это наконецъ глупо! Жалованья ему показалось мало, что ли?

— А Христось его знаетъ!—отвѣчалъ старикъ, косясь

на управляющаго, который засматривалъ въ окна.—Намъ не говорить, а въ голову къ нему не залѣзешь. Ушелъ, говоритъ, да и шабашъ! Своя воля! Должно полагать, жалованья мало показалось!

— А это кто подъ образами на лавкѣ лежитъ?—спросилъ Феликсъ Адамовичъ, глядя въ окно.

— Семенъ, батюшка! А Степана пѣту.

— Дерзко съ его стороны!—продолжала барыня, закуривая папирску.—Мосье Ржевецкій, сколько получалъ онъ у насъ жалованья?

— Десять рублей въ мѣсяцъ.

— Если ему показалось мало десяти, то я могла бы дать пятнадцать! Не сказалъ ни слова и ушелъ! Честно это? Добросовѣстно?

— Говорилъ вѣдь я, что никогда не слѣдуетъ церемониться съ этимъ народомъ!—заговорилъ Ржевецкій, отчеканивая каждый слогъ и стараясь не дѣлать ударенія на предпоследнемъ слогѣ.—Вы разбаловали этихъ дармоѣдовъ! Никогда не слѣдуетъ заразомъ отдавать всего жалованья! Къ чему это? Да и зачѣмъ вы хотите прибавить жалованья? И такъ придетъ! Онъ договорился, нанялся! Скажи ему,—обратился полякъ къ Максиму:—что онъ свинья и больше ничего!

— Finissez donc!

— Слышишь, мужикъ? Нанялся — такъ и служи, а не уходи, когда тебѣ вздумается, чортъ! Пусть только не придетъ завтра! Я покажу ему не слушаться! И вамъ достанется! Слышишь, старуха?

— Finissez, Ржевецкій!

— Всѣмъ достанется! Не являйся тогда ко мнѣ въ контору, старый собака! Съ вами церемониться?! Вы развѣ люди? Развѣ вы понимаете хорошія слова? Вы только тогда понимаете, ежели васъ по шеямъ бьютъ и дѣлаютъ вамъ непріятности! Чтобъ ходилъ завтра!

— Я скажу ему. Отчего не сказать? Сказать можно...

— Скажи ему, что прибавлю ему жалованья,—сказала Елена Егоровна.—Не могу же я быть безъ кучера. Когда пайду другого, пусть тогда и уходитъ, если ему угодно. Завтра утромъ чтобы опять былъ у меня! Скажите ему, что я глубоко оскорблена его невѣжливымъ поступкомъ! И вы, бабушка, скажите! Надѣюсь, что онъ будетъ у меня и не заставитъ посылать за собой. Подойди сюда, бабушка! На тебѣ, милая! Чтò, небось

трудно управляться съ такими большими дѣтьми? Бери, милая!

Барыня вынула изъ кармана хорошенькій портсигаръ, потянула изъ-подъ папиросъ желтую бумажку и подала ее старухѣ.

— Если же не придетъ,—прибавила барыня:—то намъ придется поссориться, что было бы крайне нежелательно. Но я надѣюсь... Вы ему посоветуете. Ѣдьте, Феликсъ Адамовичъ! Прощайте.

Ржевецкій вскочилъ въ коляску, взявъ въ руки вожжи, и коляска покатила по мягкой дорогѣ.

— Сколько дала?—спросилъ старикъ.

— Рупь.

— Дай сюда!

Старикъ взявъ рубль, погладилъ его обѣими ладонями, бережно сложилъ и спряталъ въ карманъ.

— Степанъ, уѣхала!—сказалъ онъ, входя въ избу.— Я ей сбрежалъ, что ты на мельницу уѣхалъ. Перепугалась страсть какъ!..

Какъ только отѣхала коляска и скрылась изъ виду, въ окнѣ показался Степанъ. Блѣдный, какъ смерть, дрожащій, онъ выползъ наполовину изъ окна и погрозилъ своимъ большимъ кулакомъ темнѣвшему вдали саду. Садъ былъ барскій. Погрозивъ разъ шесть, онъ проворчалъ что-то, потянулся назадъ въ избу и съ шумомъ опустил раму.

Черезъ полчаса послѣ того, какъ уѣхала барыня, въ избѣ Журкина ужинали. Въ кухнѣ возлѣ самой печки за засаленнымъ столомъ сидѣли Журкинъ и его жена. Противъ нихъ сидѣлъ старшій сынъ Максима—Семенъ, временно-отпускной, съ краснымъ испитымъ лицомъ, длиннымъ, рябымъ носомъ и масляными глазками. Семенъ былъ похожъ лицомъ на отца, онъ не былъ только сѣдымъ и не имѣлъ такихъ хитрыхъ, цыганскихъ глазъ, какими обладалъ его отецъ. Рядомъ съ Семеномъ сидѣлъ второй сынъ Максима, Степанъ. Степанъ не ѣлъ, а, оперевши кулакомъ свою красивую бѣлокурую голову, смотрѣлъ на законченный потолокъ и о чемъ-то усердно мыслилъ. Ужинъ подавала жена Степана, Марья. Щи съѣли молча.

— Принимай!—сказалъ Максимъ, когда были съѣдены щи.

Марья взяла со стола пустую чашку, но не донесла ее благополучно до печи, хотя и была печь близко. Она

зашаталась и упала на скамью. Чашка выпала изъ ея рукъ и сползла съ колѣнъ на полъ. Послышались всхлипыванія.

— Никакъ кто плачетъ?—спросилъ Максимъ.

Марья зарыдала громче. Прошло минуты двѣ. Старуха поднялась и сама подала на столъ кашу. Степанъ крикнулъ и всталъ.

— Замолчи!—пробормоталъ онъ.

Марья продолжала плакать.

— Замолчи, тебѣ говорятъ!—крикнулъ Степанъ.

— Смерть не люблю бабьяго крику!—смѣло забормоталъ Семень, почесывая свой жесткій затылокъ.—Реветь и сама не знаетъ, чего реветъ! Сказано—баба! Ревѣла бы себѣ на дворѣ, коли угодно!

— Бабья слеза—капля воды!—сказалъ Максимъ.— Благо, слезъ не покупать, даромъ дадены. Ну, чего реवेशь? Эка! Перестань! Не возмутъ у тебя твоего Степку! Избаловалась! Нѣжная! Поди кашу трескай!

Степанъ нагнулся къ Марьѣ и слегка ударилъ ее по локтю.

— Ну чего? Замолчи! Тебѣ говорятъ! Э-э-э... сволочь!

Степанъ размахнулся и ударилъ кулакомъ по скамьѣ, на которой лежала Марья. По его щекѣ поползла крупная сверкающая слеза. Онъ смахнулъ съ лица слезу, сѣлъ за столъ и принялся за кашу. Марья поднялась и, всхлипывая, сѣла за печью, подальше отъ людей. Съѣла кашу.

— Марья, кваску! Знай свое дѣло, молодуха! Стыдно сопли распускать! — крикнулъ старикъ. — Не маленькая!

Марья съ блѣднымъ, заплаканнымъ лицомъ вышла и, ни на кого не глядя, подала старику ковшъ. Ковшъ заходилъ по рукамъ. Семень взялъ въ руки ковшъ, перекрестился, хлебнулъ и поперхнулся.

— Чего смѣешься?

— Ничего... Это я такъ. Смѣшное вспомнилъ.

Семень закинулъ назадъ голову, раскрылъ свой большой ротъ и захихикалъ.

— Барыня пріѣзжала?—спросилъ онъ, глядя искоса на Степана.—А? Чтѣ она говорила? А? Ха-ха!

Степанъ взглянулъ на Семена и густо покраснѣлъ.

— Пятнадцать цѣлковыхъ даетъ,—сказалъ старикъ.

— Ишь ты! И сто дастъ, лишь бы только захотѣлъ! Побей Богъ, дастъ!

Семень мигнулъ глазомъ и потянулся.

— Эхъ, кабы мнѣ такую бабу!—продолжалъ онъ.—Высосалъ бы чертовку! Сокъ выжалъ! Ввв...

Семень съежился, ударилъ по плечу Степана и захохоталъ.

— Такъ-то, душа! Больно ты комфузливъ! Нашему брату комфузиться не рука! Дуракъ ты, Степка! Ухъ, какой дуракъ!

— Вѣстимо дуракъ!—сказалъ отецъ.

Послышались опять всхлипыванія.

— Опять твоя баба реветъ! Знать, ревнива, щекотки боится! Не люблю бабьяго визгу. Какъ ножомъ рѣжетъ! Эхъ, бабы, бабы! И на какой предметъ васъ Богъ создалъ? Для какой-такой стати? Мерси за ужинъ, господа почтенные! Теперь бы вища вышить, чтобъ прекрасные сны снились! У барыни твоей, должно полагать, вина того тьма тьмуца! Пей—не хочу!

— Скотъ ты безчувственный, Сенька

Сказавши это, Степанъ вздохнулъ, взялъ въ охапку полсть и вышелъ изъ избы на дворъ. За нимъ слѣдомъ отправился и Семень.

На дворѣ тихо, безмятежно наступала лѣтняя русская почь. Изъ-за далекихъ кургановъ взошла луна. Ей навстрѣчу плыли растрепанныя облачки съ серебрившимися краями. Небосклонъ поблѣднѣлъ, и во всю ширь его разлилась блѣдная, пріятная зелень. Звѣзды слабѣй замелькали и, какъ бы испугавшись луны, втянули въ себя свои маленькіе лучи. Съ рѣки во все стороны потянуло ночью, щеки ласкающей влагой. Въ избѣ отца Григорія на всю деревню продребезжали часы девять. Жидъ-кабатчикъ съ шумомъ заперъ окна и надъ дверью вывѣсилъ засаленный фонарикъ. На улицѣ и во дворахъ ни души, ни звука... Степанъ разостлалъ на травѣ полсти, перекрестился и легъ, подложивъ подъ голову локоть. Семень крякнулъ и сѣлъ у его ногъ.

— М-да...—проговорилъ онъ.

Помолчавъ немного, Семень сѣлъ поудобнѣй, закурилъ маленькую трубочку и заговорилъ:

— Былъ сегодня у Трофима... Пиво пилъ. Три бутылки выпилъ. Хочешь покурить, Степа?

— Не желаю.

— Табакъ хорошій. Чаю бы теперь выпить! Ты у барыни пивалъ чай? Хорошій? Должно, очень хорошій? Рублей пять за фунтъ стодить, должно-быть. А есть такой

чай, что за фунтъ сто рублей стоить. Ей-Богу, есть. Хоть не пилъ, а знаю. Когда въ городѣ въ приказчикахъ служилъ, я видалъ... Одна барыня пила. Одинъ запахъ чего стоить! Нюхаль. Пойдемъ къ барынѣ завтра?

— Отстань!

— Чего жъ ты сердился? Я не ругаюсь, говорю только. Сердиться не слѣдъ. Только отчего же тебѣ не идти, чудакъ? Не понимаю! И денегъ много, и ѣда хорошая, и пей, сколько душа хочетъ... Цыгарки ея курить станешь, чаю хорошаго попьешь...

Семень помолчалъ немного и продолжалъ:

— И красивая она. Со старухой связаться бѣда, а съ этой—счастье! (Семень сплюнулъ и помолчалъ). Огонь баба! Огненный огонь! Шея у ней славная, пухлая такая...

— А ежели душѣ грѣхъ?—спросилъ вдругъ Степанъ, повернувшись къ Семену.

— Грѣхъ? Откудова грѣхъ? Бѣдному человѣку ничего не грѣхъ.

— Въ пекло къ чорту и бѣдный пойдетъ, ежели... А пешто я бѣдный? Я не бѣдный.

— Да какой тутъ грѣхъ? Вѣдь не ты къ пей, а она къ тебѣ! Пугало ты!

— Разбойникъ, и разсужденіе разбойниче...

— Глупый ты человѣкъ!—сказалъ, вздыхая, Семень.— Глупый! Счастья своего не понимаешь! Не чувствуешь! Денегъ, должно-быть, у тебя много... Не нужны, знать, тебѣ деньги.

— Нужны, да не чужія.

— Ты не украдешь, а она сама, собственной ручкой тебѣ дастъ. Да что съ тобой дуракомъ толковать. Какъ объ стѣну горохомъ... Мантифолію на укусѣ разводитъ съ тобой только.

Семень всталъ и потянулся.

— Будешь каяться, да поздно будетъ! Я съ тобой опосля этого и знаться не хочу. Не брать ты мнѣ. Чортъ съ тобою... Возись съ своей дурой коровой...

— Марья-то корова?

— Марья.

— Гм... Ты этой самой коровѣ и подъ башмакъ не годишься. Ступай!

— И тебѣ было бы хорошо, и... намъ хорошо. Дууракъ!!

— Ступай!

— И уйду... Бить тебя некому!

Семень повернулся и, пошвыстывая, поплелся къ избѣ. Мицуть черезъ пять около Степана зашуршала трава. Степанъ поднялъ голову. Къ нему шла Марья. Марья подошла, постояла и легла рядомъ съ Степаномъ.

— Не ходи, Степа!—зашептала она.— Не ходи, мой родной! Загубитъ тебя! Мало ей, окаянной, поляка, ты еще понадобился. Не ходи къ ней, Степунька!

— Не лѣзь!

На лицо Степана мелкимъ дождемъ закапали Марьины слезы.

— Не губи ты меня, Степанъ! Не бери грѣха на душу. Люби меня одну, не ходи къ другимъ! Со мной повѣчалъ Богъ, со мной и живи. Спрота я.. Только одинъ ты у меня и есть.

— Отстань! Аа... сатана! Сказаль—не пойду!

— То-то... И не ходи, миленькій! Въ тягости я, Степушка... Дѣтки скоро будутъ... Не бросай насъ, Богъ накажетъ! Отецъ-то съ Семкой такъ и норовятъ, чтобы ты пошелъ къ ней, а ты не ходи... Не гляди на нихъ. Звѣри, а не люди.

— Спи!

— Сплю, Степа... Сплю.

— Марья!—послышался голосъ Максима.— Гдѣ ты? Поди, мать зоветь.

Марья вскочила, поправила волосы и побѣжала въ избу. Къ Степану медленно подошелъ Максимъ. Онъ уже раздѣлся и въ нижнемъ платьѣ былъ похожъ на мертвеца. Луна играла на его лысинѣ и свѣтилась въ его цыганскихъ глазахъ.

— Идешь къ барынѣ завтра, аль послѣзавтра?—спросилъ онъ Степана.

Степанъ не отвѣчалъ.

— Коли итти, такъ итти завтра, да пораньше. Небось, лошади не чищены. Да не забудь, что пятнадцать обѣщала. За десять не иди.

— Я никакъ не пойду,—сказаль Степанъ.

— Чего такъ?

— Да такъ... Не желаю...

— Отчего же?

— Сами знаете.

— Такъ... Смотри, Степа, какъ бы мнѣ не пришлось драть тебя на старости лѣтъ!

— Дерите.

— Можешь ли такъ родителямъ отвѣчать? Кому отвѣчаешь? Смотри ты! Молоко еще на губахъ не высохло, а грубости отцу говоришь.

— Не пойду, вотъ и все! Въ церковь ходите, а грѣха не боитесь.

— Тебя же глупаго отдѣлить хочу! Избу новую надоть строить, аль нѣтъ? Какъ по-твоему? Къ кому за лѣсомъ пойдешь? Къ Стрѣльчихѣ, небось? У кого денегъ займы взять? У ней или не у ней? Она и лѣсу дастъ и денегъ дастъ. Наградить!

— Пуцай другихъ награждаетъ. Миѣ не нужно.

— Отдеру!

— Ну и дерите! Дерите!

Максимъ улыбнулся и протянулъ впередъ руку. Въ его рукѣ была плеть.

— Отдеру, Степанъ.

Степанъ повернулся на другой бокъ и сдѣлалъ видъ, что ему мѣшаютъ спать.

— Такъ не пойдешь? Ты это вѣрно говоришь?

— Вѣрно. Побей Богъ мою душу, ежели пойду.

Максимъ поднялъ руку, и Степанъ почувствовалъ на плечѣ и щекѣ сильную боль. Степанъ вскочилъ, какъ сумасшедшій.

— Не дерись, тятка!—закричалъ онъ.—Не дерись! Слышишь? Ты не дерись!

— А что?

Максимъ подумалъ и еще разъ ударилъ Степана. Ударилъ и въ третій разъ.

— Слушай отца, коли онъ велить! Пойдешь, прохвость!

— Не дерись! Слышишь?

Степанъ заревѣлъ и быстро опустился на полсть.

— Я пойду! Хорошо! Пойду... Только помни! Жизни радъ не будешь! Проклянешь!

— Ладно. Для себя пойдешь, а не для меня. Не миѣ новая изба нужна, а тебѣ. Говорилъ—отдеру, ну и отдралъ.

— По... пойду! Только... только помянешь эту плеть!

— Ладно. Страшай. Поговори ты миѣ еще!

— Хорошо... Пойду...

Степанъ пересталъ ревѣть, повернулся на животъ и заплакалъ тише.

— Плечами задергалъ! Расхныкался! Ревни больше! Завтра пораньше пойдешь. За мѣсяцъ впередъ возьми.

Да и за четыре дня, что прослужилъ, возьми. Твоей же кобылѣ на платокъ сгодится. А за плеть не серчай. Отецъ я... Хочу—бью, хочу—милую. Такъ-то-ся... Спи!

Максимъ погладилъ бороду и повернулъ къ избѣ. Степану показалось, что Максимъ, вошедши въ избу, сказалъ: «Отодраль!» Послышался смѣхъ Семена.

Въ избѣ отца Григорія жалобно заиграло разстроенное фортепіано: въ девятомъ часу поповна обыкновенно занималась музыкой. По деревнѣ понеслись тихіе странные звуки. Степанъ всталъ, перелѣзъ черезъ плетень и пошелъ вдоль по улицѣ. Онъ шелъ къ рѣкѣ. Рѣка блестя, какъ ртуть, и отражала въ себѣ небо съ луной и со звѣздами. Тишина царила кругомъ гробовая. Ничто не шевелилось. Лишь изрѣдка вскрикивалъ сверчокъ... Степанъ сѣлъ на берегу, надъ самой водой, и подперъ голову кулакомъ. Мрачныя думы, смѣняя одна другую, закопошились въ его головѣ.

На другой сторонѣ рѣки высились высокіе, стройные тополи, окружавшіе барскій садъ. Сквозь деревья просвѣчивалъ огонекъ изъ барскаго окна. Барыня, должно-быть, не спала. Думалъ Степанъ, сидя на берегу, до тѣхъ поръ, пока ласточки не залетали надъ рѣкой. Онъ поднялся, когда уже свѣтилась въ рѣкѣ не луна, а взошедшее солнце. Поднявшись, онъ умылся, помолился на востокъ и быстро, рѣшительнымъ шагомъ зашагалъ вдоль берега къ броду. Перешедши неглубокій бродъ, онъ направился къ барскому двору...

II.

— Степанъ пришелъ?—спросила, проснувшись на другой день, Елена Егоровна.

— Пришелъ!—отвѣчала горничная.

Стрѣлкова улыбнулась.

— А-а-а... Хорошо. Гдѣ онъ теперь?

— На конюшнѣ.

Барыня вскочила съ кровати, быстро одѣлась и пошла въ столовую пить кофе.

Стрѣлкова была на видъ еще молода, моложе своихъ лѣтъ. Только глаза одни выдавали, что она успѣла уже прожить большую часть бабьяго вѣка, что ей уже за тридцать. Глаза у нея каріе, глубокіе, недовѣрчивые, скорѣй мужскіе, чѣмъ женскіе. Красива она не была, но нравиться могла. Лицо было полное, симпатичное, здоровое, а шея,

о которой говорилъ Семень, и бюсть были великолѣпныя. Если бы Семень зналъ цѣпу красивымъ ножкамъ и ручкамъ, то онъ навѣрное не умолчалъ бы и о ножкахъ и ручкахъ помѣщицы. Одѣта она была во все простенькое, легкое, лѣтнее. Прическа самая незатѣйливая. Стрѣлкова была лѣнива и не любила возиться съ туалетомъ. Имѣніе, въ которомъ она жила, принадлежало ея брату холостяку, который жилъ въ Петербургѣ и очень рѣдко думалъ о своемъ имѣніи. Жила она въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ разошлась съ мужемъ. Мужъ ея, полковникъ Стрѣлковъ, очень порядочный человѣкъ, жилъ тоже въ Петербургѣ и думалъ о своей женѣ менѣе, чѣмъ ея братъ о своемъ имѣніи. Она разошлась съ мужемъ, не проживши съ нимъ и года. Она измѣнила ему на двадцатый день послѣ свадьбы.

Сѣвши пить кофе, Стрѣлкова приказала позвать Степана. Степанъ явился и сталъ у двери. Онъ былъ блѣденъ, не причесанъ и глядѣлъ, какъ глядитъ пойманный волкъ: зло и мрачно. Барыня взглянула на него и слегка покраснѣла.

— Здравствуй, Степанъ!—сказала она, наливая себѣ кофе.—Скажи, пожалуйста, что это ты за фокусы строишь? Съ какой стати ты ушелъ? Пожилъ четыре дня и ушелъ! Ушелъ не спросясь. Ты долженъ былъ спроситься!

— Я спрашивался,—промычалъ Степанъ.

— У кого ты спрашивался?

— У Фелкса Адамыча.

Стрѣлкова помолчала и спросила:

— Ты разсердился, что ли? Степанъ, отвѣчай! Я спрашиваю! Ты разсердился?

— Ежели бы вы не говорили такихъ словъ, то я не ушелъ бы. Я для лошадей поставленъ, а не для...

— Объ этомъ не будемъ говорить... Ты меня не понималъ, вотъ, въ все. Сердиться не слѣдуетъ. Я ничего не сказала такого особеннаго. А если и сказала что-нибудь такое, что ты находишь для себя обиднымъ, то ты... то ты... Вѣдь я все-таки... Я имѣю право и сказать лишнее... Гм... Я тебѣ прибавляю жалованья. Надѣюсь, что у насъ съ тобой теперь недоразумѣній никакихъ не будетъ.

Степанъ повернулся и шагнулъ назадъ.

— Пстой, постой!—остановила его Стрѣлкова.—Я еще не все сказала. Вотъ что, Степанъ... У меня есть новая кучерская одежда. Возьмешь ее и надѣнешь, а та, что на

тебѣ, никуда не годится. Одежа у меня есть красивая. Я пришла тебѣ ее съ Федоромъ.

— Слушаю.

— Какое у тебя лицо. Все еще дуешься? Неужели такъ обидно? Ну, полно... Я вѣдь ничего... У меня тебѣ хорошо будетъ жить... Всѣмъ будешь доволенъ. Не сердись... Не сердись?

— Да нешто намъ можно сердиться?

Степанъ махнулъ рукой, замигалъ глазами и отвернулся.

— Что съ тобой, Степанъ?

— Ничего... Нешто намъ можно сердиться? Намъ нельзя сердиться...

Барыня поднялась, сдѣлала озабоченное лицо и подошла къ Степану.

— Степанъ, ты... ты плачешь?

Барыня взяла Степана за рукавъ.

— Что съ тобой, Степанъ? Что съ тобой? Говори же наконецъ? Тебя кто обидѣлъ?

У барыни навернулись на глазахъ слезы.

— Да ну же!

Степанъ махнулъ рукой, усиленно замигалъ глазами и заревѣлъ.

— Барыня! — забормоталъ онъ. — Буду тебя любить... Буду все, что хочешь! Согласенъ! Только не давай ты имъ, окаяннымъ, ничего! Ни копейки, ни щепки! На все согласенъ! Продамъ душу нечистому, не давай имъ только шчего!

— Кому имъ?

— Отцу и брату... Ни щепки! Пусть подохнутъ, окаянные, отъ злости!

Барыня улыбнулась, вытерла глаза и тихо засмѣялась.

— Хорошо, — сказала она. — Ну, ступай! Тебѣ сейчасъ твою одежку пришлю.

Степанъ вышелъ.

«Какъ хорошо, что онъ глупъ! — подумала барыня, глядя ему вслѣдъ и любуясь его широчайшими плечами. — Онъ избавилъ меня отъ объясненія... Онъ первый заговорилъ о «любви»...

Подъ вечеръ, когда заходящее солнце обливало пурпуромъ небо, а золотомъ землю, по безкопечной степной дорогѣ отъ села къ далекому горизонту мчались, какъ бѣшеные, стрѣлковскіе кони... Коляска подпрыгивала, какъ

мячикъ, и безжалостно рвала на своемъ пути рожь, склонившую къ дорогѣ свои отяжелѣвшіе колосья. На козлахъ сидѣлъ Степанъ, нестово стегалъ по лошадямъ и, казалось, старался перервать на тысячу частей вожжи. Онъ былъ одѣтъ съ большимъ вкусомъ. Видно было, что на его туалетъ потрачено было немало времени и денегъ. Недешевый бархатъ и кумачъ плотно сидѣли на его крѣпкой фигурѣ. На груди его висѣла цѣпочка съ брелками. Сапоги гармоникой были вычищены самой настоящей ваксой. Кучерская шляпа съ павлиньимъ перомъ едва касалась его завитыхъ бѣлокурыхъ волосъ. На лицѣ его были написаны тупая покорность и въ то же время ярое бѣшенство, жертвою котораго были лошади... Въ коляскѣ, развалиясь всеми членами, сидѣла барыня и широкой грудью вдыхала въ себя здоровый воздухъ. На щекахъ ея игралъ молодой румянецъ... Она чувствовала, что она наслаждается жизнью.

— Важно, Степа! Важно! — покрикивала она. — Такъ его! Погоняй! Вѣтромъ!

Будь подъ колесами камни, камни бѣ разсыпались въ искры... Село удалялось отъ нихъ все болѣе и болѣе... Скрылись избы, скрылись барскіе амбары... Скоро не стало видно и колокольни... Наконецъ село обратилось въ дымчатую полосу и потонуло въ дали. А Степанъ все гналъ и гналъ. Хотѣлось ему подальше умчаться отъ грѣха, котораго онъ такъ боялся. Но нѣтъ, грѣхъ сидѣлъ за его плечами, въ коляскѣ. Не пришлось Степану улепетнуть. Въ этотъ вечеръ степь и небо были свидѣтелями, какъ онъ продавалъ свою душу.

Часу въ одиннадцатомъ кони мчались обратно. Пристяжная хромала, а коренной былъ покрытъ пѣной. Барыня сидѣла въ углу коляски и съ полузакрытыми глазами ежилась въ своей тальмѣ. На губахъ ея играла довольная улыбка. Дышалось ей такъ легко, спокойно. Степанъ ѣхалъ и думалъ, что онъ умираетъ. Въ головѣ его было пусто, туманно, а въ груди грызла тоска...

Каждый день подъ вечеръ изъ конюшни выводились свѣжія лошади. Степанъ впрягалъ ихъ въ коляску и ѣхалъ къ садовой калиткѣ. Изъ калитки выходила сіяющая барыня, садилась въ коляску — и пачишалась бѣшеная ѣзда. Ни одинъ день не былъ свободенъ отъ этой ѣзды. Къ несчастью Степана, на его долю не выпало ни одного дождливаго вечера, въ который онъ могъ бы не ѣхать.

Послѣ одной изъ такихъ поѣздокъ Степанъ, воротившись со стени, вышелъ со двора и пошелъ походить по берегу. Въ головѣ у него по обыкновенію стоялъ туманъ, не было ни одной мысли, а въ груди страшная тоска. Ночь была хорошая, тихая. Тонкіе ароматы носились по воздуху и нѣжно заигрывали съ его лицомъ. Вспомнилъ Степанъ деревню, которая темнѣла за рѣкой, передъ его глазами. Вспомнилъ избу, огородъ, свою лошадь, скамью, на которой онъ спалъ съ своей Марьей и былъ такъ доволенъ... Ему стало невыносимо больно...

— Степа!—услышалъ онъ слабый голосъ.

Степанъ оглянулся. Къ нему шла Марья. Она только-что перешла бродъ и въ рукахъ держала башмаки.

— Степа, зачѣмъ ты ушелъ?

Степанъ тупо посмотрѣлъ на нее и отвернулся.

— Степушка, на кого ты меня, сироту, оставилъ?

— Отстань!

— Вѣдь Богъ накажетъ, Степушка! Тебя же накажетъ. Пошлетъ тебѣ лютую смерть, безъ покаянія. Помянешь мое слово! Дядя Трофимъ жилъ съ солдаткой— поминишь?—и какъ умеръ? И не дай Господи!

— Чего пристала? Эх...

Степанъ сдѣлалъ два шага впередъ. Марья ухватилась обѣими руками за кафтанъ.

— Жена вѣдь я твоя, Степанъ! Не можешь ты меня такъ бросить! Степушка!

Марья заголосила.

— Миленькій! Буду ноги мыть и воду нить! Пойдемъ домой!

Степанъ рванулся и ударилъ Марью кулакомъ; ударилъ такъ, съ горя. Ударъ пришелся какъ разъ по животу. Марья ёкнула, ухватилась за животъ и сѣла на землю.

— Охъ!—простонала она.

Степанъ замгаль глазами, хватилъ себя по виску кулакомъ и, не оглядываясь, пошелъ ко двору.

Пришедши къ себѣ въ конюшню, онъ упалъ на скамью, положилъ подушку на голову и больно укусилъ себя за руку.

Въ это время барыня сидѣла у себя въ спальнѣ и гадала: будетъ ли завтра вечеромъ хорошая погода, или ить? Карты говорили, что будетъ хорошая.

III.

Рано утромъ Ржевецкій ѣхалъ домой отъ сосѣда, у котораго онъ былъ въ гостяхъ. Солнце еще не взошло. Было часа четыре утра, не больше. Въ головѣ Ржевецкаго шумѣло. Онъ правилъ лошадей и слегка покачивался. Половину дороги пришлось ему ѣхать лѣсомъ.

— Что за чортъ?—подумалъ онъ, подѣзжая къ имѣнью, въ которомъ онъ былъ управляющимъ.—Никакъ кто лѣсъ рубить!

Изъ чащи лѣса дописались до ушей Ржевецкаго стукъ и трескъ вѣтвей. Ржевецкій наострилъ уши, подумалъ, выбранился, недовко слѣзъ съ бѣговыхъ дрожекъ и пошелъ въ чащу.

Семень Журкинъ сидѣлъ на землѣ и топоромъ обрубалъ зеленныя вѣтви. Около него лежало три срубленныя ольхи. Въ сторонѣ стояла лошадь, впряженная въ дроги, и ѣла траву. Ржевецкій увидѣлъ Семена. Вмигъ съ него слетѣли и хмель и дремота. Онъ поблѣднѣлъ и подскочилъ къ Семену.

— Ты что же это дѣлаешь? А?—закричалъ онъ.

— Ты что же это дѣлаешь? А?—отвѣтила эхо.

Но Семень ничего не отвѣчалъ. Онъ закурилъ трубку и продолжалъ свою работу.

— Что ты дѣлаешь, подлець, я тебя спрашиваю?

— Не видишь развѣ? Повылазило у тебя нешто?

— Что-о-о? Что ты сказалъ?! Повтори!

— То сказалъ, что ступай мимо!

— Что, что, что?

— Мимо ступай! Кричать нечего...

Ржевецкій покраснѣлъ и пожалъ плечами.

— Каковъ? Да какъ ты смѣешь?

— Такъ вотъ и смѣю. Да ты-то что? Не испужался! Много васъ! Ежели каждаго ублажать, такъ на это много вужно...

— Какъ ты смѣешь лѣсъ рубить? Онъ твой?

— И не твой.

Ржевецкій поднялъ пагайку и не ударилъ Семена только потому, что тотъ указалъ ему на топоръ.

— Не знаешь ли ты, негодяй, чей это лѣсъ?

— Знаю, пане! Стрѣльчихинъ лѣсъ, съ Стрѣльчихой и говорить буду. Ея лѣсъ, ей и отвѣчать стану. А ты-то что? Лакей! Фицантъ! Тебя не знаю. Проходи, прохожий! Маршъ.

Семень постуцалъ трубкой о топоръ и язвительно улыбулся.

Ржевецкїи побѣжалъ къ дрожкамъ, ударилъ вожжами и стрѣлой полетѣлъ къ селу. Въ селѣ набралъ онъ поштыхъ и съ ними помчался къ мѣсту преступленія. Поштыге застали Семена за его работой. Вмигъ закипѣло дѣло. Явились староста, подстароста, писарь, сотекіе. Написали нѣсколько бумагъ. Расписался Ржевецкїи, заставили расписаться и Семена. Семень только поемѣивался.

Передъ обѣдомъ Семень явился къ барынѣ. Барыня уже знала о порубкѣ. Не поздоровавшись, онъ началъ съ того, что жить нельзя, что полякъ дерется, что онъ только три деревца и т. д.

— Какъ же ты смѣешь чужой лѣсъ рубить?—вскипѣла барыня.

— Мученіе отъ него одно только,—промычалъ Семень, любуясь вѣшнкой барыни и желая во что бы то ни стало донять поляка. — Что ни слово — то тресъ! Развѣ такъ возможно? Да поровитъ все по лицу! Этакъ нельзя.. Вѣдь и мы тоже люди.

— Какъ ты смѣешь мой лѣсъ рубить, я тебя спрашиваю? Негодай!

— Да онъ вамъ навралъ, барыня! Я, подлинно... рубилъ... Сознаю... Да зачѣмъ онъ дерется!

Въ барынѣ выиграла барская кровь. Она забыла, что Семень братъ Степана, забыла свою благовоспитанность, все на свѣтъ, и ударила по щекѣ Семена.

— Убери сейчасъ же свою мужицкую харю! — закричала она. — Воиъ сію минуту!

Семень сконфузился. Онъ ни въ какомъ случаѣ не ожидалъ такого скандала.

— Прощайте-сь!—сказалъ онъ и глубоко вздохнулъ. — Что жъ дѣлать-сь! Что жъ!

Семень забормоталъ и вышелъ. Даже шапку забылъ надѣть, когда вышелъ на дворъ.

Часа черезъ два къ барынѣ явился Максимъ. Лицо его было вытянуто, глаза пасмурны. По лицу видно было, что онъ пришелъ наговорить или натворить что-нибудь дерзкое.

— Что тебѣ? — спросила барыня.

— Здравствуйте! Я, барыня, больше насчетъ того, чтобъ васъ попросить. Лѣску бы, барыня, Степану избу хочу строить, а лѣсу нѣту. Досочекъ бы дали.

— Что жъ? Изволь.

Лицо Максима просіяло.

— Избу строить нужно, а лѣсу иѣту. Последнее дѣло! Сѣльщи хлебать, а щей иѣту. Хе-хе. Досочекъ... тесу... Тутъ Семка дерзостей наговорилъ... Вы ужъ не сердчайте, барыня. Дуракъ дуракомъ. Дурь еще изъ головы не вышла. Народъ такой. Такъ прикажете, барыня, за лѣсомъ прѣзжать?

— Прѣзжай.

— Такъ вы Феликсу Адамычу извольте сказать. Дай Богъ вамъ здоровья! Теперь у Степки изба будетъ.

— Только я дорого возьму, Журкинъ! Я лѣса, самъ знаешь, не продаю, самой нуженъ, а если продаю, то дорого.

Лицо Максима вытянулось.

— То-есть какъ?

— Да такъ. Во-первыхъ, деньги сейчасъ же, а во-вторыхъ...

— За деньги я не желаю.

— А какъ ты желаешь?

— Известно какъ... Сами знаете. Нонче какія у мужика деньги? Грошъ, да и того иѣтъ.

— Даромъ я не дамъ.

Максимъ сжалъ въ кулакъ шапку и началъ глядѣть въ потолокъ.

— Вы это вѣрно говорите?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Вѣрно. Еще имѣешь что сказать?

— Что мнѣ говорить? Лѣсу не даете, такъ зачѣмъ я съ вами говорить стану? Прощайте. Только напрасно лѣсу не даете... Жалтъ будете... Мнѣ паплевать, а вы пожалѣете... Степанъ на конюшнѣ?

— Не знаю.

Максимъ значительно поглядѣлъ на барыню, кашлянулъ, помялся и вышелъ. Его передернуло отъ злости. «Такъ вотъ ты какая шельма!» — подумалъ онъ и отправился въ конюшню.

Въ конюшнѣ въ это время Степанъ сидѣлъ на скамьѣ и лѣживо, сидя, чистилъ бокъ стоявшей передъ нимъ лошади. Максимъ не вошелъ въ конюшню, а сталъ у двери.

— Степанъ!—сказалъ онъ.

Степанъ не отвѣчалъ, не взглянулъ на отца. Лошадь пошатнулась.

— Собирайся домой!—сказалъ Максимъ.

— Не желаю.

— Можешь ли ты мигъ это говорить?

— Значить, могу, коли говорю.

— Я приказываю!

Степанъ вскочилъ и захлопнулъ конюшенную дверь передъ носомъ Максима.

Вечеромъ къ Степану прибѣжалъ изъ деревни мальчикъ и рассказалъ ему, что Максимъ выгналъ Марью изъ дома, и что Марья не знаетъ, гдѣ ей переночевать.

— Она теперь сидитъ около церкви и плачетъ,—разсказывалъ мальчишка:—а вокругъ нея народъ собрался да тебя ругаетъ.

На другой день утромъ, когда въ барскомъ домѣ еще спали, Степанъ надѣлъ свою старую одежду и пошелъ въ деревню. Звонили къ обѣднѣ. Утро было воскресное, свѣтлое, веселое,—только бы жить да радоваться! Степанъ прошелъ мимо церкви, туло взглянуть на колокольню и зашагалъ къ кабаку. Кабакъ открывается, къ несчастью, раньше, чѣмъ церковь. Когда онъ вошелъ въ кабакъ, у прилавка уже торчали пьющие.

— Водки!—скомандовалъ Степанъ.

Ему налили водки. Онъ выпилъ, посидѣлъ и еще выпилъ. Степанъ опьянѣлъ и сталъ подносить. Началась шумная попойка.

— Много ты у Стрѣльчихи жалованья получаешь?—спросилъ Сидоръ.

— Сколько слѣдуетъ. Ней, осель!

— Доброе дѣло. Съ праздникомъ, Степанъ Максимычъ! Съ воскреснымъ днемъ! А вы что же?

— И я... И я пью...

— Очень пріятно... Все это, собственно говоря, очень благополучно и обольстительно, Степанъ Максимычъ! А позвольте васъ спросить, рублей десять получаете?

— Ха-ха! Развѣ можно барину на десять цѣлковыхъ прожить? Что ты? Онъ сто получаетъ!

Степанъ посмотрѣлъ на сказавшаго это и узналъ въ немъ брата Семена, который сидѣлъ въ углу на скамьѣ и пилъ. Изъ-за Семена выглядывала пьянѣющая физіономія дячка Манафуилова и пресхладно улыбалась.

— Позвольте васъ спросить, господишь, —заговорилъ Семень, снимая шапку:— у барыни хорошія лошади или нѣтъ? Вамъ идривается?

Степанъ молча налилъ себѣ водки и молча выпилъ.

— Должно-быть, очень хорошія. — продолжалъ Се-

мень.—Только жаль, что кучера нѣтъ. Безъ кучера не того...

Манафуиловъ подошелъ къ Степану и покачалъ головой.

— Ты... Гы... свинья!—сказалъ онъ. — Свинья! И тебѣ не грѣхъ? Православные! Ему не грѣхъ? А что въ Писаніи сказано, а

— Остаецъ! Дурь!

— Дурь... Ты зато умный. Кучеръ, а не при лошадахъ. Хе-хе... Она вамъ и кофію даетъ?

Степанъ размахнулся и ударилъ бутылкой по большой головѣ Манафуилова. Манафуиловъ пошатнулся и продолжалъ

— Любовь! Какое это чувство... Фф... Жаль, повѣчаться нельзя. Баринномъ быть бы! А изъ него, ребята, славный баринъ вышелъ бы! Строгий баринъ, развитой!

Послышался хохотъ. Степанъ размахнулся и въ другой разъ ударилъ бутылкой по той же головѣ. Манафуиловъ пошатнулся и на этотъ разъ упалъ.

— Ты чего же это дерешься? — закричалъ Семень, наступая на брата.—Повѣчайся — тогда и дерись! Ребята, чего онъ дерется? Чего ты дерешься, я спрашиваю?

Семень прищурилъ глаза, взялъ Степана за грудь и ударилъ его подъ ложечку. Поднялся Манафуиловъ и замахалъ своими длинными пальцами передъ глазами Степана.

— Ребята! Драка! Эй-Богу, драка! Наширай!

Въ кабацкѣ зашумѣли. Говоръ смѣшался со смѣхомъ.

У кабацкихъ дверей столпился народъ. Степанъ схватилъ Манафуилова за воротникъ и швырнулъ его въ дверь. Дьячокъ взвизгнулъ и шаромъ покатился по ступенямъ. Захохотали сильнѣй. Народу набилось въ кабакъ полпехонько. Сидоръ вмѣшался не въ свое дѣло и, самъ не зная за что, ударилъ Степана по спинѣ. Степанъ схватилъ Семена за плечо и швырнулъ его въ дверь. Семень ударился головой о косякъ, сбѣжалъ по ступенькамъ и упалъ мокрымъ лицомъ въ пыль. Къ нему подскочилъ братъ и заплясалъ на его животѣ. Онъ заплясалъ съ остервенѣніемъ, съ наслажденіемъ, высоко подпрыгивая. Прыгалъ онъ долго...

Зазвонили «достойно». Степанъ посмотрѣлъ кругомъ. Вокругъ него торчали смѣющіяся рожи: одна другой пьянѣй и веселѣй. Множество рожъ! Съ земли поднимался

растрепанный, окровавленный Семень съ сжатыми кулаками, съ звѣрскимъ лицомъ. Манафуиловъ лежалъ въ пыли и плакалъ. Пыль облѣпила его глаза. Кругомъ и и около было чортъ знаетъ что!

Степанъ встрепенулся, поблѣднѣлъ и побѣжалъ, какъ сумасшедшій. За нимъ погнались.

— Лови! Лови! — закричали ему вельдь. — Держи! убить!

Степана охватилъ ужасъ. Ему показалось, что если его догонять, то непременно убьютъ. Онъ побѣжалъ быстрѣй.

— Лови! Держи!

Онъ, самъ того не замѣчая, добѣжалъ до отцовскаго дома. Ворота были открыты настежь, и обѣ половинки ихъ покачивались отъ вѣтра... Онъ вбѣжалъ во дворъ.

На кучѣ щепы и стружекъ въ трехъ шагахъ отъ воротъ сидѣла его Марья. Поджавъ подъ себя ноги и протянувъ впередъ свои обезпѣвшія руки, она не отрывала глазъ отъ земли. При видѣ Марьи въ избураженныхъ и опьяненныхъ мозгахъ Степана вдругъ мелькнула свѣтлая мысль...

Бѣжать отсюда, бѣжать подальше съ этой блѣдной, какъ смерть, забитой, горячо-любимой женщиной. Бѣжать подальше отъ этихъ изверговъ, въ Кубань, наиримѣрь... А какъ хороша Кубань! Если вѣрить письмамъ дяди Петра, то какое чудное приволье на Кубанскихъ степяхъ! И жизнь тамъ шире, и лѣто длиннѣй, и народъ удаче... На первыхъ порахъ они, Степанъ и Марья, въ работникахъ будутъ жить, а потомъ и свою земельку заведутъ. Тамъ не будетъ съ ними ни лысаго Максима съ цыганскими глазами, ни ехидно и пьяно улыбающагося Семена...

Съ этой мыслью онъ подошелъ къ Марьѣ и остановился передъ ней... А голова между тѣмъ кружилась отъ хмеля, въ глазахъ мелькали цвѣтныя пятна, во всемъ тѣлѣ чувствовалась боль... Онъ едва стоялъ на ногахъ...

— Въ Кубань... того... — проговорилъ онъ, чувствуя, что его языкъ теряетъ способность говорить... — Въ Кубань... Къ дядкѣ Петру... Знаешь? Что письма писалъ...

Но не тутъ-то было! Разлетѣлась въ пухъ и прахъ Кубань... Марья подняла свои умоляющіе глаза на его блѣдное, шальное лицо, наполовину закрытое давно уже нечесаными волосами, и поднялась... Губы ея задрожали...

— Это ты, разбойникъ?—заголосила она.—Ты? Рожу, знать, въ кабакъ раскроили? Проклятый! Мучитель ты мой. Пущай тебѣ на томъ свѣтѣ такъ будетъ злодѣю, какъ ты высосалъ меня всю! Убилъ ты меня, сироту.

— Молчи!

— Лютые! Не жалѣете вы души христіанской! Замучили всю, разбойники... Душегубецъ ты, Степка! Матерь Божія накажетъ тебя! Пстой! Задаромъ тебѣ это самое не пройдетъ! Ты думаешь, что только одна я мучусь? И не думай... И ты мучишься...

Степанъ замигалъ глазами и пошатнулся.

— Молчи! Ну, Христа ради!

— Пьяница! Знаю, на чьи деньги ты пьянъ... Знаю, разбойникъ! Отъ радости нъешь? Знать, весело?

— Молчи! Машка! Ну...

— А пришелъ чего? Чего надо? Похвастанъ пришелъ? И безъ хвастанья знаемъ... Весь міръ знаетъ... Глаза, небось, цѣлый день тобой колютъ, окаинный...

Степанъ топнулъ ногой, пошатнулся и, сверкая глазами, толкнулъ локтемъ Марью...

— Молчи, говорятъ! Не хватай за сердце!

— Буду говорить! Ты драться? Ну что жь... Бей... Бей сироту. Одинъ конецъ... Какой ласки ждать? Знай бей... Добивай, разбойникъ! На что я нужна тебѣ? У тебя барыня есть... Богатая... Красивая... И хамка, а она дворянка... Чего жь не бьешь, разбойникъ?

Степанъ размахнулся и изо всей силы ударилъ кулакомъ по исказившемуся отъ гнѣва лицу Марьи. Пьяный ударъ пришелся по виску. Марья пошатнулась и, не издавъ ни одного звука, повалилась на землю. Въ то время, когда она падала, Степанъ ударилъ ее еще разъ по груди.

Мужъ нагнулся къ теплomu, но уже умершему тѣлу жены, поглядѣлъ мутными глазами на ея изстрадавшееся лицо и, ничего не понимая, сѣлъ возлѣ труна.

Солнце поднялось уже надъ избами и жгю. Вѣтеръ сталъ горячимъ. Въ знойномъ воздухѣ новисла угнетающая тоска, когда дрожащій народъ густой толпой окружилъ Степана и Марью... Видѣли, понимали, что здѣсь убійство, и глазамъ не вѣрили. Степанъ обводилъ мутными глазами толпу, скрежеталъ зубами и бормоталъ безсвязныя слова. Никто не брался связать Степана. Максимъ, Семень и Манафуловъ стояли въ толпѣ и жались другъ къ другу.

— За что онъ ее?—спрашивали они, блѣдые, какъ смерть.

Мать бѣгала вокругъ и голосила...

Доложили о случившемся барынѣ. Барыня ахнула, ухватилась за пузырекъ со спиртомъ, но безъ чувствъ не упала.

— Ужасный народъ!—зашептала она.— Ахъ, какой народъ! Негодяи! Хорошо же! Я имъ покажу! Они узнаютъ теперь, что я за птица!

Утѣшать явился Ржевеккій. Онъ утѣшилъ барыню и занялъ опять свое мѣсто, отнятое у него капризной барыней для Степана. Мѣсто доходное, теплое и самое для него подходящее. Десять разъ въ годъ его прогоняли съ этого мѣста и десять разъ платили ему отступного. Платили немало.

1882.

ЗА ДВУМЯ ЗАЙЦАМИ ПОГОНИШЬСЯ, НИ ОДНОГО НЕ ПОЙМАЕШЬ.

(Романъ въ одной части безъ пролога и эпилога).

Пробило 12 часовъ дня, и майоръ Щелколововъ, обладатель тысячи десятинъ земли и молоденькой жены, высунуль свою плъшивую голову изъ-подъ ситцеваго одъяла и громко выругался (кто теперь не ругается?). Вчера, проходя мимо бесѣдки, онъ слышалъ, какъ молодая жена его, майорша Каролина Карловна, болѣе чѣмъ милостиво бесѣдовала со своимъ прѣзжимъ кузеномъ, называла своего супруга—майора Щелколобова—бараномъ и съ женскимъ легкомысліемъ доказывала, что она своего мужа не любила, не любитъ и любить не будетъ за его, Щелколобова, тупоуміе, мужицкія манеры и склонность къ умопомѣшательству и хроническому пьянству. Такое отношеніе жены поразило, возмутило и привело въ сильнѣйшее негодованіе майора. Онъ не спалъ цѣлую ночь и цѣлое утро. Въ головѣ у него кишѣла непривычная работа, лицо горѣло и было краснѣе варенаго рака; кулаки судорожно сжимались, а въ груди происходила такая возня и стукотня, какой майоръ и подъ Карсомъ не видѣлъ и не слышалъ. Выглянувъ изъ-подъ одъяла на свѣтъ Божій и выругавшись, онъ спрыгнулъ съ кровати и, потрясая кулаками, зашагалъ по комнатѣ.

— Ой, болваны!—крикнулъ онъ.

Затрещала дверь, и предъ лицо майора предстали его камердинеръ, куаферъ и полумойка Пантелей, въ одежонкѣ съ барскаго плеча и съ щенкомъ подъ мышкой. Онъ уперся о косякъ двери и почтительно заморгать глазами.

— Послушай, Пантелей, — началъ майоръ: — я хочу съ тобой поговорить по-человѣчески, какъ съ человѣкомъ, откровенно. Стой ровнѣй! Выпусти изъ кулака мѣхъ! Вотъ такъ! Будешь ли ты отвѣчать мнѣ откровенно, отъ глубины души, или нѣтъ?

— Буду-съ.

— Не смотря на меня съ такимъ удивленіемъ. На господь нельзя смотрѣть съ удивленіемъ. Закрой ротъ! Какой же ты быкъ, братецъ! Не знаешь, какъ нужно вести себя въ моемъ присутствіи. Отвѣчай мнѣ прямо, безъ запинки! Колотилъ ли ты свою жену или нѣтъ?

Пантелей закрылъ ротъ рукою и преглупо ухмыльнулся.

— Кажинный вторникъ, ваше в — діе! — пробормоталъ онъ и захихикалъ.

— Очень хорошо. Чего ты смѣешься? Надъ этимъ шутить нельзя! Закрой ротъ! Не чешись при мнѣ: я этого не люблю. (Майоръ подумалъ). Я полагаю, что не одни только мужики наказываютъ своихъ женъ. Какъ ты думаешь относительно этого?

— Не одни, ваше в — діе!

— Примѣръ!

— Въ городѣ есть судья Петръ Ивановичъ... Извольте знать? Я у нихъ, годовъ десять тому назадъ, въ дворникахъ состоялъ. Славный баринъ, въ одно слово, то-есть, а какъ подвыпивши, то бережись. Бывало, какъ придуть подвыпивши, то и пачнутъ кулачищемъ въ бокъ барыню подсаживать. Штобъ мнѣ провалиться на ситомъ самомъ мѣстѣ, колч не вѣрите. Да и меня за кошачью ни съ того ни съ сего въ бокъ, бывало, садануть. Бьютъ барыню да и говорятъ: «Ты, говорятъ, дура, меня не любишь, такъ я тебя, говорятъ, за это убить желаю и твоей жисте предѣлъ положить...»

— Ну, а она что?

— Простите, говорить.

— Ну? Ей-Богу? Да это отлично.

И майоръ отъ удовольствія потеръ себѣ руки.

— Истинная правда-съ, ваше в — діе! Да какъ и не бить, ваше в — діе? Вотъ, на примѣръ, моя... Какъ не побить? Гармонійку ногой раздавила да барскіе пирожки поѣла... Нешто это возможно? Гм!..

— Да ты, болванъ, не разсуждай! Чего разсуждаешь? Вѣдь умнаго ничего не сумѣешь сказать? Не берись не за свое дѣло! Что барыня дѣлаетъ?

— Спать.

— Ну, что будетъ, то будетъ! Поди, скажи Марьѣ, чтобы разбудила барыню и просила ее ко мнѣ... Постои! Какъ на твой взглядъ? Я похожъ на мужика?

— Зачѣмъ вамъ походить на мужика, ваме в—дѣе? Откудава это видно, штобъ баринъ на мужика похожъ былъ? И вовсе нѣтъ!

Пантелей пожалъ плечами, дверь опять затрещала, и онъ вышелъ, а майоръ съ озабоченной миной на лицѣ началъ умываться и одѣваться.

— Душенька!—сказалъ одѣвшийся майоръ самымъ, что ни на есть разъехидственнымъ тономъ вошедшей къ нему хорошенькой двадцатилѣтней майоршѣ: — не можешь ли ты удѣлить мнѣ часокъ изъ твоего столь полезнаго для насъ времени?

— Съ удовольствіемъ, мой другъ!—отвѣтила майорша и подставила свой лобъ къ губамъ майора.

— Я, душенька, хочу погулять, по озеру покататься... Не можешь ли ты изъ своей прелестной особы составить мнѣ пріятнѣйшую компанію?

— А не жарко ли будетъ? Впрочемъ, изволь, паночка, я съ удовольствіемъ. Ты будешь грести, а я рулемъ править. Не взять ли намъ съ собой закусокъ? Я ужасно ѣсть хочу...

— Я уже взялъ закуску, — отвѣтилъ майоръ и опунать въ своемъ карманѣ плетку.

Черезъ полчаса послѣ этого разговора майоръ и майорша плыли на лодкѣ къ срединѣ озера. Майоръ потѣлъ надъ веслами, а майорша управляла рулемъ.

— Какова? Какова? Какова?—бормоталъ майоръ, свирѣпо поглядывая на замечтавшуюся жену и горя отъ нетерпѣнія. — Стой! — забасилъ онъ, когда лодка достигла середины.

Лодка остановилась. У майора побагровѣла физиономія и затряслись поджилки.

— Что съ тобой, Аполлона?—спросила майорша, съ удивленіемъ глядя на мужа.

— Такъ я, — забормоталъ онъ: — ба-а-а-ранъ? Такъ я... я... кто я? Такъ я туноумень? Такъ ты меня не любила и любить не будешь? Такъ ты... такъ я...—пошло писать!

Майоръ зарычалъ, простеръ вверхъ длани, потрясъ въ воздухъ плетью и въ лодкѣ... о tempora, о mores!.. под-

явлась страшная возня.—такая возня, какую не только описать, но и вообразить едва ли возможно. Произошло то, чего не въ состояннн изобразить даже художникъ, побывавшнй въ Италнн и обладающнй самымъ пылкимъ воображеннемъ. Не успѣлъ майоръ Щелкокобовъ почувствовать отсутствнн растительности на головѣ своей, не успѣла майоршна воспользоваться вырванной изъ рукъ супруга шлетью, какъ перевернулась лодка и...

Въ это время на берегу озера прогуливался бывшнй ключникъ майора, а нынѣ волостной писарь Иванъ Павловичъ, и въ ожиданнн того блаженнаго времени, когда деревенскнй молодуха выйдуть на озеро купаться, посвистывалъ, покуривалъ и размышлялъ о цѣли своей прогулки. Вдругъ онъ услышалъ раздрающнй душу крикъ. Въ этомъ крикѣ онъ узналъ голосъ своихъ бывшихъ господъ.

— Помогите!—кричали майоръ и майоршна.

Писарь, не долго думая, сбросилъ съ себя пиджакъ, брюки и сапоги, перекрестился трижды и поплылъ на помощь къ средннмъ озера. Плавалъ онъ лучше, чѣмъ писалъ и разбиралъ писанное, а потому черезъ какня-нибудь три минуты былъ уже возлѣ погибавшихъ. Иванъ Павловичъ подплылъ къ погибавшнмъ и сталъ втуникъ.

«Кого спасать? — подумалъ онъ. — Вотъ черти!»

Двоихъ спасать ему было совѣмъ не подѣ силу. Для него достаточно было и одного. Онъ скорчилъ на лицѣ своемъ гримасу, выразившую величайшее недоумѣннн, и началъ хвататься то за майора, то за майоршну.

— Кто-нибудь одинъ! — сказалъ онъ. — Обоихъ васъ куда мнѣ взять? Чтѣ я, кашалотъ, что ли?

— Ваня, голубчикъ, спаси меня, — проннцала дрожащая майоршна, держась за фалду майора:—меня спаси! Если меня спасешь, то и выйду за тебя замужъ! Клянусь всѣмъ для меня святымъ! Ай, ай, я утопаю!..

— Иванъ! Иванъ Павловичъ! По-рыцарски!.. Того...— забасилъ, захлебываясь, майоръ. — Спаси, братецъ! Рубль на водку! Будь отцомъ-благодѣтелемъ, не дай погибнуть во цвѣтѣ лѣтъ... Озолочу съ ногъ до головы... Да ну же, спасай. Какой же ты, право... Женюсь на твоей сестрѣ Марьѣ. Ей-Богу, женюсь. Она у тебя красавица. Майоршну не спасай, чортъ съ ней! Не спасешь меня—убью, жить не позволю!

У Ивана Павловича закружилась голова, и онъ чуть-

чуть не пошелъ ко дну. Оба обѣщанія казались ему одинаково выгодными — одно другого лучше. Что выбирать? А время не терпитъ!

«Шасу-ка обоихъ! — порѣшилъ онъ. — Съ двоихъ получить лучше, чѣмъ съ одного. Вотъ это такъ, ей-Богу. Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ. Господи, благослови!»

Иванъ Павловичъ перекрестился, схватилъ подъ правую руку майоршу, а указательнымъ пальцемъ той же руки за галстукъ майора, и поплылъ, крихтя, къ берегу.

— Ногами болтайте! — командовалъ онъ, гребя лѣвой рукой и мечтая о своей блестящей будущности.

«Барыня — жена, майоръ — зять... Шикъ! Гуляй, Ваця! Вотъ когда пирожныхъ наѣмся, да дорогія цыгары курить будемъ! Слава тебѣ, Господи!»

Трудно было Ивану Павловичу тянуть одной рукой двойную ношу и плыть противъ вѣтра, но мысль о блестящей будущности поддержала его. Онъ, улыбаясь и хихикая отъ счастья, доставилъ майора и майоршу на сушу. Велика была его радость. Но, увидѣвъ майора и майоршу, дружно вѣдвинувшихся другъ въ друга, онъ... вдругъ поблѣднѣлъ, ударилъ себя кулакомъ по лбу, зарыдалъ и не обратилъ вниманія на дѣвокъ, которыя, выгъзни изъ воды, густой толпой окружили майора и майоршу и съ удивленіемъ посматривали на храброго шасаря. На другой день Иванъ Павловичъ, по проискамъ майора, былъ удаленъ изъ волостного правленія, а майорша изгнала изъ своихъ апартаментовъ Марью съ приказомъ отираться «къ своему милому барину».

— О, люди, люди! — вслухъ произносилъ Иванъ Павловичъ, гуляя по берегу рокового ирода: — что благодарностью вы именуете?

ПАПАША.

Тонкая, какъ голландская сельдь, мамаша вошла въ кабинетъ къ толстому и круглому, какъ жукъ, папашѣ и кашлянула. При входѣ ея, съ колѣнь папаши спорхнула горничная и шмыгнула за портьеру, но мамаша не обратила на это ни малѣйшаго вниманія, потому что успѣла уже привыкнуть къ маленькимъ слабостямъ папаши и смотрѣла на нихъ съ точки зрѣнія умной жены, понимающей своего цивилизованнаго мужа.

— Пампушка, — сказала она, садясь на папашины колѣни: — я пришла къ тебѣ, мой родной, посоветоваться. Утри свои губы, я хочу поцѣловать тебя

Папаша замигалъ глазами и вытеръ рукавомъ губы.

— Что тебѣ? — спросилъ онъ.

— Вотъ что, папочка. Что намъ дѣлать съ нашимъ сыномъ?

— А что такое?

— А ты не знаешь? Боже мой! Какъ вы всѣ, отцы, безпечны. Это ужасно! Пампушка, да будь же хоть отцомъ наконецъ, если не хочешь... не можешь быть мужемъ!

— Опять свое. Слышала тысячу разъ уже!

Папаша сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, и мамаша чуть-было не упала съ колѣнь папаши.

— Всѣ вы, мужчины, таковы, не любите слушать правды.

— Ты про правду пришла рассказывать или про сына?

— Ну, ну, не буду... Пампушка, сынь нашъ оиеть нехорошія отмѣтки изъ гимназіи принесъ.

— Ну, такъ что жъ?

— Какъ что жь? Вѣдь его не допустить къ экзамену! Онъ не перейдетъ въ четвертый классъ.

— Пускай не переходитъ! Не велика беда. Лишь бы учился, да дома не баловался.

— Вѣдь ему, папочка, пятнадцать лѣтъ! Можно ли въ такихъ лѣтахъ быть въ третьемъ классѣ? Представь, этотъ негодный ариѳметикъ опять ему вывелъ двойку... Ну, на что это похоже?

— Выпороть нужно, вотъ на что похоже.

Мамаша мизинчикомъ провела по жирнымъ губамъ папашы, и ей показалось, что она кокетливо нахмурила бровки.

— Нѣтъ, мамушка, о наказаніяхъ мнѣ не говори... Сынъ нашъ не виноватъ... Тутъ интрига... Сынъ нашъ, нечего скромничать, такъ развитъ, что невѣроятно, чтобы онъ не зналъ какой-нибудь глупой ариѳметики. Онъ все прекрасно знаетъ, въ этомъ я увѣрена.

— Шарлатанъ онъ, вотъ что-съ! Ежели бь поменьше баловался, да побольше учился... Сядь-ка, мать моя, на стулъ... Не думаю, чтобы тебѣ удобно было сидѣть на моихъ колѣняхъ.

Мамаша спорхнула съ колѣвъ папашы, и ей показалось, что она лебединымъ шагомъ направилась къ креслу.

— Боже, какое безчувствіе!—прошептала она, усьвшись и закрывъ глаза.— Нѣтъ, ты не любишь сына! Нашъ сынъ такъ хорошъ, такъ уменъ, такъ красивъ... Интрига, интрига! Нѣтъ, онъ не долженъ оставаться на второй годъ, я этого не допущу!

— Допустивъ, коли негодяй скверно учится... Эхъ, вы, матери!.. Ну, иди съ Богомъ, а я тутъ кое-чѣмъ долженъ... позаняться...

Папаша повернулся къ столу, нагнулся къ какой-то бумажкѣ и искоса, какъ собака на тарелку, посмотрѣлъ на портьеру.

— Папочка, я не уйду... я не уйду! Я не уйду! Я вижу, что я тебѣ въ тягость, но потерпи... Папочка, ты долженъ сходить къ учителю ариѳметики и приказать ему поставить нашему сыну хорошую отмѣтку... Ты ему долженъ сказать, что сынъ нашъ хорошо знаетъ ариѳметику, что онъ слабъ здоровьемъ, а потому и не можетъ угождать всякому. Ты принуди учителя. Можно ли мужчине сидѣть въ третьемъ классѣ? Постарайся, мамушка! Представь, Софья Николаевна нашла, что сынъ нашъ похожъ на Нариса!

— Для меня это очень лестно, но не пойду! Некогда мнѣ шлаться.

— Нѣтъ, пойдешь, папочка!

— Не пойду... Слово твердо... Ну, уходи съ Богомъ, душенька... Мнѣ бы заняться нужно вотъ тутъ кое-чѣмъ...

— Пойдешь!

Мамаша поднялась и возвысила голосъ.

— Не пойду!

— Пойдешь!!—крикнула мамаша:—а если не пойдешь, если не захочешь пожалѣть своего единственного сына, то...

Мамаша взвизгнула и жестомъ взбѣшеннаго трагика указала на портьеру... Папаша сконфузился, растерялся, ни къ селу ни къ городу заплѣлъ какую-то пѣсню и сбросилъ съ себя сюртукъ... Онъ всегда терялся и становился совершеннымъ идиотомъ, когда мамаша указывала ему на его портьеру. Онъ сдался. Позвали сына и потребовали отъ него слова. Сынокъ разсердился, нахмурился, насупился и сказалъ, что онъ ариметику знаетъ лучше самого учителя, и что онъ не виноватъ въ томъ, что на этомъ свѣтѣ пятерки получаютъ одними только гимназистками, богачами да подлиналами. Онъ разрыдался и сообщилъ адресъ учителя ариметики во всѣхъ подробностяхъ. Папаша побрился, поводитилъ у себя по лысинѣ гребнемъ, одѣлся поприличнѣе и отправился «пожалѣть единственного сына».

По обыкновенію большинства папашъ, онъ вошелъ къ учителю ариметики безъ доклада. Какихъ только вещей ни увидишь и ни услышишь, вошедши безъ доклада! Онъ слышалъ, какъ учитель сказалъ своей женѣ:

— Дорого ты стоишь мнѣ, Ариадна!.. Прихоти твои не имѣютъ предѣловъ!

И видѣлъ, какъ учительша бросилась на шею къ учителю и сказала:

— Прости меня! Ты мнѣ дешево стоишь, но я тебя дорого цѣню!

Папаша нашелъ, что учительша очень хороша собой, и что будь она совершенно одѣта, она не была бы такъ прелестна.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ, развязно подходя къ супругамъ и шаркая ножкой.

Учитель на минуту растерялся, а учительша вспыхнула и съ быстротою молніи шмыгнула въ сосѣднюю комнату.

— Извините, — началъ папаша съ улыбочкой: — я, можетъ-быть, того... васъ въ нѣкоторомъ родѣ обезпокоилъ... Очень хорошо понимаю... Всѣмъ здоровы-съ? Честь имѣю рекомендоваться... Не изъ безызвѣстныхъ, какъ видите... Тоже служака... Ха-ха-ха! Да вы не беспокойтесь!

Г. учитель чуточку, ради приличія, улыбнулся и вѣжливо указалъ на стулъ. Папаша повернулся на одной ножкѣ и сѣлъ.

— Я, — продолжалъ онъ, показывая г. учителю свои золотые часы: — пришелъ съ вами поговорить-съ... Мм-да... Вы, конечно, меня извините... Я по-ученому выражаться не мастеръ. Нашъ братъ, знаете ли, все сироста. Ха-ха-ха! Вы въ университетѣ обучались?

— Да, въ университетѣ.

— Такъ-сссъ!.. Н-ну, да... А сегодня тепло-съ... Вы, Иванъ Ѳедорычъ, моему сынишкѣ двоекъ тамъ наставили... Мм... да... Но это ничего, знаете... Кто чего достоинъ... Ему же дань—дань, ему же урокъ—урокъ... Хе-хе-хе!.. Но, знаете ли, неприятно. Неужели мой сынъ плохо ариметику понимаетъ?

— Какъ вамъ сказать? Не то, чтобы плохо, но, знаете ли, не занимается. Да, онъ плохо знаетъ.

— Почему же онъ плохо знаетъ?

Учитель сѣлъ на стулъ, сложилъ большіе глаза.

— Какъ почему? — сказалъ онъ. — Потому, что плохо знаетъ и не занимается.

— Помилуйте, Иванъ Ѳедорычъ! Сынъ мой превосходно занимается. Я самъ съ нимъ занимаюсь... Онъ ночи сидитъ... Онъ все отлично знаетъ... Ну, а что пошаливаетъ... Ну, да, вѣдь это молодость... Кто изъ насъ не былъ молодъ? Я васъ не обезпокоилъ?

— Помилуйте, что вы?.. Очень вамъ благодаренъ даже... Вы, отцы, такіе рѣдкіе гости у насъ, педагоговъ... Впрочемъ, это показываетъ на то, какъ вы сильно намъ довѣряете, а главное во всемъ—это довѣріе.

— Разумѣется... Главное — не вмѣшиваемся... Значитъ, сынъ мой не перейдетъ въ IV-й классъ?

— Да. У него вѣдь не по одной только ариметикѣ годовая двойка.

— Можно будетъ и къ другимъ сѣздить. Ну, а насчетъ ариметики? Хе-хе-хе!.. Исправите?

— Не могу-съ! (Учитель улыбнулся). Не могу-съ!.. Я желалъ, чтобы сынъ вашъ перешелъ, я старался всѣмъ

силами. но вашъ сынъ не занимается, говорить дерзости... Миѣ нѣсколько разъ приходилось имѣть съ нимъ непріятности.

— Ммолодь... Чтò подѣлаешь?! Да вы ужь переправьте на троечку!

— Не могу!

— Да ну, пустяки... Чтò вы миѣ рассказываете? Какъ будто бы я не знаю, чтò можно, чего нельзя. Можно, Иванъ Ѳедорычъ!

— Не могу! Чтò скажутъ другіе двоечники? Несправедливо, какъ ни поверните дѣло. Ей-ей! Не могу.

Папаша мигнулъ однимъ глазомъ.

— Можете, Иванъ Ѳедорычъ! Иванъ Ѳедорычъ! Не будемъ долго рассказывать. Не таково дѣло, чтобы о немъ три часа балясы точить... Вы скажите миѣ, чтò вы по-своему, по-ученому, считаете справедливымъ? Вѣдь мы знаемъ, чтò такое ваша справедливость. Хе-хе-хе! Говорили бы прямо, Иванъ Ѳедорычъ, безъ экивокъ. Вы вѣдь съ намѣреніемъ поставили двойку... Гдѣ же тутъ справедливость?

Учитель сдѣлалъ большіе глаза и... только, а почему онъ не обидѣлся — это останется для меня навсегда тайною учительскаго сердца.

— Съ намѣреніемъ, — продолжалъ папаша. — Вы гостя ожидали-съ. Ха-хе-ха-хе!.. Чтò жь... Извольте-съ... Я согласенъ... Ему же дань — дань... Понимаю службу, какъ видите... Какъ ни прогрессируйте тамъ, а... все-таки, знаете... ммда... старые обычаи лучше всего, полезнѣе... Чѣмъ богать, тѣмъ и радъ. Вы, — продолжалъ папаша: — не конфузьтесь... Вѣдь я понимаю... Кто говоритъ, что не беретъ, — тотъ беретъ... Кто теперь не беретъ? Нельзя, батенька, не брать... Не привыкли еще, значить? Пожалуйте-съ!

— Нѣтъ, ради Бога...

— Мало? Ну, больше дать не могу... Не возьмете?

— Помилуйте...

— Какъ прикажете... Ну, а ужь двоечку исправьте... Не такъ я прошу, какъ мать... Плачетъ, знаете ли... Сердцебіеніе тамъ и прочее.

— Вполнѣ сочувствую вашей супругѣ, но не могу.

— Если сынъ не перейдетъ въ IV-й классъ, то... чтò же будетъ?... Ммда... Нѣтъ, ужь вы переведите его.

— Радъ бы, но не могу... Прикажете папиросу?

— Грандь мерси... Перевести бы не мѣшало... А въ какомъ чинѣ состоите?

— Титулярный... Впрочемъ, по должности VIII-го класса. Кгм!..

— Такъ-сссъ... Ну, да мы съ вами поладимъ... Единимъ почеркомъ пера, а? Идетъ? Хе-хе!..

— Не могу-съ, хоть убейте, не могу.

Папаша немного помолчалъ, подумалъ и опять наступилъ на г. учителя. Наступленіе продолжалось еще очень долго. Учителю пришлось разъ двадцать повторить свое неизмѣнное: «не могу-съ». Наконецъ папаша надоѣлъ и учителю и сталъ болѣно невыносимъ. Онъ началъ лѣзть цѣловаться, просилъ проэкзаменовать его по ариметикѣ, рассказалъ нѣсколько сальныхъ анекдотовъ и зафамиллярничалъ. Учителя затошнило.

— Валя, тебѣ пора ѣхать!—крикнула изъ другой комнаты учительша.

Папаша понялъ, въ чемъ дѣло, и своею широкою фигурой загородилъ г. учителю дверь. Учитель выбился изъ силъ и началъ ныть. Наконецъ ему показалось, что онъ придумалъ гениальнѣйшую вещь.

— Вотъ что, — сказалъ онъ папашѣ.— Я тогда только исправлю вашему сыну годовую отмѣтку, когда и другіе мои товарищи поставятъ ему по тройкѣ по своимъ предметамъ.

— Честное слово?

— Да, я исправлю, если они исправятъ.

— Дѣло! Руку вашу! Вы не человѣкъ, а — шикъ! Я имъ скажу, что вы уже исправили. Идетъ дѣвка за парубка. Бутылка шампанскаго за мной. Ну, а когда ихъ можно застать у себя?

— Хоть сейчасъ.

— Ну, а мы, разумѣется, будемъ знакомы? Заѣдете когда-нибудь на часокъ попросту?

— Съ удовольствіемъ. Будьте здоровы!

— Оревуаръ! Хе-хе-хе-хмы!.. Охъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! Прощайте!.. Вашимъ господамъ товарищамъ, разумѣется, отъ васъ поклонъ? Передамъ, передамъ. Вашей супругѣ отъ меня почтительное резюме... Заходите же.

Папаша шаркнулъ ножкой, надѣлъ шляпу и улетучился.

— Славный малый, — подумалъ г. учитель, глядя въ слѣдъ уходившему папашѣ. — Славный малый! Что у него

на душѣ, то и на языкѣ. Простъ и добръ, какъ видно... Люблю такихъ людей.

Въ тотъ день вечеромъ у папаша на колѣняхъ опять сидѣла мамалца (а ужъ послѣ нея сидѣла горничная). Папаша увѣрялъ ее, что «сынъ нашъ» перейдетъ, и что ученыхъ людей не такъ уломаешь деньгами, какъ приятнымъ обхожденіемъ и вѣжливымъ наступленіемъ на горло.

Онъ преуспѣлъ. Примѣръ заразителенъ.

1880.

ЗА ЯБЛОЧКИ.

Между Понтомъ Эвксинскимъ и Соловками, подъ со-
ответственнымъ градусомъ долготы и широты, на своемъ
черноземѣ съ давнихъ поръ обитаетъ помѣщикъ Три-
фонъ Семеновичъ. Фамилія Трифона Семеновича длинна,
какъ слово «естествоиспытатель», и происходитъ отъ очень
звучнаго, латинскаго слова, обозначающаго единую изъ
многочисленнѣйшихъ человѣческихъ добродѣтелей. Число
десятинъ его чернозема есть 3.000. Имѣніе его, потому
что оно имѣніе, а онъ помѣщикъ, заложено и про-
дается. Продажа его началась еще тогда, когда у Три-
фона Семеновича лысины не было, тянется до сихъ поръ
и, благодаря банковскому легковѣрью да Трифона Се-
меновича изворотливости, ужасно плохо клеится. Банкъ
этотъ когда-нибудь да лопнетъ, потому что Трифонъ Се-
меновичъ, подобно себѣ подобнымъ, имя коимъ легіонъ,
рубли взялъ, а процентовъ не платитъ, а если и пла-
титъ кое-когда, то платитъ съ такими церемоніями, съ
какими добрые люди подаютъ копеечку за упокой души
и на построеніе храма. Если бъ сей свѣтъ не былъ симъ
свѣтомъ, а называлъ бы вещи настоящимъ ихъ именемъ,
то Трифона Семеновича звали бы не Трифономъ Семено-
вичемъ, а иначе; звали бы его такъ, какъ зовутъ во-
обще лошадей да коровъ. Говоря откровенно, Трифонъ
Семеновичъ—порядочная-таки скотина. Приглашаю его са-
мого согласиться съ этимъ. Если до него дойдетъ это
приглашеніе (онъ иногда почитываетъ «Стрекозу»), то онъ,
навѣрно, не разсердится, ибо онъ, будучи человѣкомъ по-
нимающимъ, согласится со мною вполне, да, пожалуй, еще
пришлетъ мнѣ осенью отъ щедротъ своихъ десятокъ анто-
новскихъ яблочковъ за то, что я его длинной фамиліи

по міру не пустилъ, а ограничился на этотъ разъ одними только именемъ и отчествомъ. Описывать всѣ добродѣтели Трифона Семеновича я не стану: матерія длинная. Чтобы вмѣстить всего Трифона Семеновича съ руками и ногами, нужно просидѣть надъ писаніемъ по крайней мѣрѣ столько, сколько просидѣлъ Евгений Сю надъ своимъ толстымъ и длиннымъ «Вѣчнымъ Жидомъ». Я не коснусь ни его плутней въ преферансѣ, ни политики его, въ силу которой онъ не платитъ ни долговъ ни процентовъ, ни его продѣлокъ надъ батюшкою и дьячкомъ, ниже прогулокъ его верхомъ по деревнѣ въ костюмѣ Каина и Авеля, а ограничусь одной только сценкой, характеризующей его отношенія къ людямъ, въ похвалу которыхъ его тричетвертивѣковой опытъ сочинилъ слѣдующую скороговорку: «мужички, простачки, чудачки, дурачки проигрались въ дурачки».

Въ одно прекрасное во всѣхъ отношеніяхъ утро (дѣло происходило въ концѣ лѣта) Трифонъ Семеновичъ прогуливался по длиннымъ и короткимъ аллеямъ своего роскошнаго сада. Все, что вдохновляетъ господъ поэтовъ, было разсыпано вокругъ него щедрою рукою въ огромномъ количествѣ и, казалось, говорило и пѣло: «На, бери, человѣче! Наслаждайся, пока еще не явилась осень!» Но Трифонъ Семеновичъ не наслаждался, потому что онъ далеко не поэтъ, да и къ тому же въ это утро душа его съ особенною жадностью вкушала хладный сонъ, какъ это дѣлала она всегда, когда хозяйинъ ея чувствовалъ себя въ проигрышѣ. Позади Трифона Семеновича шествовалъ его вѣрный вольнонаемникъ, Карпушка, старикашка лѣтъ шестидесяти, и поглядывалъ по сторонамъ. Этотъ Карпушка своими добродѣтелями чуть ли не превосходитъ самого Трифона Семеновича. Онъ прекрасно чиститъ сапоги, еще лучше вѣшаетъ лишнихъ собакъ, обворовываетъ всѣхъ и вся и безподобно шпионитъ. Вся деревня, съ легкой руки писаря, величаетъ его «опричникъ». Рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобы мужики и сосѣди не жаловались Трифону Семеновичу на нравы и обычаи Карпушки, но жалобы эти остаются втунѣ, потому что Карпушка незамѣнимъ въ хозяйствѣ Трифона Семеновича. Трифонъ Семеновичъ, когда идетъ гулять, всегда беретъ съ собой вѣрнаго своего Кариа: и безопасно и весело. Карпушка носитъ въ себѣ неистощимый источникъ разнаго рода розказней, прибаутокъ,

побасенокъ и обладаетъ неумѣньемъ молчать. Онъ всегда рассказываетъ что-нибудь и молчитъ только тогда, когда слушаетъ что-нибудь интересное. Въ описываемое утро шелъ онъ позади своего барина и рассказывалъ ему длинную исторію о томъ, какъ какіе-то два гимназиста въ бѣлыхъ картузахъ ѣхали съ ружьями мимо сада и умоляли его, Карпушку, пустить ихъ въ садъ поохотиться, какъ прельщали его эти два гимназиста полтинникомъ, и какъ онъ, очень хорошо зная, кому служить, съ негодованіемъ отвергъ полтинникъ и спустилъ на гимназистовъ Каштана и Сѣрка. Кончивъ эту исторію, онъ началъ-было въ яркихъ краскахъ изображать возмутительный образъ жизни деревенскаго фельдшера, но изображеніе не удалось, потому что до ушей Карпушки изъ чащи яблонь и грушъ донесся подозрительный шорохъ. Услышавъ шорохъ, Карпушка удержалъ свой языкъ, наострилъ уши и сталъ прислушиваться. Убѣдившись въ томъ, что шорохъ есть и что этотъ шорохъ подозрителенъ, онъ дернулъ своего барина за полу и стрѣлой помчался по направлению къ шороху. Трифонъ Семеновичъ, предчувствуя скандалчикъ, встрепенулся, засѣменилъ своими старческими ножками и побѣждалъ велѣдъ за Карпушкой. И было за чѣмъ бѣжать...

На окраинѣ сада, подъ старой, вѣтвистой яблоней стояла крестьянская дѣвка и жевала; подлѣ нея на колѣняхъ ползалъ молодой, широкоплечій парень и собиралъ на землѣ сбитыя вѣтромъ яблоки; незрѣлыя онъ бросалъ въ кусты, а спѣлыя любовно подносилъ на широкій, сѣрой ладони своей Дульцинеѣ. Дульцинея, по видимому, не боялась за свой желудокъ и ѣла яблочки, не переставая и съ большимъ аппетитомъ, а парень, ползая и собирая, совершенно забылъ про себя и имѣлъ въ виду исключительно одну только Дульцинею.

— Да ты съ дерева сорви! — подзадоривала шопотомъ дѣвка.

— Страшно.

— Чего страшно?! Опришникъ, небось, въ кабакъ...

Парень приподнялся, подпрыгнулъ, сорвалъ съ дерева одно яблоко и подалъ его дѣвкѣ. Но парню и его дѣвкѣ, какъ и древле Адаму и Евѣ, не посчастливилось съ этимъ яблочкомъ. Только-что дѣвка откусила кусочекъ и подала этотъ кусочекъ парню, только-что они оба почувствовали на языкахъ своихъ жестокою кислоту, какъ

лица ихъ искривились, потомъ вытянулись, поблѣднѣли... не потому, что яблоко было кисло, а потому, что они увидѣли передъ собою строгую физиономію Трифона Семеновича и злорадно ухмыляющуюся рожицу Карлушки.

— Здравствуйте, голубчики!—сказалъ Трифонъ Семеновичъ, подходя къ нимъ.—Что, яблочки кушаете? Я, бываетъ, вамъ не помѣшалъ?

Парень снялъ шапку и опустилъ голову. Дѣвка начала разсматривать свой передникъ.

— Ну, какъ твое здоровье, Григорій?—обратился Трифонъ Семеновичъ къ парню.—Какъ живешь-можешь, паренекъ?

— Я только одинъ, — пробормоталъ парень:—да и то съ земли...

— Ну, а какъ твое здоровье, дуся?—спросилъ Трифонъ Семеновичъ дѣвку.

Дѣвка еще усерднѣе принялась за обзоръ своего передника.

— Ну, а свадьбы вашей еще не было?

— Нѣтъ еще... Да мы, баринъ, ей-Богу, только одинъ, да и то... такъ...

— Хорошо, хорошо. Молодецъ. Ты читать умѣешь?

— Нѣ... Да ей-Богу жъ, баринъ, мы только вотъ одинъ, да и то съ земли.

— Читать ты не умѣешь, а воровать умѣешь. Что жъ, и то слава Богу. Знанія за плечами не носить. А давно ты воровать началъ?

— Да развѣ я воровалъ, что ли?

— Ну, а милая невѣста твоя, — обратился къ парню Карлушка:—чего это такъ жалостно призадумалась? Плохо любишь, нешто?

— Молчи, Карпъ!—сказалъ Трифонъ Семеновичъ.— А ну-ка, Григорій, расскажи намъ сказку...

Григорій кашлянулъ и улыбнулся.

— Я, баринъ, сказокъ не знаю, — сказалъ онъ.— Да нешто мнѣ яблоки ваши пужны, что ли? Коли я захочу, такъ и купить могу.

— Очень радъ, милый, что у тебя денегъ много. Ну, расскажи же намъ какую-нибудь сказку. Я послушаю, Карпъ послушаетъ, вотъ твоя красавица-невѣста послушаетъ. Не конфузься, будь посмѣлѣй! Воровская душа должна быть смѣла. Не правда ли, мой другъ?

И Трифонъ Семеновичъ уставилъ свои ехидные глаза

на поповагося парня... У парня на лбу выступилъ потъ.

— Вы, баринъ, заставьте-ка его лучше пѣсню спѣть. Гдѣ ему, дураку, сказки рассказывать?—продребезжалъ своимъ гаденькимъ теноркомъ Карпушка.

— Молчи, Карпъ, пусть сперва сказку расскажетъ. Ну, рассказывай же, милый!

— Не знаю.

— Неужели не знаешь? А воровать знаешь? Какъ читается восьмая заповѣдь?

— Да что вы меня спрашиваете? Развѣ я знаю? Да ей-Богу-съ, баринъ, мы только одинъ яблокъ съѣли, да и то съ земли...

— Читай сказку!

Карпушка началъ рвать кропиву. Парень очень хорошо зналъ, для чего это готовилась кропива. Трифонъ Семеновичъ, подобно ему подобнымъ, красиво самоуправничаетъ. Вора онъ или запираетъ на сутки въ погребъ, или съчетъ кропивой, или же отпускаетъ на свою волю, предварительно только раздѣвъ его донага... Это для васъ ново? Но есть люди и мѣста, для которыхъ это обыденно и старо, какъ телѣга. Григорій косо посмотрѣлъ на кропиву, помялся, покашлялъ и началъ не рассказывать сказку, а молоть сказку. Кряхтя, потѣя, кашляя, поминутно сморкаясь, началъ онъ повѣствовать о томъ, какъ во время оно богатыри русскіе кощеевъ колотили да на красавицахъ женились. Трифонъ Семеновичъ стоялъ, слушалъ и не спускалъ глазъ съ повѣствователя.

— Довольно!—сказалъ онъ, когда парень подъ конецъ ужъ совершенно замолелся и понесъ чепуху.—Славно рассказываешь, но воруешь еще лучше. А ну-ка ты, красавица...—обратился онъ къ дѣвкѣ:—прочти-ка «Отче нашъ»!

Красавица покраснѣла и едва слышно, чуть дыша, прочла «Отче нашъ».

— Ну, а какъ же читается восьмая заповѣдь?

— Да вы думаете, мы много брали, что ли?—отвѣтилъ парень и отчаянно махнулъ рукой.—Вотъ вамъ крестъ, коли не вѣрите!..

— Плохо, родимые, что вы заповѣдей не знаете. Надо васъ поучить. Красавица, это онъ тебя научилъ воровать? Чего же ты молчишь, херувимчикъ? Ты должна

отвѣчать. Говори же! Молчишь? Молчаніе — знакъ согласія. Ну, красавица, бей же своего красавца за то, что онъ тебя воровать научилъ!

— Не стану, — прошептала дѣвка.

— Побей немножко. Дураковъ надо учить. Побей его, моя дуся! Не хочешь? Ну, такъ я прикажу Карпу да Матвѣю тебя немножко кропивой... Не хочешь?

— Не стану.

— Карпъ, подойди сюда!

Дѣвка опрометью подлетѣла къ парню и дала ему пощечину. Парень глупо улыбнулся и заплакалъ.

— Молодецъ, красавица. А ну-ка еще за волосы! Возьмись-ка, моя дуся! Не хочешь? Карпъ, подойди сюда!

Дѣвка взяла своего жениха за волосы.

— Ты не держись, ему такъ больнѣй! Ты потаскай его!

Дѣвка начала таскать. Карпушка обезумѣлъ отъ восторга, заливался и дребезжалъ.

— Довольно, — сказалъ Трифонъ Семеновичъ. — Спасибо тебѣ, дуся, за то, что зло покарала. А ну-ка, — обратился онъ къ парню: — поучи-ка свою молодайку... То она тебя, а теперь ты ее...

— Выдумываете, баринъ, ей-Богу... За что я буду бить?

— Какъ за что? Вѣдь она тебя била? И ты ее побей! Это ей принесетъ свою пользу. Не хочешь? Напрасно. Карпъ, крикни Матвѣя!

Парень плюнулъ, крикнулъ, взялъ въ кулакъ косу своей невѣсты и началъ карать зло. Карая зло, онъ, незамѣтно для самого себя, пришелъ въ экстазъ, увлекся и забылъ, что онъ бьетъ не Трифона Семеновича, а свою невѣсту. Дѣвка заголосила. Долго онъ ее билъ. Не знаю, чѣмъ бы кончилась вся эта исторія, если бы изъ-за кустовъ не выскочила хорошенькая дочка Трифона Семеновича, Сашенька.

— Папочка, иди чай пить! — крикнула Сашенька и, увидавъ папочкину выходку, звонко захохотала.

— Довольно! — сказалъ Трифонъ Семеновичъ. — Можете теперь идти, голубчики. Прощайте! Къ свадьбѣ яблочковъ пришлю.

И Трифонъ Семеновичъ низко поклонился наказаннымъ.

Парень и дѣвка оправились и пошли. Парень пошелъ направо, а дѣвка, палъво и... по сей день болѣе не встрѣ-

чались. А не явись Сашенька, парню и дѣвкѣ, чего добраго, пришлось бы попробовать и кропивы... Вотъ какъ забавляетъ себя на старости лѣтъ Трифонъ Семеновичъ. И семейка его тоже недалеко ушла отъ него. Его дочки имѣютъ обыкновеніе гостямъ «низкаго званія» пришивать къ шалкамъ луковицы, а пьянымъ гостямъ того же званія — писать на спинахъ мѣломъ крупными буквами: «аселъ» и «дуракъ». Сыночекъ же его, отставной подпоручикъ, Митя, какъ-то зимою превзошелъ и самого папашу: онъ вкупѣ съ Карпушкой вымазалъ дегтемъ ворота одного отставного солдатика за то, что этотъ солдатикъ не захотѣлъ Митѣ подарить волчонка, и за то, что этотъ солдатикъ вооружаетъ яко бы своихъ дочекъ противъ пряниковъ и конфетъ господина отставного подпоручика. Называй послѣ этого Трифона Семеновича—Трифономъ Семеновичемъ!

1880.

ПЕРЕДЪ СВАДЬБОЙ.

(Посвящаю милой сердцу).

Наступила осень, а вмѣстѣ съ нею наступаетъ и великій свадебный сезонъ. Прекрасная половина рода человѣческаго стоитъ уже насторожѣ. Мужчинки то и дѣло попадаютъ въ роковыя сѣти. О, эти мнѣ еще сѣти. *Lasciate ogni speranza!* всѣ, попадающіеся въ эти сѣти! Несчастный народъ мы, мужчины! Весной намъ природа дорого обходится, лѣтомъ намъ жарко, осенью насъ женятъ, зимою намъ холодно. Ужасъ что такое! Для пола женскаго осень благодатное времечко. Балы, обѣды, ужины... Сердца бьются энергичнѣе, щечки горятъ жарче, женское терпѣніе достигаетъ своего максимума и обыкновенно лопается; болѣе счастливыя барышни теряютъ букву «ш» и становятся барынями. Впрочемъ, не для всѣхъ и мужчинъ осень смутное время. Иной мужичка, который при одной только мысли о зимѣ приходитъ въ сотрясеніе и щелкаетъ зубами отъ холода, вдругъ, ни съ того ни съ сего, благодаря одному лишь удачному маневру на водахъ или на сушѣ, при луиѣ или подъ потолкомъ, получаетъ вмѣстѣ съ супругою во владѣніе вѣчное лѣто. (Что можетъ быть теплѣе, судари мои, хорошаго приданого?) Какъ бы то ни было, а осень мнѣ очень нравится. И страшна и пріятна. Въ силу сего я чувствую непреодолимое желаніе и потребность воспѣть свадебный сезонъ, итакъ прошу внимать.

Въ четвергъ на прошлой недѣлѣ дѣвица Подзатылкина въ домѣ своихъ почтенныхъ родителей была объявлена невѣстой коллежскаго регистратора Назарьева. Сговоръ сошелъ какъ нельзя лучше. Выинто было двѣ бутылки лавинскаго шампанскаго, полтора ведра водки; барышни выпили бутылку лафита. Папаши и мамы жениха и невѣсты плакали вд-время, женихъ и невѣста цѣловались охотно, гимназистъ восьмого класса произнесъ тостъ со

словами: «O, tempora, o, mores!» и «Salvete boni futuri conjuges!», произнесъ съ шикомъ; рыжій Ванька Смыслемаловъ, въ ожиданіи вынутія жребія ровно ничего не дѣлающій, въ самый подходящій моментъ, въ «самый разъ» ударился въ страшный трагизмъ, взъерошилъ волосы на своей большой головѣ, тряхнулъ кулакомъ себя по колѣну и воскликнулъ: «Чортъ возьми, я любилъ и люблю ее!»—чѣмъ и доставилъ невыразимое удовольствіе дѣвицамъ.

Дѣвица Подзатылкина замѣчательна только тѣмъ, что ничѣмъ не замѣчательна. Ума ея никто не видалъ и не знаетъ, а потому о немъ ни слова. Наружность у нея самая обыкновенная: носъ папашинъ, подбородокъ мамашинъ, глаза кошачьи, бюстикъ посредственный. Играть на фортепьяно умѣеть, но безъ нотъ; мамашѣ на кухнѣ помогаетъ, безъ корсета не ходитъ, пестнаго кушать не можетъ, въ уразумѣніи буквы «ѣ» видитъ начало и конецъ всѣхъ премудростей и больше всего на свѣтѣ любить статныхъ мужчинъ и имя «Роландъ».

Господинъ Назарьевъ—мужчина роста средняго, лицо имѣетъ бѣлое, ничего не выражающее, волосы курчавые, затылокъ плоскій. Гдѣ-то служить, жалованье получаетъ щедедушное, едва на табакъ хватающее; вѣчно пахнетъ яичнымъ мыломъ и карболкой, считаетъ себя страшнымъ волокитой, говоритъ громко, день и ночь удивляется; когда говоритъ—брызжетъ; воспитаніе получилъ отъ гувернантки, но не умнѣй пробки; франтить, на родителей смотреть свысока и ни одну барышню не пропустить, чтобы не сказать ей: «Какъ вы наивны! Вы бы читали литературу!» Любитъ больше всего на свѣтѣ свой почеркъ, журналъ «Развлеченіе» и сапоги со скрипомъ, а наиболѣе всего самого себя и въ особенности въ ту минуту, когда сидитъ въ обществѣ дѣвицъ, пьетъ чай въ накладку и съ остервенѣніемъ отрицаетъ чертей.

Вотъ каковы дѣвица Подзатылкина и господинъ Назарьевъ! Чѣмъ не пара? Совсѣмъ пара! Совѣтъ да любовь!

На другой день послѣ сговора, утромъ, дѣвица Подзатылкина, возставъ отъ сна, была позвана кухаркой къ мамашѣ. Мамаша, лежа на кровати, прочла ей слѣдующую нотацию:

— Съ какой это стати ты нарядилась сегодня въ шерстяное платье? Могла бы нынче и въ барежевомъ походить. Голова-то какъ болитъ, ужасъ! Вчера лысая образина, твой отецъ то-есть, изволилъ пошутить. Нужны

миѣ его шутки дурачкія. Подносить это миѣ что-то въ рюмкѣ. «Выпей», — говорить. Думала, что въ рюмкѣ вино, — ну, и выпила, а въ рюмкѣ-то былъ укусу съ масломъ изъ-подъ селедокъ. Это онъ пошутить, пьяная образина! Срамить только умѣетъ! Меня сильно изумляетъ и удивляетъ, что ты вчера веселая была и не плакала. Чему рада была? Деньги нашла, что ли? Удивляюсь! Всякій и подумаль, что ты рада родительскій домъ оставить. Оно, должно-быть, такъ и выходитъ. Чтѣ? Любовь? Какая тамъ любовь? И вовсе ты не по любви идешь за своего, а такъ, за чиномъ его погналась! Чтѣ, развѣ не правда? То-то, что правда. А миѣ, мать моя, твой не нравится. Ужъ больно заносливъ и горделивъ. Ты его осадил... Что-о-о-о? И не думай!.. Черезъ мѣсяць же драться будете: и онъ таковскій и ты таковская. Замужество только дѣвицамъ однимъ нравится, а въ немъ ничего нѣтъ хорошаго. Сама испытала, знаю. Поживешь—узнаешь. Не вертись такъ, у меня и безъ того голова кружится. Мужчины всѣ дураки, съ ними жить не очень-то сладко. И твой тоже дуракъ, хоть и высоко голову держитъ. Ты его не больно-то слушайся, не потакай ему во всемъ и не очень-то уважай: не за что. Обо всемъ мать спрашивай. Чуть чтѣ случится, такъ и иди ко миѣ. Сама безъ матери ничего не дѣлай, Боже тебя сохрани! Мужъ ничего добраго не посовѣтуетъ, добру не научить, а все поровить въ свою пользу. Ты это знай! Отца тоже не больно слушай. Къ себѣ въ домъ не приглашай жить, а то ты, пожалуй, чего добраго, сдуру... и ляпнешь. Онъ такъ и норовитъ съ васъ стянуть что-нибудь. Будетъ у васъ сидѣть по цѣлымъ днямъ: а на что онъ вамъ сдася? Водки будетъ просить да мужнинъ табакъ курить. Онъ скверный и вредный человекъ, хоть отецъ тебѣ. Лицо-то у него, негодника, доброе, ну, а душа зато страсть какая ехидная. Занимать денегъ станетъ—не давайте, потому что онъ жуликъ, хоть онъ и тютюлярный совѣтникъ. Вонъ онъ кричитъ, тебя зоветъ! Ступай къ нему, да не говори ему того, чтѣ я тебѣ сейчасъ про него говорила.

Дѣвица Подзатылкина оставила мать свою и отправилась къ папашѣ, который сидѣлъ въ это время у себя на кровати и посыпалъ свою подушку персидскимъ порошкомъ.

— Дочь моя! — сказалъ ей папаша — Я очень радъ,

что ты намѣрена сочетаться съ такимъ умнымъ господиномъ, какъ господинъ Назарьевъ. Очень радъ и вполнѣ одобряю сей бракъ. Выходи, дочь моя, и не страшись! Бракъ это такой вкусный фактъ, что... ну, да что тамъ говорить? Живи, плодись и размножайся. Богъ тебя благословить! Я... я... плачу. Впрочемъ, слезы ни къ чему не ведутъ. Что такое слезы человѣческія? Одна только малодушная психіатрія, и больше ничего! Выслушай же, дочь моя, совѣтъ мой! Не забывай родителей своихъ! Мужъ для тебя не будетъ лучше родителей, право, не будетъ! Мужу нравится одна только твоя матеріальная красота, а намъ ты вся нравишься. За что тебя будетъ любить мужъ твой? За характеръ? За доброту? За эмблему чувствъ? Нѣтъ-съ! Онъ будетъ любить тебя за приданое твое. Вѣдь мы даемъ за тобой, душенька, не копейку какую-нибудь, а ровно тысячу рублей! Ты это понять должна! Господинъ Назарьевъ весьма хорошій, но ты его не уважай паче отца. Онъ прильнитъ къ тебѣ, но не будетъ истиннымъ другомъ твоимъ. Будутъ моменты, когда онъ... Нѣтъ, умолчу лучше, дочь моя. Мать, душенька, слушай, но съ осторожностью. Женщина она добрая, но двулично-вольнодумствующая и легкомысленная. Она тебѣ того посоветовать не можетъ, что совѣтуетъ тебѣ отецъ твой, бытія твоего виновникъ. Въ домъ свой ея не бери. Мужья тещъ не обожаютъ. Я самъ не любилъ своей тещи, такъ не любилъ, что неоднократно позволялъ себѣ подсыпать въ ея кофей жженой пробочки, отчего выходили весьма презрѣтельные «посы». Подпоручикъ Зюмбунчиковъ военнымъ судомъ за тещу судился. Развѣ не помнишь сего факта. Впрочемъ, тебя еще тогда на свѣтъ не существовало. Главное—во всемъ и вездѣ отецъ. Это ты знай и одного его только и слушай. Потомъ, дочь моя, европейская цивилизація породила въ женскомъ сословіи ту оппозицію, что будто бы, чѣмъ больше дѣтей у особы, тѣмъ хуже. Ложь! Баллада! Чѣмъ больше у родителей дѣтей, тѣмъ лучше. Впрочемъ, нѣтъ! Не то! Совсѣмъ наоборотъ! Я ошибся, душенька. Чѣмъ меньше дѣтей, тѣмъ лучше. Это я вчера читалъ въ одной журналистикѣ. Какой-то Мальтусъ сочинилъ. Такъ-то. Кто-то подѣхалъ... Ва! Да это женихъ твой! Съ шикомъ, канашка, шельмецъ этакій! Ай да мужчина! Настоящій Вальтеръ-Скоттъ! Поди, душенька, прими его, а я пока одѣнусь.

Прикатилъ господинъ Назарьевъ. Невѣста встрѣтила и сказала:

— Прошу садиться безъ церемоній!

Онъ шаркнулъ два раза правой ногой и сѣлъ возлѣ невѣсты.

— Какъ вы поживаете?—началь онъ съ обычной развязностью:—и какъ вамъ спалось? А я, знаете ли, всю ночь напролетъ не спалъ. Зола читала да о васъ мечтала. Вы читали Зола? Неужели нѣтъ? Ай-я-яй! Да это преступленіе! Миѣ одинъ чиновникъ далъ. Шикарно пишетъ, я вамъ прочитатъ дамъ. Ахъ, когда бы вы могли понять! Я такія чувствую чувства, какихъ вы никогда не чувствовали! Позвольте васъ чмокнуть!

Господинъ Назарьевъ привсталъ и поцѣловалъ нижнюю губу дѣвицы Подзатылкиной.

— А гдѣ ваши?—продолжалъ онъ еще развязнѣе.— Миѣ ихъ повидать надо. Я на нихъ, признаться, немножко сердить. Они меня здорово надули. Вы замѣтите. Вашъ отецъ говорилъ миѣ, что онъ надворный совѣтникъ, а оказывается теперь, что онъ всего только титулярный. Гм!.. Развѣ такъ можно? Потомъ-съ. Онъ обѣщался дать за вами полторы тысячи, а маменька ваша вчера сказала миѣ, что больше тысячи я не получу. Развѣ это не свиство? Черкесы—кровожадный народъ, и то такъ не дѣлаютъ. Я не позволю себя надувать! Все дѣлай, но самолюбія и самозабвенія моихъ не трогай! Это не гуманно! Я честный человекъ, а потому не люблю нечестныхъ. У меня все можно, но не хитри, не язви, а дѣлай такъ, какъ совѣсть у человека! Такъ-то! У нихъ и лица какія-то невѣжественныя! Чтѣ это за лица? Это не лица! Вы меня извините, но родственныхъ чувствъ я къ нимъ не чувствую. Вы съ ними не церемоньтесь! Вотъ какъ повѣнчаемся, такъ мы ихъ приструнимъ. Нахальства и варварства не люблю! Я хоть и не скептикъ и не циникъ, а все-таки въ образованіи толкъ понимаю. Мы ихъ приструнимъ. Мои родители у меня давно ужъ ни гу-гу. Чтѣ, вы ужъ кофеи пили? Нѣтъ? Ну, такъ и я съ вами напьюсь. Подите миѣ на папироску принесите, а то я свой табакъ дома забылъ.

Невѣста вышла. Это передъ свадьбой... А чтѣ будетъ послѣ свадьбы, я полагаю, извѣстно не однимъ только пророкамъ да сомнамбуламъ.

1880.

Сочиненія А. П. Чехова. Т. XVII.

16

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ ИЮНЯ.

(Шутка).

(Съ удовольствіемъ посвящается гг. охотникамъ, плохо стрѣляющимъ и не умѣющимъ стрѣлять).

Наступило утро желаннаго, давно снившагося дня, наступило — ура-а-а, господа охотники! — 29-е іюня... Наступилъ день, въ который забываются долги, жучки, дорогіе харчи, тещи и даже молодья жены, — день, въ который г. уряднику, запрещающему стрѣлять, можно показать двадцать кукишей.

Поблѣднѣли и затуманились звѣзды... Кое-гдѣ послышались голоса... Изъ деревенскихъ трубъ повалилъ сизый, ѣдкій дымъ. На сѣрой колокольнѣ показался не совсѣмъ еще проснувшійся понамарь и ударилъ къ обѣднѣ... Послышалось храпѣнье растянувашагося подѣ деревомъ ночного сторожа. Проснулись щуры, закопошились, залетали съ одного конца сада на другой и подняли свое невыносимое, надобѣдливое чирканье... Въ терновникѣ загѣла иволга... Надъ людскою кухней засуетились скворцы и удоы. Начался утренній концертъ...

Къ развалившемуся, живописно обросшему колючей кропивою крыльцу дома отставнаго гвардіи корнета Егора Егорыча Обтемперанскаго подѣѣхали двѣ тройки. Въ домѣ и во дворѣ поднялась страшная кутерьма. Все живущее вокругъ Егора Егорыча заходило, забѣгало и застучало по всѣмъ лѣстницамъ, сараямъ и конюшнямъ... Переѣздили одного корейного. У кучеровъ слетѣли съ головъ картузы, у лакея, Катькина прихвостня, засіялъ подѣ но-

сомъ красный фонарикъ, кухарокъ назвали «стервозами», слышалось имя сатаны и аггеловъ его... Въ пять минутъ тарантасы наполнились коврами, полостями, кулками съ провизіей, ружейными чехлами.

— Готово-съ!—пробасилъ Аввакумъ.

— Пожалуйте! Готово!—крикнулъ сладенькимъ голосомъ Егоръ Егорычъ, и на крыльцѣ показалась многочисленная публика. Первый вскочилъ въ тарантасъ молодой докторъ. За нимъ вползъ архангельскій мѣщанинъ Кузьма Больва, старичокъ въ сапогахъ безъ каблучковъ, въ рыжемъ цилиндрѣ, съ двадцатипятифунтовой двустволкой и съ желто-зелеными пятнами на шеѣ. Больва—плебей, но гг. помѣщики изъ уваженія къ его преклоннымъ лѣтамъ (онъ родился въ концѣ прошлаго столѣтія) и умѣнью попадать въ подброшенный двугривенный не брезгуютъ его плебействомъ и берутъ съ собой на охоту.

— Пожалуйте, ваше превосходительство!—обратился Егоръ Егорычъ къ маленькому, сѣдому толстячку въ бѣломъ со свѣтлыми пуговицами кителѣ и съ анненскимъ крестомъ на шеѣ. — Подвиньтесь, докторъ!

Отставной генералъ крикнулъ, сталъ одной ногой на подножку, поддерживаемый Егоромъ Егорычемъ, толкнулъ животомъ доктора и грузно усѣлся возлѣ Больвы. За генераломъ вскочили генеральскій щенокъ «Тщетный» и лягавый Егора Егорыча «Музыкантъ».

— М-м-м... того, братецъ Ваня!—обратился генералъ къ своему племяннику, юношѣ-гимназисту съ длинной одностволкой черезъ спину.—Ты можешь сѣсть здѣсь, возлѣ меня. Иди сюда! И-да... Вотъ здѣсь. Не шали, мой другъ! Лошадь можетъ испугаться!

Пустивъ еще разъ въ носъ коренному табачнаго дыма, Ваня вскочилъ въ тарантасъ, отодвинулъ Больву отъ генерала и, повертѣвшись, сѣлъ. Егоръ Егорычъ переkreтился и сѣлъ рядомъ съ докторомъ. На козлахъ, рядомъ съ Аввакумомъ, примостился длинный и сухой преподаватель математики и физики въ Вапиней гимназій, г. Манже.

Первый тарантасъ наполнился. Началась нагрузка второго тарантаса.

— Готово?—крикнулъ Егоръ Егорычъ, когда во второй тарантасъ, послѣ долгого споровъ и бѣгавья вокругъ и около, помѣстились остальные восемь человекъ и три собаки.

— Готово!—крикнули гости.

— Ну? И такъ, значить, трогать, ваше превосходительство? Господи, благослови, — трогай, Аввакумка!

Первый тарантасъ покачулся и тронулся съ мѣста. Второй, вмѣщавшій въ себѣ самыхъ ярыхъ охотниковъ, покачулся, отчаянно скрипнулъ, взялъ немного въ сторону и, очутившись впереди перваго, покатишь къ воротамъ. Охотники улыбнулись всѣ разомъ и захлопали въ ладоши. Всѣ почувствовали себя на седьмомъ небѣ, но... злая судьба!.. не успѣли они выѣхать со двора, какъ случился скандалъ.

— Стой! Подожди! Стой! — раздался сзади троекъ прозвительный теноръ.

Охотники оглянулись и поблѣднѣли. За тройками гнался невыносимѣйшій въ мірѣ человекъ, известный всей губерніи скандалистъ, братъ Егора Егорыча, отставной капитанъ 2-го ранга Михай Егорычъ... Онъ отчаянно махалъ руками. Тройка остановилась.

— Что тебѣ? — спросилъ Егоръ Егорычъ.

Михай Егорычъ подбѣжалъ къ тарантасу, сталъ на подножку и замахнулся на Егора Егорыча. Охотники зашумѣли.

— Что такое? — спросилъ покраснѣвшій Егоръ Егорычъ.

— То такое, — закричалъ Михай Егорычъ: — что ты Гуда, скотина, свинья!.. Свинья, ваше превосходительство? Ты отчего не разбудилъ меня? Отчего ты не разбудилъ меня, осель, я тебя спрашиваю, подлеца этакого? Позвольте, господа... Я ничего... Я его только поучить хочу! Ты почему не разбудилъ меня? Не хочешь брать съ собой? Я помѣшаю тебѣ? Напоилъ меня вчера вечеромъ нарочно и думалъ, что я проспю до двѣнадцати часовъ! Каковъ молодець? Позвольте, ваше превосходительство... Я его только разъ... смажу... Позвольте!

— Чего вы лѣзете? — крикнулъ генераль, растопыривая руки. — Развѣ не видите, что нѣтъ мѣста? Вы ужъ слишкомъ... позвольте...

— Напрасно ты бранишься, Михай! — сказалъ Егоръ Егорычъ. — Я не разбудилъ тебя потому, что тебѣ не зачѣмъ ѣхать съ нами... Ты не умѣешь стрѣлять. Зачѣмъ тебѣ ѣхать? Мѣшать? Вѣдь ты не умѣешь стрѣлять?

— Не умѣю! Не умѣю я стрѣлять! — закричалъ Михай Егорычъ такъ громко, что даже Больва заткнулъ уши. —

Но, въ такомъ случаѣ, за какимъ чортомъ докторъ ѣдетъ? Онъ тоже не умѣетъ стрѣлять! Онъ лучше меня стрѣляетъ?

— Онъ правъ, господа!—сказалъ докторъ.—Я не умѣю стрѣлять, не умѣю ружье даже держать... Я терпѣть не могу стрѣльбы... Я не знаю, зачѣмъ вы берете меня съ собой... Пусть онъ садится на мое мѣсто! Я съ удовольствіемъ остался бы... Есть мѣсто, Михай Егорычъ.

— Слышишь, слышишь? Зачѣмъ же ты его берешь?

Докторъ поднялся съ явнымъ намѣреніемъ выльзти изъ тарантаса. Егоръ Егорычъ схватилъ доктора за фалду и потянулъ его внизъ.

— Но... не рвите сюртука! Онъ тридцать рублей стоить... Пустите! И вообще, господа, я просилъ бы не бесѣдовать со мной сегодня... Я не въ духѣ и могу непріятностей надѣлать, самъ того не желая. Пустите, Егоръ Егорычъ! Я спать пойду!

— Вы должны ѣхать, докторъ!—сказалъ Егоръ Егорычъ, не выпуская фалды.—Вы дали честное слово, что поѣдете?

— Это было вынужденное честное слово! Ну, для чего жъ мнѣ ѣхать, для чего?

— А для того,—запищалъ Михай Егорычъ:—чтобы вы не остались съ его женой! Вотъ для чего! Онъ ревнуетъ къ вамъ, докторъ! Не ѣзжайте, голубчикъ! На зло не ѣзжайте! Ревнуетъ, ей-Богу, ревнуетъ!

Егоръ Егорычъ густо покраснѣлъ и сжалъ кулаки.

— Эй вы!—крикнули съ другого тарантаса:—Михай Егорычъ, будетъ вамъ ерундить! Идите сюда, нашлось мѣсто!

Михай Егорычъ ехидно улыбнулся.

— А что, акула,—сказалъ онъ:—чья взяла? Слышалъ? Нашлось мѣсто! На зло поѣду! Поѣду и буду мѣшать! Ни черта не убьешь! А вы, докторъ, не ѣзжайте. Пусть лопнетъ отъ ревности!

Егоръ Егорычъ подпрыгнулъ и потрясъ кулаками. Глаза его налились кровью.

— Негодяй!—сказалъ онъ, обращаясь къ брату.—Ты не братъ мнѣ! Недаромъ прокляла тебя матушка, покойница! Батюшка скончался во цвѣтъ лѣтъ чрезъ твое безнравственное поведеніе!

— Господа!—вмѣшался генералъ.—Я полагаю... достаточно. Братъ, родные братъ!

— Онъ родной осель, ваше превосходительство, а не брать! Не ѣзжайте, докторъ! Не ѣзжайте!

— Трогай, чтобы чортъ побралъ васъ... А-а-а... Чортъ знаетъ, что такое! Трогай!—крикнулъ генераль и ударилъ кулакомъ въ спину Аввакума.—Трогай!

Аввакумъ ударилъ по лошадямъ, и тройка тронулась съ мѣста. Во второмъ тарантасѣ писатель, капитанъ Кардамоновъ, взялъ себѣ на колѣни двухъ собакъ, а на ихъ мѣсто усадилъ ретиваго Михея Егорыча.

— Счастье его, что нашлось мѣсто!—сказалъ Михей Егорычъ, усаживаясь въ тарантасъ:—а то бы я его... Опишите-ка этого разбойника, Кардамоновъ!

Кардамоновъ послалъ въ прошломъ году въ «Ниву» статью подъ заглавіемъ: «Интересный случай многоплодія среди крестьянскаго народонаселенія», прочелъ въ почтовомъ ящикѣ неприятный для авторскаго самолюбія отвѣтъ, пожаловался сосѣдямъ и прослылъ писателемъ.

Согласно предначертанному плану дѣйствій, рѣшено было ѣхать прежде всего на крестьянскій сѣнокосъ, находящійся въ семи верстахъ отъ имѣнія Егора Егорыча,—ѣхать на перепеловъ. Приѣхавши на сѣнокосъ, охотники вылѣзли изъ тарантасовъ и раздѣлились на двѣ группы. Одна группа, имѣя во главѣ генерала и Егора Егорыча, направилась направо: другая, съ Кардамоновымъ во главѣ, пошла налево. Больва отсталъ и пошелъ самъ по себѣ. На охотѣ онъ любилъ тишину и молчаніе. «Музыкантъ» съ лаемъ побѣжалъ впередъ и черезъ минуту согналъ перепела. Ваня выстрѣлилъ и не попалъ.

— Высоко взялъ, чортъ возьми!—проворчалъ онъ.

Щенокъ «Тщетный», взятый «пріучаться», услышавъ первый разъ въ жизни выстрѣлъ, залаялъ и, поджавъ хвостъ, побѣжалъ къ тарантасамъ. Манже выстрѣлилъ въ жаворонка и попалъ.

— Нравится мнѣ эта птичка!—сказалъ онъ, показывая доктору жаворонка.

— Проваливайте...—сказалъ тотъ.—Вообще я просилъ бы васъ не бесѣдовать со мною... Я сегодня не въ духѣ. Отойдите отъ меня!

— Вы скептикъ, докторъ!

— Я-то? Гм... А что значитъ скептикъ?

Манже задумался.

— Скептикъ значитъ чловѣко...чловѣко...нелюбець,—сказалъ онъ.

— Врете. Не употребляйте тѣхъ словъ, которыхъ вы не понимаете. Отойдите отъ меня! Я могу надѣлать непріятностей, самъ того не желая... Я не въ духѣ...

«Музыкантъ» сдѣлалъ стойку. Генераль и Егоръ Егорычъ поблѣднѣли и притаили дыханіе.

— Я выстрѣлю!—прошепталъ генераль.—Я... я.. позвольте! Вы во второй разъ ужъ того...

Но не удалась стойка. Докторъ отъ-нечего-дѣлать пустилъ камешкомъ въ «Музыканта» и попалъ между ушей... «Музыкантъ» взвизгнулъ и подскочилъ. Генераль и Егоръ Егорычъ оглянулись. Въ травѣ послышался шорохъ, и взлетѣлъ крупный стрепетъ. Во второй группѣ зашумѣли и указали на стрепета. Генераль, Манже и Ваня прицѣлились; Ваня выстрѣлилъ, у Манже осѣклось... Поздно было! Стрепетъ полетѣлъ на курганъ и опустился въ рожь.

— Полагаю, докторъ, что... не время теперь шутить!—обратился генераль къ доктору.— Не время-съ!

— А?

— Не время теперь шутить!

— Я не шучу.

— Неловко, докторъ!—замѣтилъ Егоръ Егорычъ.

— Не брали бы... Кто васъ просилъ брать меня? Впрочемъ... не желаю объясняться... Я не въ духѣ сегодня...

Манже убилъ другого жаворонка. Ваня согналъ молодого грача, выстрѣлилъ и не попалъ.

— Высоко взялъ, чортъ возьми!—проворчалъ онъ.

Послышались подь рядъ два выстрѣла: Бовва уложилъ за курганомъ своей тяжелой двустволкой двухъ перепеловъ и положилъ ихъ въ карманъ. Егоръ Егорычъ согналъ перепела и выстрѣлилъ. Подстрѣленная перепелка упала въ траву. Торжествующій Егоръ Егорычъ поднялъ ее и поднесъ генералу.

— Въ крылышко, ваше превосходительство! Жива еще-съ!

— Н-да... Жива... Надо предать скорой смерти.

Сказавши это, генераль поднесъ перепелку ко рту и клыками перегрызъ ей горло. Манже убилъ третьяго жаворонка. «Музыкантъ» сдѣлалъ другую стойку. Генераль сбросилъ съ головы фуражку, навелъ ружье... «Пилъ!» Взлетѣлъ крупный перепелъ, но... мерзавецъ-докторъ торчалъ какъ разъ на области выстрѣла, почти передъ дуломъ.

— Прочь!—крикнулъ генераль.

Докторъ отскочилъ, генераль выстрѣлилъ, и, разумѣется, дробь опоздала.

— Это низко, молодой человекъ! — крикнулъ генераль.

— Что такое? — спросилъ докторъ.

— Вы мѣшаете! Чортъ васъ просить мѣшать! По вашей милости я промахнулся! Чортъ знаетъ, что такое, — изъ рукъ вонъ!

— Да вы-то чего тамъ кричите? Пфф... не боюсь. Я генераловъ не боюсь, ваше превосходительство, а въ особенности отставныхъ. Потише, пожалуйста!

— Удивительный человекъ! Ходить и мѣшаетъ, ходить и мѣшаетъ, — ангелъ выйдетъ изъ терпѣнія!

— Не кричите, пожалуйста, генераль! Кричите, вотъ, на Манже! Онъ, кстати, боится. Хорошему охотнику никто не помѣшаетъ. Скажите лучше, что стрѣлять не умѣете!

— Довольно-съ! Вамъ слово — вы мнѣ десять... Ванечка, дай-ка сюда пороховницу! — обратился генераль къ Ванѣ.

— Для чего ты пригласилъ на охоту этого бурбона? — спросилъ докторъ Егора Егорыча.

— Нельзя было, братъ! — отвѣтилъ Егоръ Егорычъ. — Нельзя было не взять. Вѣдь я ему того... восемь тысячъ... Э-хе-хе, братецъ! Не будь этихъ проклятыхъ долговъ...

Егоръ Егорычъ не договорилъ и махнулъ рукою.

— Правда, что ты ревнуешь?

Егоръ Егорычъ отвернулся и прицѣлился въ высоко летѣвшаго коршуна.

— Ты его потерялъ, молокососъ! — раздался громовый голосъ генерала. — Ты потерялъ его! Онъ сто рублей стѣить, поросенокъ!

Егоръ Егорычъ подошелъ къ генералу и освѣдомился, въ чемъ дѣло? Оказалось, что Ваня потерялъ генеральскій патронташъ. Начались поиски за патронташемъ, и охота была прервана. Поиски продолжались часъ съ четвертью и увѣнчались успѣхомъ. Нашли патронташъ охотники и сѣли отдохнуть.

Во второй группѣ перепелиная охота была тоже не совсѣмъ удачна. Въ этой группѣ Михай Егорычъ былъ тѣмъ же, чѣмъ докторъ въ первой, даже хуже. Онъ выбивалъ изъ рукъ ружья, бранился, билъ собакъ, разсыпалъ порохъ, словомъ — выдѣлывалъ чортъ знаетъ что...

Послѣ неудачныхъ выстрѣловъ по перепеламъ, Кардамоновъ со своими собаками погнался за молодымъ коршуномъ. Коршуна подстрѣлили и не нашли. Калитанъ 2-го ранга убилъ камнемъ суслика.

— Господа, давайте анатомировать суслика!—предложилъ письмоводитель предводителя дворянства, Некричихвостовъ.

Охотники сѣли на траву, вынули перочинные ножи и занялись анатоміей.

— Я въ этомъ сусликѣ ничего не нахожу,—сказалъ Некричихвостовъ, когда сусликъ былъ изрѣзанъ на мелкіе кусочки.—Даже сердца нѣтъ. Вотъ кишки такъ есть. Знаете чтò, господа? Поѣдемте-ка на болота! Чтò мы тутъ можемъ убить? Перепелѣ—не дичь; то ли дѣло кулички, бекасы... А? Ъдемъ?

Охотники поднялись и лѣниво направились къ тарантасамъ. Приближаясь къ тарантасамъ, они сдѣлали залпъ по своимъ голубямъ и убили одного.

— Ваше превосход.. Егорыгорчъ! Ваше... Егорчъ...—закричала вторая группа, увидѣвъ отдыхающую первую.—Ау, ау!

Генераль и Егоръ Егорычъ оглянулись. Вторая группа замахала фуражками.

— Зачѣмъ?—крикнулъ Егоръ Егорычъ.

— Дѣло есть! Драхву убили! Скорѣй сюда!

Первая группа драхвъ не повѣрила, но къ тарантасамъ пошла. Усѣвшись на тарантасы, охотники порѣшили оставить перепеловъ въ покоѣ и, согласно маршруту, проѣхать еще нять верстъ—къ болотамъ.

— Я ужасно горячъ на охотѣ,—обратился генераль къ доктору, когда тройки отѣхали версты на двѣ отъ сѣнокоса.—Ужасно. Отца родного не пощажу. Ужъ вы того... извините старику!

— Гм...

— Какимъ добрякомъ, шельмецъ, сталъ!—шепнулъ Егоръ Егорычъ доктору на ухо.—Чтò значитъ, мода пошла дочекъ за докторовъ отдавать: хитерь его превосходительство! Хе-хе-хе...

— А просторнѣй стало!—замѣтилъ Ваня.

— Да.

— Отчего бы это? Совсѣмъ просторно.

— Господа, а Больва гдѣ?—хватился Манже.

Охотники посмотрѣли другъ на друга.

— Гдѣ Больва? — повторилъ Манже.

— Должно-быть, на той тройкѣ. Господа, — крикнулъ Егоръ Егорычъ: — Больва съ вами?

— Нѣту, нѣту! — крикнулъ Кардамоловъ.

Охотники задумались.

— Ну, чортъ съ нимъ! — порѣшили генераль. — Не вочащаться же за нимъ!

— Надо бы, ваше превосходительство, воротиться. Слабъ ужъ очень. Безъ воды умреть. Не дойдетъ.

— Захочетъ, такъ дойдетъ.

— Умреть старичокъ. Вѣдь ему девяносто!

— Пустяки.

Подѣхавъ къ болотамъ, наши охотники просто-таки обозлились. Болота были запружены охотниками, и вылѣзть изъ таранасовъ поэтому не стоило. Немного подумавъ, охотники порѣшили проѣхать еще пять верстъ, къ казненнымъ лѣсамъ.

— Кого же вы тамъ стрѣлять будете? — спросилъ докторъ.

— Дроздовъ, орлицъ... Ну, тетеревовъ.

— Такъ-съ. Ну, а что подѣлываютъ мои несчастные больные? И зачѣмъ вы меня взяли съ собой, Егоръ Егорычъ? Эхъ!

Докторъ вздохнулъ и почесалъ затылокъ. Подѣхавъ къ первому попавшемуся лѣску, охотники повылѣзли изъ таранасовъ и начали совѣщаться, кому идти направо и кому налево?

— Знаете что, господа? — предложилъ Некричихвостовъ. — Въ силу того закона, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ природы, что дичь отъ насъ не уйдетъ... Гм... Дичь отъ насъ не уйдетъ, господа! Давайте-ка прежде всего подкрѣпимся! Винца, водочки, пкорки... балычка... Вотъ тутъ на травкѣ. Вы какого мнѣнія, докторъ? Вамъ лучше это знать: вы — докторъ. Вѣдь нужно подкрѣпиться?

Предложеніе Некричихвостова было принято. Аввакумъ и Фирсъ разостлали два ковра и разложили вокругъ нихъ кульки со свертками и бутылками. Егоръ Егорычъ порѣзалъ колбасы, сыру, балыка, Некричихвостовъ раскупорилъ бутылки, Манже нарѣзалъ хлѣба... Охотники облизнулись и возлегли.

— Ну-съ, ваше превосходительство! По маленькой... Охотники выпили и закусили. Докторъ тотчасъ же на-

лилъ себѣ другую и выпилъ. Ваня послѣдовалъ его примѣру.

— А вѣдь тутъ, надо полагать, и волки есть, — глубокомысленно замѣтилъ Кардамоновъ, поглядывая искоса на деревья.

Охотники подумали, поговорили и минутъ черезъ десять порѣшили, что волковъ, надо полагать, нѣтъ.

— Ну-съ? По другой? Пропустимъ-ка! Егоръ Егорычъ, вы чего смотрите?

Выпили по другой.

— Молодой человѣкъ! — обратился Егоръ Егорычъ къ Ванѣ. — Вы-то чего думаете?

Ваня замоталъ головой.

— Но при мнѣ можешь, — сказалъ генераль. — Безъ меня не пей, но при мнѣ... Выпей немножко!

Ваня налилъ рюмку и выпилъ.

— Ну-съ? По третьей? Ваше превосходительство...

Выпили по третьей. Докторъ выпилъ шестую.

— Молодой человѣкъ!

Ваня замоталъ головой.

— Пейте, Амфитеатровъ! — сказалъ покровительственнымъ тономъ Манже.

— При мнѣ можно, но безъ меня... Выпей немного!

Ваня выпилъ.

— Чего это небо сегодня такое синее? — сказалъ Кардамоновъ.

Охотники подумали, потолковали и черезъ четверть часа порѣшили, что неизвѣстно, отчего это небо сегодня такое синее.

— Заяцъ... заяцъ... заяцъ!!! Держи!!!

За бугромъ показался заяцъ. За нимъ гнались двѣ дворняги. Охотники повскакали и ухватились за ружья. Заяцъ пролетѣлъ мимо, помчался въ лѣсъ, увлекая за собой дворнягъ, «Музыканта» и другихъ собакъ. «Тщетный» подумалъ, подумалъ, посмотрѣлъ подозрительно на генерала и тоже помчался за зайцемъ.

— Крупный!.. Вотъ его бы... Какъ это мы... прозѣвали?

— Да. Чего же эта бутылка тутъ того... Это вы не выпили, ваше превосходительство? Э-э-э... Такъ вотъ вы какъ?

Выпили по четвертой. Докторъ выпилъ десятую, съ остервенѣніемъ крикнулъ и отправился въ лѣсъ. Выбравъ самую широкую тѣнь, онъ легъ на травку, подложилъ

подъ голову сюртукъ и тотчасъ же захрапѣлъ. Ваню развезло. Онъ выпилъ еще рюмочку, принялся за пиво, и въ немъ разыграла душа. Онъ сталъ на колѣни и продекламировалъ 20 стиховъ изъ Овидія.

Генераль замѣтилъ, что латинскій языкъ очень похожъ на французскій... Егоръ Егорычъ согласился съ нимъ и добавилъ, что при изученіи французскаго языка необходимо знать похожій на него латинскій. Манже не согласился съ Егоромъ Егорычемъ, замѣтивъ, что не мѣсто толковать тамъ про языки, гдѣ сидитъ физико-математикъ и стоитъ такъ много бутылокъ, добавивъ, что ружье его прежде дорого стоило, что теперь нельзя найти хорошаго ружья, что...

— По восьмой, господа?

— Не много ли будетъ?

— Ну-у-у. Чтѣ вы? Восемь и много? Вы, значитъ, не пили никогда!

Выпили по восьмой.

— Молодой человѣкъ!

Ваня замоталъ головой.

— Полно, ну-ка, по-военному! Вы такъ хорошо стрѣляете...

— Выпейте, Амфитеатровъ! — сказала Манже.

— При мнѣ пей, но безъ меня... Выпей немного!

Ваня отставилъ въ сторону пиво и выпилъ еще рюмочку.

— По девятой, господа, а? Какого мнѣнія? Терпѣть не могу числа восемь. Восьмого числа у меня умеръ отецъ... Ѳедоръ. То-есть Иванъ. Егоръ Егорычъ! Наливайте!

Выпили по девятой.

— Жарко, однако.

— Да, жарко, но это не помѣшаетъ намъ выпить по десятой?

— Но...

— Плевать на жару! Докажемъ, господа, стихіямъ, что мы ихъ не боимся! Молодой человѣкъ! Покажите-ка примѣръ... Пристыдите вашего дядюшку! Не боимся ни хлада ни жары...

Ваня выпилъ рюмочку. Охотники крикнули «ура!» и послѣдовали его примѣру.

— Солнечный ударъ можетъ приключиться, — сказалъ генераль.

— Не можетъ!

— Однако бывали же случаи... Мой крестный умеръ отъ солнечнаго удара...

— Вы, докторъ, какъ думаете? Можетъ ли при нашемъ климатѣ ударъ приключиться... солнечный, а? Докторъ!

Отвѣта не послѣдовало.

— Вамъ не приходилось лѣчить, а? Мы про солнечный... Докторъ! Гдѣ же докторъ?

— Гдѣ докторъ? Докторъ!

Охотники посмотрѣли вокругъ себя: доктора не было.

— Гдѣ же докторъ? Исчезоша? Яко воскъ отъ лица огня! Ха-ха-ха...

— Къ Егоровой женѣ отправился!—липнулъ Михай Егорычъ.

Егоръ Егорычъ поблѣднѣлъ и уронилъ бутылку.

— Къ женѣ его отправился!—продолжалъ Михай Егорычъ, кушая балыкъ.

— Чего же вы врете?—спросилъ Манже. — Вы видѣли?

— Видѣлъ. Ъхалъ мимо мужикъ на таратайкѣ... ну, а онъ сѣлъ и уѣхалъ. Ей-Богу. По одиннадцатой, господа?

Егоръ Егорычъ поднялся и потрясъ кулаками.

— Я спрашивалъ: куда вы ѣдете?—продолжалъ Михай Егорычъ.—За клубникой, говоритъ. Рожки шлифовать. Я, говоритъ, ужъ наставилъ рожки,—ну, а теперь шлифовать ѣду. Прощайте, говоритъ, милый Михай Егорычъ! Кланяйтесь, говоритъ, свояку Егору Егорычу! И такъ еще глазомъ сдѣлалъ... На здоровье, говорю... хе-хе-хе.

— Лошадей!!!—крикнулъ Егоръ Егорычъ и, покачиваясь, побѣжалъ къ тарантасу.

— Скорѣй, а то опоздаешь!—крикнулъ Михай Егорычъ.

Егоръ Егорычъ втащилъ на козла Аввакума, вскочилъ въ тарантасъ и, погрозивъ охотникамъ, покатилъ домой.

— Чтѣ же все это значить, господа?—спросилъ генералъ, когда скрылась изъ глазъ бѣлая фуражка Егора Егорыча.—Онъ уѣхалъ... На чемъ же, чортъ возьми, я уѣду? Онъ на моемъ тарантасѣ уѣхалъ! То-есть не на моемъ, а на томъ, на которомъ мнѣ нужно уѣхать... Это странно... Гм... Дерзко съ его стороны...

Съ Вашей сдѣлалось дурно. Водка, смѣшанная съ пи-

вомъ, подѣйствовала, какъ рвотное... Нужно было везти Ваню домой. Послѣ пятнадцатой охотники порѣшили тройку уступить генералу, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ, пріѣхавши домой, немедленно выслалъ свѣжихъ лошадей за остальной компаніей.

Генераль сталъ прощаться.

— Передайте ему, господа, — сказала онъ: — что... что такъ дѣлають одиѣ только свиньи.

— Вы, ваше превосходительство, векселя его протестуйте! — посовѣтовалъ Михай Егорычъ.

— А? Векселя? Нда-съ... Пора ужъ ему... Нужно честь знать... Я ждалъ, ждалъ и наконецъ утомился ждать! Скажите ему, что протест... Прощайте, господа! Прошу ко мнѣ!

Охотники простились съ генераломъ и положили его въ тарантасъ рядомъ съ заболѣвшимъ Ваней.

— Трогай!

Ваня и генераль уѣхали.

Послѣ восемнадцатой охотники отправились въ лѣсъ и, пострѣлявъ немного въ цѣль, улеглись спать. Передъ вечеромъ пріѣхали за ними генеральскія лошади. Охресь вручилъ Михай Егорычу письмо съ передачей «братцу»; въ этомъ письмѣ была просьба, за неисполненіе которой грозилось судебнымъ приставомъ. Послѣ третьей (приснувшъ, охотники повели новый счетъ) генеральскіе кучера уложили охотниковъ въ тарантасы и развезли по домамъ.

Егоръ Егорычъ, пріѣхавши домой, былъ встрѣченъ «Музыкантомъ» и «Тщетнымъ», для которыхъ заяцъ былъ только предлогомъ, чтобы удрать домой. Посмотрѣвъ грозно на свою жену, Егоръ Егорычъ принялся за поиски. Были обысканы всѣ кладовыя, шкапы, сундуки, комоды, — доктора не нашелъ Егоръ Егорычъ. Онъ нашелъ другого: подъ жениной кроватью обрѣлъ онъ псаломщика Фортунатова.

Было уже темно, когда проснулся докторъ... Поблуждавъ немного въ лѣсу и вспомнивши, что онъ на охотѣ, докторъ громко выругался и принялся аукать. Отвѣта на ауканье, разумѣется, не послѣдовало, и онъ порѣшилъ отправиться пѣшечкомъ. Дорога была хорошая, безопасная, свѣтлая. Двадцать четыре версты онъ отмахалъ въ какіе-нибудь четыре часа и къ утру былъ уже въ земской больницѣ. Побранившись всласть съ фельдшерами,

акушеркой и больными, онъ принялся сочинять огромнѣйшее письмо къ Егору Егорычу. Въ этомъ письмѣ требовалось «объясненій неблаговидныхъ поступковъ», бранились ревнивые мужья и давались клятвы не ходить никогда болѣе на охоту, — никогда! даже и двадцать девятаго іюня.

1881.

СЕЛЬСКІЯ КАРТИИКИ.

СУДЪ.

Большіая пригородная слобода. Изба фельдшера Кузьмы Егорова. Душно, жарко. Проклятые комары и мухи толпятся около глазъ и ушей и надоѣдаютъ до чортиковъ... Въ раскаленномъ и пропитанномъ всевозможными запахами воздухъ висятъ облака табачнаго дыму... Въ воздухѣ, на лицахъ, въ пѣвнн комаровъ такая тоска, что хоть въ петлю полѣзай... А тутъ еще карболкой разить... Большой столъ: на столѣ блюдечко съ орѣховой скорлупой, ножницы, баночка съ зеленой мазью, четырнадцать картузовъ и пять пустыхъ штофовъ. За столомъ, соблюдая по возможности старшинство, возсѣдаютъ: Кузьма Егоровъ, отецъ дьяконъ, староста, младшій фельдшеръ Ивановъ, дьячокъ Теофанъ Манафуловъ, лавочникъ армянинъ Минасъ Разбабай, приказчикъ купца Ябедова, Лука Лучковъ, унтеръ-офицеръ Феропонтовъ, регентъ Терпигоревъ, бась Михайла, всеобщій кумъ Парфентій Иванычъ и пріѣхавшій изъ города въ гости къ теткѣ Анисѣ жандармъ Fortunатовъ. Въ почтительномъ отдаленіи отъ стола стоитъ сынъ Кузьмы Егорова, писарь Митрофанъ, весь состоящій изъ очень длинной спины, синяго носика, розоваго галстучка, колючихъ воротничковъ и лоснящихся сапогъ. Онъ чувствуетъ себя очень неловко и дрожащей рукой теребитъ свои усики. Возлѣ дверей, развалиясь на супдукѣ, возлегаеть полицейскій урядникъ Грандіозновъ, и читаетъ «Губернскія Вѣдомости». Въ передней ожидаютъ разслабленные... Сейчасъ только привезли откуда-то бабу съ поломаннымъ ребромъ... Она лежитъ и стонетъ... Подъ окнами толпится народъ, пришедшій посмотреть.

какъ Кузьма Егоровъ своего сына, ученаго писаря, пороть будетъ.

— Вы все говорите, что я вру, — говоритъ писарь: — а потому я съ вами говорить долго не намѣренъ. Словами, панаша, въ девятнадцатомъ столѣтїи ничего не возьмешь и никого въ удивленїе не приведешь, потому что теорїя, какъ вамъ самимъ небезызвѣстно, безъ практики существовать не можетъ... И разсужденїй длинныхъ не обожаю...

— Молчи! — говоритъ Кузьма Егоровъ. — Матерїи ты не разводи, а говори намъ тоакомъ, куда деньги мои дѣвалъ?

— Деньги? Гм... Вы настолько умный человѣкъ, что сами должны понимать, что я вашихъ денегъ не трогалъ. Я отъ васъ, кромѣ серебряныхъ да мѣдоги, ничего не видалъ. Бумажки свои вы не для меня копите... Грѣшить нечего...

— Вы, Митрофаній Косьмичъ, будьте откровенны, — говоритъ отецъ дьячокъ. — Вѣдь мы васъ для чего это спрашиваемъ? Мы васъ убѣдить желаемъ, на путь наставить благой... Папашенька вашъ ничего вамъ, окромѣ пользы вашей... И васъ вотъ попросилъ... Вы откровенно... Кто не грѣшитъ? Вы взяли у вашего панаша двадцать пять рублей, что тутъ позавчера лежали, или не вы?

Писарь силевываетъ въ сторону и молчитъ.

— Говори же, шутъ тебя задержи! — кричитъ Кузьма Егоровъ и стучитъ кулакомъ о столъ. — Говори: ты или не ты?

— Какъ намъ угодно-съ... Пускай...

— Пущай, — поправляетъ регентъ.

— Пущай, это я вралъ... Только напрасно вы меня, папаша, къ шутамъ гоните... Стучать тоже не для чего. Какъ ни стучите, а стола сквозь землю не провалите, денегъ вашихъ я никогда у васъ не бралъ, а ежели бралъ когда-нибудь, то по надобности... И живой человѣкъ, одушевленное имя существительное, и мнѣ деньги нужны... Не камень!..

— Поди да заработай, коли онѣ тебѣ нужны, а меня обирать нечего... Не ты у меня одинъ! У меня васъ семь человѣкъ!

— Это я и безъ вашего наставленїя понимаю, только по слабости здоровья, какъ вамъ самимъ это извѣстно, заработать слѣдовательно не могу... А тотъ фактъ, что

вы меня кускомъ хлѣба попрекнули, такъ за это самое вы передъ Господомъ Богомъ отвѣчать станете...

— Здоровьемъ слабъ!.. Дѣло у тебя не большое, знай себѣ, пиши да пиши, а ты и отъ этого дѣла бѣгаешь... Болванъ!!

— Какое у меня дѣло? Развѣ это дѣло? Это не дѣло, а одна только мужицкая фантазія... И образованіе мое не такое, чтобъ я этимъ дѣломъ...

— Неправильно вы рассуждаете, Митрофаніи Космичъ, — говоритъ отецъ дьяконъ. — Ваше дѣло почтенное, умственное, не физическое... Кгм... кгм... Не физическое... Вы пишете... И Ломоносовъ писалъ...

— Про Ломоносова, ежели угодно, я и самъ могу вамъ объяснить...

— По нашему медицинскому разсужденію, — говоритъ Ивановъ: — ты *assa foetida* — и больше ничего...

— А ваше дѣло, Глѣбъ Глѣбычъ... цыцъ! Мы вашу медицину понимаемъ... Кто, позвольте васъ спросить, съ моимъ напашей въ прошломъ годѣ пьянаго плотника вмѣсто мертваго тѣла чуть не вскрылъ? Не проснись онъ, такъ вы бы ему животь распоролли. А кто касторку вмѣстѣ съ конопляннмъ масломъ мѣшаетъ?

— Въ медицинѣ безъ этого нельзя...

— А кто Маланью на тотъ свѣтъ отправилъ? Папаша далъ ей слабительнаго, а вы крѣпительнаго... А кто мужикамъ вмѣсто хины соду даетъ?

— Маланьѣ царство небесное, — говоритъ Кузьма Егоровъ. — Ей царство небесное. Не она деньги взяла, не про нее и говорить будемъ... А вотъ ты, прохвость, скажи... Аленѣ отпешъ?

— Гм... Аленѣ!.. Старикъ, а въ головѣ сладострастная идея! Постыдился бы хоть при духовенствѣ... Я Алену давно уже бросилъ. Алену я Теофану Аввакумычу представилъ на полное его удовольствіе...

Манафуцловъ конфузится.

— Сквернословіе-съ! — шепчетъ онъ. — Напрасно вы эти самыя слова говорите-съ... Соблазнъ одинъ только. Не думаль о грѣхѣ, а теперь черезъ ваши слова и началъ думать...

— Ежели я за женскимъ персоналомъ ухаживаю, то потому, что безъ этого нельзя, невозможно! Природа... Все одно, какъ хлѣбъ... Безъ хлѣба вѣдь нельзя.

— А вотъ ты говори: ты взялъ деньги, или не ты?

— Иона, спичку! — кричитъ Грандіозновъ.

Староста вытѣзаетъ изъ-за стола, зажигаетъ о колѣно спичку и почтительно подноситъ ее къ трубкѣ урядника.

— Ффф... — сердится урядникъ. — Сѣры полный носъ напустилъ! Отойти! Сѣбъ...ехтъ!! Ну да и народъ же! Это не народъ, а... Сѣбъ...ехтъ!!

Поднимается Ферапонтовъ и съ шумомъ выходитъ изъ-за стола.

— Ты кто таковъ? — кричитъ онъ, глядя въ упоръ на Митрофана и мигая своими зрачками. — Ты что же это? Почему такъ? А? Что же это значитъ? Почему не отвѣчаешь? Неповиновеніе? Чужія деньги брать? Для тебя онѣ были положены? Молчать! Отвѣчай! Говори! Отвѣчай обществу!

— Ежели...

— Молчать!

— Ежели... Вы потише-съ! Ежели... Не боюсь! Много вы объ себѣ понимаете! А вы — дуракъ и больше ничего! Ежели папашѣ хочется меня на растерзаніе отдать, то я готовъ... Терзайте! Вотъ моя грудь! Вотъ вамъ моя грудь! Бейте! Бьште! А я знаю, что мнѣ дѣлать! Знаю! А что мнѣ дѣлать, про то знаю я да левольверъ-шестистволка! Не на моей душѣ грѣхъ будетъ.

— Выпороть! — вздыхаетъ басъ Михайла.

— Сквѣрный малчикъ. Надо въ морда бить! Я свой Назаръ всегда въ морда бью.

— Молчать! Ни слова! Знаю твои мысли! Ты воръ? Кто таковъ? А-а-а... Молчать! Стань! Передъ кѣмъ стоишь? Смотри мнѣ въ ноги!.. Со смиреніемъ смотри!

— Наказать-съ, — вздыхаетъ отецъ дьяконъ. — Ежели они не желаютъ облегчить вину свою сознаниемъ, то... Митрофаній Коевичъ! Вѣдь Богъ все знаетъ! Отъ Бога ничего не скроешь. Признаніе облегчаетъ вину, а упорство усугубляетъ...

— Влѣпши! — говоритъ регентъ, поднимаясь и закуривая копеечную сигару.

— Поучить надѣ... Не мѣшаетъ, — замѣчаетъ жан-дармъ. — Начальство страсть не любить, ежели воруетъ это, или образъ мыслей... Посѣчь не мѣшаетъ...

— Въ послѣдній разъ: ты или нѣтъ?

— Какъ вамъ угодно-съ... Пущай... Терзайте! Я готовъ...

— Выпороть!—рѣшаетъ Кузьма Егоровъ и, побагрѣвъ, вылѣзаетъ изъ-за стола.

Публика нависаетъ на окна... Разслабленные толпятся у дверей и поднимаютъ головы. Даже баба съ переломленнымъ ребромъ, и та поднимаетъ голову... Поднимается шумъ.

— Ложись!—говоритъ Кузьма Егоровъ.

Писарь сбрасываетъ съ себя пиджачокъ, крестится и со смиреніемъ ложится на скамью.

— Терзайте, — говоритъ.

Кузьма Егоровъ, Ферапонтовъ, Ивановъ и жандармъ Фортунатовъ снимаютъ ремни, нѣкоторое время смотрятъ другъ на друга, крестятся и начинаютъ... Разъ! Два! Три!.. Девять!.. Десять...

Духовенство стоитъ въ уголку и, опустивъ глазки, перелистываетъ книжку.

Двадцать... Тридцать...

— Довольно!—говоритъ Кузьма Егоровъ.

— Еще-съ...—шепчетъ Ферапонтовъ.—Я въ азартъ вошелъ. Сорокъ... Пятьдесятъ...

— И хоть бы пискнулъ!—удивляется публика.

Больные разступаются, и въ комнату, треща накрахмаленными юбками, влетаетъ жена Кузьмы Егорова.

— Кузьма!—обращается она къ мужу...—Что это у тебя за деньги я нашла въ карманѣ? Это не тѣ, что ты давеча искалъ?

— Онѣ самыя и есть... Вставай, Митрофанъ! Нашлись деньги! Я положилъ ихъ вчерась въ карманъ и забылъ...

— Еще-съ! Позвольте-съ! — бормочетъ Ферапонтовъ.

— Нашлись деньги! Вставай!

Писарь поднимается, надѣваетъ пиджачокъ и садится за столъ... Продолжительное молчаніе... Духовенство конфузится...

— Ты извини, — бормочетъ Кузьма Егоровъ, обращаясь къ писарю.—Ты не того... Чортъ же его зналъ, что онѣ найдутся? Извини...

— Ничего-съ... Намъ не въ первой-съ... Не беспокойтесь. Я на всякія мученія всегда готовъ...

— Ты выпей. Перегоритъ...

Писарь выпиваетъ, поднимаетъ вверхъ свой синій носикъ и богатыремъ выходитъ изъ избы.

ПРОПАЩЕЕ ДѢЛО.

(Водевильное происшествіе).

Ужасно плакать хочется! Заревн я, такъ, кажется, легче бы стало.

Былъ восхитительный вечеръ. Я нарядился, причесался, надушился и Донъ-Жуаномъ покатылъ къ ней. Живетъ она на дачѣ въ Сокольникахъ. Она молода, прекрасна, получаетъ въ приданое 30.000, немножко образована и любить меня, автора, какъ кошка.

Пріѣхавъ въ Сокольники, я нашелъ ее сидящей на нашей любимой скамьѣ подъ высокими, стройными елями. Увидѣвъ меня, она быстро поднялась и сіяющая попламя навстрѣчу.

— Какъ вы жестоки!—заговорила она.—Можно ли такъ опаздывать? Вѣдь вы знаете, какъ я скучаю! Экій вы!

Я подѣловалъ ея хорошенькую ручку и, трепещущій, пошелъ вмѣстѣ съ ней къ скамьѣ. Я трепеталъ, нылъ и чувствовалъ, что мое сердце воспалено и близко къ разрыву. Пульсъ былъ горячечный.

И немудрено! Я пріѣхалъ рѣшить окончательно свою судьбу. Панъ, молъ, или пропалъ... Все зависѣло отъ этого вечера.

Погода была чудесная, но не до погоды мнѣ было. Я не слушалъ даже пѣвшаго надъ нашими головами соловья, несмотря на то, что соловья обязательно слушать на всякомъ мало-мальски порядочномъ rendez-vous.

— Чего вы молчите?—спросила она, глядя мнѣ въ лицо.

— Такъ... Чудный вечеръ такой... Матап ваша здорова?

— Здорова.

— Гм... Такъ... Я, видите ли, Варвара Петровна, хочу съ вами поговорить... Для того только я и пріѣхалъ... Я молчать, молчалъ, но теперь... слуга покорный! Я не въ состояніи молчать.

Варя нагнула голову и дрожащими пальчиками затерзала цвѣтокъ. Она знала, о чемъ я хотѣлъ говорить. Я помолчалъ и продолжалъ:

— Для чего молчать? Какъ ни молчи, какъ ни робей, а рано или поздно придется дать волю... чувству и языку. Вы, можетъ-быть, оскорбитесь... можетъ-быть, не поймете, но... что жъ?

Я умолкъ. Нужно было составить подходящую фразу.

«Да говори же! — протестовали ея глазки. — Мямля! Чего мучишь?»

— Вы, конечно, давно уже догадались, — продолжалъ я, помолчавъ: — зачѣмъ я каждый день хожу сюда и своимъ присутствіемъ мозолю ваши глаза. Какъ не догадаться? Вы, навѣрное, давно уже, со свойственною вамъ проницательностью, угадали во мнѣ то чувство, которое... (Пауза). Варвара Петровна!

Варя еще ниже нагнулась. Пальчики ея заплясали.

— Варвара Петровна!

— Ну?

— Я... Да что говорить? Понятно и безъ того... Люблю, люблю. Я васъ такъ люблю, какъ... Однимъ словомъ, соберите всѣ на этомъ свѣтѣ существующіе романы, выберите всѣ находящіеся въ нихъ объясненія въ любви, клятвы, жертвы и... вы получите то, что... теперь въ моей груди того... Варвара Петровна! (Пауза). Варвара Петровна!! Чего же вы-то молчите?

— Что вамъ?

— Неужели... нѣтъ?

Варя подняла головку и улыбнулась.

«Ахъ, чортъ возьми!» — подумалъ я.

Она улыбнулась, шевельнула губками и чуть слышно проговорила: «Почему же нѣтъ?»

Я схватилъ отчаянно руку, отчаянно поцѣловалъ, бѣшено схватилъ за другую руку... Она молодецъ! Пока я возился съ ея руками, она положила свою головку мнѣ на грудь, при чемъ я въ первый только разъ уразумѣлъ, какою роскошью были ея чудные волосы.

Я поцѣловалъ ее въ голову, и въ моей груди стало такъ тепло, какъ будто бы въ ней поставили самоваръ.

Варя подняла лицо, и мнѣ ничего не оставалось, какъ только поцѣловать ее въ губки.

И вотъ, когда Варя была уже окончательно въ моихъ рукахъ, когда рѣшеніе о выдачѣ мнѣ тридцати тысячъ готово уже было къ подписанію, когда, однимъ словомъ, хорошенькая жена, хорошія деньги и хорошая карьера были для меня почти обезпечены, чорту нужно было дернуть меня за языкъ...

Мнѣ захотѣлось передъ моею суженой порисоваться, блеснуть своими принципами и похвастать. Впрочемъ, самъ не знаю, чего мнѣ захотѣлось... Вышло страсть какъ скверно!

— Варвара Петровна!—началь я послѣ перваго поцѣлуя.—Прежде чѣмъ взять съ васъ слово быть моею женою, считаю священнѣйшимъ долгомъ, во избѣжаніе могущихъ произойти недоразумѣній, сказать вамъ нѣсколько словъ. Я буду коротокъ... Знаете ли вы, Варвара Петровна, кто я и что я? Да, я честень! Я труженникъ! Я... я гордъ! Мало того... У меня есть будущее... Но я бѣденъ... Я ничего не имѣю.

— Я это знаю,—сказала Варя.—Не въ деньгахъ счастье.

— Да. Кто же говорить о деньгахъ? Я... я гордъ своею бѣдностью. Копейки, которыя я получаю за свои литературныя работы, я не промѣняю на тѣ тысячи, которыя... которыми...

— Понятно. Ну-съ...

— Я привыкъ къ бѣдности. Мнѣ она ничего. Я въ состояніи недѣлю не обѣдать. Но вы! Вы! Неужели вы, которая не въ состояніи пройти двухъ шаговъ, чтобы не нанять извозчика, надѣвающая каждый день новое платье, бросающая въ стороны деньги, не знавшая никогда нужды, вы, для которой не модный цвѣтокъ есть уже большое несчастье, неужели вы согласитесь разстаться для меня съ земными благами? Гм...

— У меня есть деньги. У меня приданое!

— Пустое! Для того, чтобы прожить десятокъ, другопъ тысячъ, достаточно только нѣсколько лѣтъ... А потомъ? Нужда? Слезы? Вѣрьте, дорогая моя, моему опыту! Знаю-съ! Знаю, что говорю! Для того, чтобы бороться съ нуждою, нужно имѣть сильную волю, нечеловѣческій характеръ!

«Да и чепуху же я мелю!»—подумалъ я и продолжалъ:

— Подумайте, Варвара Петровна! Подумайте, на какой шагъ вы рѣшаетесь! Шагъ безповоротный! Есть у васъ силы—идите за мной, нѣтъ силъ бороться—откажите мнѣ! О! Лучше пусть я буду лишенъ васъ, чѣмъ... вы вашего покоя. Тѣ сто рублей, которые даетъ мнѣ ежемѣсячно литература, ничто! Ихъ не хватитъ! Подумайте же, пока не поздно!

Я вскочилъ.

— Подумайте! Гдѣ безсиліе—тамъ слезы, упреки, раны сѣдны... Предупреждаю васъ, потому что я честный человекъ. Чувствуете ли вы себя настолько сильной, чтобы раздѣлить со мной жизнь, которая своею внѣшнею стороною не похожа на вашу, чужда вамъ? (Пауза).

— У меня же есть приданое!

— Сколько? Двадцать, тридцать тысячъ! Ха-ха! Милліонъ? И потомъ, кромѣ этого, позволю ли я себѣ присваивать то, чтѣ... Нѣтъ! Никогда! Я гордъ!

Я прошелся нѣсколько разъ около скамьи. Варя задумалась. Я торжествовалъ. Меня, значить, уважали, коли задумались.

— Итакъ, жизнь со мной и лишенія, или же жизнь безъ меня и богатство... Выбирайте... Есть силы? У моей Вари есть силы?

Я говорилъ въ такомъ родѣ очень долго. И незамѣтно увлекся. Говорилъ я и въ то же время чувствовалъ въ себѣ раздвоеніе. Одна половина моя увлекалась тѣмъ, чтѣ я говорилъ, а другая мечтала: «А вотъ подожди, матушка! Заживемъ на твои 30.000 такъ, что небу жарко станетъ! Надолго хватитъ!»

Варя слушала, слушала... Наконецъ она поднялась и протянула мнѣ руку.

— Благодарю васъ!—сказала она и сказала такимъ голосомъ, который заставилъ меня вздрогнуть и взглянуть на ея глаза. На ея глазахъ и щекахъ сверкали слезы...

— Благодарю васъ! Вы хорошо сдѣлали, что были со мной откровенны... Я нѣженка... Я не могу... Не пара вамъ...

И зарыдала. Я опростоволосился... Всегда теряюсь, когда вижу плачущихъ женщинъ, а тутъ и подавно. Пока я думалъ, чтѣ предпринять, она заглушила рыданья и утерла слезы.

— Вы правы,—сказала она.—Если я пойду за вами, обману васъ. Не мнѣ быть вашей женой. Я богачка, нѣ-

женка, ѣзжу на извозчикахъ, кушаю бекасовъ и дорогіе прищипки. Я никогда за обѣдомъ не ѣмъ супа и щей. Меня и мама стыдитъ постоянно... А не могу я безъ этого! Я не могу ходить пѣшкомъ... Я утомляюсь... И потомъ платья... Все это вамъ придется на свой счетъ шить... Нѣтъ! Прощайте!

И, сдѣлавъ трагическій жестъ рукой, она ни къ селу ни къ городу произнесла:

— Я недостойна васъ! Прощайте!

Она произнесла, повернулась и пошла во-свояси. А я? Я стоялъ, какъ дуракъ, ничего не думалъ, глядѣлъ ей вслѣдъ и чувствовалъ, что земля колеблется подо мной. Когда я пришелъ въ себя и вспомнилъ, гдѣ я, и какую грандіозную пакость соорудилъ мнѣ мой языкъ, я взвылъ. Ея уже и слѣдъ простылъ, когда я захотѣлъ крикнуть ей: «воротитесь!!..»

Посрамленный, не солоно хлѣбавшій, отправился я домой. У заставы конки уже не было. Денегъ на извозчика у меня тоже не было. Пришлось домой отправляться пѣшкомъ.

Дня черезъ три поѣхалъ я въ Сокольники. На дачѣ мнѣ сказали, что Варя чѣмъ-то больна и собирается съ отцомъ въ Петербургъ, къ бабушкѣ. Толку никакого не добился...

Теперь лежу я на кровати, кусаю подушку и бью себя по затылку. За душу скребутъ кошки... Читатель, какъ поправить дѣло? Какъ воротить свои слова назадъ? Что ей сказать или написать? Уму непостижимо! Пропало дѣло, и какъ глупо пропало!

1882.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ ИЮНЯ.

(Рассказъ охотника, никогда въ цель не попадающаго).

Было четыре часа утра...

Степь обливалась золотомъ первыхъ солнечныхъ лучей и, покрытая росой, сверкала, точно усыпанная брильянтовой пылью. Туманъ прогнало утреннимъ вѣтромъ, и онъ остановился за рѣкой свинцовой стѣной. Ржаные колосья, головки репейника и шиповника стояли тихо, смиренно, только изрѣдка поклониваясь другъ другу и пошептывая. Надъ травой и надъ нашими головами, плавно помахиывая крыльями, носились коршуны, кобчики и соколы. Они охотились...

Акимъ Петровичъ Отлетаевъ, мировой судья, земскій врачъ, я, зять Отлетаева Предположенскій и волостной старшина Козоѣдовъ ѣхали всѣ шестеро на отлетаевской коляскѣ-розвальнѣ на охоту. За коляской, вываливъ языки, бѣжали четыре пса. Я и земскій врачъ—народъ худенькій, остальные же толсты, какъ стоведерныя бочки, а потому, несмотря на то, что дѣдовская коляска была и широка и глубока, намъ было до чортиковъ тѣсно. Я то и дѣло толкалъ локтемъ и ружейнымъ прикладомъ въ животъ Козоѣдова. Всѣ мы толкались, пыхтѣли, морщились, всею душой ненавидѣли другъ друга и съ нетерпѣніемъ ждали того времени, когда намъ можно будетъ вылѣзти изъ коляски. Ѣхали мы подальше въ степь пострѣлять куропатокъ, стрепетовъ, перепеловъ, болотной дичи и, если фортуна оглянется на насъ, драхвъ. Предводительствовалъ нами хозяинъ коляски и коней Отлетаевъ, но милости котораго мы и ѣхали на охоту. Тѣла наши были сдавлены, но зато души были преисполнены радостей самаго высшаго качества!

Кто никогда не ъздилъ и не шаялся на охоту, тому не понять этихъ радостей. Мы держали наши ружья и глядѣли на нихъ такъ любовно, какъ маменьки глядятъ на своихъ сыночковъ, подающихъ большія надежды.

— А каковъ нашъ будетъ маршрутъ? — спросилъ я, когда мы отѣхали отъ Отлетаева верстъ десять.

— Сейчасъ ѣдемъ на Еланчикъ, — отвѣчалъ Отлетаевъ: — бекасовъ стрѣлять... Отсюда это верстъ восемь будетъ. Тамъ же и перепеловъ на просъ пострѣляемъ... Пострѣлявши перепеловъ, ночевать станемъ, а ужъ завтра, чуть свѣтъ, у насъ самая-то настоящая стрѣльба начнется...

— А что, господа, какъ думаете, — спросилъ я, показывая пальцемъ на коршуна, который купался далеко въ небесной синевѣ: — можно ли попасть отсюда? Попадете?

— Не попадешь! — сказалъ Отлетаевъ. — Далекое очень! Впрочемъ, изъ моего ружья попадешь...

— И изъ вашего ружья не попадешь, — замѣтилъ Предположенскій.

— Попадешь. Дробью не попадешь, не достанешь, а пулей навѣрно...

— И пулей не попадешь.

— Ужъ это позвольте мнѣ знать, попаду я или не попаду! Вы ружья моего не знаете, а я знаю... Вы отродясь не видали хорошихъ ружей, а потому это вамъ и кажется такимъ страннымъ... Я и дальше попадалъ...

Предположенскій откинулъ назадъ голову и засмѣялся...

— Чего же смѣешься? — продолжалъ Отлетаевъ. — Не вѣришь, небось?

— Разумѣется, не вѣрю.

— Гм... Ружья моего, значить, не знаешь... Ружье замѣчательное! Недаромъ шестьсотъ цѣлковыхъ стоитъ...

— Сколь...ко?? — спросилъ Предположенскій и вытянулъ шею... — Сколько? Повторите, папаша!

— Шестьсотъ рублей... Чего же ты смѣешься? Ты погляди на ружье, да потомъ и скажи зубы!

— Я вижу... Чьей фабрики?

— Марсельское... Фабрики Лепелье...

— Лепелье? Не слыхалъ что-то такой фабрики... Ружье, какъ ружье... Рублей сто стоитъ... Не люблю, тещь, когда вы врете! Зачѣмъ врать? Я не понимаю, зачѣмъ врать?

— Ружье хорошее, — замѣтилъ мировой: — но шестьсотъ не стоитъ. Вы переплатили, Акимъ Петровичъ!

— Онъ вовсе не переплачивалъ!—горячился Предположенскій:—онъ вретъ! Вретъ, какъ школяръ!

Отлетаевъ завертѣлся и покраснѣлъ.

— Не таковскій, чтобъ врать, — сказалъ онъ. — Такъ-то-съ! Ты вотъ... ты вотъ такъ врешь! Ну да! Ты вотъ такъ и норовишь уколоть! Съ тобой ѣздить не слѣдуетъ. Я не знаю, зачѣмъ я съ тобой поѣхалъ!..

— И не ѣздили бы... Зачѣмъ врать, не понимаю! Вретъ, какъ свинья!

— Самъ свинья! Свинья и дуракъ вмѣстѣ съ тѣмъ...

Мы начали усовѣщевать Предположенскаго.

— Пусть онъ не вретъ!—оправдывался непокорный зять.—Моя душа возмущается, ежели кто вретъ... И свиньей пусть не бранится. Самъ онъ свинья, вотъ что! А если ему неприятно, что я ѣду, такъ... шутъ съ нимъ! Я могу и не ѣхать!

— Ну, полноте! Акимъ Петровичъ и не думалъ васъ оскорблять! Стоитъ ли поднимать бурю изъ-за пустяковъ?

Предположенскій надулся, какъ обѣѣвшійся индюкъ, и умолкъ.

— Нельзя-съ!—обратился, немного погодя, къ Предположенскому Козоѣдовъ.—Нельзя-съ! Онъ вамъ теперь, можно сказать, замѣсто родителей, тестъ онъ вамъ, а вы грубости наносите... А грѣшно!

Зять взглянулъ презрительно на старшину и сардонически усмѣхнулся...

— Тебя спрашиваютъ нешто?—спросилъ онъ.—Спрашиваютъ? Молчи, коли... Сиди, ежели сидишь!.. Замѣсто родителей... Говорить еще не умѣешь, а тоже лѣзешь... Гм... Суконное ры... Мужланъ!

— Вотъ видите-съ, какіе вы! Не любите, коли люди покойно сидятъ. Я хотя и изъ простаго званія произошелъ, хотя, могу сказать, и никакого образованія не проходилъ, но могу сказать, что имѣю въ груди, и въ сердцѣ, и въ душѣ всякія чувства, а вы вотъ такъ нѣтъ, хоть вы и науки проходили по всеѣмъ степенямъ... Такъ-то-съ!

— Перестаньте, господа!—вмѣшался я.— Полно вамъ другъ другу мораль читать! Давайте молчать...

Отлетаевъ съ сопѣнъемъ вытащилъ изъ бокового кармана объемистый, сильно потертый портсигаръ и запустилъ въ него свои толстые пальцы. Докторъ и мировой протянули руки къ его портсигару.

— Нѣтъ-съ, извините-съ!—сказалъ внушительно Отле-

таевъ.—Дружба дружбой, а табачокъ врозь. Мнѣ самому не хватить... Дорога велика, а у меня папирось-то съ собой только четыре десятка...

Докторъ и мировой сильно сконфузились и, чтобы скрыть подальше отъ свѣта бѣлаго свой конфузъ, засвистали изъ «мадамъ Анго».

Отлетаевъ былъ глупъ, какъ сорокъ тысячъ братьевъ, и невѣжа страшная...

Мы его терпѣть не могли. Сконфуженный докторъ закурилъ собственную папиросу и началъ рассказывать анекдоты. Рассказалъ онъ ихъ штукъ двадцать; изъ нихъ только одинъ не былъ сальнымъ, остальные же такъ и таяли въ нашихъ ушахъ.

— А вы, батенька, мастеръ!—похвалилъ я доктора.— Не зналъ я, что вы такой юмористъ!

— Да-съ... Кое-что знаемъ, — сказалъ докторъ. — Ежели бы я захотѣлъ въ журналахъ сотрудничать, то милліоны бы имѣлъ. Больше вашего зарабатывалъ бы.

— Не сомнѣваюсь... Чего же не сотрудничаете?

— Не хочу!

— Почему же?

— Не хочу, вотъ и все! Совѣсть есть! Нешто человекъ съ совѣстью можетъ въ вашихъ журналахъ писать? Никогда! Я даже не читаю никогда газетъ! Считаю болванами тѣхъ, кто выписываетъ ихъ, тратитъ деньги...

— А я наоборотъ,—замѣтилъ мировой:—считаю тѣхъ болванами, кто не тратитъ деньги на газеты...

— Докторъ не въ духѣ сегодня,—сказалъ я.—Не будемъ его трогать...

— Кто вамъ сказалъ, что я не въ духѣ? Я въ духѣ... Вы потому такъ заступаетесь за газеты, что въ нихъ пишете, а по-моему онѣ... тьфу! Яйца выѣденнаго не стѣять. Врутъ, врутъ, врутъ. Первые вруны и сплетники! Газетчики—тѣ же адвокаты... Врутъ и не имѣютъ совѣсти!

— Я былъ адвокатомъ,—сказалъ мировой:—а совѣсть имѣлъ.

Предположенскій и Козоѣдовъ переглянулись и ехидно улынулись.

— Я не про васъ говорю... Я вообще... Вообще всѣ мошенники... И газетчики, и адвокаты, и всѣ...

Я вмѣсто того, чтобы молчать, продолжалъ заступаться за газетчиковъ. Мировой продолжалъ заступаться за адвокатовъ... Въ коляскѣ поднялся споръ.

— А медицина-то ваша? — ухватился я. — Медицина? Что она стоит? Небось не врете? Только денежки берете! Что такое доктор? Доктор есть предисловіе гробокопателя... вот что-съ! Впрочемъ, я не знаю, для чего я съ вами спрю? Развѣ у васъ есть логика? Вы кончили университетъ, но разсуждаете, какъ банщикъ...

— Говорите хладнокровно! Можно, полагаю, и безъ оскорбленій!

— Газетчиковъ и адвокатовъ ругаемъ,—забасилъ Предположенскій:—а самой настоящей-то врал и не видимъ... Потолкуйте-ка съ тестюшкой, онъ любого адвоката по брехательной части за поясъ заткнетъ...

И такъ далѣе... Слово за слово, гримаса за гримасой, сплетня за сплетней, и дѣло зашло чортъ знаетъ куда...

Мы начали рассказывать все, что за зиму накопилось въ нашихъ душахъ другъ противъ друга. Мы перещеголяли старыхъ дѣвокъ.

Между тѣмъ, пока мы, невыспавшіеся, полупьяные, каверзили другъ противъ друга, солнце поднималось все выше и выше... Туманъ исчезъ окончательно, и начался лѣтній день... Было кругомъ тихо, славно...

Только мы одни нарушали тишину...

Подѣхавъ къ первому попавшемуся болотцу, мы вылезли изъ коляски и, сердитые, надутые, побрели въ разные стороны. Водворять среди насъ согласіе взялся Козодовъ. Онъ подбросилъ высоко вверхъ трехкопечную монету, выстрѣлилъ въ нее и попалъ. Мы всѣ вмѣстѣ подняли монету, сосчитали на ней число слѣдовъ отъ дроб и кое-какъ разговорились.

Предположенскій согналъ коростеля и убилъ. Мы его поздравили и крикнули «ура». Согласіе было бы окончательно водворено, если бы не докторъ. Докторъ, пока мы поздравляли Предположенскаго съ первымъ успѣхомъ, подошелъ къ коляскѣ, развязалъ кулекъ и принялся ублажать себя водочкой и закуской.

— Докторъ! Что это вы тамъ дѣлаете?—крикнулъ Отлетаевъ.

— Ъмъ и пью.

— Какое же вы имѣете право распоряжаться?

— А что?

— Это для васъ положено? Не понимаю этого, извините, свинства! Не могъ подождать! Что это вы раску-

порили? Батюшки! Это моя настойка! Какое вы имѣете право, милостивый государь?

— Не кричите, пожалуйста! Потише!

— Вѣдь эту настойку я для себя взялъ! Слабъ здоровьемъ, взялъ настойки, и... на, поди! Раскупорили! Просили его! Заверните балыкъ!

— Не заверну! Вамъ, неприличнѣйшій и не деликатнѣйшій человѣкъ, должно быть извѣстно, что на охотѣ все общее... Какѣй вы, извините, невѣжа!

Докторъ выпилъ рюмку настойки и на зло Отлетаеву отрѣзалъ себѣ огромнѣйшій кусокъ балыка. Предположенскій подскочилъ къ коляскѣ и, чтобы насолить тестю, выпилъ изъ горлышка половину настойки... У Отлетаева навернулись слезы.

— Это вы на зло?—зашепталъ онъ:—хорошо же! Хорошо! Вотъ вы какъ... Мерси боку...

Мировой, не знавшій, въ чемъ дѣло, подошелъ къ коляскѣ.

— А-а-а?.. Закусываете? — спросилъ онъ. — А не рано ли? Впрочемъ, одну пропустить не мѣшаетъ... За ваше здоровье!

Мировой налилъ себѣ рюмку настойки и выпилъ.

— Очень хорошо-съ! Прекрасно-съ!—крикнулъ уже Отлетаевъ.

— Чтѣ прекрасно?—спросилъ мировой.

— Ничего...

Отлетаевъ сѣлъ въ коляску, бросилъ въ траву кулекъ, пронически намъ поклонился и ударилъ кучера Петра по спинѣ.

— Поѣзжай!—крикнулъ онъ.

— Куда это вы?—удивились мы...

— Ежели я вамъ противенъ... не образованъ... Козоѣдовъ! Иди, садись, голубчикъ! Гдѣ намъ, мужикамъ, съ господами учеными охотиться? Освободимъ ихъ отъ своего присутствія! Иди, милый!

— Куда же вы? Чтѣ вы дурака корчите?

— Ежели я дуракъ, то зачѣмъ вамъ беспокоиться?.. Пушай! Я и есть дуракъ... Прощайте-съ... я домой...

— А мы же на чемъ поѣдемъ?

— На чемъ знаете... Коляска моя.

— Да ты, тестюшка, бѣлены, что ли, объѣлся?—крикнулъ Предположенскій.

Козоѣдовъ сѣлъ рядомъ съ Отлетаевымъ и смиренпо снялъ шляпу.

— Ты съ ума сошелъ? — продолжалъ Предположенскій. — Вылѣзай изъ коляски!

— Не вылѣзу. Прощай, зять! Ты человѣкъ образованный, гуманный, цивилизованный... А я... Что я?

— А ты — дуракъ! Господа, что же это такое? Кто его раздражилъ? Вы, докторъ? Вы, чортъ васъ возьми, вѣчно лѣзете со своимъ ученымъ носомъ не въ свое дѣло!

— Я для васъ не тесть... Прошу не орать, — обидѣлся докторъ. — Коли будете орать, такъ и я уѣду...

— И уѣзжайте! Велика потеря! Скажите, пожалуйста!

Докторъ пожалъ плечами, вздохнулъ и полѣзъ въ коляску. Мировой махнулъ рукой и тоже полѣзъ въ коляску.

— Мы вѣчно такъ, — вздохнулъ онъ. — Никогда у насъ ничего не выходитъ...

— Погоняй! — крикнулъ Отлетаевъ.

Петръ чмокнулъ губами, дернулъ вожжи — и коляска тронулась съ мѣста.

Я и Предположенскій переглянулись.

— Стой! — крикнулъ я и побѣжалъ за коляской. — Стой!

— Стой! — заоралъ Предположенскій. — Стой, скоты!

Коляска остановилась, и мы усѣлись.

— Я тебѣ все это припомню! — сказалъ, сверкая глазами, Предположенскій и погрозилъ тестю кулакомъ. — Все! До смерти будешь помнить этотъ день!

До самага дома мы ѣхали молча. Въ душахъ нашихъ радости высшаго качества смѣнились самыми скверными чувствами. Мы готовы были слопать другъ друга и не слопали только потому, что не знали, съ какого конца начать лопать... Когда мы подѣхали къ Отлетаевскому дому, на террасѣ сидѣла мадамъ Отлетаева и пила кофе...

— Вы пріѣхали? — удивилась она. — Что такъ рано?

Мы вылѣзли изъ коляски и молча направились къ воротамъ.

— Куда же вы, господа? — закричала мадамъ Отлетаева. — А кофе пить? А обѣдать? Куда вы?

Мы повернулись къ крыльцу и молча, внушительно, погрозили нашими огромными кулаками. Предположенскій плюнулъ по направленію къ крыльцу, выругался и отправился спать въ конюшню.

Дня черезъ два Отлетаевъ, Предположенскій, Козоѣдовъ, мировой, земскій врачъ и я сидѣли въ домѣ Отлетаева и играли въ стуколку. Мы играли въ стуколку и по обыкновенію грызли другъ друга...

Дня черезъ три мы поругались на смерть, а черезъ пять пускали вмѣстѣ фейерверкъ...

Мы ссоримся, сплетничаемъ, ненавидимъ, презираемъ другъ друга, но разойтись мы не можемъ. Не удивляйтесь и не смѣйтесь, читатель! Поѣзжайте въ Отлетаевку, поживите въ ней зиму и лѣто—и вы узнаете, въ чемъ дѣло...

Глушь -- не столица... Въ Отлетаевкѣ ракъ -- рыба, Ома--человѣкъ и ссора--живое слово...

1882.

КОТОРЫЙ ИЗ ТРЕХЪ.

(Старая, но вѣчно новая исторія).

На террасѣ роскошной, старинной дачи статской совѣтницы Марьи Ивановны Лангеръ стояли дочь Марьи Ивановны—Надя и сынокъ извѣстнаго московскаго коммерсанта Иванъ Гавриловичъ.

Вечеръ былъ великолѣпный. Будь я мастеръ описывать природу, я описалъ бы и луну, которая ласково глядѣла изъ-за тучекъ и обливала своимъ хорошимъ свѣтомъ лѣсъ, дачу, Надино личико... Описалъ бы и тихій шопотъ деревьевъ, и пѣсни соловья, и чуть слышный плескъ фонтанчика... Надя стояла, опершись колѣномъ о край кресла и держась рукой за перила. Глаза ея, темные, бархатные, глубокіе, глядѣли неподвижно въ темную зеленую чашу... На блѣдномъ, освѣщенномъ луной личикѣ играли темныя тѣни—пятнышки: это румянецъ... Иванъ Гавриловичъ стоялъ позади нея и нервно, дрожащей рукой пощипывалъ свою жидкую бородку. Когда ему надоѣло щипать бородку, онъ начиналъ поглаживать и трепать другой рукой свое высокое, некрасивое жабо. Иванъ Гавриловичъ некрасивъ. Онъ похожъ на свою маменьку, напоминающую собой деревенскую кухарку. Лобъ у него маленькій, узенькій, точно приплюснутый; носъ вздернутый, тупой, съ замѣтной выемкой вмѣсто горбины, волосъ щетиной. Глаза его, маленькіе, узкіе, точно у молодого котенка, вопросительно глядѣли на Надю.

— Вы извините меня,—говорилъ онъ, заикаясь, судорожно вздыхая и повгораясь:—извините меня, что я рассказываю вамъ... про свои чувства... Но я васъ такъ полюбилъ, что даже не знаю, въ своемъ ли я умѣ нахожусь, или нѣтъ... Въ груди моей такія чувства къ вамъ, что

и выразить это невозможно! Я, Надежда Петровна, какъ только васъ увидаль, такъ сразу и втюрился, полюбилъ то-есть. Вы извините меня, конечно, но... вѣдь... (Пауза). Приятная нонче природа!

— Да... Погода великолѣпная...

— И при такой самой природѣ какъ приятно, знаете ли-сь, любить такую приятную особу, какъ вы... Но я несчастливъ!

Иванъ Гавриловичъ вздохнулъ и дернулъ себя за бородку.

— Очень несчастливъ-сь! Я васъ люблю, страдаю, а... вы? Нешто вы можете чувствовать ко мнѣ чувства? Вы образованная, ученая... все по-благородному... А я? Я купческаго званія и... больше ничего! Какъ есть ничего! Денегъ-то много, но что толку съ тѣхъ денегъ, если нѣтъ настоящаго счастья? Безъ счастья съ этими самыми деньгами одно только окаянство да... пустоцвѣтъ. Ёшь хорошо, ну... пѣшкомъ не ходишь... пустая жизнь... Надежда Петровна!

— Ну?

— Ни... ничего-сь! Я хотѣлъ, собственно говоря, васъ побезпокоить...

— Что вамъ?

— Можете ли вы меня любить? (Пауза). Я предлагалъ вашей маменькѣ... мамашѣ то-есть, свое сердце и руку относительно васъ, и онѣ сказали, что все отъ васъ зависитъ... Вы можете, говорить, и безъ родительской воли... Какъ вы мнѣ отвѣтите?

Надя молчала. Она взглянула въ темную зеленую чашу, гдѣ еле-еле вырисовывались стволы и узорчатая листва... Ее занимали движущіяся черныя тѣни отъ деревьевъ, которыя слегка покачивались отъ вѣтерка своими верхушками. Молчаніе ея душило Ивана Гавриловича. На глазахъ его выступили слезы. Онъ страдалъ.

«Ну что—ежели она откажетъ?»—думалось ему, и эта невеселая дума морозомъ рѣзала по его широкой спинѣ...

— Сдѣлайте же милость, Надежда Петровна,—проговорилъ онъ:—не терзайте мою душу... Вѣдь я, ежели лѣзу къ вамъ, то отъ любви... Потому... (Пауза). Ежели... (Пауза). Ежели вы не отвѣтите мнѣ, то хоть умирай.

Надя повернула свое лицо къ Ивану Гавриловичу и улыбнулась... Она протянула ему свою руку и заговорила голосомъ, который прозвучалъ въ ушахъ московскаго коммерсанта пѣсню сирены:

— Очень вамъ благодарна, Иванъ Гавриловичъ... Я уже давно знаю, что вы меня любите, и знаю, какъ вы любите... Но я... я... Я васъ тоже люблю, Жанъ... Васъ нельзя не полюбить за ваше доброе сердце, за вашу преданность...

Иванъ Гавриловичъ раскрылъ широко ротъ, засмѣялся и, счастливый, провелъ себя ладонью по лицу: не сонъ ли, молъ?

— Я знаю, что если я выйду за васъ замужъ,—продолжала Надя:—то я буду самая счастливая... Но знаете что, Иванъ Гавриловичъ? Подождите немножко отвѣта... Отвѣтить положительно сейчасъ я не могу... Я должна этотъ шагъ обдумать хорошенько... Подумать надо... Потерпите немного.

— А долго ждать?

— Нѣтъ, немного... День, много два...

— Это можно-съ...

— Вы сейчасъ уѣдете, а отвѣтъ я дамъ письмомъ... Уѣзжайте сейчасъ домой, а я пойду думать... Прощайте... Черезъ день...

Надя протянула руку. Иванъ Гавриловичъ схватилъ ее и поцѣловалъ. Надя кивнула головой, поцѣловала воздухъ, спорхнула съ крыльца и исчезла... Иванъ Гавриловичъ постоялъ минуты двѣ-три, подумалъ и отправился черезъ маленькій цвѣтникъ и рощу къ своимъ лошадямъ, которыя стояли на просѣкѣ. Онъ раскисъ и ослабѣлъ отъ счастья, точно его цѣлый день продержали въ горячей ваннѣ... Онъ шелъ и смѣялся отъ счастья.

— Трофимъ!—разбудилъ онъ спавшаго кучера.—Вставай! Ёдемъ! На чай пять желтенькихъ! Понялъ? Ха-ха!

Между тѣмъ Надя прошмыгнула сквозь всѣ комнаты на другую террасу, спустилась съ этой террасы и, пробираясь сквозь деревья, кусты и кустики, побѣжала на другую просѣку. На этой просѣкѣ ожидалъ ее другъ ея дѣтства, молодой человекъ лѣтъ двадцати шести, баронъ Владимиръ Штраль. Штраль—маленькій, толстенькій нѣмецъ-коропузикъ, съ уже замѣтной плѣшью на головѣ. Онъ въ этомъ году кончилъ курсъ въ университетѣ, ѣдетъ въ свое харьковское имѣнье и пришелъ въ послѣдній разъ, проститься... Онъ былъ слегка пьянъ и, полулежа на скамьѣ, насвистывалъ «Стрѣлочка».

Надя побѣжала къ нему и, тяжело дышащая, утомленная бѣгомъ, повисла на его шеѣ. Звонко хохоча и теребя его за шею, за волосы и воротникъ, она осыпала его жирное, потное лицо поцѣлуями...

— Я тебя уже цѣлый часъ жду, — сказалъ баронъ, обнимая ее за талію...

— Ну что—здоровъ?

— Здоровъ...

— Ёдешь завтра?

— Ёду...

— Противный... Возвратишься скоро?

— Не знаю...

Баронъ поцѣловалъ Надю въ щеку и ссадилъ ее съ колѣнъ на скамью.

— Ну, будетъ цѣловаться, — сказала Надя. — Послѣ... Впереди еще много времени. Теперь потолкуемъ о дѣлѣ. (Пауза).

— Подумаль...

— Ну что жъ, какъ? Когда... свадьба?

Баронъ поморщился.

— Ты опять о томъ же! — сказалъ онъ. — Вѣдь я тебѣ еще вчера далъ... положительный отвѣтъ... Ни о какой свадьбѣ не можетъ быть и рѣчи! Я тебѣ еще вчера сказалъ... Зачѣмъ заводитъ разговоръ о томъ, что уже тысячу разъ было пересказано?

— Но, Воля, должны наши отношенія чѣмъ-нибудь кончиться! Какъ ты это не поймешь? Вѣдь должны?

— Должны, но не свадьбой... Ты, Nadine, повторяю я въ сотый разъ, паивна, какъ трехлѣтнее дитя... Нанвность къ лицу хорошенькимъ женщинамъ, но не въ данномъ случаѣ, душа моя...

— Не хочешь жениться, значить! Не хочешь? Ты говори прямо, безсовѣстная твоя душа, говори прямо: не хочешь?

— Не хочу... Съ какой стати я буду себѣ портить карьеру? Я люблю тебя, но вѣдь ты сгубишь меня, если я на тебѣ женюсь... Ты мнѣ не дашь ни состоянія ни имени... Женитьба должна, мой другъ, быть половиной карьеры, а ты... Плакать нечего... Надо разсуждать здраво... Браки по любви никогда не бываютъ счастливы и оканчиваются обыкновенно пухомъ...

— Лжешь... Ты лжешь! Вотъ что!

— Женись, а потомъ съ голоду умирай... Нищихъ плоды... Разсуждать нужно...

— А отчего ты тогда не разсуждалъ... помнишь? Ты тогда далъ мнѣ честное слово, что ты на мнѣ женишься... Вѣдь далъ?

— Далъ... Но теперь измѣнились мои планы... Вѣдь

ты не выйдешь за бѣднаго человѣка? Зачѣмъ же ты заставляешь меня жениться на бѣдной? Я не имѣю желанія поступить съ собой по-свински. У меня есть будущее, за которое я долженъ отвѣтить предъ своею совѣстью.

Надя утерла платкомъ глаза и вдругъ, неожиданно, печально бросилась опять на шею къ православному нѣмцу. Она припала къ нему и принялась осыпать его лицо поцѣлуями.

— Женись! — залепетала она. — Женись, голубчикъ! Вѣдь я люблю тебя! Вѣдь я жить безъ тебя не могу, моя прелесть! Ты меня убьешь, если разстанешься со мной! Женишься? Да?

Нѣмецъ подумалъ и рѣшительнымъ тономъ сказалъ:

— Не могу! Любовь хорошая вещь, но на этомъ свѣтѣ она не прежде всего...

— Такъ не хочешь?

— Нѣтъ... Не могу...

— Не хочешь? Вѣрно, что не хочешь?

— Не могу, Nadine!

— Подлецъ, негодяй... вотъ что! Мошенникъ! Нѣмчурал! Я тебя терпѣть не могу, ненавижу, презираю! Ты радокъ! Я тебя и не любила никогда! Если я въ тотъ вечеръ и поддалась тебѣ, то только потому, что считала тебя честнымъ человѣкомъ, думала, что ты женишься на мнѣ... Я тебя и тогда терпѣть не могла! Хотѣла выйти за тебя, потому что ты баронъ и богачъ!

Надя замахала руками и, отступивъ на нѣсколько шаговъ отъ Штраля, пустила въ него еще нѣсколько колкостей и отправилась домой...

«Напрасно я ходила сейчасъ къ нему, — думала она, идя домой. — Вѣдь знала же я, что онъ не захочетъ жепиться. Вотъ негодяй! Дура была я въ тотъ вечеръ! Не поддайся я ему тогда — теперь бы не было надобности унижаться передъ этой... нѣмчурой».

Придя во дворъ дачи, Надя не пошла въ комнаты. Она походила по двору и остановилась у одного слабо освѣщеннаго окна. Окно это выходило изъ комнаты, въ которой обитала на лѣтнемъ положеніи молодая, только-что выпущенная изъ консерваторіи, первая скрипка, Митя Гусевъ. Надя начала глядѣть въ окно. Митя плечистый, курчавый блондинъ, недурной собой, былъ дома. Онъ безъ сюртука и жилетки лежалъ на кровати и читалъ ро-

манъ. Надя постояла, подумала и постучала въ окно. Первая скрипка подняла голову.

— Кто тамъ?

— Это я, Дмитрій Ивановичъ... Отворите-ка окно на минутку!..

Митя быстро надѣлъ сюртукъ и отворилъ окно...

— Идите сюда... Лѣзьте ко мнѣ...—сказала Надя.

Митя показался на окнѣ и черезъ секунду былъ уже возлѣ Нади.

— Что вамъ угодно?

— Пойдемте!—сказала Надя и взяла Митю подъ руку.—Вотъ что, Дмитрій Ивановичъ,—сказала она.—Не пишите мнѣ, голубчикъ, любовныхъ писемъ! Пожалуйста, не пишите! Не любите меня и не говорите мнѣ, что вы меня любите!

Слезы сверкнули на глазахъ Нади и полились струей по щекамъ, по рукамъ...

Слезы были самыя настоящія, горючія, крупныя..

— Не любите меня, Дмитрій! Не играйте для меня на скрипкѣ! Я гадкая, противная, нехорошая... Я такая, которую нужно презирать, ненавидѣть, бить...

Надя зарыдала и положила свою головку на грудь Мити...

— И я самая гадкая, и мысли мои гадкія, и сердце...

Митя растерялся, забормоталъ какую-то ерунду и поцѣловалъ Надю въ голову...

— Вы добрый, хорошій... Я, честное слово, люблю васъ... Ну, а вы не любите меня! Я люблю больше всего на свѣтѣ деньги, наряды, коляски... Я умираю, когда думаю, что у меня нѣтъ денегъ... Я мерзкая, эгоистка... Не любите, душечка, Дмитрій Ивановичъ! Не пишите мнѣ писемъ! Я выхожу замужъ... за Гаврилыча... Видите—какая я! А вы еще... любите меня! Прощайте! Я васъ буду любить и замужемъ... Прощай, Митя!

Надя быстро обняла Гусева, быстро поцѣловала его въ шею и побѣжала къ воротамъ.

Придя къ себѣ въ комнату, Надя сѣла за столъ и, горько плача, написала слѣдующее письмо: «Дорогой Иванъ Гаврилычъ! Я ваша. Я васъ люблю и хочу быть вашей женою... Ваша Н.»

Письмо было залечатано и сдано горничной для отправки по адресу.

«Завтра... что-нибудь привезетъ...»—подумала Надя и глубоко вздохнула.

Этотъ вздохъ былъ финаломъ ея плача. Посидѣвъ немного у окна и успокоившись, Надя быстро раздѣлась, и ровно въ полночь дорогое пуховое одѣяло съ вышивками и вензелями уже грѣло спящее, изрѣдка вздрагивающее тѣло молодой, хорошенькой, развратной гадины.

Въ полночь Иванъ Гавриловичъ шагаль у себя по кабинету и мечталъ вслухъ.

Въ кабинетѣ сидѣли его родители и слушали его мечтанія... Они радовались и были счастливы за счастливаго сына...

— Дѣвица-то она хорошая, благородная, — говорилъ отецъ. — Совѣтника дочь, да и красавица. Одна только бѣда: фамилія у нея нѣмецкая! Подумають люди, что ты на нѣмкѣ женился...

1882.

СЕЛЬСКІЕ ЭСКУЛАПЫ.

Земская больница. Утро.

За отсутствіемъ доктора, уѣхавшаго съ становымъ на охоту, больныхъ принимаютъ фельдшера: Кузьма Егоровъ и Глѣбъ Глѣбычъ. Больныхъ человекъ тридцать. Кузьма Егоровъ, въ ожиданіи, пока запишутся больные, сидитъ въ пріемной и пьетъ цикорный кофе. Глѣбъ Глѣбычъ, не умывавшійся и не чесавшійся со дня своего рожденія, лежитъ грудью и животомъ на столѣ, сердится и записываетъ больныхъ. Записываніе ведется ради статистики. Записываютъ имя, отчество, фамилію, званіе, мѣсто жительства, грамотенъ ли, лѣта, и потомъ, послѣ пріемки, родъ болѣзни и выданное лѣкарство.

— Чортъ знаетъ, что за перья!—сердится Глѣбъ Глѣбычъ, выводя въ большой книгѣ и на маленькихъ листочкахъ чудовищные мыслете и азы.—Что это за чернила? Это деготь, а не чернила! Удивляюсь я этому земству! Велитъ больныхъ записывать, а денегъ на чернила двѣ копейки въ годъ даетъ!.. Подходи!—кричитъ онъ.

Подходятъ мужикъ съ закутаннымъ лицомъ и «басъ» Михайла.

— Кто таковъ?

— Иванъ Микуловъ.

— А? Какъ? Говори по-русски!

— Иванъ Микуловъ.

— Иванъ Микуловъ! Не тебя спрашиваю! Отойди! Ты! Звать какъ?

Михайла улыбается.

— Нешто не знаешь?—спрашиваетъ онъ.

— Чего же смѣешься? Чортъ ихъ знаетъ! Тутъ некогда, время дорого, а они съ шуткамъ! Звать какъ?

— Нешто не знаешь? Угорѣлъ?

— Знаю, но долженъ спросить, потому что форма такая... А угорѣть не отъ чего... Не такой пьяница, какъ ваша милость. Не запоемъ пьемъ... Имя и фамилія?

— Зачѣмъ же я стану тебѣ говорить, ежели ты самъ знаешь? Пять лѣтъ знаешь... Аль забылъ на шестой?

— Не забылъ, но форма! Понимаешь? Или ты не понимаешь русскаго языка? Форма!

— Ну, коли форма, такъ чортъ съ тобой! Пиши! Михайла Федотычъ Измученко...

— Не Измученко, а Измученковъ.

— Пуцай будетъ Измученковъ... Какъ хочешь, лишь бы вылѣчилъ... Хоть Шуть Иванычъ... Все одно...

— Сословія какого?

— Басъ.

— Лѣтъ сколько?

— А кто жъ его знаетъ! На крестинахъ не былъ, не знаю.

— Сорокъ будетъ?

— Можетъ, и будетъ, а можетъ, и не будетъ... Пиши, какъ знаешь...

Глѣбъ Глѣбычъ смотритъ нѣкоторое время на Михайлу, думаетъ и пишетъ 37. Потомъ, подумавъ, зачеркиваетъ 37 и пишетъ 41.

— Грамотенъ?

— А нешто пѣвчій можетъ быть неграмотный? Голова!

— При людяхъ ты долженъ мнѣ «вы» говорить, а не кричать такъ. Слѣдующій! Кто таковъ? Какъ звать?

— Микифоръ Пуголова, изъ Халловой.

— Халловскихъ не лѣчимъ! Слѣдующій!

— Сдѣлайте такую божескую милость... Ваше высокоблагородіе. Верстовъ двадцать пѣшкомъ шель...

— Халловскихъ не лѣчимъ! Слѣдующій! Отойди! Не курить здѣсь!

— Я не курю, Глѣбъ Глѣбычъ!

— А что это у тебя въ рукѣ?

— Это у меня палець завязанъ, Глѣбъ Глѣбычъ!

— А не цыгарка? Халловскихъ не лѣчимъ! Слѣдующій!..

Глѣбъ Глѣбычъ оканчиваетъ записываніе. Кузьма Егоровъ напивается кофе, и начинается приѣмъ. Первый беретъ на себя фармацевтическую часть—и идетъ въ аптеку, второй—терапевтическую—и надѣваетъ клеенчатый фартукъ.

— Марья Заплагина!—вызываетъ по книгѣ Кузьма Егоровъ.

— Здѣсь, батюшка!

Въ пріемную входитъ маленькая, въ три погибели сморщенная, какъ бы злымъ рокомъ приплюснутая, старушонка. Она крестится и почтительно кланяется эскулапствующему.

— Гм... Затвори дверь!.. Чтò болить?

— Голова, батюшка.

— Такъ... Вся, или только половина?

— Вся, батюшка... какъ есть вся...

— Головы такъ не кутай... Сними эту тряпку! Голова должна быть въ холодѣ, ноги въ теплѣ, корпусъ въ посредственномъ климатѣ... Животомъ страдаешь?

— Страдаю, батюшка...

— Такъ... А ну-ка потяни себя за нижнюю вѣрку! Хорошо, довольно. У тебя малокровіе... Я тебѣ капель дамъ... По десяти капель утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ.

Кузьма Егоровъ садится и пишетъ рецептъ:

«*Rr Liqor ferri* 3 гр. того, что на окнѣ стоитъ, а то что на полке Иванъ Якавичъ не велели безъ него распечатывать по десяти капель три раза въ день Марьи Заплагинной».

Старуха спрашиваетъ, на чемъ принимать капли, кланяется и уходитъ. Кузьма Егоровъ бросаетъ рецептъ въ аптеку черезъ окошечко, сдѣланное въ стѣнѣ, и вызываетъ слѣдующаго больного.

— Тимошей Стукотей!

— Здѣсь!

Въ пріемную входитъ Стукотей, тонкій и высокій, съ большой головой, очень похожий издалека на палку съ набалдачникомъ.

— Чтò болить?

— Сердце, Кузьма Егорычъ.

— Въ какомъ мѣстѣ?

Стукотей показываетъ подъ ложечку.

— Такъ... давно?

— Съ самой Святой... Давеча пѣшкомъ шелъ, такъ разовъ десять садился... Знобитъ, Кузьма Егорычъ... Въ жаръ бросаетъ, Кузьма Егорычъ.

— Гм... Еще чтò болить?

— Признаться сказать, Кузьма Егорычъ, все болить, ну, а ужъ вы лѣчите одно сердце, а насчетъ другаго

прочаго—не безпокойтесь... Другое пусть бабы лѣчатъ... Вы мнѣ спиртику какого-нибудь дайте, чтобъ къ сердцу не подкатывало. Къ сердцу все это такъ подкатываетъ, подкатываетъ, а потомъ какъ подхватить, значитъ, вотъ въ это самое мѣсто, какъ подхватить, такъ и... того... Спиницу дереть... Въ головѣ точно камень... И кашель тоже.

— Appetitъ есть?

— Ни Боже мой...

Кузьма Егоровъ подходитъ къ Стукотею, нагинаяетъ его и давить ему кулакомъ подъ ложечку.

— Этакъ больно?

— Ой... ой... ввв... Больно!

— А этакъ больно?

— Ввв... Смерть!

Кузьма Егоровъ задаетъ ему нѣсколько вопросовъ, думаетъ и зоветъ на помощь Глѣба Глѣбыча. Начинается консилиумъ.

— Покажи языкъ!—обращается Глѣбъ Глѣбычъ къ больному.

Больной широко раскрываетъ ротъ и вываливаетъ языкъ.

— Высунь больше!

— Больше невозможно, Глѣбъ Глѣбычъ.

— На этомъ свѣтѣ все возможно.

Глѣбъ Глѣбычъ смотритъ нѣкоторое время на больного, о чемъ-то мучительно думаетъ, пожимаетъ плечами и, молча, выходитъ изъ приѣмной.

— Должно-быть, катарръ!—кричитъ онъ изъ аптеки.

— Дайте ему *olei ricini* и *ammonii caustici*!—кричитъ Кузьма Егоровъ.—Растирать животъ утромъ и вечеромъ! Слѣдующій!

Больной выходитъ изъ приѣмной и идетъ къ окошечку, ведущему изъ коридора въ аптеку. Глѣбъ Глѣбычъ наливаетъ треть чайнаго стакана касторки и подаетъ Стукотею. Стукотей медленно выпиваетъ, облизывается, закрываетъ глаза и третъ палець о палець, т.-е. проситъ заѣсть чѣмъ-нибудь.

— Это тебѣ спиртъ!—кричитъ Глѣбъ Глѣбычъ, подавая ему склянку съ нашатырнымъ спиртомъ.—Растирать животъ суконной тряпкой утромъ и вечеромъ... Посуду возвратить! Не облакачиваться! Отоиди!

Къ окошечку, закрывая ротъ шалью и ухмыляясь, подходитъ кухарка отца Григорія, Целагея.

— Что вамъ угодно-сь?—спрашиваетъ ее Глѣбъ Глѣбычъ.

— Кланялись вамъ, Глѣбъ Глѣбычъ, Лизавета Григорьевна и просила у васъ мятныхъ лепешекъ.

— Съ удовольствіемъ-ссъ... Для прекрасныхъ особъ женскаго пола на все готовъ-сь!

Глѣбъ Глѣбычъ достаетъ съ полки банку съ мятными лепешками и полбанки высыпаетъ въ платокъ Пелагеѣ.

— Скажите имъ,—говорить онъ:—что Глѣбъ Глѣбычъ улыбался отъ чувствъ, когда лепешки давалъ. Письмо мое получили?

— Получили и порвали. Лизавета Григорьевна любовью не занимается.

— Какая же она гризетка! Скажите ей, что она гризетка!

— Михайла Измученковъ!—вызываетъ Кузьма Егоровъ. Въ приемную входитъ «басъ» Михайла.

— Михайлѣ Ѳедотычу! Наше глубочайше! Что болитъ?

— Горло, Кузьма Егорычъ! Пришелъ къ вамъ, собственно говоря, чтобъ вы, съ вашего позволенія, относительно моего здоровья того... Не такъ больно, какъ убыточно... Черезъ болѣзнь пѣть не могу, а регентъ за каждую обѣдню сорокъ копеекъ вычитаетъ. За всюнощную вчера четвертакъ вычелъ. Нонче у господъ панихида была, пѣвчимъ дадено было три рубля, и на мою долю, чрезъ болѣзнь, ничего не досталось. И, съ вашего позволенія, относительно глотки могу вамъ предположить, что очень ужъ деретъ и хрипитъ. Точно у тебя въ горлѣ какой-то котъ сидитъ и лапами того... Кгм... Кгм...

— Отъ горячихъ напитковъ, стало-быть?

— Не могу сказать, отчего собственно болѣзнь моя призошла, но могу выразиться вамъ, что, съ вашего позволенія, горячіе напитки на теноровъ дѣйствуютъ, а на басовъ нисколько. Басъ отъ напитковъ, Кузьма Егорычъ, гуще дѣлается и представительнѣе... На басъ дѣйствуетъ простуда больше.

Изъ окошечка высовывается голова Глѣба Глѣбыча.

— Чего старухѣ-то дать?—спрашиваетъ Глѣбъ Глѣбычъ.—Желѣзо, что на окнѣ стояло, вышло. Я распечатаю то, что на полкѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не приказывалъ Иванъ Яковличъ! Сердиться будетъ.

— Чего же ей дать?

— Чего-нибудь!

«Дать чего-нибудь» на языкъ Глѣба Глѣбыча значитъ: «дать соды».

— Горячихъ напитковъ употреблять не слѣдуетъ.

— Я и такъ уже три дня не употребляю... У меня отъ простуды... Дѣйствительно водка хрипоту придаетъ басу, но отъ хрипоты октава, Кузьма Егорычъ, какъ вамъ извѣстно, лучше... Безъ водки нельзя нашему брату... Что за пѣвчій, ежели онъ водки не употребляетъ? Не пѣвчій, а одна только, съ вашего позволенія, прошія!.. Не будь у меня такой должности, я и въ ротъ бы ее, проклятую, не взялъ. Водка есть кровь сатаны...

— Вотъ что... Я дамъ вамъ порошокъ... Вы разведете его въ бутылкѣ и полощите себѣ горло утромъ и вечеромъ.

— Глотать можно?

— Можно.

— Очень хорошо... Досадно бываетъ, ежели глотать нельзя. Полощешь, полощешь, да и выплюнешь—жалко! И вотъ о чемъ я хотѣлъ васъ, собственно говоря, спросить... Я къ тому, какъ я животомъ слабъ, и по этой самой причинѣ, съ вашего позволенія, каждый мѣсяцъ кровь себѣ пуцаю и травку нюю, то можно ли мнѣ въ законный бракъ вступить?

Кузьма Егоровъ нѣкоторое время думаетъ и говоритъ:

— Нѣтъ, не совѣтую!

— Чувствительно вамъ благодаренъ... Славный вы у насъ цѣлитель, Кузьма Егорычъ! Лучше докторовъ всякихъ! Ей-Богу! Сколько душъ за васъ Богу молится! И-и-и!.. Страсть!

Кузьма Егоровъ скромно опускаетъ глазки и храбро прописываетъ *Natri bicarbonici*, т.-е... соды.

ОНЪ И ОНА.

Они кочуютъ. Одному только Парижу дарятъ они мѣсяцы, для Берлина же, Вѣны, Неаполя, Мадрида, Петербурга и другихъ столицъ они скупы. Они только въ Парижѣ чувствуютъ себя quasi-дома; для нихъ Парижъ—столица, резиденція, остальная же Европа—скучная, безтолковая провинція, на которую можно смотрѣть только сквозь опущенныя шторы Grand-hôtel'ей или съ авансены. Они не старые, но успѣли уже побывать по два, по три раза во всѣхъ европейскихъ столицахъ. Имъ уже надоѣла Европа, и они стали поговаривать о поѣздкѣ въ Америку, и будутъ поговаривать до тѣхъ поръ, пока ихъ не убѣдятъ, что у нея не такой ужъ замѣчательный голосъ, чтобы его стоило показывать обоимъ полушаріямъ. На улицахъ ихъ видѣть нельзя, потому что ѣздятъ въ каретахъ, ѣздятъ, когда темно, вечеромъ и ночью. До обѣда они спятъ. Просыпаются они обыкновенно въ плохомъ расположеніи духа и никого не принимаютъ. Принимаютъ они только иногда, въ неопредѣленное время, за кулисами или садясь за ужинъ. Ее можно видѣть на карточкахъ, которыя продаются. Но на карточкахъ она красавица, а красавицей она никогда не была. Карточкамъ ея не вѣрьте. Она уродъ. Большинство видитъ ее, глядя на сцену. Но на сценѣ она неузнаваема. Бѣлила, румяна, тушь и чужіе волосы покрываютъ ея лицо, какъ маска. На концертахъ то же самое.

Играя Маргариту, она, двадцатисемилѣтняя, морщинистая, тяжелая на подъемъ, съ носомъ, покрытымъ веснушками, выглядываетъ семнадцатилѣтней, стройной, хорошенькой дѣвочкой. На сценѣ она менѣе напоминаетъ самоѣ себя.

Если хотите ихъ видѣть, приобрѣтите право присутство-

вать на обѣдахъ, которые даются ей и которые иногда она даетъ передъ отъѣздомъ изъ одной столицы въ другую. Приобрѣсти это право легко только на первый взглядъ, добраться же до обѣденнаго стола могутъ только люди извѣстные и вездѣсущіе. Къ послѣднимъ относятся и рецензенты, пролазы, выдающіе себя за рецензентовъ, любители и цѣнители съ залитыми лисинами, попавшіе въ театральные завсегдатаи и блюдолизы, злата, сребра и родства ради. Обѣды эти выходятъ не скучные, для человѣка наблюдающаго—интересные... Раза два стоить пообѣдать. Извѣстные ѣдятъ и говорятъ. Поза ихъ вольная; шея на одинъ бокъ, голова на другой, одинъ локоть на столѣ. Старички даже ковыряютъ въ зубахъ.

Газетчики занимаютъ стулья, ближайшіе къ ея стулу. Они почти все пьяны и держатъ себя весьма развязно, какъ будто бы они знакомы съ ней уже сто лѣтъ.

Возьми они градусомъ выше, дѣло дошло бы до фамильярности.

Они острятъ громко, пьютъ, перебиваютъ другъ друга (при чемъ не забываютъ сказать «pardon»), произносятъ тосты и, видимо, не боятся сгруппить; нѣкоторые джентльменски, переваливаясь черезъ уголъ стола, цѣлуютъ ея ручку. Выдающіе себя за рецензентовъ менторски бесѣдуютъ съ любителями и цѣнителями. Любители и цѣнители молчатъ. Они завидуютъ газетчикамъ, блаженно улыбаются и нюютъ одно только красное, которое на этихъ обѣдахъ бываетъ особенно хорошо.

Она, царица бала, одѣта простенько, но ужасно дорого. Крупный брильянтъ выглядываетъ на шеѣ изъ-подъ кружевной оборочки. На обѣихъ рукахъ по массивному гладкому браслету. Прическа въ высшей степени неопредѣленная: дамамъ нравится, мужчинамъ не нравится. Лицо ея сіяетъ и летитъ на всю обѣдающую братію широчайшую улыбку. Она, обтесавшаяся, выдрессированная, умѣетъ улыбаться всемъ сразу, говорить со всеми сразу, мило кивать головой; кивокъ головы достанется каждому обѣдающему. Посмотрите на ея лицо, и вамъ покажется, что вокругъ нея сидятъ одни только друзья, и что она къ этимъ друзьямъ питаетъ самое дружеское расположеніе. Въ концѣ обѣда она кое-кому даритъ свои карточки; сзади карточки пишетъ она тутъ же, за столомъ, имя и фамилію счастливчика-получателя и автографъ. Говоритъ она, разумѣется, по-французски, въ концѣ обѣда

и на другихъ языкахъ. По-англійски, по-нѣмецки она говоритъ плохо до смѣшного, но и эта плохость выходитъ у нея милой. Вообще она такъ мила, что вы надолго забываете, что она уродъ.

А онъ? Онъ, *le mari d'elle*, сидитъ отъ нея за пять стульевъ, много пьетъ, много ѣстъ, много молчитъ, катаетъ изъ хлѣба шарики и перечитываетъ ярлыки на бутылкахъ. Глядя на его фигуру, чувствуется, что ему нечего дѣлать, скучно, лѣнь, надоѣло.. Онъ бѣлокуръ, съ плѣшью, которая дорожками пробѣгаетъ по его головѣ. Женщины, вино, бессонныя ночи и тасканія по бѣлу свѣту бороздой проѣхали по его лицу и оставили глубокія морщины. Ему лѣтъ тридцать пять, но онъ на видъ старше. Лицо какъ бы вымоченное въ квасу. Глаза хорошіе, но лѣнивые. Онъ когда-то не былъ уродомъ, но теперь уродъ. Ноги дугой, руки землястаго цвѣта, шея волосистая. Въ своемъ фракѣ онъ напоминаетъ мокрую галку съ сухимъ хвостомъ. Обѣдающіе его не замѣчаютъ. Онъ платитъ тѣмъ же.

Попадите вы на обѣдъ, глядите на нихъ, наблюдайте и скажите мнѣ, что связало и что связываетъ этихъ двухъ людей? Она жена, онъ мужъ.. Глядя на нихъ, вы отвѣтите (разумѣется, приблизительно) такъ:

— Она—извѣстная пѣвица, онъ—только мужъ извѣстной пѣвицы. Она госпожа, онъ играетъ обиднѣйшую роль прихвостня. Она зарабатываетъ до восьмидесяти тысячъ въ годъ на русскія деньги, онъ ничего не дѣлаетъ. Ей нуженъ кассиръ и человекъ, который возился бы съ контрактами, договорами, антрепренерами. Она знаетъ съ одной только публикой, до кассы же, до прозаической стороны своей дѣятельности она не спускается, ей нѣтъ дѣла до нея. Слѣдовательно онъ ей нуженъ, нуженъ, какъ прихвостень, слуга. Она прогнала бы его, если бы умѣла управляться сама. Онъ, получая отъ нея солидное жалованье, какъ дважды-два — четыре, обкрадываетъ ее, заодно съ горничными, соритъ ея деньгами, кутитъ напропалую, быть-можетъ, прячетъ про черный день—и доволенъ своимъ положеніемъ. Онъ ушелъ бы отъ нея, если бы у нея не было денегъ.

Такъ думаютъ и говорятъ всѣ тѣ, которые смотрятъ на нихъ во время обѣдовъ. Думаютъ такъ и говорятъ, потому что, не имѣя возможности проникать въ глубь дѣла, могутъ судить только поверхностно. На нее глядятъ, какъ

на диву, отъ него же сторонятся, какъ отъ пигмея, а между тѣмъ эта европейская дива связана съ этимъ лягушенкомъ завиднѣйшей, благороднѣйшей связью.

Вотъ чтò пишетъ онъ:

«Спрашиваютъ меня, за что я люблю эту мегеру? Правда, эта женщина не стоить любви. Она не стоить и ненависти. Стоить она только того, чтобы на нее не обращали вниманія, игнорировали ея существованіе. Чтобы любить ее, нужно быть или мной, или сумасшедшимъ, чтò одно и то же.

«Она некрасива. Когда я женился на ней, она была уродомъ, а теперь и подавно. У нея нѣтъ лба; вмѣсто бровей, надъ глазами лежатъ двѣ едва замѣтныя полоски; вмѣсто глазъ, у нея двѣ неглубокія щели. Въ этихъ щеляхъ ничего не свѣтится: ни ума, ни желаній, ни страсти... Носъ картофелью. Ротъ малъ, красивъ, зато зубы ужасны. У нея нѣтъ груди и талии. Послѣдній недостатокъ скрашивается, впрочемъ, ея чертовскимъ умѣньемъ какъ-то сверхъестественно искусно затягиваться въ корсетъ. Она коротка и полна. Полнота ея обрюзгая. *En masse*, во всемъ тѣлѣ есть недостатокъ, который я считаю панважнѣйшимъ. Это полное отсутствіе женственности. Мышечную вялость и блѣдность кожи, обусловливаемую малокровіемъ, за женственность я не считаю и въ этомъ отношеніи расхожусь во взглядѣ съ весьма многими. Она не дама, не барыня, а лавочникъ съ угловатыми манерами: ходитъ—руками машетъ, сидитъ, положивъ ногу на ногу, покачиваясь взадъ и впередъ всѣмъ корпусомъ, лежитъ, поднявъ ноги, и т. д.

«Особенно характерны ея чемоданы. Въ нихъ чистое бѣлье перемѣшано съ грязнымъ, манжеты съ туфлями, новые корсеты съ изломанными. Мы никогда никого не принимаемъ, потому что въ нашихъ номерахъ грязный безпорядокъ... Посмотрите на нее въ полдень, когда она просынается и лѣниво выползаетъ изъ-подъ своего одѣяла, и вы не узнаете въ ней женщины съ соловьинымъ голосомъ. Непричесанная, съ перепутавшимися волосами, съ заспанными, заплавленными глазами, въ сорочкѣ съ продранными плечами, босая, косая, окутанная облакомъ вчерашняго табачнаго дыма, она отвратительна.

«Она пьетъ. Пьетъ она, какъ гусаръ: когда угодно и чтò угодно. Пьетъ уже давно. Если бы она не пила, она была бы выше Патти и, во всякомъ случаѣ, не ниже.

Она проишла половину своей карьеры и очень скоро пропьеть другую. Негодяи-яѣмцы научили ее пить пиво, и она теперь не ложится спать, не выдувъ на сонъ грядущій двухъ-трехъ бутылокъ. Если бы она не пила, у нея не было бы катарра желудка.

«Она невѣжлива, чему свидѣтели студенты, которые приглашаютъ ее на свои концерты.

«Она любитъ рекламу. Реклама обходится намъ ежегодно въ нѣсколько тысячъ франковъ, что не особенно дорого. Газетчики—добрый народъ, не берутъ много! Я всей душой презираю рекламу. Какъ бы ни была дорога эта глупая реклама, она всегда будетъ дешевле ея голоса. Жена любитъ, чтобы ее гладили по головкѣ, не любитъ, чтобы о ней говорили правду, непохожую на похвалу. Для нея купленный Иудинъ поцѣлуй милѣе некупленной критики. Полное отсутствіе сознанія собственнаго достоинства!

«Она умна, но умъ ея педовоспитанъ. Мозги ея давно уже потеряли свою эластичность: они покрылись жиромъ и спягъ.

«Она капризна, непостоянна, не имѣетъ ни одного прочнаго убѣжденія. Вчера она говорила, что деньги ерунда, что вся суть не въ нихъ, сегодня же она даетъ концерты въ четырехъ мѣстахъ, потому что пришла къ убѣжденію, что выше денегъ ничего нѣтъ на свѣтѣ. Завтра она скажетъ то, что говорила вчера. Она не хочетъ знать отечества, у нея нѣтъ политическихъ героевъ, нѣтъ любимой газеты, любимыхъ авторовъ.

«Она богата, но не помогаетъ бѣднымъ. Мало того, она недоплачиваетъ модисткамъ и парикмахерамъ. У нея нѣтъ сердца.

«Тысячу разъ испорченная женщина!

«Но поглядите на эту мегеру, когда она, намазанная, зализанная, въ три погребели стаятая, приближается къ рампѣ! Сколько достоинства въ этой лебединой походкѣ! Приглядитесь! Вотъ она поднимаетъ руку... Ея щелочки превращаются въ большіе глаза и наполняются блескомъ и страстью. Гдѣ вы въ другомъ мѣстѣ найдете такіе чудные глаза? Когда она, моя жена, начинаетъ пѣть, когда по воздуху пробѣгаютъ первыя трели, когда я начинаю чувствовать, что подъ наитіемъ этихъ чудныхъ звуковъ стихаетъ моя взбаломученная душа,—тогда поглядите на мое лицо... На лицѣ вы все прочтете.—«Не правда ли, она

прекрасна?»—спрашиваю я тогда своихъ сосѣдей. Они говорятъ «да», но мнѣ мало этого. Мнѣ хочется уничтожить того, кто могъ бы подумать, что эта необыкновенная женщина не моя жена. Я люблю тогда эту мегеру, эту медузу. Я все забываю, что было раньше, и живу только настоящимъ. Посмотрите, какая она актриса! Сколько глубокаго смысла кроется въ каждомъ ея движеніи! Она понимаетъ все: и любовь, и ненависть, и страсть, всю душу человѣческую... Недаромъ театръ дрожить отъ аплодисментовъ. По окончаніи послѣдняго акта я веду ее изъ театра, блѣдную, изнеможенную, въ одинъ вечеръ пережившую цѣлую жизнь. Я тоже блѣденъ и изнеможенъ. Мы садимся въ карету и ѣдемъ въ отель. Въ отелѣ она, молча, не раздѣваясь, бросается на постель. Я, молча, не раздѣваясь, ложусь рядомъ съ пей и цѣлую ея руку. Въ этотъ вечеръ она не гонитъ меня отъ себя. Вмѣстѣ мы и засыпаемъ, спимъ до утра и просыпаемся, чтобы послать къ чорту другъ друга и...

«Знаете, когда я еще люблю ее? Когда она присутствуетъ на балахъ и на обѣдахъ. И здѣсь я люблю въ ней замѣчательную актрису... Какой, въ самомъ дѣлѣ, нужно быть актрисой, чтобы умѣть пересилить свою природу такъ, какъ она пересиливаетъ! Я не узнаю ее на этихъ глупыхъ обѣдахъ... Изъ оцѣпанной утки она дѣлаетъ павлина...»

Это письмо написано пьянымъ, едва разборчивымъ почеркомъ. Писано оно по-нѣмецки и испещрено орфографическими ошибками.

Вотъ, что пишетъ она:

«Вы спрашиваете меня: люблю ли я этого мальчика?— Да, — иногда. За что?—Богъ знаетъ.

«Правда, онъ некрасивъ и не симпатиченъ. Такіе, какъ онъ, не рождены для того, чтобы имѣть право на взаимную любовь. Такіе, какъ онъ, могутъ только покупать любовь, даромъ же она имъ не дается. Онъ день и ночь пьянъ, какъ саложникъ. Руки его трясутся, что очень некрасиво. Онъ вѣчно оборванъ, хотя и не имѣетъ недостатка въ деньгахъ на платье. Когда онъ пьянъ, онъ брюжжитъ и дерется. Онъ бьетъ и меня. Когда онъ трезвъ, онъ лежитъ, на чемъ попало, и молчитъ. Половина моихъ сборовъ проскальзываетъ неизвѣстно куда съвозъ его руки. Никакъ не соберусь проконтролировать его. У несчастныхъ замужнихъ артистокъ ужасно дороги кассеры. Мужья за

свои труды получают полкасы. Тратитъ онъ не на женщинъ, я это знаю. Онъ презираетъ женщинъ.

«Онъ лѣнтивъ. Я не видѣла, чтобы онъ дѣлалъ когда-нибудь что-нибудь. Онъ пьетъ, ѣстъ, спитъ—и только!

«Онъ нигдѣ не кончилъ курса. Его исключили изъ перваго курса университета за дерзости.

«Онъ не дворянинъ и, что ужаснѣе всего,—нѣмецъ. Я не люблю господъ нѣмцевъ, потому что на сто нѣмцевъ приходится девяносто девять идиотовъ и одинъ гений. Последнее я узнала отъ одного приица, нѣмца на французской подкладкѣ.

«Онъ куритъ отвратительный табакъ.

«Если бы я не умѣла пѣть, онъ питалъ бы ко мнѣ отвращеніе, но теперь только не любитъ меня. Но у него есть и хорошія стороны. Онъ болѣе меня любитъ мое благородное искусство. Когда передъ оперой объявляютъ, что я по болѣзни пѣть не могу, т.-е. капризничаю, онъ ходитъ, какъ убитый, и сжимаетъ кулаки.

«Онъ не трусъ и не боится людей. Это я люблю въ людяхъ больше всего. Я расскажу вамъ маленькій эпизодикъ изъ моей жизни. Дѣло было въ Парижѣ, годъ спустя по выходѣ моемъ изъ консерваторіи. Я была тогда еще очень молода и училась пѣть. Кутила я каждый вечеръ на чемъ свѣтъ стоитъ. Въ компаніи, разумѣется. Въ одинъ изъ такихъ кутежей, когда я чокалась *avec mes princes et mes cheres comtes*, къ столу подошелъ очень красивый и незнакомый мнѣ мальчикъ и, глядя мнѣ прямо въ глаза, спросилъ: — «Для чего вы пьете?» Мы захохотали. Мой мальчикъ не смутился. Второй вопросъ былъ болѣе дерзокъ и вылетѣлъ прямо изъ души: — «Чего вы смѣетесь? Негодяи, которые спаиваютъ васъ теперь виномъ, не дадутъ вамъ ни гроша, когда вы пропѣете голосъ и станете нищей!» Какова дерзость? Компанія моя зашумѣла. Я же посадила мальчика-возлѣ себя, приказала подать ему вина. Оказалось, что поборникъ трезвости прекрасно пьетъ вино. Мальчикомъ я называю его только потому, что у него очень маленькіе усы. За его дерзость я заплатила бракомъ съ нимъ.

«Онъ больше молчитъ. Чаще всего онъ говоритъ одно слово. Это слово говоритъ онъ груднымъ голосомъ, съ дрожью въ горлѣ, съ судорогой на лицѣ. Это слово случается произносить ему, когда онъ сидитъ среди лю-

дей, на обѣдѣ, на балу... Когда кто-нибудь (кто бы то ни было) скажетъ ложь, онъ поднимаетъ голову и, не глядя ни на что, не смущаясь, говоритъ:—«Неправда!» Это его любимое слово. Какая женщина не любитъ блеска глазъ, съ которымъ произносится это слово? Я люблю и это слово, и этотъ блескъ, и эту судорогу на лицѣ. Не всякій умѣетъ сказать это хорошее, смѣлое слово, а мужъ мой произноситъ его вездѣ и всегда. Я люблю его иногда, и это «иногда», насколько я помню, совпадаетъ съ произнесениемъ этого слова. Впрочемъ, Богъ знаетъ, за что я его люблю.

Это письмо писано по-французски, прекраснымъ, почти мужскимъ почеркомъ. Въ немъ вы не найдете ни одной грамматической ошибки...

1882.

Оглавление

XVII ТОМА.

	стр
Ненужная побѣда	5
Корреспондентъ	91
Живой товаръ	108
Цвѣты запоздалые	142
Зеленая Коса. (Маленькій романъ)	182
Барыня	197
За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймашь	218
Папаша	223
За яблочки	230
Передъ свадьбой	237
Двадцать девятое іюня. (Шутка)	242
Сельскія картинки. Судъ	256
Пропашее дѣло. (Водевильное происшествіе)	261
Двадцать девятое іюня. (Разсказъ охотника)	266
Который изъ трехъ	274
Сельскіе эскулапы	281
Онъ и она	287

ADAM LUBOMIRSKI PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

F

24.113/
17